

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
МБУК «Музей истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова»

Л. М. ДАМЕШЕК, И. Л. ДАМЕШЕК, Т. А. ПЕРЦЕВА

СИБИРСКИЕ РЕФОРМЫ М. М. СПЕРАНСКОГО 1822 г.:

**ОПЫТ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНТЕРЕСОВ ЦЕНТРА И РЕГИОНА**

Монография

УДК 9(571.1/5)
ББК ТЗ(2Р5)4-03
Д16

*100-летию исторического факультета ИГУ
и памяти его выдающихся выпускников
Федора Александровича Кудрявцева, Семёна Федоровича Ковалёва,
Виктора Григорьевича Тюкавкина посвящается*

Научный редактор:
академик РАН Б. В. Базаров

Рецензенты:
д-р ист. наук Н. П. Матханова
д-р ист. наук В. П. Шахеров

Дамешек Л. М.
Д16 Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона: монография / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, Т. А. Перцева. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – 339 с.

ISBN 978-5-9624-1450-8

В предлагаемой монографии на материалах Сибири рассматривается вопрос о природе и зарождении имперского регионализма, его реформаторских возможностях, действиях и результатах, эволюции форм государственного управления Азиатской Россией и устройстве структур власти в восточных регионах империи. В центре исследования вопрос о взаимоотношениях центра и Сибири, о стратегических перспективах и приоритетах развития Азиатской России, осознании ее места, роли и значения в Российском государстве. Хотя книга посвящена истории реформаторской деятельности М. М. Сперанского в Сибири, она будет способствовать пониманию процесса формирования модели управления окраинами и ее вариантов. Исторический опыт осмысления подготовки и реализации первого в Российском государстве комплексного регионального законодательства будет полезен для разработки реформ местного управления и решения проблемы взаимоотношения центральных и региональных властей в современной России.

УДК 9(571.1/5)
ББК ТЗ(2Р5)4-03

ISBN 978-5-9624-1450-8

© Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А., 2017
© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	4
Введение	6
Глава 1. Сибирские реформы 1822 г. в отечественной и зарубежной историографии	8
Глава 2. «В Сибири случайно не оказываются...»	32
Глава 3. «Сибирский вопрос» в правительственной политике первой половины XIX в.	73
Глава 4. Административные преобразования в Сибири в начале XIX в.	101
4.1. Управление Сибирью в начале XIX в.	101
4.2. Ревизия и административная реформа М. М. Сперанского в Сибири (1819–1822 гг.)	130
Глава 5. Административная политика самодержавия в Сибири во второй четверти XIX в.	165
5.1. Генерал-губернаторская власть в Сибири во второй четверти XIX в.	165
5.2. Попытки реформирования административного устройства Сибирского региона в 20–40-х гг. XIX в.	190
5.3. Сибирская администрация и жандармское ведомство	211
Глава 6. Генерал-губернаторская власть в Азиатской России в системе окраинной политики империи второй половины XIX – начала XX в.	236
6.1. Специфика функционирования генерал-губер- наторской власти в Сибири в XIX–XX вв.	236
6.2. Наследники М. М. Сперанского. Социальный портрет	261
Заключение	272
Примечания	277
Приложение. Сибирские генерал-губернаторы XIX – начала XX в.	299

К читателю

Дорогие земляки! Перед вами книга, посвященная иркутскому периоду жизни одного из выдающихся государственных деятелей России XIX в. – Михаила Михайловича Сперанского. Его «сибирские реформы» сыграли огромную роль не только в развитии региона, они имели большое значение в масштабах всей страны. Уверен, что читателям будет интересно познакомиться с этим уникальным историческим опытом, переосмыслить его в разрезе сегодняшнего дня.

Всегда важно помнить свою историю. А нам, иркутянам, есть чем гордиться. Уже через считанные годы после своего создания Иркутск становится центром самостоятельного воеводства, в 1686 г. официально получает статус города. В 1722 г. Иркутск становится провинциальным центром, а в 1764 г. – губернским. В Иркутском адмиралтействе разрабатывались планы знаменитых северных экспедиций, там же они готовились и снаряжались. Иркутский генерал-губернатор претворил в жизнь идею присоединения Дальнего Востока «отныне и навечно» к России. Именно иркутские священнослужители стали распространителями православия на север Сибири, Дальний Восток, Аляску и в Калифорнию. На нашей земле были сформированы знаменитые иркутские полки, принесшие славу русскому оружию на Бородино, на полях Маньчжурии, Первой мировой и Великой Отечественной войн. В нашем суровом краю начались знаменитые на всю страну комсомольские стройки. И на всех этапах истории Прибайкалья ее административным, экономическим и культурным центром оставался Иркутск, отметивший в 2016 г. свое 355-летие. Более того, областной центр на протяжении всего своего существования обладал особым статусом в различных сферах: дипломатической, духовной, культурно-бытовой. И наряду с этим в один из своих исторических периодов принципиально отличался от всех остальных губернских и областных центров региона: на протяжении всего XIX и начала XX в. в Иркутске были сосредоточены сразу три уровня власти – городское самоуправление, губернская администрации и Восточно-Сибирское, впоследствии Иркутское, генерал-губернаторство. Также он являлся центром Иркутской епархии Русской православной церкви.

Открытие памятника М. М. Сперанскому в Иркутске.
25 ноября 2016 г.

Иркутяне должны иметь возможность больше знать о тех выдающихся людях, благодаря которым город рос и развивался. Михаил Михайлович Сперанский, безусловно, является звездой первой величины в списке этих замечательных имен. В честь графа названа центральная площадь города, и здесь же в конце 2016 г. был открыт памятник знаменитому реформатору. Издание этой книги также является данью уважения к известному государственному деятелю. Уверен, что этот трактат будет интересен широкому кругу читателей.

*Мэр города Иркутска
Дмитрий Бердников*

ВВЕДЕНИЕ

Имя выдающегося российского государственного деятеля Михаила Михайловича Сперанского неизменно привлекает к себе внимание широкой научной общественности и государственно-политических деятелей России. Выходец из семьи сельского священника, благодаря своим исключительным способностям и трудолюбию Сперанский в короткий срок сделал блестящую карьеру. Превратности судьбы – отставка, ссылка, недоверие власти и общества не сломили этого сильного духом человека. В конце жизни Сперанский дослужился до высших государственных постов, получил титул графа и был награжден высшими государственными орденами. Он по сей день является яркой звездой российской бюрократии, признанным реформатором и выдающимся юристом.

В историю российской юридической науки и практики Сперанский вошел как инициатор кодификации законов империи. Между тем многие поколения сибиряков чтят память Сперанского не только как составителя Свода и Полного собрания законов Российской империи, а прежде всего как сибирского генерал-губернатора.

Генерал-губернаторство Сперанского в Сибири было кратковременным, но впечатляющим по результатам. Сперанский управлял Сибирью в течение трех лет, с 1819 по 1822 г., из которых почти два года он провел непосредственно за Уралом. За этот короткий срок он произвел «обозрение» огромного края и ревизию его управления, составил для правительства содержательный отчет и подготовил обширные законодательные предложения. Отчет Сперанского и его проекты обсуждались в Сибирском комитете и после утверждения императором вылились в «Учреждение для управления Сибирских губерний» и ряд сопутствующих ему «Уставов». Сибирские реформы 1822 г. стали первым опытом комплексного регионального законодательства империи, основанного на геополитических особенностях Азиатской России. Они на длительный период определили структуру сибирской администрации и особенности местного управления, оформили правительственную политику в отношении коренного населения Сибири, оказали влияние на многие стороны жизни края. В отдельных частях законодательство 1822 г. сохраняло в Сибири силу до начала XX столетия. Все это делает реформу Сперанского одним из узловых вопросов истории Сибири. Истории разработки и проведе-

— ❧ —

ния в жизнь «Сибирского учреждения» 1822 г. и посвящена эта книга. Впервые авторы обратились к этой теме почти двадцать лет назад. Но тогда нас было четверо*. К сожалению, за эти годы ушёл из жизни наш друг и коллега Анатолий Викторович Ремнев. Свои взгляды на административную политику самодержавия в Сибири А. В. Ремнев изложил в двух монографиях, положенных в основу его докторской диссертации, защищенной в 1997 г. в Санкт-Петербургском филиале Института истории РАН. Позднее, уже после кончины А. В. Ремнева, в 2015 г. монографии были переизданы отдельной книгой его учениками и коллегами (См.: Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь в первой половине XIX в. Омск, 1995. 236 с.; Его же : Самодержавие и Сибирь: административная политика во второй половине XIX – начале XX в. Омск, 1997. 252 с. Его же : Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск, 2015. 574 с.). Мы сохранили в авторской редакции разделы книги, написанные А. В. Ремневым.

Авторы считают своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность Сергею Иннокентьевичу Дубровину – директору Музея истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова, знатоку истории и большому патриоту Иркутска, за организационно-методическую помощь при издании этой книги.

* М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма / отв. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск : Оттиск, 2002.

Глава 1

СИБИРСКИЕ РЕФОРМЫ 1822 г. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

За сто девяносто пять лет, которые отделяют нас от изучаемой эпохи, накопилось немало документальных публикаций и исследований. Историки, публицисты, мемуаристы неоднократно обращались к событиям 1819–1822 гг. Вокруг сибирской деятельности и реформ М. М. Сперанского шла, а отчасти и до сих пор идет оживленная дискуссия, даются различные оценки, сталкиваются идеи и мнения. Сибирская реформа 1822 г. стала, таким образом, заметной историографической темой, заслуживающей специального рассмотрения.

Сибирские преобразования 1822 г. были объектом изучения еще в рамках дворянской историографии. Произошло это в переломные моменты отечественной истории, когда падение крепостного права поставило перед всеми течениями русской общественной мысли вопрос о соотношении революции и реформ. В этих условиях интерес к личности и делам признанного реформатора Сперанского был вполне понятен. Вокруг имени Сперанского развернулась полемика, поводом к которой послужило двухтомное сочинение М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского», изданное в 1861 г.

Барон Корф был представителем высшей бюрократии николаевского царствования. Он лично знал Сперанского и служил под его началом во Втором отделении императорской канцелярии.

Ревизия и реформы Сперанского в Сибири рассматривались Корфом как эпизод из жизни этого деятеля, тем не менее книга Корфа давала значительный по тому времени фактический материал, довольно обстоятельное внешнее описание людей, дел, событий. Корф писал биографию Сперанского в условиях большого общественного подъема. И поскольку он повествовал о событиях сорокалетней давности, то мог позволить себе строго дозированную критичность. Это относится, в частности, к обрисованному им состоянию сибирской администрации до ревизии 1819 г. Из сочи-

нения Корфа широкая публика узнала о «деятельности» нижеудинского исправника Лоскутова, железной рукой зажавшего целый уезд; о том, как енисейский городничий прокатился по городу на чиновниках, осмелившихся просить начальство о его замене, и других подобных вещах¹.

Корф не без укоризны отметил заигрывания Сперанского с Аракчеевым, признал, что «Сибирское учреждение» готовилось торопливо, и т. д. «Смелость» Корфа отнюдь не противоречит его монархической концепции. Это составная часть его общего замысла. Злоупотребления сибирской администрации выступают у него как аномалия, как местное искривление, устранить которое и был послан Сперанский. Инициатива преобразования идет от императора, и задача Сперанского – обеспечить управление по «правде монаршей». Поэтому и оценка деятельности Сперанского как «поворотного столба» в сибирской истории² приобрела политическое звучание: власть сама осуществит реформы, когда в них назреет необходимость.

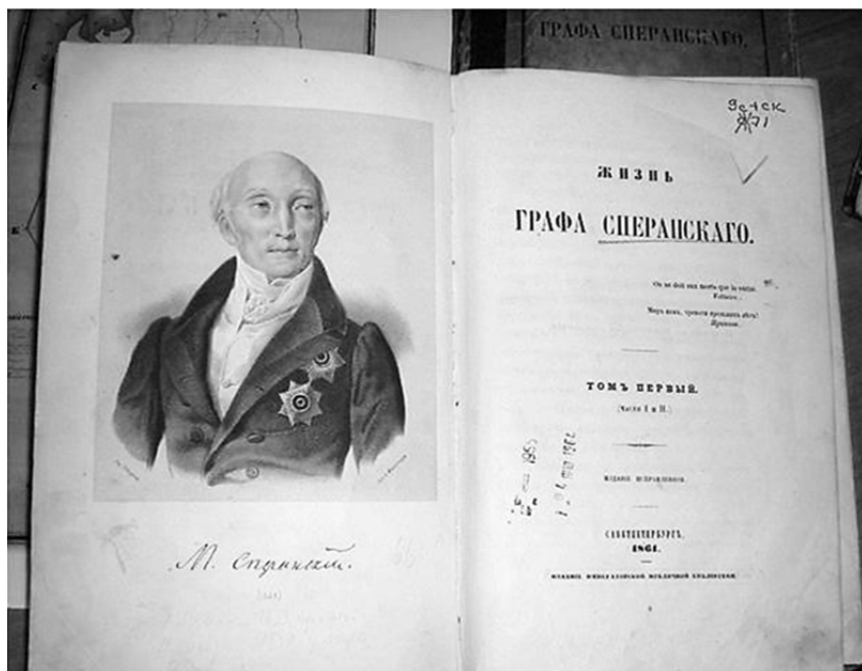
Н. Г. Чернышевский откликнулся на книгу Корфа статьей-рецензией «Русский реформатор». Хотя статья Чернышевского рассматривает деятельность Сперанского во всероссийском масштабе, она имеет значение и для сибирского периода. Для Корфа политическая программа Сперанского казалась радикальной, а для Чернышевского – более чем умеренной. Но и эти умеренные проекты преобразований Сперанский не мог осуществить. «Он совершенно забыл о характере и размере сил, какие были бы нужны для задуманных им преобразований, – подчеркнул Чернышевский, – поэтому он не успел исполнить ровно ничего и оказался «мечтателем»³. Для сравнения приведем еще высказывание А. И. Герцена, хотя оно и не связано прямо с книгой Корфа. «Чиновничество, – писал Герцен, – царит в северо-восточных губерниях Руси и Сибири; тут оно раскинулось беспрепятственно, без оглядки: Сперанский про-

М. А. Корф (1800–1876).
Автор сочинения «Жизнь графа
Сперанского»

бовал облегчить участь сибирского народа. Он ввел всюду коллегиальное начало; как будто дело зависело от того, кто как крадет – поодиночке или шайками. Он сотнями отрешал старых плутов и сотнями принял новых. Года через три чиновники наживались по новым формам не хуже, как по старым»⁴.

В последующие годы интерес к деятельности Сперанского не угас. Это объяснялось тем, что буржуазные реформы 60-х гг. мало коснулись Сибири. Сибирь продолжала жить по учреждениям и уставам 1822 г. В связи с этим перед прогрессивными кругами сибирской общественности встал вопрос об оценке преобразований Сперанского как в историческом, так и в современном политическом аспекте. Ответом на эту потребность явился изданный в 1872 г., к 100-летию реформатора, капитальный труд В. И. Вагина «Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г.».

«Жизнь графа Сперанского» М. А. Корфа в двух томах было опубликовано в 1861 г.

В. И. Вагин – уроженец и житель Сибири, сотрудничал в сибирской и столичной печати, был активным членом Сибирского, а затем Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, редактировал некоторое время газету «Сибирь».

Труд Вагина основан на изучении обширного круга источников, большую часть которых он впервые ввел в научный оборот. Наряду с традиционными источниками (отчет Сперанского в «Обозрении Сибири», законодательные акты 1822 г., «Обозрение главных оснований местного управления Сибири» и пр.) Вагин использовал некоторые материалы первого Сибирского комитета и многочисленные дела Главного управления Восточной Сибири, которые почти полностью были утрачены в результате иркутского пожара 1879 г. С фактической стороны сочинение Вагина до сих пор остается самым полным сводом данных о ревизии и реформах Сперанского в Сибири. Не случайно «Исторические сведения» указаны не только во всех российских, но и в зарубежных библиографических справочниках как одно из основных пособий при изучении вопроса. Практически нет ни одного автора, который, занимаясь данной проблемой, не опирался бы впоследствии на исследование Вагина.

В предисловии к книге В. И. Вагин скромно оценил свой труд как «материалы для истории, и при том далеко не полные». Авторская скромность, конечно, имела под собой некоторые основания. Однако «Исторические сведения» нельзя рассматривать только как материал для будущей истории. Это одно из самых крупных явлений в отечественной историографии вопроса.

Наряду с массой конкретных сведений монография Вагина дает анализ и оценку реформы 1822 г., ее предпосылок и значения.

Вагин, в отличие от Корфа, гораздо шире поставил вопрос о предпосылках реформы 1822 г. Корф, по существу, свел его к злоупотреблению «неблагонамеренных» чиновников в отдаленном крае и попечением «высшей власти» о «благ» сибирского населения. Вагин же рисует подробную картину общего положения Сибири и вводит в литературу популярный впоследствии сюжет борьбы двух партий – чиновничьей и местного купечества.

Он значительно детальнее своих предшественников раскрывает ход ревизии Сперанского, его распорядительную деятельность в качестве генерал-губернатора края. Вагин рассматривает

подготовку реформы, хотя из-за недоступности ему ряда важных источников эта сторона показана у него слабее.

Вагин дал довольно подробный анализ «Сибирского учреждения» и уставов 1822 г. Стоит отметить, что Вагин был знаком с ними не только как историк, но и как практик-администратор, знавший их в действии. Прослеживает Вагин и дальнейшую судьбу «Учреждения» Сперанского. «Исторические сведения» написаны не только большим знатоком прошлого Сибири, но и ее горячим патриотом. Поэтому угол зрения Вагина заметно отличается от подхода Корфа. Вагин увидел многие слабые стороны преобразований 1822 г. Он указал, в частности, на вырождение совещательных советов, введенных Сперанским, и вообще на несостоятельность принципа бюрократической коллегиальности. Вагин отметил нежизненность отдельных положений 1822 г. («Устав об устройстве сухопутных сообщений»). Но в целом Вагин дал деятельности Сперанского в Сибири положительную оценку и признал реформы 1822 г. одним из выдающихся событий сибирской истории. Он высоко оценил нравственное влияние личности Сперанского на сибирское общество. В то же время труд Вагина объективно ставил перед читателями вопрос о необходимости новых реформ, появления, так сказать, «второго Сперанского». Не случайно поэтому он привлек внимание сибирской общественности и вызвал оживленный обмен мнениями⁵. Особый интерес представляет в этой связи сочинение А. П. Щапова «Сибирское общество до Сперанского». По форме это рецензия, на деле же – большая и оригинальная статья, для которой труд Вагина явился частью источником, а частью – предметом полемики. Работа Щапова создавалась на последнем этапе его творческого пути и отражала хотя и противоречивый, но в целом, безусловно, демократический подход к оценке исторического процесса. Щапов поставил две главные проблемы: состояние сибирского общества накануне реформ Сперанского и оценка этих реформ. Он дал хотя эскизно, но яркими мазками панораму сибирской жизни конца XVIII – начала XIX в. Исходя из своих общих представлений об особенностях Сибири, Щапов полагал, что характерной чертой сибирского населения было хищническое стремление к наживе, «эгоистические инстинкты», как назвал их историк. Общий колорит сибирской жизни и нравов он изобразил довольно мрачными красками.

Носителями «эгоистических инстинктов» Щапов признавал, в первую очередь, сибирское купечество, хотя находил их и в других условиях. В соответствии с этим он гораздо резче, чем Вагин, ставит вопрос о борьбе местной администрации и купечества и решает его с иных позиций. Вагин квалифицировал их борьбу как конфликт местной власти с «народной партией» в широком смысле. Щапов отказался признать за сибирским, точнее иркутским, купечеством роль выразителя народных интересов. Он утверждал, что в иркутском обществе в конце XVIII и начале XIX столетия главной действующей силой «была вовсе не демократическая сила массы городского населения, а буржуазная олигархия довольно могущественной купеческой партии»⁶. Подоплеку борьбы купечества с чиновничеством А. П. Щапов видел в экономике, связывал ее с «торговыми интересами». Они боролись за то, кому торговать с инородцами, «за преимущественное право эксплуатировать народ». Отметив, что сибирская администрация широко занималась торговлей с инородцами, Щапов указал, что интересы в этой сфере должны были столкнуться с купеческими, чиновничество или должно было действовать с купцами заодно, вступить с ними в союз, или же встретить оппозицию со стороны купеческой монополии и вести с ней борьбу»⁷. Щапов подчеркивал эксплуататорскую сущность буржуазии. Косвенно возражая Вагину, он писал: «Капиталистическое буржуазное состояние по самому существу своему не может допустить общественной равноправности и экономического равновесия низших, рабочих и промышленных сословий, составляющих источник обогащения, предмет эксплуатации, основание капиталистической общественной пирамиды»⁸. Щапову была, разумеется, совершенно чужда всякая идеализация сибирского чиновничества. Но он, однако, полагал, что из чиновника может, хотя и редко, выйти «фи-

В. И. Вагин (1823–1900),
публицист, историк,
общественный деятель

лантроп и просветитель Сперанский», «друг колодников и черни», своекорыстная же буржуазия в состоянии только угнетать народ. Исходя из этого, историк дал в общем положительную оценку преобразованиям Сперанского в Сибири и нравственному влиянию его личности на местное общество. Щапов отметил, что Сперанский обнаружил в Сибири «полнейшее господство чиновничьего самовластия и деспотизма». «Чтобы в корне пресечь развитие всего этого зла, Сперанский, как реформатор по призванию, ввел так называемые «сибирские учреждения», с некоторым ограничением произвола администрации»⁹. Щапов высказал одновременно сожаление, что Сперанский ограничился тем, что ввел «новые лучшие административные учреждения в Сибири», но даже не намечал социально-экономической реформы. Исследователь не ставит вопроса о первоначальном замысле преобразований и их законодательной реализации в 1822 г. Он рассматривает реформы Сперанского в их окончательном виде и считает, что сибирское общество того времени было не в состоянии воспринять их. Он убежден, что «общеевропейская идея этих реформ, их гуманно-филантропическое направление до такой степени еще чужды были азиатскому умонастроению и буржуазно-эгоистическим наклонностям сибирского общества, что почти большинство современников Сперанского не поняли его и не умели надлежащим образом оценить его значение и влияние на Сибирь»¹⁰. Историко-графическое место статьи Щапова весьма значительно. Для автора характерно стремление оценивать реформы 1822 г. с точки зрения интересов трудящихся масс и защиты этих интересов.

Тема преобразований 1822 г. должна была, естественно, привлечь внимание областнической историографии и публицистики. Следует сказать, что областники также отталкивались от книги Вагина. Одним из первых откликнулся на нее крупнейший представитель общественной мысли Сибири Н. М. Ядринцев. Его статья «Сперанский и его реформы в Сибири» была опубликована в «Вестнике Европы», а затем с некоторыми вариациями вошла в знаменитую книгу «Сибирь как колония».

У Ядринцева нет принципиальных расхождений с Вагиным в оценке реформы, хотя общий тон Ядринцева более критичен. В целом совпадают структура работ и поставленные в них вопросы. В то же время следует сказать, что Ядринцев подошел к своей задаче в теоретическом плане глубже, чем Вагин.

Если у Вагина превалирует фактическая сторона дела, а оценка дается, как правило, одной-двумя фразами, то Ядринцев, опираясь на материалы Вагина, старается полнее подойти к теме с разных сторон. В качестве примера можно указать, в частности, постановку вопроса о произволе сибирской администрации, которую Н. М. Ядринцев наряду с другими причинами объяснил колониальным положением Сибири. Ядринцев подчеркивал, что местное общество даже в тяжелую пору правления Пестеля и Трескина «пыталось вести подземную борьбу». С легкой руки Екатерины II в правительственных сферах за сибиряками утвердилась репутация ябедников. Ядринцев вслед за Вагиным показал, что «донос» был своеобразной формой «борьбы против произвола, когда отняты были все средства гласности»¹¹. Итоги ревизии Сперанского в Сибири Ядринцев оценивал более чем скромно. «Причины злоупотреблений лежали не в людях, а в целой системе ... Ревизия осталась почти без последствий». Примерно так же оценивает Ядринцев и деятельность М. М. Сперанского на посту генерал-губернатора в Сибири. Он не соглашается с теми биографами Сперанского, которые, «увлекаясь личными качествами и достоинствами этого администратора», предполагали, «что одно пребывание Сперанского в Сибири уже могло изменить порядок дел». Так же как и Щапов, Ядринцев считал, что Сперанский не смог воздействовать на социально-экономическую жизнь Сибири. «Торговая кабала над инородцем и крестьянином до последнего времени составляет язву страны. Реформа Сперанского ничего здесь не сделала»¹².

Систему управления Сибири до Сперанского Ядринцев характеризует следующим образом: «Централизация здесь приводила к одним злоупотреблениям, а предоставление независимой власти начальникам на месте – к другим. Таков был давнишний сфинкс сибирской истории»¹³.

Задача Сперанского состояла в том, чтобы рассечь гордиев узел 200-летнего сибирского управления и навсегда прекратить злоупотребления. Только «ревизия Сперанского, хотя и лучшего человека своего времени», не помогла, поэтому, считает Ядринцев, нужно было устранить «причины зла» и «создать новые основания управления». Изложив разработанную Сперанским программу реформ управления, Ядринцев признает ее цели достойными уважения, но подчеркивает, что «при всех благих намерениях важнее всего их выполнение». Так он подходит к вопросу о путях, какими Сперанский

ранский стремился достичь цели. План преобразования Сперанского «основывался на введении коллегиального управления во всех частях вместо единоличного и опирался на взаимный контроль одних учреждений над другими». Ядринцев вполне согласился с Вагиным, что создание совещательных советов в системе местного управления «нисколько не ослабило исполнительной власти». Ядринцев справедливо отметил, что эти советы очень незначительно отличались от прочих присутственных мест в России, «принципиального же различия между ними не было». Замысел Сперанского он рассматривал как попытку защитить Сибирь от злоупотреблений путем «обыкновенной комбинации: при помощи зависимости одних чиновников от других». «В общем, – говорит Ядринцев, – изменения Сперанского были столь скромны и столь соответственны обыкновенному канцелярскому порядку, что прошли чрезвычайно легко». Исключение составлял только проект об освобождении заводских крестьян, отклоненный Сибирским комитетом. Поэтому вслед за Вагиным Ядринцев поставил вопрос: «Вышли ли проекты Сперанского в том виде, в каком они были представлены, или были значительно изменены?» Вагин, основываясь на рассказах старожилов, полагал, что «изданное учреждение о Сибири значительно разнится от первоначального проекта». По преданиям проект подразумевал «дать простор выборному началу» и устройству управления, гораздо более свободного от централизации, «учредить особый департамент Сената» для Сибири и т. д. Поэтому Вагин предполагал, что Сперанский увез из Сибири только черновой вариант проекта и уже в Петербурге, видя невозможность провести его целиком, решился на переделку. Однако Ядринцев, исходя из имевшихся в его время материалов, биографий, сведений и писем Сперанского, пришел к выводу, что нет оснований предполагать, что его проекты были изменены. Он предложил более простое объяснение. Сперанский, по его мнению, опасался, что «вследствие потери его влияния и вследствие оппозиции ему в Петербурге Аракчеева даже самые незначительные его проекты будут отвергнуты»¹⁴. Ядринцев отмечает, что изданное Сперанским «новое учреждение Сибирского управления не удовлетворило ожидания». Оно сразу же подверглось обвинению как из лагеря консерваторов, так и со стороны людей, ожидавших от Сперанского большей реформаторской инициативы. Вместе с Вагиным Ядринцев указал на очевидные противоречия между целями Сперанского и предложенными им

средствами. Программа Сперанского провозглашала «гласность и публичность действия власти, что никогда не было осуществлено». Аналогичное положение сложилось и с правом протеста со стороны советов управлений, которые на практике зависели от генерал-губернатора и чиновников. Важнейшим недостатком реформы Ядринцев, как и Вагин, считал отказ от идеи ввести «выборный элемент в высшее сибирское управление». Ядринцев пришел к заключению, что стремления Сперанского «ограничивались устранением произвола и взяточничества в администрации», поэтому он признал эти стремления до известной степени прогрессивными. Сперанский стремился к введению законности вместо прежнего произвола, хотя обстоятельства и не оправдали его ожиданий.

В заключение Ядринцев дает оценку административному учреждению Сперанского, основываясь на 50-летнем опыте его практического применения. «Мы не ошибемся, – замечает историк, – если скажем, что сибирские законы Сперанского никогда не действовали в полной силе. Некоторые части их даже не были приведены в исполнение». Он имеет в виду особые законы для суда над инородцами и особое сельское положение для суда крестьян, которые никогда не были изданы; показывает, что степные думы на практике подчинялись земским судам и сделались чем-то вроде волостных правлений. «Вмешательство земской полиции в дела инородцев, устраняемое Сперанским, явилось прежнее». «Устав об управлении инородцев» был, по мысли Ядринцева, «гуманным» и «замечательно доброжелательным по духу». «Однако он не мог осуществиться и повел только к недоразумениям». «Заселение ссыльными Сибири и приучение их к оседлости вовсе не удалось». «Сибирские генерал-губернаторы приобрели прежнюю силу и независимость, проявлялись отпрыски прежнего произвола и злоупотреблений». «Таким образом, даже те слабые предположения облегчения, к которым стремился Сперанский, не оправдались»¹⁵.

Однако Ядринцев отнюдь не склонен возложить за это на Сперанского единоличную ответственность. В этой связи он делает следующее глубокое замечание: «Невозможно было также, чтобы положение дел вдруг изменилось, потому только, что Сибири даны новые законы, тогда как все другие условия сибирской жизни остались по-старому». Следует подчеркнуть, что в оценке преобразований Сперанского Ядринцев исходил из общей концепции раннего областничества. Он смотрел на них глазами не только

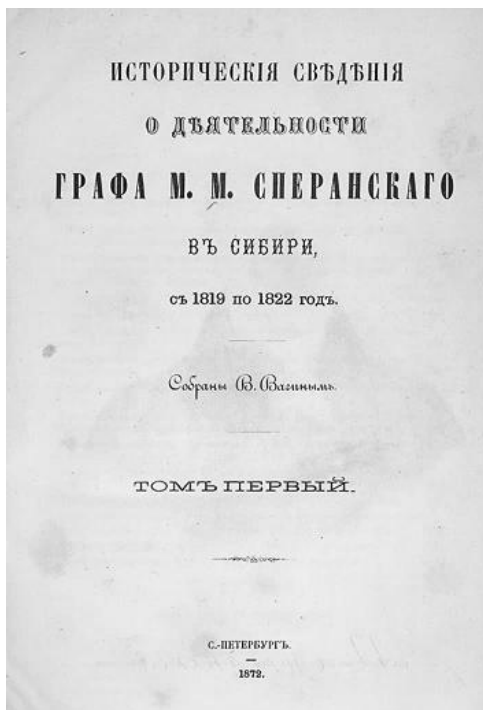
беспристрастного историка, но и общественного деятеля, убежденного в том, что учреждения 1822 г. «отжили свое время». Ядринцев был убежден, что Сперанский не достиг своих целей, так как «ошибки были допущены в принципе», он «слишком положился на одни официальные коллегиальные учреждения». Исходя из этого, Ядринцев развертывал не только критику этих учреждений, но и намечал областническую программу реформ в современной ему Сибири. Его воззрения в той или иной степени разделяли и другие представители областнического движения¹⁶.

Взгляды Ядринцева оказали влияние и на С. Прутченко, труд которого «Сибирские окраины» увидел свет в 1899 г. Вместе с тем на автора этой книги воздействовали и идеи «государственно-юридической школы». Это определило как сильные, так и слабые стороны исследования. Там, где речь идет о конкретном анализе законодательных актов, историк делает ценные наблюдения, тонко подмечает связи и преемственность между старыми и новыми учреждениями. Однако в общем представлении об эволюции управления Сибирью ощущается эклектический подход. Для историка-идеалиста было характерно преувеличение роли государственных учреждений и правовых установлений. С. Прутченко собрал большой материал по истории управления Сибирью с момента ее включения в состав России. Неурядицы сибирского управления до Сперанского он связывал с неспособностью центральной и краевой администраций учитывать своеобразие местных условий и потребностей. Проводя ревизию и расследуя многочисленные злоупотребления, Сперанский сблизился с неизвестной ему ранее жизнью Сибири, извлек «поучения из непосредственно полученного опыта»¹⁷. По мысли С. Прутченко, Сперанский пришел к выводу, что Сибирь нуждается в такой организации, которая «в себе самой находила бы достаточно энергии, знания, освоенности с местными условиями и силы для удовлетворения своеобразных нужд и потребностей края». «Сибирское учреждение» Сперанского вносило в русское законодательство признание необходимости областной организации внутри Российской империи¹⁸. Но практическое разрешение этого вопроса оказалось малоудачным. По разным причинам «Сибирское учреждение» было развернуто по схеме бюрократического управления. Суд остался в зависимости от администрации, органы самоуправления так и не были созданы¹⁹.

Подводя итоги изучения вопроса в дооктябрьский период, необходимо отметить, что он привлек внимание авторов различных идейных течений. Тема сибирских реформ 1822 г. входит в историческую литературу в связи с личностью Сперанского и трактуется Корфом в биографическом плане. Сибирь выступает у него полем для приложения реформаторских усилий Сперанского, а сам Сперанский изображается как исполнитель «воли монаршей». Труд Вагина смещает акценты, превращает вопрос о реформах 1822 г. в предмет собственно сибирской историографии. Этот подход углубляется и закрепляется Ядринцевым. Деятельность Сперанского в Сибири оценивается областнической мыслью с точки зрения нужд и потребностей края, интересов ее демократических слоев. Апологетика реформ сменяется их трезвой оценкой, показом противоречий между словом и делом, целями и результатами. Критика преобразований Сперанского в Сибири увязывается с программой областничества, выступает как одно из ее исторических обоснований. Этим определялись как достижения, так и слабости областнической историографии сибирских реформ 1822 г.

После Октябрьского переворота, в 20–30-е гг., советская историческая наука основное внимание сосредоточила на изучении истории народов Сибири как области, мало затронутой серьезными исследователями. В 40–50-х гг. усилия ученых направлялись главным образом на разработку проблем социально-экономической истории. Поэтому вопросы внутренней политики, текущего управления и реформ затрагивались в этот период или мимоходом, или в общих трудах по истории отдельных народов Сибири. Этим и объясняется то обстоятельство, что теме реформ 1822 г. до начала 50-х гг. не было посвящено ни одного специального исследования.

Отсутствие специальных работ не означает, однако, что изучение вопроса вообще стояло на месте. Уже в 20-е гг. были сделаны попытки дать новую оценку некоторых проблем, связанных с реформами 1822 г. Наиболее интересным опытом в этом отношении были работы С. В. Бахрушина по истории русской колонизации Сибири. Большая часть их хронологически относится к XVII в., но в статье «Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г.» он рассматривает одну из важнейших составных частей реформы 1822 г. – «Устав об управлении инородцев».

Сочинение В. И. Вагина до сих пор остается самым полным сводом данных о ревизии и реформах М. М. Сперанского в Сибири

Бахрушин, показывая колониальный характер правительственной политики в отношении коренного населения Сибири, сделал для этого документа определенные исключения и дал ему в целом высокую оценку: «Устав» остается важным памятником, свидетельствующим о добросовестной попытке урегулировать жизнь туземных масс в Сибири и их отношение с русскими колонизаторами». «С начала до конца, – писал С. В. Бахрушин, – «Устав» проникнут стремлением охранить не только экономическое благосостояние, но и самобытный строй туземцев. Автор «Устава», знаменитый Сперанский, по-видимому, понимал опасность административного вмешательства в жизнь туземных об-

ществ и стремился оградить их от такового». Историк отметил и обратную сторону «Устава» – стремление русского правительства «властвовать над туземцами посредством наследственных родовых князцов и старшин». В этом плане реформы Сперанского не меняли сути дела по существу. Продолжая традиции, унаследованные от XVII в., «Устав об управлении инородцев» охранял «привилегии туземной родовой знати различных племен»²⁰. Для С. В. Бахрушина характерно некоторое преувеличение позитивных элементов «Устава». Однако в советской историографии он первым указал на внутреннюю противоречивость памятника, на сплетение в нем прогрессивных и консервативных начал. Этот подход оказался плодотворным и был воспринят советской наукой.

Вопросы, связанные с реформами 1822 г., нашли отражение и в работе Ф. А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа». Автор рассматривает историю бурят не изолированно от русского и других народов Сибири, освещая попутно и общие проблемы сибирской истории. Это относится и к реформам Сперанского. Ф. А. Кудрявцев дал обзор положения Восточной Сибири накануне реформ, показал причины ревизии 1819 г. и вскрытые ею злоупотребления сибирской администрации. В связи с основной темой книги исследователь особое внимание уделил «иностранческому уставу». Как отмечает Ф. А. Кудрявцев, «Устав» 1822 г. обобщил и систематизировал то, что сложилось в процессе административной практики. К новым элементам, содержавшимся в нем, автор относит введения самоуправления и некоторых выборных должностей «иностранческих родоначальников». Исследователь указывает, что составители «Устава» исходили из таких положительных принципов, как ограничение административного вмешательства, упорядочение взимания сборов и податей и «ограничение личной власти иностранческих родоначальников». Оценивая нововведения Сперанского, Ф. А. Кудрявцев замечает, что «отдельные мероприятия против злоупотребления» сибирских сатрапов «частично и временно разряжали напряженную атмосферу административного произвола, но не затрагивали самой системы управления, создавшей почву для подобных злоупотреблений. Эта система определялась классовым характером крепостнического государства»²¹.

Первой послевоенной работой по нашей теме явилась опубликованная в 1950 г. статья А. И. Мурзиной «Реформы Сперанского в Западной Сибири». Автор сосредоточивает свое внимание на «Уставе об управлении иностранцев». Другие вопросы, связанные с преобразованиями 1822 г., освещаются эскизно. На первый план А. И. Мурзина выдвигает не анализ «Устава» как законодательного памятника, а вопрос о его проведении в жизнь на территории Западной Сибири²². Историк признает «Устав» «наиболее значительным из памятников законодательной деятельности Сперанского в Сибири» и напоминает об участии в его составлении будущего декабриста Батенькова. А. И. Мурзина отмечает «известную двойственность» «Устава». «С одной стороны, царизм оформил в этом законе свою политику опоры на местную полуфеодалную и родовую знать, в этом была сущность устава. С другой стороны, нельзя пройти мимо прогрессивных элементов в уставе». Автор

видит эти элементы в охране земельных и промысловых угодий, в обеспечении свободы вероисповедания и богослужения. Однако «Устав» 1822 г., по мнению А. И. Мурзиной, «не вносил существенных изменений во внутреннее устройство народов Сибири. Он скорее стремился сохранить самобытный строй народов Севера»²³. Таким образом, в общей оценке памятника А. И. Мурзина близка к С. В. Бахрушину. Обращаясь к проведению в жизнь «Устава» 1822 г., историк констатирует, что оно «вызывало большие трудности» и недовольство населения. Разделение коренных жителей на разряды было проведено местной администрацией неправильно, перевод части их в крестьянский оклад сопровождался усилением налогового гнета и ростом недоимок. Ясачная комиссия, посланная для изучения дел на месте, признала, что «в Западной Сибири племена инородцев разделены на разряды вопреки указаниям в Уставе, неосновательно и неверно, многие из сих племен в крестьянский оклад «вносились» без отбора состоятельных и несостоятельных»²⁴. Задержалось на долгое время и введение предусмотренной «Уставом» системы управления. А. И. Мурзина объясняет это различием в уровнях общественного развития народов Западной Сибири. У племен, сохранивших прочные родовые отношения, «введение управления в соответствии с Уставом особых трудностей не вызвало». Напротив, «разложение родового строя было основной причиной, в силу которой так медленно у обских угров создавались родовые управления и инородные управы»²⁵.

Стремление проследить реализацию положений 1822 г., выяснить их практическое воздействие на жизнь населения Сибири – положительная сторона работы А. И. Мурзиной. В то же время статья не свободна от некоторых упрощений и неточностей. Автор склонен подчас принимать временную последовательность явлений за их причинно-следственную связь. А. И. Мурзина считает, например, что «земские повинности, установленные Сперанским, являлись одним из тяжелых видов податей в XIX в. Не случайно поэтому появляется ежегодная недоимка по земским повинностям»²⁶. Но Сперанский отнюдь не устанавливал в Сибири этих повинностей, они существовали задолго до него и всегда были обременительны. «Положение» 1822 г. прямо не касалось и размеров земского обложения. Сперанский стремился только к четкой регламентации земских повинностей и способов их отнесения –

личным трудом или денежным сбором. Предполагалось, что перевод части натуральных обязательств в денежные сузит сферу административных злоупотреблений и облегчит положение населения. Связь между «Положением» Сперанского и ростом земских повинностей в 20–40-х гг. XIX в. гораздо сложнее, чем это представлялось А. И. Мурзиной.

В 50-х гг. реформы Сперанского рассматривались в работах Л. И. Светличной. Ее кандидатская диссертация не опубликована²⁷, но основные положения изложены в отдельных статьях, на которые мы и будем ссылаться.

Л. И. Светличная исходит из признания Сибири колонией Центральной России. Под влиянием хозяйственных связей с Европейской Россией в экономике Сибири складывались капиталистические тенденции. Однако благоприятные для буржуазного развития предпосылки (отсутствие крепостного права, богатые природные условия) сочетались здесь с военно-феодальными методами эксплуатации.

Коренную причину преобразований 1822 г. Л. И. Светличная ищет в экономической сфере, в сокращении государственных доходов от Сибири. Необходимо было изыскивать новые, более эффективные методы эксплуатации сибирской колонии. Все это требовало от правительства проведения общей ревизии Сибири и реформ во всех областях сибирской жизни. Сперанский, по мнению исследователя, заметил в Сибири тенденцию к капиталистическому развитию и, не меняя основ колониальной политики царизма, попытался приспособить эту тенденцию для более эффективной эксплуатации сибирской колонии²⁸.

«Если А. Н. Радищев и декабристы, – пишет Светличная, – стремились революционным путем поставить Россию на путь буржуазного развития, то либералы предлагали постепенное реформирование феодальной России в буржуазном направлении». Историк считает, что в первой четверти XIX в. выявились «симптомы колебаний в политике верхов». Боязнь революции обусловила оформление либеральной идеологии. Одним из представителей раннего либерализма и был Сперанский. Поскольку «либерализм в первой половине XIX в. был прогрессивным общественным течением, то и законопроекты М. М. Сперанского являются объективно-прогрессивными проектами». Л. И. Светличная отмечает «ограниченность буржуазных начал в преобразовательных

планах Сперанского» 1809 г. и еще большую осторожность его сибирских проектов. Вместе с тем историк полагает, что и в Сибири Сперанский «оставался деятелем объективно-буржуазного направления»²⁹.

Подтверждение этой мысли Л. И. Светличная ищет в «Уставе об инородцах». Как считает исследователь, «Устав» должен был в первую очередь поднять платежеспособность инородцев. «Но добиться этого Сперанский попытался путем реформирования всех сторон жизни коренных народов, почему «Устав» касался не только экономической стороны, но и административной, судебной, культурно-бытовой». Сперанский стремился ослабить патриархально-феодальные основы хозяйственного быта инородцев через поощрение товарно-денежных отношений. «Устав» подтвердил замену натурального ясака денежным налогом и вводил деление коренных народов Сибири на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Основным критерием для определения хозяйственной состоятельности инородцев становились земледелие и скотоводство, дававшее постоянный доход. «Конечной целью «Устава» был перевод кочевых и охотничьих народов в разряд оседлых, т. е. приравнивание инородцев к русскому населению Сибири»³⁰.

Историк отмечает, что «поразрядная система преследовала защиту финансовых интересов казны, так как кочевые народы вводились в более высокий оклад государственных крестьян». Она преследовала и ассимиляторные цели. «Но приравнивание коренных народов к русскому населению Сибири имело объективно-прогрессивное значение. Этот принцип положительным образом отличал «Устав» Сперанского от законодательства западноевропейских государств и США в отношении колониальных народов, которые подвергались национальной дискриминации». Сперанский стремился учесть национальные особенности инородцев, что и отразилось в статьях об управлении, торговле, религии, образовании³¹. Но Л. И. Светличная не согласна с утверждением С. В. Бахрушина о стремлении «Устава» к сохранению самобытности народов Сибири. По ее мнению, мероприятия Сперанского объективно должны были ослабить их родовое устройство, поощрить элементы нового, приравнять их к русскому населению³². Л. И. Светличная указывала на противоречивость «Устава», которая «обрекала на неудачу и его слабо выраженные прогрессивные элементы». Поразрядная система не всегда соответствовала уров-

ню и типам хозяйственного развития народов Сибири, а местное чиновничество, распределяя инородцев по разрядам, не смогло справиться со своей задачей. «Поэтому введение «Устава» отрицательно отразилось на положении инородцев. Возросло налоговое обложение каждой группы». Но в целом хозяйственное развитие сибирских народов после 1822 г. «подтвердило правильность направления, взятого «Уставом»³³.

Стремление рассматривать законодательство 1822 г. сквозь толщу социально-экономических процессов, в связи с ростом товарно-денежных отношений и формированием буржуазного уклада в Сибири – сильная сторона исследования Л. И. Светличной. Однако не все выдвинутые автором положения достаточно убедительны. Неправомерно сводить причины ревизии и реформ 1819–1822 гг. только к фискальным потребностям казны, хотя значение этого фактора и было, видимо, немаловажным. Автор склонен переоценивать уровень развития капиталистических отношений в Сибири начала XIX в., поэтому утверждение о союзе царизма с «обуржуазившейся верхушкой оседлых инородцев», будто бы закрепленном «Уставом» 1822 г., представляется, по меньшей мере, спорным. Л. И. Светличная не учитывает особенностей колониального положения Сибири, поэтому тезис о «военно-феодальной эксплуатации» и «ограблении колониальных народов» не получает мотивировки³⁴. Ссылка на рост налогов малоубедительна. Из материалов, приведенных самим автором, явствует, что податное обложение русского населения было выше инородческого. Несмотря на недостаточную аргументированность положений, работы Л. И. Светличной отличаются нешаблонным подходом и заслуживают внимания исследователей.

В 60-е гг. интересующий нас вопрос рассматривался в большой статье А. И. Парусова «Ревизия и реформа аппарата управления Сибири в 1819–1822 гг.». Статья примыкает к другим публикациям этого автора о местном управлении в России при Александре I. Работа основана на традиционных источниках и новых сведений фактического порядка не дает.

Обратившись к содержанию статьи, обнаружим противоречивость авторской позиции. Начав с утверждения, что ревизия и реформы 1819–1822 гг. «явились значительным событием в истории местного управления в России», историк посвятил всю работу доказательству обратного. В конечном счете он пришел к выводу,

что «ревизия Сперанского и последовавшая за ней реформа аппарата Сибири не произвели каких-либо радикальных изменений в крепостническом аппарате управления этой части Российской империи, но он был в какой-то степени усовершенствован и укреплен»³⁵.

Автор абстрагировался от социально-экономической обстановки в Сибири, и в этом, на наш взгляд, основной просчет историка. Предпосылки и содержание реформы рассматриваются А. И. Парусовым в чисто административной плоскости, хотя в работах советских исследователей уже были заложены основы более широкого подхода к проблеме. Что представляла собой Сибирь времен Сперанского? Как выглядел классовый и сословный состав сибирского населения? Каковы были главные тенденции экономического развития края? В каких переменах объективно нуждалась Сибирь? Осознавалась ли потребность изменений? В какой степени проведенные преобразования отвечали назревшим потребностям? Без ответа на эти и некоторые другие вопросы нельзя правильно понять место реформ 1822 г. в истории Сибири.

В построениях А. И. Парусова важную роль играет определение классового характера идеологии Сперанского. Историк не согласен с теми, кто видит в Сперанском представителя буржуазно-либерального течения. По его мнению, Сперанский в Сибири, как и в другие периоды своей деятельности, был только «выразителем интересов господствующего класса помещиков-крепостников и его политической диктатуры – царского самодержавия»³⁶. Обсуждение вопроса о характере общественно-политических взглядов Сперанского выходит за рамки наших задач. Но если и согласиться с утверждением А. И. Парусова, это мало подвинет нас вперед. Ведь историк не делал даже попытки выяснить, в чем конкретно заключались интересы крепостников в Сибири, где не было ни помещичьего землевладения, ни крепостного права, где в административном аппарате дворяне составляли весьма немногочисленную прослойку. А. И. Парусов не учитывает и относительной самостоятельности самодержавия, его способности к социальному лавированию, к определенным уступкам в сторону буржуазного развития, к экономическому и политическому маневру. Конечно, Сперанский действовал в Сибири как агент царского правительства, но ведь такими же агентами были и его предшественники, знаменитые «сибирские сатрапы».

Важным фактом историографии реформ 1822 г. является «История Сибири», которая представляет итог развития советского сибиреведения за полувековой период советской власти. Мы коснемся здесь только интересующих нас параграфов второго тома, автором которых является В. Г. Карцов³⁷.

Здесь следует оговориться, что освещение отдельной проблемы в рамках обобщающего труда имеет обычно свои плюсы и минусы, определенные характером такого издания. Данный случай не является исключением. Говоря о преимуществах, мы имели в виду, что впервые в нашей литературе реформы 1822 г. получили освещение как часть целостной концепции истории Сибири, показаны на широком фоне всей жизни восточной окраины. С другой стороны, автор и редакция стояли перед необходимостью тщательного отбора и ограничения конкретного материала, подачи его в оценочном плане. Требовать полноты и всесторонности изложения в этом случае, разумеется, нельзя. Наш разбор поэтому должен относиться к постановке и принципиальному решению проблемы.

«История Сибири» значительно шире, чем вся предшествующая литература по данному вопросу, вскрывает предпосылки реформ 1822 г. Дореволюционные исследователи сосредотачивали свое внимание на борьбе местных сил против административного произвола. Л. И. Светличная связывает преобразования Сперанского непосредственно с социально-экономическим развитием Сибири, укреплением товарно-денежных отношений и ростками капитализма в крае. В методологическом отношении «История Сибири» стоит на более точных позициях, связывая предпосылки реформ не непосредственно с экономикой, а с обострившейся на ее почве классовой борьбой в целом по стране и в Сибири в частности. Влияние на Сибирь войн России с наполеоновской Францией, волнения в Ишимском округе в 1812 г., на Колыванских заводах в 1813 г., заговор в Томске в 1814 г. и другие проявления социального протеста в Сибири следует, бесспорно, рассматривать как важные причины, заставившие Петербург назначить ревизию сибирского управления и начать подготовку реформ. Следует, однако, отметить, что, стремясь избежать узкотрадиционной трактовки вопроса, В. Г. Карцов допустил, на наш взгляд, определенное упрощение. Он отказался от характеристики борьбы купечества и администрации, вследствие чего ближайшая причина ревизии не получила должного освещения. Автор совершенно правильно ука-

зывает на борьбу двух тенденций развития Сибири: феодально-охранительной и буржуазно-либеральной. Время управления Пестеля и Трескина ознаменовались победой первой тенденции. Но в этом случае возникает вопрос: были ли генерал-губернаторство Сперанского и реформы 1822 г. победой буржуазно-либеральной тенденции или хотя бы благоприятным для нее компромиссом?

Поскольку В. Г. Карцов отказался от оценки роли местной буржуазии в общественной борьбе, развернувшейся в Сибири, он лишил себя возможности проследить отражение этой борьбы в реформах 1822 г.

Давняя традиция представляла Сперанского чуть ли не единственным автором всего законодательства 1822 г. Как в специальной работе о Батенькове, так и в «Истории Сибири» Карцов убедительно доказал, что Сперанский привлек к подготовке реформы «местные силы», широко использовал знания и опыт декабриста Г. С. Батенькова³⁸. Это, безусловно, важная заслуга исследователя. Вызывает, однако, удивление, что автор ограничился только упоминанием о расхождении между Батеньковым и Сперанским и отказался от раскрытия такого важного вопроса, как разница между первоначальными проектами преобразований и их законодательным оформлением в 1822 г. Это несколько умаляет сложность подготовки реформ. Думается, что автор имел возможность более широкого, чем это сделано в книге, сравнения проектов сибирских реформ с различными предложениями (в том числе декабристскими), относившимися к Сибири. Содержание проведенных реформ раскрыто автором с достаточной обстоятельностью, учитывая возможность издания. Как и большинство советских историков, Карцов особенно выделил из законодательства 1822 г. «Устав об управлении инородцев», разработанный в основном Г. С. Батеньковым. Он подчеркивает, что «Устав» решительно противостоит апартеистическим тенденциям Трескина и других представителей «феодально-охранительного направления». По характеристике автора, «Устав» «пресекал попытки местных властей изолировать коренное население Сибири от русского», способствовал развитию товарного ясака. «Устав» давал ясачным право отдавать своих детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Автор совершенно прав, когда утверждает, что это положение было глубоко прогрессивно для своего времени³⁹.

Существенное значение имеет и то обстоятельство, что Карцов довольно обстоятельно изложил историю издания степных законов, которые должны были представлять собой ряд прогрессивных продолжений «иностранческого Устава». На других составных частях реформы автор останавливается меньше, отмечая только, что ее «собственно-административная сторона выглядит значительно консервативнее». Карцов показывает, что «Устав о ссыльных» был хоть и мизерной, но единственно возможной попыткой хоть чем-нибудь улучшить положение ссылаемых.

Отмечая слабые стороны административных реформ, Карцов в то же время указывает, что перед страной тогда стояла задача буржуазных преобразований и, «становясь на их путь, авторы реформы так или иначе содействовали социально-экономическому развитию Сибири». Не возражая в принципе против этого утверждения, считаем нужным упомянуть, что тезис о буржуазном характере реформ 1822 г. нуждается в более солидном фактическом обосновании.

Очерк реформы 1822 г., данный в «Истории Сибири», является по существу единственной сводной работой советских историков на эту тему. Он показывает достижения советской историографии и одновременно помогает понять, что тема на тот момент была далеко не исчерпана.

Следует отметить вклад в разработку проблемы реформ 1822 г. и авторов данной монографии. В середине 1980–2000-х гг. они опубликовали ряд монографических исследований, посвященных конкретным вопросам реформ Сперанского в Сибири⁴⁰.

Зарубежная литература, в которой рассматривается деятельность Сперанского в Сибири, представлена несколькими монографическими исследованиями. Два из них принадлежат перу М. Раева, известного американского ученого. В главе VIII «Michael Speransky» – об «управлении русскими провинциями» – говорится в основном о Сибири, а в следующей, IX главе рассматриваются «проекты реформирования провинциальной администрации». Именно эти разделы монографии потребовали от Раева дополнительного изучения Сибири, что вылилось в отдельную работу «Сибирь и реформы 1822 г.».

Оба исследования основаны на солидной источниковой базе. Автор хорошо знаком с российской литературой, свободно ориентируется в ней. Очевидно, это обстоятельство позволило ему с горечью заметить, что «поглощенные драматическими сюжетами революционного и идейного движения, историки перестали серь-

езно изучать государственно-политическую эволюцию» России XVIII–XIX вв. Именно данный вывод заставил Раева прежде всего поставить вопрос об эволюции системы управления русскими окраинами и России в целом.

Если в начальный период русской Сибири она интересовала правительство прежде всего как источник меха, то к началу XIX в. в связи с изменениями в экономике Сибири становилось совершенно очевидно, что она «может предложить нечто большее, чем некоторое количество дорогих мехов», и что она может стать «большим, чем принудительной резиденцией для преступников и нежелательных лиц»⁴¹. Изменение взглядов на роль Сибири происходило наравне с изменением общегосударственной философии. Раев решительно подчеркивает свое несогласие с теми, кто считает, что в «1905 г. самодержавие было тем же самым, что и после Петра Великого в 1725 г.». Идеи Сперанского, по мнению Раева, оказали исключительное влияние на политическую эволюцию России. Не случайно именно ему, «одной из наиболее крупных фигур в истории России XIX в.», Александр I поручил на примере Сибири выявить все недостатки и трудности управления отдаленными регионами⁴².

Основную причину ревизии Раев видит в упадке платежеспособности Сибири, прежде всего в сокращении ясачных поступлений пушниной. «До тех пор, пока местные правители ухитрялись доставлять пушнину в должном количестве, центральная власть оставляла их в покое», – отмечает он.

Однако «отсутствие четких инструкций и правил деятельности» превратило сибирских губернаторов в «подлинных сатрапов». Отдаленность окраины от центра, отсутствие надзора и контроля, «ясно очерченных законов, норм и установленных гарантий» оставляли губернаторам «полную свободу действий»⁴³.

Итоги преобразовательной деятельности Сперанского в Сибири Раев оценивает очень высоко. О значении «Сибирского учреждения» американский историк говорит следующее: «Реформированная система управления, которая была введена в 1822 г., оставалась без серьезных перемен – базисом политической, социальной и экономической жизни Сибири вплоть до конца режима империи в 1917 г.»⁴⁴. С этим утверждением Раева трудно не согласиться.

В последней по времени появления монографии, принадлежащей перу Д. Стефана, вышедшей в Калифорнии в 1994 г., в комплексе рассматриваются основные вопросы истории Дальнего Во-

стока от появления там первых русских землепроходцев до наших дней. Тем не менее в первых двух главах автор высказал некоторые суждения по интересующим нас вопросам.

Д. Стефан прежде всего отметил, что по мере расширения территории русского государства, вхождения в его состав новых окраинных земель перед московским правительством прежде всего встала задача организации системы управления и административного устройства на новых территориях. Уже с самого начала «Москва пыталась усилить контроль в Сибири» путем деления этой территории на маленькие остроги, сменой воевод и насаждением бюрократического принципа соподчиненности местных администраторов⁴⁵. Не имея перед собой задачи специального изучения истории административного устройства на востоке России, Д. Стефан тем не менее точно подмечает, что Пестель был на посту генерал-губернатора более 10 лет и, проводя большую часть этого времени в Петербурге, оставил по себе недобрую память. Сперанский же «в течение короткого периода управления Сибирью» «представил рациональные идеи просвещения в сибирскую администрацию»⁴⁶. Цель этих «рациональных» идей Стефан видит прежде всего в четкой регламентации прав и обязанностей представителей местной администрации, в разделении функций и полномочий различных ветвей и ступеней властных органов⁴⁷.

Таким образом, на сегодняшний день потребность в новой монографической разработке вопроса о реформах 1822 г. ощущается достаточно явственно. Проводившееся в последнее время углубленное изучение вопросов внутренней политики имперского правительства открывает возможность нового подхода к теме. Следует указать, что интерес к преобразованиям Сперанского объясняется не только значимостью их содержания, но и тем обстоятельством, что реформы 1822 г. так или иначе связаны с проблемой реформирования аппарата власти в современной России. Изучение исторического опыта организации взаимоотношений центра и периферии в области управления и административного устройства приобретает несомненную общественно-политическую актуальность и практическую значимость.

Глава 2

«В СИБИРИ СЛУЧАЙНО НЕ ОКАЗЫВАЮТСЯ...»

В жизни некоторых людей, оставивших заметный след в истории, бывших на виду, возбуждавших любопытство окружающих и о которых, следовательно, казалось бы, известно все, тем не менее оказывается немало странного, противоречивого и даже таинственного. Пытаясь понять причины успехов такого человека, современники и потомки начинают искать в этих странностях и несоответствиях какие-то предзнаменования, вмешательство высших земных и неземных сил, создавая определенный миф, в котором реальная личность отступает на второй план и заменяется представлением о ней авторов этого мифа. И в зависимости от позиции пишущего один и тот же человек может стать носителем передовых идей или кровожадным честолюбцем; радетелем мира, спокойствия и постепенности или ретроградом и гонителем всего нового. В полной мере это относится и к личности Михаила Михайловича Сперанского, тем более что его биография представляет для этого множество возможностей.

Будущий реформатор родился в новогоднюю ночь 1772 г. (хотя сам до конца жизни был убежден, что был на год старше и во всех формулярах указывал год 1771-й) в семье бедного священника села Черкутино во Владимирской губернии. Отец его, Михаил Васильевич, принадлежал к семье потомственных священнослужителей этого села. Он не отличался особой грамотностью, но был человеком добрым и ревностно исполнял свои обязанности, за что был любим односельчанами. Правда, забота обо всех, как это часто случается в жизни, оставляла немного времени для семьи, отцовское влияние на мальчику почти не сказалось. Гораздо большим, особенно в эмоциональном отношении, было воздействие матери, Прасковьи Федоровны, на энергии и искренней, хотя и немногословной любви которой держался весь дом. А первый толчок в интеллектуальном развитии будущего государственного деятеля был дан его дедом Василием, научившим внука читать и привившим ему любовь к слову и книжной

премудрости. Уже в шестилетнем возрасте мальчик читал ослепшему деду «Часослов» и «Апостол».

Возможно, этим все и ограничилось бы, но семейство священника по своему особому положению в селе волей-неволей оказывалось связанным с владельцем имения. Черкутинским же помещиком был влиятельный и весьма образованный екатерининский вельможа, один из воспитателей великих князей граф Н. И. Салтыков. Среди его гостей, приезжавших в имение, оказался и законоучитель Александра и Константина Павловичей, обладавший просвещенным и независимым умом протоиерей А. А. Самборский. Сам сын небогатого сельского священника, не понаслышке знавший о рутинных традициях, царивших в этой среде, он обратил внимание на старшего сына черкутинского батюшки, отличавшегося серьезностью и смышленостью. Вероятно, именно он посоветовал отдать Мишу во Владимирскую семинарию.

В 1780 г. отец привез сына во Владимир и записал в инфиму (низший класс) духовной семинарии. Тогда же мальчик получил и свою многообещающую и ко многому обязывающую фамилию – Сперанский (от латинского *spero* – надеяться, следовательно – Надеждин). Владимирская духовная семинария ничем не отличалась от других подобных учебных заведений: те же шесть классов с одинаковым набором учебных дисциплин, латинская зубрежка, или «долбня», схоластическая методика и розги за малейшую провинность, а порой и без оной – для острастки. Сперанскому в известном смысле, повезло: природные способности и горячее стремление к узнаванию нового помогли с легкостью справиться с заданиями (в разборных ведомостях против его фамилии постоянно встречаются пометы «способен», «понятен», «доброго успеха»), положение келейника ректора семинарии игумена Евгения открывало доступ к его библиотеке и избавляло от излишних строгостей не в меру суровых наставников, а проживание на квартире родственников позволило избежать диких нравов бурсы, столь живописно показанных позже в романах и очерках многих русских писателей. Обычно такое особое положение человека вызывает ревнивое отношение со стороны сверстников и некоторую предвзятость начальства. Со Сперанским, однако, этого не произошло. Уже в детском возрасте проявилось это, столь удивлявшее впоследствии многих современников его умение ладить с самыми разными людьми, быть почти своим, например, и для декабристов, и для Аракчеева.

В декабре 1789 г. Михайла Сперанский вместе с двумя другими «надежнейшими в благонравном поведении и учении» владимирскими семинаристами Шиповским и Вышеславцевым был переведен в недавно учрежденную Александро-Невскую духовную академию, которая, по мысли Екатерины II, должна была готовить педагогические кадры для провинциальных семинарий. В отличие от семинарии, учебная программа академии, кроме привычных теологии, метафизики, риторики, включала в себя общие курсы математики, опытной физики, механики, истории, философии и современные иностранные языки. И хотя преподавательский состав, судя по отзывам Сперанского и его сокурсника, будущего педагога, поэта, издателя И. И. Мартынова, не отвечал уровню высшего учебного заведения, равно как и методика преподавания, но достаточно обширная библиотека, в которой была не только богословская, но и научная литература, в том числе и новейшие издания Вольтера, Дидро, Локка и др., предоставляла возможность удовлетворять жажду знаний тем, кто действительно к этому стремился.

Сперанский этой возможностью воспользовался в полной мере и стал одним из самых образованных людей своего времени. Он в совершенстве владел французским языком, но, в отличие от многих своих современников, не хуже знал и родной русский, в молодости даже не чужд был изящной словесности: его стихи «Весна», «К дружбе», «Мысли при колыбели младенца» были опубликованы в журнале «Муза». Однако любимым предметом Сперанского во время учебы была математика, в которой одной, по его мнению, заключались «положительные истины». По-видимому, именно отсюда проистекала строгая до педантичности логика его проектов и предложений: он выстраивал свои умозаключения по принципу математической задачи, добиваясь тем самым особой убедительности.

Эта склонность к систематизации и логической стройности оказывала влияние и на другие занятия студента. Беспорядочное прежде чтение того, что оказывалось доступным, сменилось планомерной, продуманной работой. Сознательно выбранные книги читались с пером в руке, из них делались выписки, которые собирались в обширные досье по самым разным предметам, хранившиеся долгие годы, и из которых по мере надобности извлекались нужные сведения.

Большой интерес вызывала у него классическая и современная философия. Знакомство с идеями французских просветителей нашло отражение в учебных проповедях, с которыми Сперанский, как и другие студенты, выступал в соборе Александро-Невской лавры. В одной из них, обращаясь к некоему абстрактному монарху (но подразумевая, по примеру некоторых русских просветителей, царствующую Екатерину II), он предупреждал: «Если сердце твое не познает обязательств человечества, если не сделаешь ему любезными милость и мир, не снизойдешь с престола для отречения слез последнего из твоих подданных, если твои знания будут только полагать пути твоему властолюбию, если ты употребишь их только к тому, чтоб искуснее позлатить цепи рабства, чтоб неприметнее положить их на человек и чтоб уметь казать любовь к народу, и из-под занавесы великодушия искуснее похищать его стяжание по прихоти твоего сластолюбия и твоих любимцев, чтоб поддержать всеобщее заблуждение, чтоб изгладить совершенно понятие свободы, чтоб сокроуеннейшими путями провести к себе все собственности своих подданных, дать чувствовать им всю тяжесть своей десницы и страхом уверить их, что ты более, нежели человек, тогда со всеми своими дарованиями, со всем сим блеском ты будешь только – счастливый злодей; твои ласкатели внесут имя твое в список умов величайших, но поздняя история черною краскою прибавит, что ты был тиран твоего отечества».

Некоторые историки находят в этой проповеди отголоски мыслей героя из главы «Спасская Полесь», незадолго до того запрещенной книги А. Н. Радищева. Прямых доказательств, что Сперанский успел тогда прочесть это произведение, до сих пор не найдено, но определенная схожесть структуры, близость стиливых приемов, переключки некоторых речевых оборотов у обоих авторов, а также то обстоятельство, что два его самых близких друга студенческой поры – И. И. Мартынов и П. А. Словцов – были знакомы с «Путешествием из Петербурга в Москву», не позволяют исключить такую возможность. И хотя ему, по всей вероятности, были чужды крайности «бунтовщика» Радищева и революционные потрясения вовсе не казались естественными и допустимыми, но сочетание логики объяснений и доказательств своей точки зрения со страстной непримиримостью ко всякому злу, безусловно, вызывали уважение, а тяжелое наказание, которому тот подвергся, – сочувствие. Впрочем, студенческие проповеди не пользовались

популярностью в обществе, и на речь Сперанского никто, кроме друзей, не обратил в то время внимания.

Новые занятия и увлечения, носившие в значительной мере светский характер, все более отвлекали молодого человека от того, что, казалось бы, было предназначено ему и по его происхождению, и по образованию. Еще в четырнадцатилетнем возрасте он в смятении записал в своем календаре: «Боже мой, научи меня любить тебя, моего творца. Я сам себя едва понимаю»⁴⁸. Сомнения, естественные в юном возрасте почти для каждого, не означали, что он «тайно восставал против самого Бога», и еще менее, что «и в первой молодости уже отвергал бытие его», в чем позже обвиняли его явные и тайные недоброжелатели⁴⁹. Трудно предположить, что провинциальный подросток смог обмануть всех наставников и во Владимирской семинарии, и в Петербургской академии, в том числе и покровительствующего ему митрополита Гавриила, слывшего в столице «знатоком душ». Думается, в оценке религиозности Сперанского более всего был прав Г. С. Батеньков, близко его знавший и некоторое время даже живший под его кровом. 31 марта 1826 г., отвечая на вопросы Следственного комитета по делу декабристов, он заметил: «Сперанский набожен и добродетелен, но мало исполняет обряды»⁵⁰. Именно такое отношение было характерно для многих образованных людей второй половины XVIII в., воспитанных в рационалистических традициях.

Жизнь в Петербурге действительно предъявила Сперанскому соблазны и открыла новые возможности. К концу учебного курса юноша уже понимал, что духовная стезя его не привлекает. Вряд ли хотелось ему и возвращаться в провинциальный Владимир, что он должен был сделать по правилам академии: она готовила преподавательские кадры именно для тех учебных заведений, откуда прибывали семинаристы. Однако ему снова повезло. Петербургский митрополит Гавриил, внимательно приглядывавшийся к перспективным студентам, обратился в Священный синод с ходатайством об «оставлении его преподавателем Санкт-Петербургской семинарии» в качестве учителя математики, и эта просьба была удовлетворена. Позже Сперанскому были поручены также курсы физики и риторики. По последнему молодой наставник даже написал «Правила высшего красноречия», долгое время пользовавшиеся большой популярностью у семинаристов. Опубликованная в 1844 г., эта работа получила одобрительную рецензию

одного из самых авторитетных в тот период критиков – В. Г. Белинского, отметившего, что уже в этом раннем произведении будущего реформатора присутствовали не только конкретные утилитарные рекомендации, но и попытка психологического обоснования предполагаемых действий и общественных явлений, исходившая из человеческой природы. Любопытно, что в этих рассуждениях Сперанский отдавал предпочтение не разуму, а эмоциям и страстям. Столь рано проявившееся несоответствие между внутренними потребностями души и внешними проявлениями обыденной жизни позже, возможно и неосознанно, отмечалось многими мемуаристами. Наверное, это мешало его общению с окружающими и не позволяло быть в ладу с самим собой. Среди его многочисленных знакомых очень мало было людей, кому он, пусть и не безусловно, доверял и рядом с кем чувствовал себя свободно и непринужденно.

Думается, что столь противоречивый характер, помимо, конечно, заложенных в нем от природы черт, сложился под влиянием некоторых объективных и субъективных обстоятельств. Родившись в семье потомственных священнослужителей и постоянно (и дома, и в семинарии) вращаясь в этой среде, Сперанский не мог не воспринять присущего этому сословию отношения к Слову как некоему сакральному откровению, предписывающему определенные нормы мыслей и поведения. Однако в России XVIII в., в связи с секуляризацией культуры, роль церкви в нравственном наставничестве постепенно переходит к светской литературе. А в ней в тот период, когда происходило формирование личности молодого человека, шел процесс перехода от классицизма к сентиментализму, а затем и к романтизму. В результате конец XVIII в. породил людей, для которых были характерны смешение рассудочности и чувствительности, разделение жизни человека на внутреннюю, духовную, в которую допускаются только немногие избранные (тем более что мир несовершенен и не всем дано понимать движения другого), и внешнюю, публичную, где главное – соблюдение правил. Воспринимаемые как своеобразные антиподы и политические противники, Сперанский и Карамзин при внимательном рассмотрении оказываются довольно похожими в их взаимоотношениях с окружающими.

Подобное отношение усугублялось еще и самим положением Сперанского. С детства он оказался в каком-то промежуточном

состоянии, не принадлежа ни к бесправному большинству, ни к привилегированному меньшинству. Наблюдая отношения отца с паствой и хозяином имения, к которому относился его приход, мальчик рано понял, что его статус и благосостояние зависят не от первых, а от последнего. То же он увидел позже и в семинарии: не только его способности и успехи в учебе, но и благоволение к нему сначала игумена Евгения, а потом митрополита Гавриила помогло ему, сыну заштатного священника, получить приличное образование и хорошее место в начале его служебной карьеры. Сперанский понял, что для него, не защищенного дворянскими привилегиями и не обеспеченного материально, необходима протекция сильных мира сего. Получить же ее могли помочь не независимость и самостоятельность в суждениях и действиях, а знание и точное соблюдение норм и правил, сложившихся в том обществе, в котором он хотел занять достойное, по его понятиям, место. Впрочем, и самоискательство протекции, и нарочитая почтительность, в том числе лесть и угодничество, разумеется, выражаемые прилично, были обычными и привычными даже для дворян, своего рода нормой поведения для начинающих службу. Сознание, что он обладает незаурядными способностями, как казалось Сперанскому, вполне в духе господствовавшего тогда просветительства, накладывало на него обязанность их реализации и, следовательно, придавало его притязаниям не лично-корыстный, а общественно значимый характер. Высокое место в служебной иерархии давало возможность принести большее общественное благо, а это, как считали многие в то время (как, впрочем, и позже), оправдывало многое, если не все. В начале своего жизненного пути Сперанский действительно верил в свою избранность, и успешное, к тому же довольно быстрое продвижение вверх укрепляло его в правильности используемых средств.

Карьера Сперанского в Александровской академии складывалась довольно успешно. Через три года, в апреле 1795 г., он был назначен учителем философии и одновременно префектом семинарии, в обязанности которого входил надзор за младшими учениками, с окладом в 275 руб. в год. Но это уже не удовлетворяло молодого человека ни в интеллектуальном, ни в материальном отношении. И именно в этот момент он получил предложение занять должность домашнего секретаря для ведения переписки на русском языке при князе А. Б. Куракине, влиятельном екатери-

нинском вельможе, занимавшем должность управляющего третьей экспедицией в Сенате. Блестящие способности и всегда ровное, услужливое и тактичное поведение нового сотрудника пришлось по душе Куракину, еще более упрочившему свое положение при новом императоре Павле I, и он предложил Михаилу Михайловичу перейти в статскую службу. Митрополит Гавриил, в свое время согласившийся, чтобы его протекже совмещал свои новые обязанности с преподавательской деятельностью в академии, пытался отговорить его от этого шага, убеждая принять монашество и обещая в недалеком будущем архиерейский сан. Нельзя сказать, что решение полностью изменить свою жизнь далось Сперанскому легко. На то, что он долго размышлял и колебался, указывают и шутливые стихи П. А. Словцова, с которым, видимо, он поделился своими сомнениями:

Полно, друг, с фортуною считаться
И казать ей философский взор,
Время с рассуждением расстаться,
Если счастье катит на двор.
Лучше с светом в вихрь тебе пуститься
И крутиться по степям честей,
Чем в пустыню с Прологом забиться
И посохнуть с горя без людей.
Веет ветер вам благоприятный:
Для чего ж сидеть бы взаперти?
Для чего вдаваться мысли скучной,
Что застанет буря на пути?
Правильно ты весил света муку,
Тяжесть золотых его цепей;
Но ты взвесил ли монахов скуку,
И сочел ли, сколько груза в ней?⁵¹

И для таких сомнений действительно были определенные основания: происхождение, заложенные средой привычки, сложившийся круг общения, свойственная всем людям склонность к «инерции накатанного пути» подсказывали согласиться с доводами пастыря, уже сделавшего для него немало хорошего и тем доказавшего свое искреннее доброжелательство. Но в голове скромного семинарского учителя уже поселилась мысль о том, что «когда великая ось правления обращается в наших очах, когда сильные пружины, дающие движение политической системе, перед нами открыты, когда в обществе нет ничего столь великого, что бы от нас было скрыто, на какую высоту не всходят тогда наши понятия?»⁵².

Александровская духовная академия,
в которой учился М. М. Сперанский

Назначение его светского начальника, к тому же весьма в нем заинтересованного, генерал-прокурором Сената, т. е. практически вторым лицом в государстве, открывало перед ним новые возможности. 20 декабря 1796 г. Сперанский подал митрополиту Гавриилу прошение об увольнении из академии, а 2 января 1797 г. был зачислен в канцелярию генерал-губернатора и получил, не совсем, правда, законно, чин титулярного советника и 750 руб. жалованья.

В последующие пять лет новоиспеченный чиновник буквально взлетел по служебной лестнице, достигнув генеральского чина – действительного статского советника. Это тем более удивительно, что в этот короткий срок через должность генерал-прокурора вслед за Куракиным последовательно прошли П. В. Лопухин, А. А. Беклешов и П. Х. Оболянинов. Каждый из них, естественно, с недоверием относился к любимцам предшественника, но к Сперанскому это не относилось. Он сам впоследствии рассказывал: «При всех четырех генерал-прокурах, различных в характерах, нравах, способностях, был я, если не по имени, то на

самой вещи, правителем их канцелярии. Одному надобно было угождать так, другому иначе; для одного было достаточно исправности в делах, для другого более требовались: быть в пудре, в мундире, при шпаге, и я был – всяческая во всем»⁵³. Однако мотивация подобного поведения, данная Михаилом Михайловичем в частном письме и, значит, не предназначенная для общественного самооправдания, не позволяет полностью согласиться с многочисленными обвинениями его в лицемерии, беспринципности и безудержном карьеризме. «Наука различать характеры и приспосабливаться к ним, не теряя своего, – писал он, – есть самая труднейшая и полезнейшая в свете. Тут нет ни книг, ни учителей; природный здравый смысл, некоторая тонкость вкуса и опыт – одни наши наставники»⁵⁴. Думается, «не потерять своего» всегда было очень важно для Сперанского, к средствам же, которые позволяли это сделать, он, как и большинство «сынов осьмнадцатого века», относился без особой щепетильности.

Деятельность будущего реформатора в этот период еще не носила серьезного политического характера. Главное его внимание было направлено на регламентацию и организацию работы вверенной ему канцелярии и составление и редактирование разного рода официальных бумаг по заданию очередного начальника или самого императора. В большинстве своем эти указы и распоряжения носили частный, порой даже случайный характер, они вовсе не представляли собой части некоего единого плана государственных преобразований, но давали возможность получения определенных навыков, нужных знаний в новых для него областях системы государственного управления и создавали ему репутацию нужного и полезного человека. Так, например, в начале 1800 г. по повелению Павла I, проконсультировавшись с членами Петербургской биржи и опираясь на опыт французских экономистов, он написал «Коммерческий устав Российской империи», который «Обольянинов прочитал императору. Павел подмахнул: «Быть по сему» – и наградил всю канцелярию»⁵⁵.

Следует, правда, отметить, что Сперанский не обманывался на счет значимости того, что ему в это время приходилось делать, равно как и на счет службы вообще. Как позже писал о нем Вигель: «Тут он увидел всю пустоту претензий людей, почитавших себя у нас государственными, узнал все их ничтожество, опытность старцев и зрелых мужей презирал, уважал одну только ученость, в

этом отношении на гражданском поприще равных себе не видел и с тех пор приучился ставить себя выше всех»⁵⁶. Думается, в этом высказывании язвительного и желчного «неудачника», к которому настороженно относились в обществе, далеко не все соответствовало действительности, хотя какая-то доля истины в этом, безусловно, была. Очень скоро Сперанский увидел рутинность порядков, непрофессионализм большинства коллег, некомпетентность многих начальников, но считал, что при должном внимании свыше, твердых законах и правилах, строгом контроле и правильном подборе добросовестных исполнителей многое можно изменить. В этом явственно слышится отголосок идей французских и русских просветителей, видевших в «непременных законах» и доброй воле «просвещенного монарха» своеобразную панацею от всех существующих и грядущих бед. Вероятно, себя Сперанский относил к тем, кто призван внести свой вклад в установление именно таких порядков, и тщательно готовился к исполнению этой роли. Так же как в годы учебы в академии, все свое свободное время он посвящал самообразованию. В его архиве и от этого периода сохранилось множество записок, набросков, развернутых планов и отдельных выписок на русском, французском и латинском языках, свидетельствующих о целенаправленном интересе к политике и экономике, глубокой эрудиции и постепенном обретении уверенности в правильности выбранного пути, хотя и с осознанием неизбежности утраты некоторых дорогих для него иллюзий.

Впрочем, горечь последнего на какое-то время сгладилась благодаря изменениям в его личной жизни. Летом 1798 г. в доме своего первого благодетеля А. А. Самборского, к которому всегда относился с искренним уважением, Сперанский встретил его крестницу, шестнадцатилетнюю англичанку Элизабет Стивенс. «Мне казалось, – вспоминал он впоследствии, – что я тут только впервые почувствовал впечатление красоты. С этой минуты участь моя была решена, не имея понятия о ее состоянии и положении, даже в этот момент, не зная ее имени, я тут же в душе с ней обручился»⁵⁷. Уже 3 ноября 1798 г. Михаил Михайлович и Елизавета Андреевна обвенчались. Но семейное счастье их длилось очень недолго: 5 сентября 1799 г. у них родилась дочь, названная в честь матери и бабушки Елизаветой, а две недели спустя он остался безутешным вдовцом. Смерть жены стала для него огромным потрясением, и лишь малютка-дочь, как считали

многие современники, уберегла его от самоубийства или сумасшествия. Именно Лизонька стала для него отныне единственной душевной привязанностью, только перед ней он признавал за собой всеобъемлющие обязательства и только ее благополучие могло подвигнуть его на определенные поступки или предотвратить их. Однако девочка была еще слишком мала, чтобы потребовалось его личное участие в ее воспитании, и потому все нерастраченные силы души и ненужное теперь свободное время он отдал своим занятиям и карьере.

Стремление Сперанского уйти от тягостных воспоминаний и сожалений в дела совпало с важными переменами, которые принес России новый девятнадцатый век. События 12 марта 1801 г. и последовавшее за ними восшествие на престол Александра I сказались и на судьбе Михаила Михайловича. Начало нового царствования возбудило надежды и претензии различных «партий» тогдашнего русского общества. Это, правда, не относилось к подавляющему большинству мелкопоместного и среднепоместного дворянства, не желавшему никаких перемен. Но в борьбе придворных группировок этот слой общества не участвовал, хотя при серьезных общегосударственных, особенно социально-экономических преобразованиях игнорировать их интересы было невозможно. В среде же столичного дворянства почти все соглашались с тем, что перемены нужны, но смысл и задачи их понимались по-разному. Откровенно консервативная группа, включавшая А. А. Беклешова, А. Б. Куракина, Ф. П. Ростопчина, А. С. Шишкова, выступала против каких-либо социальных изменений, полагая, что строгого соблюдения уже существующих законов было бы достаточно для спокойствия и благоденствия страны. Однако позиции консерваторов, к тому же пока еще не слишком четко оформленные, в свете либеральных заявлений молодого монарха, на которые он в этот период не скупился, выглядели анахронизмом и в начавшейся политической борьбе в расчет не принимались.

Сторонники так называемой «сенатской партии», представлявшей главным образом екатерининских сановников, были едины в том, что в предлагаемой ими структуре российского государства первенствующее место отводили Сенату: он должен был получить законодательную, исполнительную, судебную и «сберегательную» власть. По мнению А. Р. Воронцова, Сенат должен был «служить гарантией от личного произвола царя» и обеспечить

«невозможность действовать по произволу». А Н. С. Мордвинов и Г. Р. Державин, считавшие, что «доколе Сенат не будет избранный», он не будет иметь «достаточной власти силы», предлагали превратить его в хотя бы частично выборный орган⁵⁸. Правда, выборы предполагалось проводить через губернские дворянские собрания, а за императором сохранялось право отклонять предлагаемые кандидатуры. Таким образом, речь шла не о введении в России конституционных порядков, а лишь о расширении прав верхушки дворянства и о своеобразных гарантиях этих прав на будущее.

Либеральная же группировка – прежде всего, «молодые друзья» Александра В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов и А. Чарторыйский – выступала за широкие реформы «в духе времени», подразумевая под этим не сосредоточение основных государственных функций в руках Сената, к чему стремились «старики», а напротив, рассредоточение их между Сенатом, Непременным советом и министерствами, которые должны были заменить давно устаревшие коллегии. В предварительных предложениях, изложенных Чарторыйским в заседании негласного комитета 10 февраля 1802 г., и заключались основные положения предстоящих сенатской и министерской реформ. Их предложения в большей мере отвечали желаниям Александра Павловича издать законы, «не дающие возможности менять по произволу существующие установления», но при этом не посягали на его право законодательной инициативы⁵⁹. Некоторую умеренность членов «интимного кружка», вероятно, можно объяснить тем, что они не верили в возможность дальнейшего развития реформаторства своих политических соперников, справедливо полагая, что главная их цель – обеспечение незыблемости статуса дворянства. Но, будучи и сами представителями этого сословия, они не без сожаления, даже несколько преувеличивая под влиянием идей просветителей, считали, по выражению Строганова, что «это самый невежественный, самый бесчестный и самый тупоумный класс»⁶⁰. И именно поэтому они хотели сохранить свободу маневра для Александра, в котором пока еще видели стремление к продолжению курса реформ. В преобразовании Сената и учреждении министерств, подчиненных либерально настроенному монарху, они видели гарантию от дворянской олигархии и предварительное условие продолжения столь нужных для страны перемен.

Преобразования, о которых говорил новый император, безусловно, должны были вызвать потребность в хороших исполнителях. В них нуждались старые екатерининские вельможи, озабоченные стремлением сохранить и даже усилить свое влияние на молодого царя, которое, как им казалось, они имели. Но в той же мере современно образованные и энергичные помощники нужны был и молодым реформаторам. Сперанский оказался причастен к деятельности обеих партий. Поначалу высочайшим указом от 19 марта 1801 г. он назначался статс-секретарем при госсекретаре Д. П. Трощинском, а после создания Непременного совета получил еще и должность управляющего экспедицией гражданских и духовных дел в канцелярии этого нового органа. Трощинский, быстро оценивший как обширную эрудицию и гибкий ум нового сотрудника, так и его безукоризненный слог и искусство составления канцелярских бумаг, привлек его к написанию манифестов и указов, во множестве издававшихся в первые месяцы начавшегося царствования. Возможно, на столь доверительное отношение к нему со стороны начальника повлияло покровительственное отношение председательствующего в Непременном совете Н. И. Салтыкова, знавшего Михаила Михайловича с детства и имевшего теперь возможность без особого труда прослыть благодетелем талантливого молодого чиновника. Как бы там ни было, новоиспеченный действительный статский советник (чин получил 9 июля 1801 г.) сразу вошел в российскую политическую элиту и оказался причастен к важнейшим событиям этого времени. По мнению одного из первых его биографов М. Н. Лонгинова, «почти все важные государственные акты до 1812 г. были произведениями его искусного пера»⁶¹.

Компетентность и деловитость Сперанского привлекли к нему внимание и другой стороны. При подготовке предложений о министерской реформе В. П. Кочубей, который, по признанию современников, отличался особым умением подбирать себе толковых помощников для каждого конкретного дела, пригласил его принять участие в разработке организационных основ будущего Министерства внутренних дел. Кочубей был особо заинтересован в этом, так как надеялся возглавить именно это министерство. Зная, что Александр практически обещал этот пост своему любимцу, Сперанский согласился на сотрудничество. Правда, он не решился сразу порвать с «партией стариков», возможно, понимая,

что царю они еще нужны, хотя бы как своеобразный противовес некоторой горячности и практической неопытности его друзей. В канцелярии Трошинского он взял «отпуск по болезни» и с головой ушел в работу, порученную ему политическим соперником непосредственного начальника. Роль Сперанского в подготовке Высочайшего манифеста об учреждении министерств открылась накануне его подписания. Несмотря на естественную обиду, Трошинский все же не хотел терять такого ценного сотрудника и попытался сохранить его за собой. Но Кочубей убедил императора в том, что в новом и столь важном для всей системы управления органе Сперанский более необходим, и одновременно с обнародованием Манифеста о министерствах, 8 сентября 1802 г., вышел указ о переводе последнего на новое место службы. Переход в Министерство внутренних дел знаменовал собой не только признание способностей и заслуг Михаила Михайловича, но и начало нового этапа в его деятельности. Кончилась пора ученичества, он достиг того положения, когда действительно мог влиять на решение важнейших общегосударственных дел: как управляющему экспедицией государственного благоустройства, Сперанскому пришлось вплотную заняться разработкой предполагаемых преобразований и нововведений.

Деятельность Сперанского в Министерстве внутренних дел можно, пожалуй, разделить на два направления, одинаково привлекавших его и которым он отдавался с большим рвением. Одно из них носило прикладной, практический характер и заключалось в организации бесперебойной, максимально эффективной работы учреждения. Он был убежден, что многие беды и недостатки государственной системы проистекают из того, что она плохо регламентирована и слишком многое в ней зависит не от установленных правил, а от личных качеств включенных в нее людей. Желая исключить ненадежный, с его точки зрения, личностный фактор, он постарался создать такие нормы и правила, соблюдение которых было бы обязательно для всех чиновников его ведомства с учетом их должности и возлагаемых ею обязанностей. Министерство стало своего рода испытательной лабораторией, где опробовался опыт создания структур и штатов, разрабатывались формы делопроизводства, собирались и обобщались статистические сведения, вырабатывались необходимые параметры для обязательных отчетов и другие нормативные документы. Именно Сперан-

ский предложил видоизменить структуру Министерства внутренних дел, введя в нее Совет министерства со своей канцелярией, три самостоятельных департамента во главе с директорами, которые, в свою очередь, делились на отделения под руководством начальников, а те – на столы, возглавляемые столоначальниками⁶². Это, как убедил Михаил Михайлович министра, должно было обеспечить строгую соподчиненность и четкое ведение дел. Новые критерии составления деловой документации, предложенные им, по мнению, например, не слишком доброжелательно к нему настроенного И. И. Дмитриева, «имели не только достоинства новизны, но и, со стороны методического расположения, весьма редкого и поныне в наших приказных бумагах, исторические изложения по каждой части управления, по искусству в слоге могут служить руководством и образцами»⁶³.

Вскоре по инициативе и при неофициальном руководстве М. М. Сперанского начал издаваться ведомственный «Журнал Министерства внутренних дел», ставший основным источником информации и методических рекомендаций для всего чиновничества. Но одного ведомственного журнала, решавшего к тому же весьма конкретные и утилитарные задачи, было недостаточно. Понимая важность «общественного мнения», которого в России еще не было, но без которого было невозможно дальнейшее поступательное движение, сторонники реформ выступили инициаторами возобновления «Санкт-Петербургского журнала», с которым за несколько лет до этого сотрудничали Чарторыйский, Строганов и Новосильцев и которому покровительствовал тогда еще великий князь Александр Павлович. Возможно, воспользовавшись старым названием журнала, имевшего до 1798 г. репутацию достаточно прогрессивного, они надеялись способствовать популяризации правительственной политики и воспитанию нового поколения в «законно-свободном духе». Одновременно он должен был стать показателем «европеизации» нового правительства России. В этом журнале, как позже вспоминал известный издатель Н. И. Греч, «увидели мы образцы слога дидактического и делового, труды графа В. П. Кочубея, М. М. Сперанского и других отличных людей, принятых в новообразованное министерство»⁶⁴.

Другим делом, еще больше занимавшим ум Сперанского, было законотворчество. Убеждение, что правильный закон является основой всеобщего благоденствия, было характерно для людей,

воспитанных на просветительских теориях Монтескье и Руссо, в них видели своеобразную общественную панацею и с ними, прежде всего, связывали надежды на будущее. Не случайно все сколько-нибудь значимые и способные лица того времени в той или иной степени привлекались к разработке новых законов и указов. Но все возрастающее их количество крайне редко переходило в качество, от обилия в сущности неплохих законов общая ситуация не улучшилась, и это приводило наиболее вдумчивых к мысли о необходимости комплексного подхода к этой важной проблеме. В числе этих последних были и Кочубей со Сперанским.

Первым опытом создания целостного политического трактата стала для начинающего политика «Памятная записка об основном законодательстве вообще», написанная, по мнению обнаружившего ее черновой вариант В. И. Семевского, в 1802 г. под явным влиянием А. Н. Радищева. Сперанский познакомился с ним, вероятно, в Комиссии по снабжению Петербурга продовольствием, в состав которой оба были определены по распоряжению Павла I. С 1801 г. оба имели непосредственное отношение к Комиссии составления законов под председательством П. В. Завадовского. К этому времени Радищев, как и многие его современники, разочаровавшийся под влиянием французских событий в революционных методах, но по-прежнему убежденный в необходимости для России коренных перемен, возлагал большие надежды на «просвещенного» Александра I. Его обширные знания, неподдельная заинтересованность в происходящем и репутация страдальца за общее дело, всегда высоко ценимая в русском обществе, заставляли Сперанского, также искренне увлеченного планами нового монарха и верящего в их осуществимость, отнестись к его взглядам с большим вниманием. «Памятная записка» носит несколько общих, описательный характер, но в ней уже присутствуют основные компоненты, обязательные в будущих проектах: общая характеристика существующего положения, обоснование необходимости изменений, их направленность, ранжирование задач. Сперанский определял современные ему российские порядки как деспотические, при которых все социальные слои равно «не имеют прав». «Господство властителя над помещиком, – писал он, имея в виду, безусловно, екатерининскую и павловскую Россию, – никоим образом не отличается от власти помещика над крестьянами; есть рабы суверена и рабы помещика, действительно же свободных

людей в России нет, кроме нищих и философов»⁶⁵. Критика отрицаемой им действительности все же не выходила за привычные уже русскому читателю рамки публикаций Вольтера и Новикова, Руссо и Чулкова, разве что была не столь эмоциональна и обращалась к логике, а не к чувству. Так же как и в работах просветителей минувшего века, позитивная часть была менее конкретна. Но уже в этой ранней работе он отдавал приоритет задачам политическим, считая, что только новая система власти, которую он называл «правильной монархией», может гарантировать проведение всех необходимых реформ, в том числе и в отношении крепостных крестьян. Правда, в этом вопросе он проявлял предельную осторожность, предлагая неспешную постепенность, с одной стороны, и не покушаясь на помещичье землевладение, с другой.

Этот первый трактат, по-видимому, не был завершен и остался в архиве Сперанского в качестве предварительного наброска последующих работ. Во всяком случае, некоторые его положения отчетливо прослеживаются в «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», написанной в 1803 г. по поручению Александра I, переданному через Кочубея. В отличие от предыдущего опыта, здесь автор более подробно рассматривает составляющие «правильной монархии»: четкое разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную; принципы, обеспечивающие независимость судей; обязательную ответственность исполнительной власти перед законодательной; необходимость введения гласности и свободы печати – всего того, что принято относить к нормам буржуазного права. Правда, при этом он сохранял в неприкосновенности «основные начала», т. е. абсолютную монархию и сосредоточение в руках самодержца всех ветвей власти.

Возможно, в этом проявилось свойственное для его тогдашнего окружения преклонение перед английским государственным устройством. Известно, что члены Негласного комитета, с которыми теперь постоянно сотрудничал Михаил Михайлович, были англоманами, да и сам он под влиянием Самборского, к которому питал неизменное уважение, и в память о жене всерьез увлекся английским образом жизни во всех его проявлениях. Конституционная монархия Великобритании, сохранившая значительные политические и экономические привилегии дворянства и в то же время способствующая соблюдению интересов буржуазии, пред-

ставлялась весьма привлекательным и убедительным примером для собственного отечества. Увлечение европейскими образцами и стремление следовать именно им зачастую не позволяли разглядеть российские особенности, препятствующие простому перенесению чужих порядков на отечественную почву, а если таковые и замечались, их чаще склонны были принимать за признаки «азиатчины» и «варварства», от которых необходимо как можно скорее избавиться.

Как бы то ни было, совмещение несовместимого кажется Сперанскому возможным благодаря твердому «государственному закону», который один, разумеется, с согласия монарха, определяет обязанности, права и взаимоотношения всех «состояний» общества. Вслед за своими наставниками-просветителями он считал гарантом соблюдения этих законов всеми, в том числе и верховным носителем власти, «общее мнение», которое могло быть выражено в основанном «на народном избрании» законодательном органе. Еще большую определенность это положение получило в записках «О коренных законах государства», «О постепенности усовершенствования общественного», «О силе общего мнения» и др. «Не правительство рождает силы народные, – отмечал Сперанский, – но народ составляет силы его. Правительство всемогуще, когда народ быть таковым ему попускает»⁶⁶.

Впрочем, говоря о народе, он все же не подразумевал все население, и тем более – крестьянство. Так же как и мыслителей XVIII в., его пугала темная, «непросвещенная» масса, бесспорно, страдающая при произволе верхов, но неспособная к какой-то сознательной созидательной деятельности. Поэтому, как кажется Сперанскому, «должен быть особенный класс людей, который бы, став между престолом и народом, был довольно просвещен, чтоб знать точные пределы власти, довольно независим, чтоб ее не бояться, и столько в пользах своих соединен с пользами народа, чтоб никогда не найти выгод своих изменить ему»⁶⁷. Таким образом, активную политическую роль он отдавал не самому народу, а неким третьим лицам, которые лишь представляли бы его требования и чаяния и наблюдали за их исполнением и соблюдением. Если учесть, что ничего подобного в России не существовало, перед реформатором стояла сложнейшая задача не только создания «особенного класса людей», но и формирования условий для его существования. Ясно осознавая, какие опасности таятся в этом

неустойчивом балансировании между неизбежно противоречивыми интересами власти и народа, которым подвергнется эта новая прослойка общества, Сперанский предлагает своеобразный компромисс: старшие сыновья представителей этого «класса» наследуют своим отцам, а младшие остаются «в числе народа». По его мнению, это создаст определенное равновесие, базирующееся на человеческой природе: забота о собственных родных не даст забыть и о нуждах остальных соплеменников. Дополнительной гарантией должен был стать контроль «судилищ, по избранию народа составляемых», над «имениями сего высшего класса». Это предложение по сути своей весьма схоже со сложившимся в Англии механизмом власти, где важное место отдано принципу наследственной аристократии. Там эта система, складывавшаяся в течение нескольких столетий, хотя и не совсем безупречная, была еще достаточно эффективна. Однако в условиях России подобная попытка в отношении дворянства, хотя и с другими целями предпринятая Петром I в 1714 г., оказалась несостоятельной.

Для того же, чтобы расширить состав политически активного «класса», необходимо было освободить как «рабов государевых», так и «рабов помещичьих»; без этого все перемены в образе управления Россией, указывал Сперанский, будут касаться только «внешности, и прочного добра на сей пропорции сил народных никак основать не можно»⁶⁸. Таким образом, в ранних его трактатах и проектах признавалась необходимость параллельного реформирования как политической, так и социальной системы страны. В отличие от подавляющего большинства вольных или невольных либералов этого периода, он осознавал диалектическую неразрывность этих задач и невозможность добиться успеха в решении одной, игнорируя другую. Отдавал он себе отчет и в том, что проведение всеобъемлющего государственного преобразования – дело не одного дня, особенно если стремишься к порядку, а не к хаосу, неизбежному при крутой ломке: «Хотеть в год, в два без крутостей, без разрушения не только разобрать по частям огромное здание, но и воздвигнуть новое, конечно, невозможно. Состояние государства устроится веками, и устроится почти само собою: тот великий человек, кто положил ему твердое основание. То, что кажется невозможным в одно время, быв расположено на известные эпохи и основано на общем непременимом плане, самым движением времени и обстоятельств приходит к совершенству»⁶⁹.

Постепенно круг вопросов, которыми он интересовался и к решению которых привлекают талантливого администратора, расширяется, выходя за рамки непосредственных забот Министерства внутренних дел. Он приложил свою руку к «Указу о вольных хлебопашцах», «Предварительным правилам народного просвещения» (1803 г.), к запрещению торговли рекрутами, цензурному уставу, «Положению для евреев» (1804 г.) и др. Интенсивная и плодотворная деятельность Сперанского в этот период была замечена и соответственно вознаграждена. В 1804 г. ему была пожалована аренда в Лифляндской губернии сроком на 12 лет, приносившая ежегодно 12 тыс. руб. ассигнациями, 18 ноября 1806 г. он получил орден Св. Владимира 3-й степени, а 15 марта 1807 г. – Св. Анны 1-й степени. За ним закрепилась репутация умного и чрезвычайно удачливого человека, в дальнейших успехах которого никто не сомневался, но это пока еще ни в ком не вызывало ни особой зависти, ни неприязни. Конечно, его восхождение по служебной лестнице было стремительным, но обеспечивалось оно его действительными способностями, а в манерах и поведении не появилось ни высокомерия, ни кичливости, он по-прежнему был любезен, предупредителен и даже почтителен с окружающими, безукоризненно соблюдал все нормы этикета, принятые в столичном обществе. Изменения в привычном укладе жизни самого Сперанского и в отношении к нему в обществе начались с 1806 г., когда волею обстоятельств он оказался рядом с императором.

Слабое здоровье министра Кочубея все чаще мешало ему в исполнении возложенных на него дел, и, заботясь о нужной ему их интерпретации, он отправлял к Александру для докладов своего первого помощника. Деловой стиль, компетентность и мгновенное понимание того, что от него ожидают, импонировали царю, и вскоре тот стал давать заместителю Кочубея личные поручения и брать его в различные поездки. Вероятно, именно в таких путешествиях, когда обязательные формальности несколько ослабевали, Михаил Михайлович смог познакомить Александра Павловича со своими мыслями о состоянии дел в России и заинтересовать его своими предложениями об его исправлении. 19 октября 1807 г. состоялось увольнение Сперанского из Министерства внутренних дел с сохранением звания статс-секретаря. Последовавшая вскоре после этого отставка Кочубея породила немало слухов и домыслов и позволила мгновенно появившимся недоброжелателям Сперан-

ского обвинить его в неблагодарности⁷⁰. Возможно, какая-то доля истины в этом обвинении действительно была. Общеизвестно, что среди сослуживцев у Сперанского друзей и даже приятелей почти не было, как бы внешне дружелюбно ни держался он с большинством из них. Он ценил (и чем дальше, тем больше) скорее не личные, а деловые их качества, ту пользу, которую они могли принести, и до тех пор, пока они ее приносили. Как умный и наблюдательный человек, он не мог не понять, что Негласный комитет и составлявшие его «молодые друзья» исчерпали себя, а деятельность не достигла своей цели. Александр I, чье покровительство обеспечивало претворение в жизнь их начинаний, охладел и к ним самим, и к их предложениям. В 1807 г. «интимный кружок» окончательно распался: П. А. Строганов отбыл в действующую армию, Н. Н. Новосильцев уехал за границу, уволился с должности А. Чарторыйский. Отставка В. П. Кочубея стала своеобразной точкой, подтвердившей завершение «дней Александровых прекрасное начало». Сперанскому некому было сохранять верность. А поскольку он, в отличие от того же Кочубея, все еще верил и в благие помыслы императора, и в правильность своих мыслей и планов, и в возможность их воплощения в жизнь, он, как ему казалось, должен был использовать предоставленный ему шанс. И то, что случилось это как бы само собой, без каких-то специальных усилий с его стороны, не могло не показаться ему, верящему в предопределение судьбы, благоприятным знаком, сулящим исполнение задуманного.

Следует отметить, что и объективная ситуация, сложившаяся к этому времени в стране, благоприятствовала планам Сперанского. Вряд ли период между 1805 и 1808 гг. можно назвать реакционными в прямом значении этого слова. Появление рядом с Александром I А. А. Аракчеева, еще в царствование Павла I ставшего своего рода «пугалом», как метко назвал его Ж. Де Местр, вовсе не знаменовало собой полного изменения общего курса правительства. Новые реформы действительно не начинались, но начатые прежде не были отменены, нововведенные учреждения сохранились и играли важную роль в управлении страной. Сам Александр I, вовлеченный в общеевропейские события, с восторгом неопита окунулся во внешнеполитические дела. На какое-то время происходящее в стране отошло для него на второй план. Естественным в этом случае разочарованием либералов можно было на время пренебречь, так как они составляли хотя и влиятельную, но очень

немногочисленную часть общества. Однако поражение двух антинаполеоновских коалиций, участницей которых была Россия, потеря союзников и вынужденное присоединение к континентальной блокаде, ударившей не только по общегосударственным экономическим интересам, но и по личным доходам помещиков, потерявших английский хлебный рынок, обострили недовольство и других слоев русского дворянства. В сочетании с ростом крестьянских волнений это привело к серьезному политическому кризису в стране. Послы доносили своим правительствам из Петербурга о том, что здесь почти открыто раздаются угрозы «постричь императора в монахи», «вся мужская линия царствующего дома должна быть устранена», на престол же «хотят возвести великую княжну Екатерину». А в получивших широкое хождение среди россиян сатирических листках не только констатировалось неблагополучие, но и звучало предостережение: «Терпение скоро лопнет»⁷¹. Не считаясь с оппозиционными настроениями, охватившими все слои общества, Александр не мог. Пытаясь успокоить недовольных и отвлечь их внимание от внешних неудач и внутренних трудностей, он решил прибегнуть к уже испытанному средству – проектам новых реформ. И здесь Сперанский, человек, бесспорно, умный и талантливый, уже имевший наброски таких проектов, безоговорочно преданный русскому царю и в то же время не связанный с какой-либо партией, был как нельзя более кстати.

Осенью 1808 г. после Эрфуртской встречи с Наполеоном, на которой присутствовал и Сперанский, Александр I поручил ему непосредственно заняться подготовкой плана государственного преобразования. В работе над ним Сперанский частично использовал некоторые положения из проектов 1802 и 1803 гг. Однако в новом варианте он практически полностью уходит от вопроса о крепостном праве. Вероятно, будучи трезвым и реалистичным политиком, автор проекта отдавал себе отчет в том, что дворянство в подавляющем большинстве своем еще не осознавало необходимости освобождения крестьян и любые, самые умеренные предложения по этому вопросу встретило бы в штыки. Неприятие же части плана, опасался он, могло привести к отказу от него и в целом. А поскольку по сути своей Сперанский был государственным человеком, он возлагал большие надежды на изменение государственной структуры, с помощью которой можно было бы впоследствии решить и другие проблемы. Впрочем, не только Сперанский, боль-

шинство мыслителей того времени были уверены в том, что и экономические, и социальные отношения в обществе зависят именно от формы власти. Поэтому, отдавая приоритет проблемам политическим, он, как ему казалось, не отказывался от разрешения крестьянского вопроса, а лишь отодвигал его на более удобное время, когда осуществление его уже не сможет ввергнуть Россию в смуту и хаос. Не следует к тому же забывать, что в работе над последним, заказным вариантом преобразований он был еще менее самостоятельным, чем прежде: Александр I не просто прочитывал то, что ему приносилось, но вносил свои коррективы, порой весьма существенные, с которыми его сотрудник, как правило, вынужден был соглашаться.

Начав «Введение к уложению государственных законов» с характеристики современного ему положения в стране, Сперанский убедительно доказал, что «настоящая система правления несвойственна уже более состоянию общественного духа». Примеры из европейской истории – революционные перевороты – для русского государственника были абсолютно неприемлемы, хотя он понимал их закономерность и даже, при известных обстоятельствах, неизбежность, так как невозможно, «чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в рабстве оставаться». Однако у России, по его мнению, была реальная альтернатива революции, и она заключалась в том, что «российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устрояя политическое существование своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы»⁷².

«Правильность формы» заключалась в своеобразном сочетании традиционных (самодержавие) и новаторских (представительные органы) государственных институтов. По мнению Сперанского, это обеспечивало определенное равновесие, так как удовлетворяло, пусть не в полной мере, требования противоположных группировок. И это равновесие достигалось с помощью «непременяемого закона», в котором передовые люди России уже в течение нескольких десятилетий видели панацею едва ли не ото всех бед. Таким образом, законодательная инициатива, так же как и окончательное утверждение любого решения, оставалась в руках императора, «державной власти», по терминологии автора. «Уважение» же закона (его обсуждение, составление, редактиро-

вание) передавалось «законодательному сословию». Однако в работе над законами Сперанский допускал участие представителей исполнительной власти в лице министров. При нарушении высшими чиновниками «коренных законов» представительное учреждение имело право начать следствие в их отношении. Правда, для этого требовалось утверждение монарха, который назначал нарушителя на должность, что, конечно, снижало эффективность данной меры. Тем не менее размежевание и установление пределов правительственной власти, возведенные в ранг основного закона государства, хотя и не исключали возможности манипуляций «в видах блага страны», все же много значили для России, поскольку создавали условия для постепенного внедрения в русское общество принципов европейской политической культуры.

Вторым условием политического воспитания, без которого невозможно подлинное процветание страны, по мнению Сперанского, было определение прав и обязанностей всех слоев населения. Вслед за мыслителями XVIII в. он выделяет два вида прав: политические и гражданские. Первые предполагают участие подданных в государственной власти, вторые дают свободу распоряжаться своей личностью и своей собственностью. Он признает, что «хотя права гражданские и могут существовать без прав политических, но бытие их в сем положении не может быть твердо»⁷³. В России, с горечью констатировал реформатор, значительная часть населения не имеет ни тех, ни других; другая, тоже существенная часть имеет права гражданские, но не обладает правами политическими, и даже дворянство, являющееся социальной опорой власти и пользующееся всеми гражданскими свободами, вместо политических прав наделено лишь привилегиями. Отметив существующую дискриминацию, автор, однако, не предполагал наделять всех одинаковыми правами. В своем «Плане» он предлагал предоставить гражданские права всем жителям страны. Правда, и здесь сохранялось некоторое неравенство, так как возможность обладать «населенной местностью», т. е. землей с крепостными, закреплялась исключительно за дворянами. Что же касается прав политических, то их обретение обеспечивало владение недвижимым имуществом, поскольку, по твердому убеждению Сперанского, люди, располагающие большей собственностью, больше заботятся о «доброкачественности законов» и, следовательно, их деятельность в местных и центральных представительных органах

будет более эффективна. Исходя из этого, он устанавливает новое «разделение состояний»: дворянство; «среднее состояние», к которому он отнес купцов, мещан и государственных крестьян, и, наконец «народ рабочий», в который были включены помещичьи крестьяне и все находящиеся в услужении, т. е. домашние слуги, промышленные рабочие, ремесленники и даже частично будущая интеллигенция. Такое разделение, впрочем, не исключало возможности перехода из одного состояния в другое: обретение недвижимости автоматически переводило ее обладателя во второе «состояние» и наделяло его политическими правами.

Не связанный напрямую с дворянством, относящийся весьма скептически ко многим представителям этого сословия, Сперанский все же понимал, что его ликвидация была еще невозможна и даже преждевременна: в России того времени это была самая свободная, самая образованная и, следовательно, самая дееспособная в политическом отношении часть населения. Вместе с тем, изучая европейский опыт, он видел потенциальные возможности нового класса – буржуазии, пусть медленно, но основательно утверждавшейся и в нашей стране. Будучи государственным и исходя из интересов государства не только своего времени, но и в исторической перспективе, Сперанский в своем проекте сделал то же, что некогда Петр I, введя «Табель о рангах»: создал условия для рекрутирования свежих сил для укрепления этого государства. Разумеется, в изменившихся за прошедший век экономических, социальных и политических обстоятельствах речь шла уже не о пополнении господствующего сословия отдельными талантливыми представителями иных социальных групп, а о надении такими же правами еще одного сословия, без которого в условиях развития капиталистических отношений обойтись было невозможно. Но тем самым реформатор предоставлял русскому дворянству возможность для постепенной адаптации и относительно безболезненного вхождения в эти отношения по примеру столь любезной ему Англии.

В основу государственного устройства страны был положен принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Все имеющие право голоса, а также старшины казенных крестьян (по одному от 500) составляют волостную думу, собирающуюся каждые три года для решения местных вопросов и избрания депутатов в окружную думу. Действующая по тем

же правилам окружная дума выбирает лиц, представляющих ее в губернской думе, а депутаты, избранные последней, составляют «под именем Государственной думы» высший представительный орган страны. Председатель Думы, канцлер, выбирается императором из трех предлагаемых депутатами кандидатур. Дума собирается ежегодно в сентябре и заседает «столько, сколько ей нужно» для решения всех стоящих в повестке вопросов. Правда, за государем закрепляется право прервать сессию Думы и даже распустить ее, назначив новые выборы.

Тот же принцип выборности лег и в основу формирования судебных органов первых трех инстанций (волостных, окружных и губернских судов). Судебный же сенат, как верхняя палата, должен был формироваться по назначению императора из числа лиц, избранных в губернские думы. Верховные судьи для большей независимости, по мысли Сперанского, должны были нести возложенные на них обязанности пожизненно.

Для облегчения и упорядочения исполнительной власти реформатор предлагал объединить министерства и Правительствующий сенат, четко определив функции каждой части и механизм взаимоотношений между ними.

Органом, связывающим все три нити власти, по мнению Сперанского, должен был стать Государственный совет. Как справедливо отмечал еще В. О. Ключевский, он «не законодательная власть, а только ее орудие, и притом единственное, которое собирает законодательные вопросы по всем частям управления, обсуждает их и свои заключения возносит на усмотрение верховной власти»⁷⁴. Осень 1809 г. ушла на доработку отдельных частей проекта, «в которых государь делал свои поправки и дополнения». Сперанский стремился как можно скорее завершить окончательный и всеобъемлющий вариант, так как считал, что «полезнее все установления Плана открыть одновременно: тогда они явились бы все в своем размере и стройности и не произвели бы никакого в делах смешения»⁷⁵. Однако излишние педантизм и скрупулезность, которыми отмечены предложения Сперанского, оставляли немного возможностей для маневрирования даже императору. А он, хотя и «был большой охотник до красноречивых введений в конституционные хартии, но отнюдь не одобрял точную определенность в параграфах их текста. И не мудрено, что Александр

быстро перешел от первоначальной мысли о введении в действие проекта Сперанского целиком к частичному осуществлению лишь некоторых его отрывков»⁷⁶. Его сотрудник вынужден был согласиться с этим, но тут же предложил свой план поэтапного введения новых учреждений и проведения организационных мероприятий, благодаря которым он надеялся свести потери от такой постепенности к минимуму.

Еще до полного завершения проекта преобразований Александр I подписал два указа, разработанных его сподвижником, которые устанавливали новые принципы служебных отношений и способствовали существенным изменениям в составе чиновничества. Указ от 3 апреля 1809 г. запретил переход из придворной службы в государственную, а придворные звания превращал только в отличия, не дающие права на чин. Второй указ (от 6 августа 1809 г.) касался образовательного уровня чиновников: начиная с коллежского асессора, соответствующего 8-му классу, необходимо было иметь университетское образование либо сдать соответствующий экзамен. Бесспорно, это укрепляло базу для предполагаемых реформ, так как новые формы государственного устройства требовали укомплектования государственного аппарата чиновниками, имевшими определенную подготовку. Но столь же бесспорно и то, что эта мера вызвала недовольство большинства находившихся на государственной службе и не обремененных излишними знаниями. Даже в 1825 г. до 76 % высших чиновников Российской империи не имели систематического образования⁷⁷. И все они, по словам Ф. Булгарина, «с чадами и домочадцами вопияли против Сперанского, рассеивали клеветы»⁷⁸.

1 января 1810 г. был обнародован манифест о создании Государственного совета. Его разработчик полагал, что на первом своем заседании он обсудит уже готовый План государственного преобразования, разработанный Комиссией составления законов проект Гражданского уложения и подготовленный план финансовых реформ, которые обеспечат все эти нововведения, не ослабляя обороноспособности страны. Приметы надвигающейся военной грозы ощущались все явственнее, и он не мог не учитывать это обстоятельство. К маю 1810 г., полагал реформатор, новый свод законов – Государственное уложение – будет принят, и, согласно манифесту о нем, можно будет проводить выборы в Государственную думу, открытие которой он планировал на 1 сентяб-

ря. К этому же сроку, считал он, должна была завершиться и работа «по устройству судебной части». Он надеялся, что «к 1811-му году, к концу десятилетия настоящего царствования, Россия воспримет новое бытие и совершенно во всех частях преобразуется»⁷⁹.

Однако уже при открытии Государственного совета выяснилось, что замысленное Сперанским полностью осуществлено быть не может. Рассмотрение общего Плана преобразований и выборы в Государственную думу были отложены на неопределенное время. Отказ от созыва избираемого «законодательного» органа изменил сущность «верхней» его палаты – Государственного совета. Теперь в его функции входило «разъяснение» смысла законов, принятие мер к их исполнению, контроль над распределением доходов и расходов, рассмотрение отчетов министров, т. е. в большей степени дела административные. Последняя обязанность, впрочем, почти с самого начала была не более чем декларацией, так как в Совет, наряду с другими назначаемыми императором сановниками, входили и все министры.

Государственный совет состоял из четырех департаментов – законов, военного, гражданских и духовных дел и государственной экономии. Окончательное решение по обсуждаемым вопросам принималось на общем собрании Совета. Но поскольку вся подготовительная работа, в том числе и редактура, велась в Государственной канцелярии, ее чиновники и особенно государственный секретарь (при организации эту должность занял сам Сперанский) приобретали большой вес и влияние.

Не получив возможности провести весь комплекс реформ, Сперанский постарался повысить эффективность работы уже существующих учреждений. В 1810–1811 гг. он реорганизует органы исполнительной власти. На основе манифеста «О разделении государственных дел по министерствам» (12 июля 1810 г.) и «Общего учреждения министерств» (25 июня 1811 г.) были приняты новые принципы разделения функций между ними, определялся круг «предметов» ведения каждого, выработаны единая структура, порядок прохождения дел и одинаковая форма документации. Главным стал принцип строгого единоначалия и подчиненности внутри министерских подразделений. Не довольствуясь этим и понимая, что при всем единообразии в исполнении управленческих функций каждое министерство имеет свою специфику, Сперанский начал разработку «особых учреждений» для министерств

полиции, финансов, внутренних дел, военно-сухопутных сил, народного просвещения и Главного управления духовных дел иностранных вероисповеданий. Силу закона получили только два первых документа, остальные, хотя и поступили на обсуждение в Государственный совет, из-за опалы их автора были оставлены без внимания. Не был принят и проект нового «Уложения Правительствующего Сената», который должен был одновременно дополнить министерскую реформу и создать новую судебную систему. Наибольшие возражения в Государственном совете вызвал предлагаемый Сперанским принцип выборности в Судебный сенат.

В конце 1809 г. Александр I поручил Сперанскому изыскать меры для оздоровления финансовой системы страны. Эта задача была действительно чрезвычайно актуальной: со времен Екатерины II бюджет России всегда был дефицитным, но почти не прекращающиеся войны первого десятилетия XIX в. и вынужденное участие в континентальной блокаде Англии, давнего и главного торгового партнера, фактически поставили ее на грань финансового кризиса. Не чувствуя себя достаточно компетентным в этом вопросе, Сперанский пригласил в Комиссию по финансовым делам известных экономистов – профессоров М. А. Балугьянского и Л. Х. Якоба и автора проекта Трудопоощрительного банка Н. С. Мордвинова. К первому заседанию Государственного совета ими были подготовлены предложения, «чтоб всевозможным сокращением издержек привести их в надлежащую соразмерность с приходами, установить во всех частях управления истинный разум экономии». Предлагаемые меры были весьма жесткими: уменьшение государственных расходов на 20 млн руб., прекращение выпуска новых ассигнаций, увеличение податей (с крестьян вдвое, а с мещан втрое), поднятие сборов с купцов и промышленников, рост откупов на соль, вино и пр. Но самым непопулярным, вызвавшим возмущение дворянства, увидевшего здесь покушение на свои сословные привилегии, было введение налога на помещичьи владения в размере 50 копеек с каждой крепостной души. Несмотря на сильное противодействие многих членов Государственного совета, Сперанский получил поддержку императора, и 2 февраля 1810 г. все предложения получили силу закона⁸⁰.

Приложил Сперанский руку и к разработке Таможенного тарифа 1811 г., в котором, наряду с задачей немедленного пополнения оскудевшей казны за счет «товаров, принадлежащих к роско-

ши», постарался решить и задачу создания условий для дальнейшего развития отечественной промышленности. Для этого «товары необходимые и общепользные», а также «выделенные в поощрение внутренних фабрик» оставлены были «по-прежнему без пошлины и только самую малую часть их» обложили «небольшой пошлиной от 1-го до 9-ти процентов»⁸¹.

Проведенные Сперанским финансовые меры, разумеется, не разрешили всех проблем: не удалось избежать дефицита, и уже в следующем году пришлось снова прибегнуть к эмиссии и отменить налог на помещиков, составлявший, кстати, менее 3 % государственных доходов. Тем не менее угроза финансового банкротства была устранена, и созданы определенные условия для более интенсивной подготовки к надвигающейся войне.

Будучи по природе своей аналитиком, Сперанский довольно рано осознал неизбежность военного столкновения с Наполеоном. В одной из своих записок Александру I он писал: «Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром. Самый мир заключал в себе все элементы войны». Неготовность России к этому заставляла мириться с условиями крайне непопулярного договора, но, «удаляя войну, – напоминал он своему венценосному адресату, – должно, однако же, непрестанно к ней готовиться»⁸².

Возможно, понимание неизбежности и великой тяжести предстоящих испытаний, которые потребуют напряжения всех сил и сплочения всей нации, были одной из причин той «покладистости» Сперанского, с которой он принимал поправки и отсрочки императора в проведении предлагаемых реформ. Он уже понимал, хотя и старался найти этому достойные объяснения, что Александр Павлович вовсе не разделяет его видения необходимых преобразований и не заинтересован в их полном воплощении в жизнь. Все это в сочетании с уже откровенными проявлениями недоброжелательства со стороны светского общества, слухами и доносами, поступающими императору, о которых он, конечно, знал, и огромное переутомление – результат напряженной многолетней работы – не могло не сказаться на его душевном состоянии. В начале 1811 г., подав «Отчет о делах 1810 г.», Сперанский указал на все эти факторы, затрудняющие, по его мнению, движение по пути реформ, и просил об отставке. Отставка принята не была.

То, что реформатор сохранил свое положение, заставило его противников сплотиться и от разрозненных действий, носивших скорее эмоциональный, чем политический характер, перейти к наступлению сразу в нескольких направлениях. Весной 1811 г. появляется написанная по заказу великой княгини Екатерины Павловны «Записка о древней и новой России» Н. М. Карамзина. Резкая критика всей совокупности правительственной деятельности начала XIX в. и особенно таких нововведений, как Государственный совет и министерства, «заслонивших» старый Сенат, направлена, прежде всего, против Сперанского, хотя имени его автор нигде не называет. Все, к чему, как общеизвестно, приложил руку доверенный конфидендент монарха, лишь «потрясает основу империи», а «благотворность» этого «остаётся доселе сомнительною» – к такому выводу подводит своего читателя Карамзин⁸³. Ознакомившись с «Запиской», Александр никак на нее не отреагировал, но, зная, что автор не только близкий друг его любимой сестры, но и негласный лидер литераторов «нового толка», оказывавших все большее влияние на русское общество, не мог закрывать глаза на то, что «в полку» противников его доверенного лица «прибыло». Как верно заметил в свое время Ф. М. Дмитриев, против Сперанского ополчилось не только светское общество, но и «полуграмотные дельцы XVIII в.», и «фавориты Гатчинского двора», и «целые полки подьячих», «опоры у него не было. Его светские связи были редки и непрочны». «Подземная работа», которая велась против нежелательного царского любимца, готовила «страшную грозу, ждавшую минуты, чтобы разразиться»⁸⁴.

Главную роль в подготовке «грозы» сыграли министр полиции А. Д. Балашов и председатель Комиссии по финляндским делам барон Г. Армфельд, во многом, кстати, обязанные своей карьерой именно Сперанскому. Используя слухи, доносы и даже прямые провокации, опираясь на поддержку Екатерины Павловны, считавшей реформатора «преступником», который «разоряет государство и ведет его к гибели», о чем ее «слабовольный и слабохарактерный» брат «нисколько не подозревает»⁸⁵, они сумели заронить в душу Александра I сомнения в его сподвижнике. В августе 1811 г. он поручает Балашову установить тайный надзор за Сперанским и его друзьями. Наблюдение тут же «выявило принадлежность» государственного секретаря к масонству, к тому же – «к самой вредной секте масонства – иллюминатству». Сведения эти

как бы дополняла написанная для великой княгини Екатерины «Записка о мартинистах» Ф. В. Ростопчина. В ней утверждалось, что все русские мартинисты «более или менее преданы Сперанскому, который, не придерживаясь в душе никакой секты, а может быть, и никакой религии, пользуется их услугами для направления дел и держит их в зависимости от себя»⁸⁶. Целью же «поповича», по мнению автора, являлась революция, подобная французской. Массонство в это время было широко распространено в русском дворянском обществе, через ложи прошли многие деятели александровского царствования, да и сам император не был совсем равнодушен к их учению, недаром в 1805 г. дал согласие открыть в Петербурге ложу, носившую его имя – «Александра благотворительности к коронованному Пеликану». Умеренная программа нравственного самосовершенствования, принятая в большинстве русских лож, ничем правительству не угрожала. Другое дело – иллюминаты, среди задач которых значилось и более справедливое устройство мира, а среди средств его достижения – право на насилие. Разумеется, обвинение это было беспочвенно (никаких прямых доказательств участия Сперанского в ложе Феслера до сих пор не найдено), но недоверие монарха к ближайшему помощнику еще более возросло.

Избранный Балашовым непосредственный исполнитель слежки – довольно образованный, неглупый и совершенно беспринципный полицейский чиновник Яков де Санглен – быстро понял, что от него требуется и, передавая императору все, что слышал от Сперанского или о нем, акцентировал внимание на неосторожных высказываниях своего подопечного, вырывавшихся у того в досаде на проволочки и задержки в делах, в том числе и по отношению к самому Александру. Самолюбие последнего было задето. Особенно оскорбил его совет Сперанского не брать на себя командование войсками в предстоящей кампании, а поручить ведение войны специально для этой цели созданной Государственной думе. «Но что же я такое? – в раздражении воскликнул царь. – Разве нуль? Из этого я убеждаюсь, что он своими министерствами точно подкапывался и подкапывается под самодержавие, которого я не могу и не вправе сложить с себя самовольно ко вреду моих наследников»⁸⁷.

Однако внешне Александр сохранил прежние отношения со своим сотрудником. В феврале 1812 г. тот даже получил очеред-

ную награду – Александровскую ленту. Продолжались и их частные встречи. 17 марта государственный секретарь получил приказ явиться в Зимний дворец к 8 часам вечера. Встреча, по свидетельству ожидавших в секретарской комнате высочайшей аудиенции А. Н. Голицына и П. В. Голенищева-Кутузова, продолжалась около двух часов. Но сам Сперанский, рассказывая позже об этом Х. Я. Лазареву, вспоминал, что Александр, отложив принесенные бумаги, сразу объявил ему о ссылке: «Обстоятельства требуют, чтобы на время мы расстались. Во всякое другое время я бы употребил год и даже два, чтобы исследовать истину полученных мною против тебя обвинений и нареканий. Теперь же, когда неприятель готов войти в пределы России, я обязан моим подданным удалить тебя от себя. Возвратись домой, там ты узнаешь остальное. Прощай». Сам государь почти дословно повторил то, что запомнил Сперанский, своему давнему другу Н. Н. Новосильцеву⁸⁸.

По всей вероятности, именно это и было сказано перед расставанием двух сотрудников. Слова императора позволяли Сперанскому сохранять некоторые надежды на будущее (и он действительно довольно долго их питал), так как, казалось, сам Александр своего сподвижника ни в чем не обвинял, более того, он даже не слишком-то и верил наветам недругов, но вынужден был пойти на этот шаг под давлением не зависящих от него обстоятельств. Приближающаяся война, и Сперанский это понимал как никто другой, была серьезным мотивом поступить таким образом. Ему хотелось верить в искренность царя, хотя бы потому, что иначе вся напряженная работа последних лет превращалась в пустую, совершенно бессмысленную трату времени. Характерно, что Сперанскому не было предъявлено никакого формального обвинения, он не был лишен ни чинов, ни наград, ни дворянства. Более того, не было и официального указа об отставке, он отстранялся от занимаемых должностей и «удалялся» из столицы «на время», «до особого разбирательства». Только 6 апреля последовало назначение на оставшуюся вакантной должность госсекретаря вице-адмирала А. С. Шишкова.

Вернувшись домой, опальный сановник застал там Балашова и де Санглена. Все бумаги его были опечатаны, а сам он, едва успев написать успокаивающую записку дочери и теще, посажен в кибитку, которая должна была доставить его в Нижний Новгород.

Известие о падении Сперанского вызвало в столицах нескрываемую радость. Никто не знал точно, что именно произошло, и

слухов ходило множество. Характерно, что, нападая задним числом на поверженного реформатора, его обвинители высказали, наконец, свои настоящие и самые большие опасения. «Велик день для отечества и нас всех – 17-й день марта! – писала в своих записках В. И. Бакунина. – Открыто преступление в России необычайное, измена и предательство. Неизвестно еще всем ни как открылось злоумышление, ни какие точно были намерения, и каким образом должны были приведены быть в действие. Должно просто полагать, что Сперанский намерен был предать отечество и государя врагу нашему. Уверяют, что он в то же время хотел возжечь бунт вдруг во всех пределах России и, дав вольность крестьянам, вручить им оружие на истребление дворян. Изверг, не по доблести возвышенный, хотел доверенность государя обратить ему на погибель»⁸⁹. Как известно, Сперанский и сам опасался крестьянских волнений и был противником любых насильственных мер. Но нельзя не согласиться и с тем, что расширение политических прав и замена старых властных структур на более современные и демократические способствовали бы росту политической культуры в стране и осознанию архаичности крепостных отношений. Таким образом, опасения, что перемены, которые стремился внедрить Сперанский, в конечном счете должны были привести к ликвидации крепостного права и изменению статуса дворянства, были не совсем безосновательны.

Впрочем, среди поднявшегося шума радости и поздравлений с «избавлением» от «изверга» слышались и иные голоса: Н. С. Мордвинов, М. Б. Барклай де Толли, К. В. Нессельроде, даже А. А. Аракчеев пытались защитить реформатора перед Александром I. Разумеется, у каждого был свой резон: Мордвинов, не соглашаясь порой с какими-то частностями, в целом разделял убеждения Сперанского, военный министр Барклай де Толли ценил сделанное им для подготовки к войне, а Аракчеев опасался, что «партия знатных наших господ», усилившаяся после его падения, теперь обрушится на него самого.

Пожалуй, из всех современников наиболее взвешенное и объективное объяснение случившемуся нашел П. А. Вяземский, настроенный по отношению к Сперанскому несколько скептически. В своей «Старой записной книжке» он рассуждал: «В замыслах Сперанского не было ничего преступного и, в юридическом смысле, государственно-изменнического. Кажется, не подлежит сомнению, что в окончательных целях не было единства между импера-

тором и министром: сей последний хотел идти далее и в особенности скорее. С другой стороны, в приятельских разговорах, чуть ли даже не в переписке, пускаемы были шутки, насмешливые прозвища. Несколько мнительный и при всей кротости своей самолюбивый, Александр чувствовал себя нравственно и лично оскорбленным в этом тайном неуважении к нему Сперанского. Прибавьте к этому почти общее недовольство при оглашении государственных мер, вымышляемых Сперанским, неудовольствие, имевшее в Карамзине красноречивого обличителя, а в великой княгине Екатерине Павловне, в графах Ростопчине и Армфельдте, в Балашове и, может быть, во многих других деятельных и сильных – и уже не просто теоретических – поборников; примите при том в соображение, что на Россию надвигалась туча, разразившаяся грозой 1812 г., и известны были наполеоновские и вообще французские сочувствия Сперанского, сокупите все эти обстоятельства, подведите их под один итог – и тогда, если еще не вполне, то по крайней мере несколько объяснится и оправдается неожиданное и всех изумившее падение могучего счастливец»⁹⁰.

3 марта Сперанский прибыл в Нижний Новгород и был принят несколько растерянным губернатором А. М. Руновским: высочайшие указания относительно сановного ссыльного поступили только через три дня. В этих инструкциях предписывалось, с одной стороны, «дабы тайному советнику Сперанскому во время пребывания его в Нижнем Новгороде оказываема была всякая пристойность по чину его», а с другой, устанавливалось строжайшее наблюдение за поведением, знакомствами и перепиской необычного поднадзорного. Любопытно, что Александр I требовал, чтобы ему, где бы он ни находился, даже за границей, доставлялись все письма Сперанского, в том числе и адресованные не ему (а монарху невольный нижегородец писал часто), обязательно прочитывал их, и только после этого они доставлялись адресату. Такое необычное поведение императора ставило в тупик местных чиновников, и на первых порах, очевидно, не исключая возможности прощения, они относились к Михаилу Михайловичу довольно почтительно. Не оставляли его и немногие сохранившие ему верность друзья, некоторые, например М. Злобин и А. А. Столыпин, даже навещали его. Вскоре в Нижний Новгород прибыло и его семейство, состоявшее из дочери Лизы, тещи Е. А. Стивенс и племянницы по жене Анны. Но если соединение с дочерью, искренне

привязанной к отцу, приносило ему душевную отраду, то сетования тещи на судьбу, связавшую ее с человеком, ставшим причиной многих ее несчастий, действовали удручающе.

Немало огорчений доставлял ему и вице-губернатор А. С. Крюков, приятель одного из главных недругов Сперанского Ф. В. Ростопчина, распускавший столичные слухи среди нижегородских обывателей и поставлявший местные слухи своему покровителю. Вторжение 24 июня 1812 г. в Россию наполеоновских войск изменило положение Сперанского. Вспыхнувшие патриотические чувства населения, усугублявшиеся по мере продвижения захватчиков по русской земле, искали выхода и, как это часто случается, находили его не только в сборе средств для армии и помощи беженцам, но и в преследовании тех, кого подозревали в пособничестве врагам. Неблагоприятные для Сперанского слухи вызвали озлобленность против него. 15 сентября начальник 3-го округа военного ополчения П. А. Толстой получил от Александра I рескрипт, в котором говорилось и о Сперанском: «При сем прилагаю рапорт вице-губернатора нижегородского о тайном советнике Сперанском. Если он справедлив, то отправить сего вредного человека под караулом в Пермь, с предписанием губернатору от моего имени иметь его под тесным присмотром»⁹¹.

В Перми, куда он прибыл 23 сентября, Сперанский поселился в доме купца И. Н. Попова, в котором нашел не только хозяина, но и доброжелательно настроенного, умного собеседника. Кроме него, отношения с опальным сановником поддерживали игумен Соликамского монастыря, преподаватель пермской духовной семинарии Иннокентий Коровин и купец Д. Е. Смышляев. Последний даже оказал материальную поддержку оказавшемуся в весьма стесненных обстоятельствах Сперанскому. По возвращении своем в Петербург Михаил Михайлович сумел отблагодарить этих великодушных людей и до конца жизни следил за их судьбой, оказывая в случае нужды помощь и поддержку.

Однако большинство жителей Перми отнеслись к нему с недоверием и подозрительностью. Начальство, слишком буквально поняв указание о «тесном присмотре», в передней его дома устроило посменный пост из двух полицейских, а «городничий каждый день, а иногда и по несколько раз в день, приезжал к нему на квартиру». Местные обыватели и даже священники сторонились его, а мальчишки, «наученные взрослыми, кричали ему вслед “измен-

ник, изменник!”, иногда бросали в него грязью»⁹². Понимание причин такого поведения людей, для которых Сперанский трудился все эти годы, не избавляло его от горечи, сам он позже говорил, что в Перми «была уже прямая ссылка, в полном смысле этого слова». Все это побудило его обратиться в Петербург, чтобы там, наконец, определили его новый статус и, если он действительно преступник и не может пользоваться оставшимся в России именем, ему было бы назначено содержание, на которое «всякий ссыльный вправе рассчитывать».

Реакция Александра I, повелевшего существенно улучшить материальное положение своего недавнего помощника и именовавшего его в указе не ссыльным, а «пребывающим в Перми тайным советником Сперанским», не только поменяла подозрительное отношение к нему пермяков на едва ли не раболепное, но и возродила надежды самого Сперанского. Отправив всех домохозяев в новгородское имение Великополье, он обращается с иностранным письмом к императору. В нем объясняет побудительные мотивы всех своих действий, главным из которых он считает желание самого монарха «составить наконец твердое и на законах основанное положение, сообразное духу времени и степени просвещения». С присущей ему логикой он доказывает своевременность и полезность задуманных императором и только проведенных им преобразований. И именно это, по его мнению, стало причиной «зависти, клеветы и злословия» тех, кто «не терпел перемен в настоящем и страшился их еще более в будущем»⁹³. Основной целью «пермского письма» было оправдать себя в глазах Александра I и вернуть его доверие. Но время для этого было выбрано неудачно: вовлеченному в быстро менявшиеся, требующие пристального внимания события в Европе монарху было не до внутренних дел. Ответа не последовало.

Только 30 августа 1814 г. в день тезоименитства Александра I и в честь славной победы был обнародован манифест «О всепрощении преступников», под который подпадал и Сперанский. Ему было разрешено поселиться в его деревне Великополье, где он, высказывал надежду император, «не подаст повода какими-либо в отмену сего мерами»⁹⁴. Это было довольно удобное для Александра разрешение вопроса: ликвидировался более чем странный статус не осужденного ссыльного, допустимый разве что в военное время, но

прощение вкупе с другими не означало и оправдания и, следовательно, не влекло за собой возвращения к прежней деятельности.

Два года, проведенные в новгородской деревне, также были продолжением ссылки: за ним по-прежнему велся надзор, правда, не столь явственный, но не менее строгий, въезд в столицы был категорически воспрещен. Конечно, собственное имение лучше чужого города и чужого дома, здесь была возможность устроить все по-своему, не оглядываясь на посторонних, что создавало иллюзию некоторой свободы. Но хотя, рассказывая позже об этом времени, Михаил Михайлович уверял, что нашел в Великополье «тихую пристань после бурного плаванья, исполнив долг государю и Отечеству по совести и крайнему разумению» и «наконец мог жить для себя»⁹⁵, но ни уроки дочери, ни религиозные и исторические изыскания, ни поэтические труды (некоторые стихи этой поры были напечатаны в «Сыне Отечества») не могли в полной мере возместить ему удовлетворения, получаемого только в службе. Возможно, Вяземский, с иронией заметивший, что «Сперанский был преимущественно чиновник огромного размера», был не так уж и не прав⁹⁶.

Попытки Сперанского напомнить о себе императору и личными письмами, и при посредничестве В. П. Кочубея и нового министра полиции С. К. Вязмитинова не принесли успеха. И тогда, попустившись гордостью, он обратился за содействием к Аракчееву, занявшему при Александре место первого советника. Последний согласился покровительствовать своему предшественнику. Разумеется, речь не шла о его прежнем положении и прежней должности, но способности его, никем не отрицаемые, могли быть полезны в провинции, где порядка было еще меньше, чем в столице. 30 августа 1816 г. вышел указ, в котором не слишком вразумительно упоминалось о прошлых винах Сперанского и желании императора дать ему возможность «усердною службою очистить себя в полной мере», для чего он назначался Пензенским гражданским губернатором. Как ни незначительна была эта должность по сравнению с предыдущими и как ни мал был диапазон деятельности, Сперанский воспринял это «не без радости». Чтобы укрепить свое положение, а отчасти и из искренней благодарности единственному человеку, сумевшему оказать ему реальную помощь, перед отъездом в Пензу он встретился с Аракчеевым в его имении

Грузино. Это положило начало не близким, но уважительным отношениям между столь разными людьми.

Назначение в Пензу Михаил Михайлович воспринимал как меру временную, своего рода испытание, которое он должен пройти перед возвращением в Петербург. Чтобы полностью отдаться новой службе и с успехом выдержать своеобразный экзамен, он посвятил некоторое время устройству личных дел: определил дочь в столичный институт благородных девиц, навестил мать в Черкутино, посетил свою *alma mater* – владимирскую семинарию, получил благословение владимирского архиерея. 1 октября 1816 г. Сперанский прибыл к новому месту службы.

Первые впечатления от Пензы у нового губернатора были двойственными: сам город ему понравился, но люди встретили его настороженно. Преодолеть подозрительность и чопорность провинциального общества помогли отточенные годами приемы придворного, добродушие, которое он здесь не сдерживал как когда-то в Петербурге, и поддержка многочисленной родни давнего друга Столыпина. Прибавили ему популярности и энергичные меры, предпринятые для подавления волнений крестьян в Моршанском уезде. Но столь же решительно он действовал и против злоупотреблений помещиков, добившись, например, предания суду помещика, засекшего насмерть своего дворового. Он «открыл свободный к себе доступ», принимая посетителей из самых разных слоев и с самыми разными просьбами. Решения принимались быстро, что особенно удивляло просителей, привыкших к долгим проволочкам. Это непосредственное общение с населением помогло ему быстро войти в курс дела, увидеть недостатки и пороки губернской системы управления. А недостатков в ней было действительно немало: «сколько зла и сколь мало способов к исправлению», – с горечью констатировал хозяин губернии. Увиденное во время ревизии пробудило у него желание разработать «лучший губернский устав», но огромное количество конкретных задач, требовавших немедленного решения, оставляло мало времени для теоретических занятий.

Ему пришлось существенно обновить сначала аппарат губернского, а затем и уездного управления, привлекая, за неимением других образованных людей, способных выпускников местной духовной семинарии. Всем присутственным местам были четко определены их функции, правила взаимоотношений друг с другом и степень соподчиненности, упорядочено делопроизводство, что

придало местным органам известную стройность и благотворно сказалось на прохождении в них дел. Внес Сперанский свою лепту и в упорядочение дел по винному откупу в Пензенской губернии, благодаря чему прекратились злоупотребления, а казна получила дополнительные доходы.

Но хотя вся эта работа приносила ощутимую пользу губернии и вызывала к нему уважение почти всего местного общества, Сперанский вскоре почувствовал разочарование – масштаб возможностей не соответствовал его жажде деятельности. Может быть, поэтому он с таким жаром откликался на письма «вспомнивших» о нем коллег: А. Б. Куракина, государственного контролера Б. Б. Кампенгаузена, министра финансов Д. А. Гурьева и др. По мнению его биографа Корфа, Сперанский в переписке с министрами «выходил за пределы его губернаторской должности», помогая им своими «мнениями и советами» (например, обширная записка о кредитной системе и государственном займе, написанная для Гурьева). Напоминая таким образом о себе, стараясь быть полезным своим корреспондентам, он надеялся на их содействие в сокращении «инвалидной» службы и возвращении в Петербург. Это стало для него почти навязчивой идеей, об этом он пишет в письмах к императору, друзьям и вчерашним недругам, ради этого содействует устройству в Пензенской губернии отделения Библейского общества и даже возглавляет его, вызвав недоумение и нарекания передовых людей, привыкших видеть в нем образец либерала. Заслуги Сперанского были отмечены, он получил 5 тыс. десятин земли «в воздаяние отличных трудов», но в вопросе о возвращении никакого продвижения не было. Исчерпав все возможности, он вновь обращается к посредничеству Аракчеева, воспользовавшись как предложением продажи своего новгородского имения в казну. Тот не замедлил отозваться, сообщив, что император повелел купить Великополье по назначенной самим Сперанским цене. Что же касается основной просьбы, Аракчеев намекнул на скорую перемену в его положении. Правда, вскоре выяснилось, что это была не та перемена, которой так ждал пензенский губернатор, его путь лежал не на запад, а на восток: 21 марта 1819 г. Александр I подписал указ о назначении Сперанского сибирским генерал-губернатором.

Глава 3

«СИБИРСКИЙ ВОПРОС»

В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Присоединением Сибири к Российскому государству, собственно, заканчивается формирование его территории и начинается процесс имперского строительства. П. Н. Милюков в этой связи замечал: «Последний продукт колонизационного усилия России – ее первая колония – Сибирь стоит на границе того и другого»⁹⁷. С Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией. В составе России Сибирь имела как бы две ипостаси – отдельность и интегральность⁹⁸. Она манила романтической свободой, своими богатствами и одновременно пугала своей неизведанностью, каторгой и ссылкой. Сибирь в представлении россиян все еще оставалась концом света, «дном мешка»⁹⁹. Как заметил Ю. М. Лотман, к началу XIX в. Сибирь уже вошла в литературу и устную мифологию как символ ссылки¹⁰⁰. Один из русских помещиков даже назвал «Сибирью» пустынное место в Тверской губернии, куда он ссылал для наказания своих крепостных¹⁰¹. Отправляясь в Сибирь в 1819 г. с ревизией, М. М. Сперанский так описывал свои первые впечатления от увиденного края: «Сибирь есть просто Сибирь, т. е. прекрасное место для ссылочных, выгодное для некоторых частей торговли, любопытное и богатое для минералогии, но не место для жизни и высшего гражданского образования, для установления собственности, твердой, основанной на хлебопашестве, фабриках и внутренней торговле». Он предостерегал от модного заблуждения «превозносить Сибирь и находить в ней Индию»¹⁰².

В российских правительственных кругах в начале XIX в. на Сибирь продолжали по-прежнему смотреть как на случайно доставшуюся колонию, видя в ней «Мехику и Перу наше» или «Ост-Индию»¹⁰³. Однако опыт англичан в Северной Америке и Индии, а также собственный опыт в Закавказье заставляли самодержавие с большой осторожностью относиться к колониальному вопросу. Са-

модержавие понимало, что открытое признание колониального характера сибирской политики может охладить чувства как русских жителей, так и представителей коренных народов к метрополии.

Кавказский опыт чрезвычайно важен для понимания основных тенденций в региональной административной политике самодержавия и в Сибири¹⁰⁴. В правительственных кругах существовало понимание необходимости выработки общих подходов к управлению окраинами. В отчете министра внутренних дел за 1803 г. Сибирь выделялась в особый отдел наряду с Новороссией и Грузией. Не случайно некоторые положения об управлении Закавказьем, Оренбургским краем и Казахстаном обсуждались в Азиатском и первом Сибирском комитетах. О некоторых общих принципах «окраинной» политики самодержавия можно судить по проекту 1831 г. об управлении Закавказьем. Главной целью правительственной политики в проекте декларировалось стремление «спасть» окраины с Центральной Россией. Для этого предусматривалось распространить на всю территорию империи общероссийскую губернскую систему управления, усилить русский элемент на окраинах, насадить в крае русское дворянство и чиновничество. Все эти меры предполагалось осуществлять осторожно и постепенно, учитывая местную специфику¹⁰⁵.

В определении принципов региональной политики самодержавие оказалось перед неизбежным выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить Сибири некоторую административную автономию. Признание особого статуса Сибири в составе империи вело к законодательному закреплению отдельности края, формированию столь распространенной впоследствии формулировки: «Россия и Сибирь». Оставляя, по сути дела, открытым вопрос – колония Сибирь или провинция, самодержавие так и не смогло выработать четко очерченного правительственного курса по отношению к Сибири. В первой половине XIX в. внимание правительства часто было занято другими проблемами (Кавказ, Польша, Бессарабия, Финляндия, войны и революции в Европе). Не было создано и вполне понятной применительно к Сибири колониальной (или «окраинной») доктрины. Внутри правительства шла затянувшаяся борьба между «централистами» и «регионалистами». Отсутствие теоретически осмысленной региональной политики приводило к непоследовательности в правительственных действиях. Ни по отношению к Закавка-

зью, ни по отношению к Сибири самодержавие не смогло выработать четкой программы действий. Правительственная политика зависела в значительной степени от разрозненных, подчас сиюминутных ведомственных интересов, от непоследовательности во взглядах и решениях местной высшей администрации. К Сибири вполне применимо замечание главнокомандующего на Кавказе И. Ф. Паскевича: «В управлении сем я не мог открыть ни цели, к которой предназначен сей край, ни прочно принятой системы, которая бы вела к чему-либо хотя медленными, но верными путями. Каждый начальник действовал сообразно своему понятию, своим чувствам и своей образованности»¹⁰⁶. Такого рода тенденции и противоречия в закавказской политике самодержавия важны и для понимания правительственных поисков в выработке управленческой модели для Сибири.

Серьезное воздействие на правительственную политику в Сибири оказывали господствовавшие в то время теоретические представления. Наука и колониальная практика твердили, что со временем колонии стремятся к независимости. «Дух журналов» в рецензии на книгу знаменитого российского статистика К. И. Арсеньева «Начертания статистики Российского государства» в 1819 г. «ужасался», что там Сибирь именовалась колонией России¹⁰⁷.

Тихвинская площадь.
Автор П. И. Пежемский, иркутский летописец и художник

Ф. Ф. Вигель, проехавший через Сибирь в 1805 г. в составе посольства графа Ю. А. Головкина, не только описал свои впечатления от увиденного им края, но и представил некий прогноз на будущее. По его словам, активная британская политика в американских колониях сослужила плохую службу метрополии, и Англия не только утратила эти колонии, но обрела в их лице опасных соперников. Другое дело Россия, убеждал Ф. Ф. Вигель, которая смотрела на Сибирь, «как богатая барыня на дальнее поместье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управление коего совершенно вверено приказчикам, более или менее честным, более или менее искусным. Поместье всегда исправно платит оброк золотом, серебром, железом, мехами: ей только и надобно; о нравственном и политическом состоянии его она мало заботится». Такое дремотное состояние Сибири, как он считал, было только на пользу России, поэтому не стоит слишком хлопотать, а все полезное придет само собой. Его обнадеживает забвение Сибири. Именно оно обеспечило то, что все осталось в руках государства, а не было разбазарено частными лицами. Поэтому Сибирь, как медведь, сидит у России на привязи. Однако в будущем, рассуждал далее Ф. Ф. Вигель, Сибирь будет полезна России как огромный запас земли для быстро растущего русского населения, а «сибирский вопрос» разрешится сам собою. По мере заселения Сибирь будет укорачиваться, а Россия расти¹⁰⁸. Схожей точки зрения придерживался и бывший томский губернатор В. С. Хвостов, считавший, что Сибирь остается для высшей власти «в отдаленном тумане» и пока нужно иметь ее «особенным запасным магазином, как не подверженную никаким политическим опасностям в отношении соседей ее»¹⁰⁹.

Имперское расширение, поддерживавшее старую социально-политическую структуру страны, являлось своего рода допингом. Для укрепления международного престижа династии, умножения административных постов, чинов и наград для военных и бюрократии необходимы были все новые и новые территориальные приобретения. Но эти новые земли плохо осваивались, да и такой цели, как считает Г. М. Дерлугьян, долгое время не ставилось¹¹⁰. Вплоть до строительства Сибирской железной дороги Сибирь с экономической точки зрения оставалась большим «географическим трупом»¹¹¹. Сибирь, в отличие, скажем, от Канады, надолго застряла на первоначальной стадии хозяйственного освоения. Сибирский регион не стал в первой половине XIX в. ни объектом

мощного колониационного движения, ни источником сырья для российской промышленности, ни заметным рынком сбыта для мануфактур и фабрик центральной части страны. Смысл правительственной политики долгое время сводился к тому, чтобы больше взять и поменьше дать. Помимо организации сбора податей, пошлин и ясака, правительство интересовало лишь вопросы безопасности, ограждения Сибири от посягательств внешних и внутренних конкурентов.

Правительственный взгляд на Сибирь в эти годы обуславливался тремя основными задачами: доходностью края, удобством его управления и охраной восточных и южных азиатских границ империи. Осложнение какой-либо из этих задач, а чаще всех сразу, заставляло самодержавие вспоминать о своей далекой и обширной окраине и в спешном порядке проводить мероприятия, которые бы смогли если не улучшить, то хотя бы стабилизировать ситуацию. Такой подход в правительственной политике по отношению к Сибири придавал сибирскому законодательству непоследовательный, несогласованный, во многом ситуативный характер.

Повышение интереса в правительственных кругах к Сибири привело к постановке целого ряда проблем, требовавших корректировки прежнего правительственного курса. В конце 30–40-х гг. XIX в. приходит понимание, что прежняя беспечность в сибирской политике больше не может сохраняться. Все чаще от людей, знакомых с Сибирью, поступают проекты ее хозяйственного освоения. Так, В. С. Хвостов заявлял, что развитие промышленности, усовершенствование транспортных коммуникаций, устройство ссыльных потребуют значительных затрат, «но дальновидность государственного хозяйства разочтет, послужат ли предпринимаемые заведения промышленности к существенным пользам государства оживлением сего края, который в нынешнем его положении можно уподобить большого пространства озеру, не имеющему для освежения никаких проливов и истоков, кроме обыкновенных дождей летом и льда зимой»¹¹². В 1835 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин предписал местным властям затребовать от сибирских промышленников сведения о возможных промыслах в Сибири и о препятствиях к их развитию¹¹³.

О возрастающем внимании к краю свидетельствовало и то, что к нему чаще обращают взоры представители правящей династии, сибирские проблемы занимают высшие органы власти и

главных государственных деятелей. Известно, что Александр I собирался посетить Сибирь, но смерть в 1825 г. помешала осуществиться этому намерению. В Западную Сибирь в 1837 г., впервые за все предшествующее время, приехал наследник престола – цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II. В письме, отправленном Николаю I из Тобольска 3 июня 1837 г., он хорошо отзывался о сибирских старожилах и выразил обеспокоенность бедственным положением ссыльных¹¹⁴. Наследник и сопровождавший его В. А. Жуковский были удивлены, увидев Сибирь «в таком цветущем состоянии и довольстве»¹¹⁵.

В связи с реформой государственной деревни в 1830–1840-х гг. встал вопрос о более рациональном использовании земельных и лесных ресурсов Сибири, о переселении крестьян на пустующие сибирские земли. Министр государственных имуществ П. Д. Киселев предлагал отойти от исключительно фискального взгляда на Сибирь и перейти к более широко понятому хозяйственному управлению, которое бы соединялось в руках одного ведомства, имеющего разветвленную сеть местных учреждений губернского и окружного уровня. В распространении на сибирские губернии общероссийской системы крестьянского управления видели, кроме того, и более глобальную задачу – сблизить их административное устройство с внутрироссийским. Об этом ясно заявил по возвращении из Западной Сибири руководитель Комиссии государственных имуществ капитан 2-го ранга И. В. Вонлярлярский: «Вся цель нашего правительства с самого начала покорения Сибири под власть российских государей была та, чтобы подвести эту страну в общей системе государственного управления под одну, так сказать, категорию с областями, лежащими в Европе»¹¹⁶.

Одним из наиболее важных и сложных вопросов сибирской политики был вопрос колонизационный. До XIX в., организуя переселение служилого и земледельческого населения за Урал, правительство преследовало прежде всего военно-политические и административные цели, обеспечивая русское господство на азиатских окраинах империи. Необходимо было организовать заселение трактов и пограничных линий, обеспечить продовольствием местную администрацию и военных. Государство при этом в качестве колонизационного элемента пыталось использовать ссыльных, которые активно задействовались при строительстве дорог, крепостей, городов.

Начало XIX в. выдвинуло новые задачи. На первый план выходит понимание значения Сибири как земледельческой колонии. Правительство стремится сместить акцент в переселенческой политике в сторону хозяйственного освоения сибирского региона¹¹⁷. Уже в законе 1799 г. о заселении Забайкалья указывалось, что сибирский край из-за слабой заселенности «не приносит той пользы, каковую бы государство от него получить долженствовало». На активизации переселения в Сибирь настаивал в 1822 г. М. М. Сперанский. Жандармский полковник Кельчевский в 1832 г. также делал вывод о необходимости уделять Сибири больше внимания, «что край сей, быв в числе важнейших для империи, не есть одно только место ссылочных, якобы достойных сотоварищей сибиряков»¹¹⁸. По его мнению, Сибирь способна принять огромное число переселенцев, но для этого нужно позаботиться не только об аграрном, но и промышленном ее развитии. В середине 1830-х гг. Министерство финансов, в ведении которого находились в то время государственные крестьяне, пыталось выяснить колонизационные возможности Сибири. Закон 1843 г., подготовленный Министерством государственных имуществ (МГИ), фактически стал первой попыткой самодержавия решить проблему малоземелья в некоторых великорусских губерниях за счет переселения государственных крестьян в Сибирь. Это привело к усилению переселенческого потока за Урал. Однако переселенческий курс, выработанный МГИ, натолкнулся на неприятие и явную оппозицию со стороны администрации Западной Сибири, на территории которой и предполагалось разместить основную массу переселенцев. Переселенческое движение, оказавшись без существенной поддержки со стороны государства, кроме того, уперлось в полную неразбериху с межеванием земель¹¹⁹. Немногочисленный сибирский аппарат управления оказался не готовым к принятию переселенцев, их водворению, распределению земель.

В первой половине XIX в. острота земельного вопроса не проявила себя столь остро, чтобы стимулировать правительство к решительным действиям по организации крестьянской колонизации Сибири. Механический прирост зауральского населения шел в основном за счет самовольных переселенцев и ссыльных. Феодално-крепостническая система препятствовала успешной колонизации зауральского региона. Запрещая официально самовольные переселения, правительство, по сути, закрывало на это глаза,

если крестьяне благополучно добирались до Сибири. Правительство продолжало скорее сдерживать, чем поощрять, крестьянское переселение.

Несмотря на непоследовательность в переселенческой политике, слабое внимание правительства к нуждам Сибири, ее заселение в первой половине XIX в. заметно ускорилось. С 1795-го по 1850 г. сибирское население увеличилось в 2 раза – с 595 тыс. до 1 млн 211 тыс. душ мужского пола¹²⁰. По темпам прироста населения Сибирь устойчиво опережала среднероссийские показатели. Удельный вес населения Сибири в России повысился с 3,26 до 4,32 %. Сибирь постепенно утрачивала и свою этническую специфику. Так, за этот же период в западносибирских губерниях процент русских увеличился с 85,6 до 90,7 %. Несколько меньшим этот показатель был в Иркутской губернии: соответственно 38,04 и 41,99 %. Это свидетельствовало также об усилении переселенческого потока из Европейской части России за Урал¹²¹. За 1816–1854 гг. переселилось в Сибирь около 119 тыс. душ мужского пола, большая часть которых осела в Западной Сибири. Основную массу русского населения Сибири (более 80 %) составляли государственные крестьяне. Меньшее, чем в Европейской России, воздействие феодально-крепостнического строя на крестьянское хозяйство Сибири обеспечило более динамичное его развитие и более высокую степень социальной дифференциации. Посевные площади, по сравнению с концом XVIII в., к середине XIX в. по всей Сибири выросли в 2 раза. Государство отказалось от попыток непосредственно вести земледельческое хозяйство в Сибири¹²². Более высокими, чем в среднем по России, были и показатели товарности сибирского зернового производства (20–25 %, тогда как по России в 1860-е гг. 17–18 %)¹²³. Росла и районная специализация производства.

Быстрый рост сельского населения, увеличение производства зерна беспокоили западносибирскую администрацию, так как из-за узости местного рынка это могло привести к перепроизводству хлеба и снижению цен на него. А это, в свою очередь, грозило снижением податных возможностей сибирского крестьянства. Недостаток денег у сибирского крестьянина заставил уже однажды отказаться от предложенной М. М. Сперанским прогрессивной меры по замене натуральной дорожной повинности денежными сборами на содержание дорожных команд из ссыльных. Сенаторы Б. А. Куракин и В. К. Безродный, ревизовавшие Западную Сибирь в

1827–1828 гг., отмечали, что сибирские крестьяне живут в основном безбедно, но безденежно: «Довольство их однако ж состоит отнюдь не в денежной наличности, а в достатке продуктов, трудами собственных рук из земли вырабатываемых, и в изобилии скотоводства. Достаток в сих предметах, без сомнения, снабжал бы их и деньгами, если бы была возможность сбывать земные продукты и скот с выгодой. Но великое пространство края и отдаленность оного на тысячи верст от мест, нуждающихся в хлебе и скоте, служит непреодолимым к тому препятствием»¹²⁴.

Это создавало еще одну проблему, которая также выявила несовпадение взглядов центральной и региональной администрации на колонизационный вопрос. Если в Восточной Сибири, в силу ее отдаленности, слабой заселенности и значительных потребностей в хлебе, к переселениям местная администрация относилась положительно, то в Западной Сибири ситуация была более сложной. Чиновник по особым поручениям при западносибирском генерал-губернаторе Н. Я. Смирнов указывал в 1841 г., что Сибирь, в отличие от Северной Америки, лишена удобных речных и морских путей для сбыта своей земледельческой продукции. Доставка же сибирского хлеба к Волге (даже по железной дороге) «обойдется хозяину дороже русского хлеба в неурожайный год»¹²⁵. Отдалена Западная Сибирь «ужаснейшими степями» и от китайских и среднеазиатских рынков. Фабричное производство развито слабо, и рабочих легко смогут прокормить, по подсчетам Н. Я. Смирнова, всего 10 тыс. пахарей. Поэтому переселение сюда крестьян, кроме значительных затрат, пользы правительству не принесет. Переселенцы будут «сыты, но нищи, от них обнищают и сибиряки. Хлеб потеряет всю цену, чем заплатят крестьяне подать, на что купят вина?» А в Западной Сибири доходы от винных откупов составляли треть всех доходов. Поэтому, заключал он, для Сибири еще долго «не нужны попечения правительства о умножении в ней народа извне; это раннее попечение превратит Сибирь, страну богатую, довольную – в нищую»¹²⁶.

Вопрос о рынке сбыта для сельскохозяйственной продукции оказался связанным с еще одной важной проблемой – развитием сибирской золотопромышленности. По подсчетам иркутского историка С. Ф. Хроленка, с 1831 по 1850 г. добыча золота в Сибири возросла с 45 до 1296 пудов (почти в 29 раз). Сибирь стала основным золотодобывающим регионом Российской империи. К сере-

дине XIX в. здесь уже добывалось 80 % всего российского золота. Резко повысился государственный доход от частной добычи золота в Сибири. К концу 1840-х гг. он достиг 4,5 млн руб. Появились крупные золотопромышленные компании, влияние которых на сибирскую хозяйственную и общественную жизнь постоянно возрастало. Большой интерес к золотопромышленности проявила петербургская аристократия¹²⁷. Число рабочих, занятых на сибирских золотых приисках в 1840-е гг., составило около 30 тыс. человек, большинство из которых (50–70 %) являлись ссыльнопоселенцами. Прииски привлекали в отхожий промысел значительное число крестьян не только Сибири, но и европейской части России.

Развитие золотопромышленности, конечно, повышало доходность Сибири, но и ставило перед властями новые проблемы. П. И. Небольсин, историк Сибири, побывавший в ней в 1842, 1844–1846 гг., писал о том, что золотопромышленность формирует здесь «небывалое в России племя пролетариев, буянов, не знающих цены деньгам, отвыкших от земледелия и без постоянного, требующего забот занятия»¹²⁸. С сибирской золотопромышленностью связано начало нового этапа в рабочем движении Сибири. В 1830–1860-е гг. в Сибири все 26 стачек (с выявленным числом участников – 10 350 человек) и 33 из 37 волнений рабочих имели место на золотых приисках¹²⁹. Правительство в 1838 г. приняло меры по законодательному определению частной золотопромышленности в Сибири, регулированию порядка найма рабочих, организации надзора за приисками. Усиливались воинские команды, направляемые для поддержания порядка в районах золотодобычи. Выступления рабочих сопровождалось расширением карательных функций местных властей. Томскому губернатору были предоставлены права предавать военному суду виновных в беспорядках на приисках. В Томске и Енисейске учреждались военно-судные комиссии¹³⁰. Надзор за положением в районах золотых промыслов вверялся сибирским генерал-губернаторам и специально назначенным туда жандармским чинам.

«Золотая горячка» обострила «сибирский вопрос». У различных ведомств и местных сибирских властей не существовало единства в определении перспектив развития сибирской золотопромышленности, в оценке ее влияния на социально-экономическую ситуацию в регионе. Министерство финансов поначалу сдержанно отнеслось к росту золотодобычи в Сибири, считая это

делом будущего. Комитет финансов считал, что «открытие вдруг всех золотых песков не представляет надобности». Известная осторожность существовала и в отношении частной инициативы. Министерство финансов больше сдерживало, чем поощряло ее, опасаясь, что «будет беспорядочная разработка и даже утайка золота, а лучше сохранить сии сокровища для казны на будущее время»¹³¹. С запозданием, только 30 мая 1838 г., появился закон о частной золотопромышленности в Сибири, когда уже там числилось до 200 лиц, занимавшихся золотым промыслом.

С открытием в Сибири золота и его разработкой, приведшей к повышенному спросу на рабочие руки, к росту цен на хлеб и другие продовольственные и промышленные товары, разгорелась целая дискуссия о роли золотопромышленности в развитии региона. Примечательна та аргументация, которую предложили в начале 40-х гг. XIX в. ревизовавшие сибирские губернии чиновники МГИ и местная администрация. В их взглядах обнаружились серьезные разногласия. Если комиссия полагала, что отход крестьян на прииски привел к упадку земледелия, то упоминавшийся уже Н. Я. Смирнов, напротив, заявлял о большой пользе золотых промыслов, дающих дополнительные доходы крестьянскому хозяйству и способствующих развитию местной промышленности. Рост доходов крестьян и ссыльнопоселенцев за счет заработков на приисках повышал, что было весьма отрадно в глазах чиновников, податные возможности сибирского населения. Споры о переселении крестьян из Европейской России, о занятости ссыльных, преступности среди них возводились до теоретического уровня. Ссылаясь на пример Испании, комиссия МГИ предупреждала, что «золотая лихорадка» пробуждает чувства алчности, угнетающе воздействующей на все другие виды хозяйственной деятельности. Прииски стягивают к себе ссыльных, повышая криминогенную ситуацию в этом районе и создавая опасную критическую массу, существующую без надлежащего надзора. Счет ссыльных, по мнению комиссии, потерян, управление ими при бесконтрольном бродяжничестве совершенно невозможно. 20 тысяч поселенцев, скопившихся на приисках, «суть материалы, по стечению обстоятельств готовые к всякому опасному предприятию для спокойствия страны»¹³²¹³³. Поэтому, настаивала комиссия, необходимо неотложно принять меры, чтобы предупредить возможные беспорядки среди ссыльных, способных возродить «времена Стеньки Разина»¹³³.

На эти предостережения Н. Я. Смирнов отвечал совершенно в духе «официальной народности», заявляя, что «Россия не Испания, не Америка, отдельная океаном, тут совсем другое время, другая местность и другие обстоятельства. Сама Испания, – глубокомысленно погружался он в историко-сравнительные аналогии, – обеднела в то время не от американского золота, а от изгнания мавров – миллиона трудолюбивых рук»¹³⁴. К тому же, успокаивал он, скоро золотой бум спадет, так как запасов золота в Томской губернии немного. По поводу же возможного бунта Н. Я. Смирнов заверял, что Сибири это не грозит, потому что ссыльные «ленивы, праздны и своевольны»¹³⁵.

Растет правительственный интерес и к промышленному освоению края. В строительстве мануфактур, переселении ремесленников, оживлении внутренней и внешней торговли, улучшении путей сообщения видели не только способы хозяйственного освоения Сибири, но и возможность расширения ее внутреннего хлебного рынка, узость которого сдерживала развитие хлебопашества. Еще Мальтус в своем трактате «О народонаселении» утверждал, что в богатой хлебом Сибири основная причина, замедляющая рост населения, состоит в малом спросе на труд и дешевизне сырых произведений, добываемых крестьянством¹³⁶. На необходимость развития сибирской обрабатывающей промышленности указывал просвещенный енисейский губернатор А. П. Степанов. Бывший томский губернатор В. С. Хвостов считал, что развитие сибирской промышленности сможет «оживить бездейственность или, так сказать, полумертвенность взаимных связей Сибири с Россиею»¹³⁷. Известный сибирский просветитель, историк П. А. Словцов писал в 1828 г. о необходимости развития переработки сибирских мехов, рыбы, леса и прочего в самой Сибири¹³⁸. Он одним из первых обратил внимание на приниженное положение Сибири, богатства которой оказались в руках торговых посредников центра. Иркутское купечество еще с XVIII в. ходатайствовало об ограждении их от конкуренции московских купцов в торговле с Китаем. Раздаются требования освободить сибирское население от «столь тяжкого ига чрез приобретаемые ненасытные выгоды пришельцев в родной край их»¹³⁹. Сибирские купцы просили оказать правительственную поддержку развитию местной промышленности и торговли. О стремлении московского купечества захватить в свои руки кяхтинскую торговлю упоминает в

«Обозрении Забайкальской области» член Комиссии государственных имуществ Л. Ф. Львов¹⁴⁰. Об этом же писал своим родственникам в феврале и апреле 1841 г. декабрист Н. А. Бестужев: «Теперь, в Кяхте, для вымена этих чаев, существуют две партии: одна Сибирская, торгующая пушными товарами, другая Русская, отдающая Китайцам сукна, вельвереты и прочие произведения фабричной промышленности. Последняя партия сильнее первой своими капиталами, и как фабрикация наша дошла до того, что ей надобен сбыт и кроме внутреннего, то потому партия Русских купцов всячески старается стеснить Сибиряков с Кяхтинского рынка, чтобы дать как можно более ходу своим товарам». В другом письме Бестужев добавляет, что «Москвичи решились задуть Сибиряков, т. е. Сибирскую Пушную Торговлю, которую живут и дышат целые сотни тысяч народа»¹⁴¹. Подобного рода противоречия ставили вопросы не только о путях развития сибирской промышленности и торговли, но и о возможной угрозе с их стороны торгово-промышленным интересам центра.

Самодержавие не оставляет без внимания и средства коммуникаций, памятуя, что «империя – это дороги». Наличие устойчивых транспортных сообщений – важный фактор не только торгового процветания региона, но и административной политики. Одним из главных средств эффективного управления и хозяйственного освоения Сибири должно было стать создание удобной и надежной транспортной сети. Но далее предложений об улучшении путей сообщения да сбора сведений о возможности соединения речных систем дело не пошло¹⁴². Другая важная управленческая задача состояла в повышении степени информированности правительства о Сибирском регионе. Этому способствуют, кроме официальных отчетов, материалы ревизий, записки путешественников, разного рода описания сибирских губерний. Постепенно растет заинтересованность властей в изучении восточных районов страны. В 1841 г. Николай I дает распоряжение министру народного просвещения подготовить проект научных экспедиций по исследованию Сибири¹⁴³.

Рутинное состояние транспортной сети в первой половине XIX в. (гужевые и водные перевозки) приводило к тому, что экономическая интеграция Сибири в единый российский народно-хозяйственный комплекс шла чрезвычайно медленно. Государственных средств на освоение азиатских территорий не хватало, а

к частной инициативе существовало известное предубеждение. Власти опасались, что корыстные дельцы будут покушаться на казенную собственность. Жандармский ревизор подполковник А. П. Маслов доносил в 1829 г. своему начальству о трудностях, встречаемых полицией со стороны сибирского купечества, которое представляет, по его словам, «господствующий класс в городе, сии люди привыкли не находить препон в своих намерениях, им кажется оскорбительным всякое законное требование порядка и подчинения, они думают, что богатство их должно во всяком случае быть уважено»¹⁴⁴. В отличие от западных колониальных методов эксплуатации, дававших широкий простор частной инициативе, самодержавие в Сибири продолжало придерживаться традиционной феодальной политики охраны и попечения над местным населением (русским и коренным), рассматривая купца и промышленника в качестве хищника и конкурента. Этими же мотивами можно объяснить столь заботливое отношение самодержавия и к так называемому ясачному населению, доходы с которого шли напрямую в императорскую казну. Особенно много столкновений было у местных властей с купцами и промышленниками по поводу торговли пушниной. В этой связи показательна та характеристика, которой наградил жандармский офицер купцов-монополистов. За спаивание сибирских жителей водкой он назвал их в официальном донесении «пиявками, сосущими кровь»¹⁴⁵.

Главным содержанием правительственной политики продолжало оставаться стремление охранять и сохранять. Это подтверждает и структура государственных расходов на Сибирь. В расходной части сибирского бюджета в 1819 г. военные затраты составляли 60 %, содержание аппарата управления и духовенства – 11,8 %, издержки кабинетских заводов – 21,6 %, содержание арестантов – 2,2 % и только 0,8 % пошло на нужды образования¹⁴⁶. Даже в «срединной» Енисейской губернии в 1829 г. из выделенных государством 454 052 руб. 36 и 3/4 коп. на гражданское управление было потрачено 50,3 % и на содержание войск – 26,7 %¹⁴⁷.

Податной интерес к сибирским народам сочетался в правительственной политике с традиционным принципом патернализма. На смену безразличию к общественному устройству сибирских народов приходит в начале XIX в. понимание не только необходимости консервации родо-племенных общественных и хозяйственных институтов, но и учета хозяйственной ориента-

ции и уровня социально-экономического развития сибирских народов. Этот подход получил отчетливое отражение в «Уставе об управлении инородцами» 1822 г. М. М. Сперанский поставил на повестку дня вопрос о создании условий и формах будущего слияния инородцев с коренной Россией. Правительство пыталось достичь совместимости государственных и традиционных институтов суда и управления, подчиняя последние государственным интересам. В административной политике по отношению к сибирским аборигенам существовало противоречие: с одной стороны, желание ограничить вмешательство местной администрации во внутреннее управление инородцев, а с другой – обеспечить бюрократическое руководство и контроль за действиями их органов самоуправления¹⁴⁸.

«Устав об управлении инородцами» 1822 г., подготовленный М. М. Сперанским и Г. С. Батеньковым, законодательно определил правовое положение коренных сибирских народов. По степени юридической разработанности «Устав» не имел аналогов в современном ему законодательстве Западной Европы и Америки в отношении аборигенного населения колоний¹⁴⁹. Несмотря на сочетание в реформе М. М. Сперанского консервативных и прогрессивных черт, в целом она была нацелена на постепенный переход сибирских аборигенов к оседлому образу жизни. М. М. Сперанский попытался дифференцированно подойти к оценке уровня хозяйственного развития различных сибирских народов, разделив их на три категории: «оседлых, кочевых и бродячих». Переход к оседлости для двух последних категорий предусматривался в длительной перспективе. В первой половине XIX в. реформа М. М. Сперанского мало коснулась «бродячих и кочевых» инородцев, а переход в разряд «оседлых» оборачивался для них лишь увеличением податного бремени¹⁵⁰. Коренное сибирское население не спешило терять льготы, предоставляемые правительственным попечительством в виде более низкого, чем у государственных крестьян, уровня налогообложения, освобождения от воинской повинности. Введение у оседлых инородцев волостного управления повышало расходы на содержание органов самоуправления.

Юридическая регламентация должна была поставить в законные рамки отношения инородческого управления и коронной администрации, упорядочить внутреннюю организацию и функции выборных родовых институтов. Предпринятые в 30–40-х гг.

ХІХ в. попытки кодификации норм обычного права сибирских народов не принесли ощутимых результатов. Несмотря на длительность рассмотрения проекта свода обычного права аборигенов Восточной Сибири, прошедшего целый ряд государственных инстанций (совет Главного управления Восточной Сибири, первый Сибирский комитет, II отделение Собственной Е. И. В. канцелярии, Государственный совет), он так и не был утвержден. Обычное право уже не отражало многих новых реалий в жизни сибирских народов, оно в значительной степени являлось пройденным для них этапом¹⁵¹. Русское право, как более развитое, выполняло при этом «миссионерскую» функцию, юридическая обособленность инородцев не отвечала стратегическим целям самодержавия¹⁵². В отношении коренных сибирских народов правительство взяло курс на правовую унификацию. В этом заключалась основная причина неудачи кодификации обычных норм права и инкорпорации их в общероссийское законодательство.

Изменение хозяйственной жизни сибирских аборигенов, постепенное втягивание их в товарно-денежные отношения, трудности с взиманием ясака пушнинаой, рост недоимок требовали корректировки фискальной политики. Положение осложнялось запутанностью управления ясачным населением. Существовало известное несовпадение во взглядах на методы национальной политики между местной администрацией и Кабинетом его императорского величества, важной статьёй доходов которого являлся ясак. Министерство императорского двора даже упрекало сибирских генерал-губернаторов в отсутствии должного усердия при организации ясачного сбора. Центральные власти были заинтересованы в сохранении натурального характера налогообложения сибирских инородцев.

В целях получения достоверной информации о состоянии инородческого хозяйства в Сибирь были направлены: вторая ясачная комиссия (1827–1835 гг.), комиссия МГИ (1840–1842 гг.) и сенаторская ревизия И. Н. Толстого (1843–1846 гг.)¹⁵³. Подразумевалось, что упорядочение ясачного обложения, консервация родовых порядков, попечительная политика, ограждающая аборигенов от притеснений со стороны купцов и промышленников, а также от злоупотреблений чиновников, даст возможность Кабинету получать ясак не только исправно, но и преимущественно «мягкой рухлядью». Уменьшение добычи пушного зверя, рост цен на меха

делали натуральный характер податного обложения еще более отяготительным. Западносибирский генерал-губернатор кн. П. Д. Горчаков видел в ограничении свободы торговли с инородцами лишь излишнее притеснение¹⁵⁴. Местные власти, понимая бесперспективность сохранения сбора ясака исключительно пушниной, яснее представляли необратимость процесса втягивания инородцев в товарно-денежные отношения. Искусственное сдерживание этого процесса только снижало податные возможности коренного сибирского населения и загоняло проблему в тупик. Коммутация ясака в большей степени соответствовала сибирским реалиям. Во многом из-за неуступчивости Кабинета правительству не удалось решить проблему бездоимочного сбора ясака. Результаты политики в отношении народов Сибири в середине XIX в. оценивались весьма низко. Ревизовавший в 1851 г. Западную Сибирь генерал-адъютант Н. Н. Анненков признавал: «При настоящих средствах нельзя ни направить деятельности сих племен к устройству и пользе края, но и вполне защитить их самих от притеснений со стороны наших промышленников»¹⁵⁵.

Огромные труднопроходимые и малоизведанные пространства Сибири способствовали порождению двух, казалось бы, взаимоисключающих явлений: всевластия и безвластия местного государственного аппарата. Бесконтрольность действий чиновника обуславливалась фактическим отсутствием правительственного и общественного надзора. Но гигантские расстояния и плохие дороги отчасти спасали сибирское население от бюрократического вмешательства. Богатое, стремящееся к независимости сибирское купечество очень рано противопоставило чиновничьему давлению силу денег. А. И. Герцен отмечал, что от произвола местных чиновников сибирских крестьян спасают только огромные расстояния, а купцов – деньги¹⁵⁶. Относительная «либеральность» сибирской бюрократии крылась в катастрофическом, с правительственной точки зрения, недостатке чиновников. Самодержавие поэтому вынуждено было не только терпеть, но и укреплять систему крестьянского и родо-племенного самоуправления, сводя свою политику долгое время к простой формуле: платите налоги – и живите как хотите. Однако к середине XIX в. самодержавие пытается расширить правительственные задачи, перейдя от узкофискального подхода к более широкому курсу хозяйственного управления.

Остро встал в первой половине XIX в. вопрос о ссылке, ясно обозначивший несовпадение правительственного взгляда на ее назначение с нуждами самой Сибири. Широкое применение ссылки как наказания во многом объяснялось желанием самодержавия найти дешевый способ избавить центральные губернии от преступных элементов. В XVIII – начале XIX в. правительство частично за счет ссылки пыталось решить и колонизационные задачи, обеспечить Сибирь собственными продовольственными ресурсами, превратить край в доходную финансовую статью. Хотя организация ссылки потребовала значительных затрат, ссыльные с большим трудом включались в хозяйственную жизнь края. На одно устройство «казенных поселений» было ассигновано в конце 1820-х – начале 1830-х гг. около полумиллиона руб.¹⁵⁷ Неудачными оказались попытки организовать труд ссыльных в Сибири. Большинство из них так и не стали надежными налогоплательщиками. Только по Западной Сибири в 1836 г. за ссыльными числилось недоимок на 1,83 млн руб.¹⁵⁸

Наращение потока ссыльных порождало серьезные трудности в их размещении и управлении. С 1807 по 1851 г. в Сибирь было сослано 282 963 чел.¹⁵⁹ Цель реформы 1822 г. заключалась не в том, чтобы ограничить ссылку, а в том, чтобы упорядочить систему этапирования, распределения и обеспечения ссыльных работой¹⁶⁰. Если первую задачу М. М. Сперанский сумел в значительной мере осуществить, то решение двух последних ему явно не удалось. Реформа ссылки, несмотря на всю ее привлекательность в теории, на деле оказалась трудноосуществимой. Непрактичность некоторых положений «Устава о ссыльных» породила критические оценки современников¹⁶¹.

Несмотря на то что ссыльный элемент составлял заметную часть сибирских жителей, влияние «штрафной» колонизации на естественное воспроизводство населения в регионе оказалось несоизмеримо меньшим¹⁶². Однако удельный вес ссыльнопоселенцев среди русского населения постоянно увеличивался – с 4,12 в 1795 г. до 11,39 % в 1850 г. Особенно много их было в 1850 г. в Томской губернии – 45 564 чел., что составляло 13,5 %¹⁶³. По Сибири удельный вес ссыльных был разным, возрастая с запада на восток. Если в Ялуторовском округе в 1840 г. их было 4 %, в Каинском – 31,9 %, то в Мариинском уже 38 %. Более заметной оказалась роль ссылки в формировании рабочего класса Сибири. Уве-

личение золототобычи несколько снизило остроту проблемы трудоустройства и обеспечения ссыльных заработками, но не сняло вопроса о надзоре за ними.

Малоэффективной оказалась ссылка и как средство борьбы с религиозным расколом и сектантством. Гонимые за веру в Сибирь оказывались хорошим колонизационным элементом, что приводило к известным противоречиям между задачами хозяйственного освоения региона и борьбы с идеологическими противниками господствующей православной церкви¹⁶⁴.

Ссылка, по мнению сибирских генерал-губернаторов и жан-дармского генерала Н. Я. Фалькенберга, теряла и свое устрашающее воздействие. Крепостные крестьяне, солдаты рассматривали ссылку в Сибирь как желанную свободу. Существовала опасность, что ссыльные из помещичьих крестьян увлекут своих сородичей описанием привольной жизни в Сибири. Поэтому возникали проекты ужесточения режима ссылки, устройства в Сибири особых казенных поселений для ссыльных, поселенческих рабочих рот. Генерал-губернатор Западной Сибири настаивал на приписке ссыльных к фабрикам и заводам, размещении их в казармах под строгим надзором, на ограничении пособий и льгот, чтобы «сделать Сибирь чувствительною для простолюдинов»¹⁶⁵. Восточносибирский генерал-губернатор В. Я. Руперт единственным средством приостановить распространение влияния «главного зла» в этом крае – ссылки – считал передачу казенных поселений из гражданского в военное ведомство. Ссыльные должны были оказаться на положении «пахотных солдат», их нравственное исправление предлагалось производить при помощи строгой дисциплины, употребляя по воле начальников «без малейшей проволоочки» шпицрутены, отсылая провинившихся в исправительные роты¹⁶⁶. Для того чтобы сохранить устрашающее значение ссылки, Н. Я. Фалькенберг предлагал для крестьян, сосланных по воле помещиков, ссылку в Сибирь заменять заключением в крепость и арестантские роты¹⁶⁷.

На неуправляемость ссылкой указывали столичные ревизоры и главы местной администрации, они высказывались за ограничение ссылки, за замену ее другими видами наказания, предлагали продолжить опыты по устройству казенных поселений для ссыльных. Во второй половине 1830-х – начале 1840-х гг. сначала в Сибирском комитете, а затем в Государственном совете обсуждалась возможность отменить ссылку в Сибирь. Но решение этого

вопроса уперлось в отсутствие средств для создания альтернативных вариантов наказания и изоляции преступников. Министерство финансов решительно высказалось против применения принудительного труда осужденных на заводах и фабриках. Поэтому Департамент законов Государственного совета в 1838 г. вынужден был признать, что замена ссылки другими мерами представляется «неудобнее и вреднее»¹⁶⁸.

Все попытки устроить казенные поселения для ссыльных, предпринимавшиеся в первой половине XIX в., оказались неудачными. Если в конце XVIII в. правительство тешило себя иллюзией использовать ссыльных в качестве колонизационного элемента и заселить ими отдаленные районы Сибири, то в 1827 г. енисейский губернатор А. П. Степанов предлагал ограничиться более скромными задачами. «Новые поселения в Енисейской губернии не составляют тех колоний, которые предназначаются для размножения хлебопашества и увеличения народонаселения, но имеют единственной целью, – разъяснял он восточносибирскому генерал-губернатору А. С. Лавинскому, – собрание рассыпавшихся по всей губернии ссыльных в жительства для них только учрежденные, дабы чрез то иметь удобный надзор за людьми, нарушающими общее спокойствие»¹⁶⁹. Несмотря на значительность потраченных средств и строгость в надзоре за ссыльными, из размещенных в этих поселениях 1150 мужчин и 98 женщин уже к июню 1829 г. числился в беггах 361 чел. Недостаток продовольствия в поселениях привел к тому, что ссыльные занялись воровством, а то и грабежом окрестных сибирских деревень. Курьезное замечание о Тюкалинске, одном из «самых вороватых» городов Сибири, оставил М. Петров. Он писал, что полиция на жалобы пострадавших вынуждена была отвечать: «Что же теперь делать, на то и Сибирь! Надо же вора где-нибудь жить!»¹⁷⁰. Неутешительный итог енисейскому эксперименту подвел в 1840 г. генерал-губернатор В. Я. Руперт, который «с удивлением» обнаружил, что описываемое в отчетах енисейских губернаторов благополучное положение казенных поселян в действительности «несравненно хуже и мало обещает в будущем»¹⁷¹.

Самодержавие так и не смогло установить баланс между колонизационным и карательным назначением ссылки. С середины XIX в. последнее стало превалировать. Ссылка продолжала казаться наказанием строгим и выгодным для государства, как эффек-

тивное средство избавить европейские губернии от социально нежелательных элементов¹⁷². Не найдя разумных и действенных способов к интеграции ссыльных в состав сибирского общества, не сумев создать удовлетворительной системы управления и надзора за ними, самодержавие продолжало выталкивать за Урал порочный элемент населения центральных губерний. Насколько сложным и опасным представлялось сибирским властям положение ссыльных, свидетельствуют их постоянные жалобы на неустройство ссылки в различных отчетах и проектах. Жандармский капитан Мишо писал в 1835 г., что только «суровая зима Сибири одна управляет бродящими ссыльными»¹⁷³. Генерал-губернатор С. Б. Броневский признавался в том, что казна обречена содержать в Восточной Сибири большое число ссыльных как людей «бесполезных», что не может не отражаться на благосостоянии сибирских крестьян. Возможности для употребления принудительного труда в Сибири были крайне ограничены. Он предлагал уменьшить число высылаемых в Сибирь, предусмотреть выдачу ссуд для хозяйственного обзаведения ссыльных, более равномерно распределять по всей сибирской территории (не исключая и Алтайского округа, принадлежавшего Кабинету) это «неизбежное для Сибири несчастье»¹⁷⁴.

Скопление большого числа фактически безнадзорных и неустроенных ссыльных создавало взрывоопасную ситуацию в регионе, чреватую, как писал в 1833 г. восточносибирский генерал-губернатор А. С. Лавинский, беспорядками и «гибельными последствиями». Крупные возмущения ссыльных отмечены во второй половине 1820-х – начале 1830-х гг.¹⁷⁵ В официальных донесениях вспоминали о Стеньке Разине и Емельяне Пугачеве, ходили слухи, что великий князь Константин Павлович жив и находится в Иркутске. При недостатке воинских сил, предупреждал из Томска почт-инспектор М. М. Геденштром, «пламень мятежа вихрем пронесется до Нерчинска». 14 декабря 1834 г. он писал шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу: «Сохрани нас Боже от вторичного заговора, подобного Омскому и более успешному – не то Сибирь погибнет и надолго для России. Умные и злобствующие поляки, 80 т[ысяч] развратных, большею частию бесприютных посельщиков – Колыванские, Нерчинские и буйные Уральские заводские крестьяне, до 29 т[ысяч] каторжных – не могут ли составить опасную толпу»¹⁷⁶. Польский ссыльный Р. Пиотровский, сумевший бежать из Сибири

в 1846 г. за границу, развивал идею о возможности поднять восстание в Сибири, где, как он заметил, русская военная сила слаба и для успеха стоит только привлечь на свою сторону ссыльных¹⁷⁷.

Серьезную обеспокоенность вызывала у сибирских, да и у центральных властей политическая ссылка. Пребывание в Сибири ссыльных декабристов, петрашевцев и участников польского восстания усугубляло и без того тревожную обстановку. Сибирскую администрацию пугало то значительное влияние, которое имели политические ссыльные на местное общество. В 1835 г. С. Б. Броневский, далекий от сочувствия к политическим изгнанникам, высказался за прекращение политической ссылки в Сибирь и даже просил об амнистии декабристам. Ему было важно избавиться от столь беспокойных «государственных преступников», и он был готов хорошо аттестовать их: «...Ведут себя тихо и спокойно, – добавляя, впрочем, при этом, – но если бы и было это притворно и преступники, действительно, обманывали бдительность надзора начальства, то меры предосторожности и закон политики, мне кажется, допускали бы желать освобождения от них края, младенствующего, беззащитного и наполненного толпами бесприютных поселщиков и каторжных»¹⁷⁸. Таким образом, С. Б. Броневский настаивал не на освобождении декабристов, а на избавлении сибирских властей от беспокойных и опасных для них людей.

С. Б. Броневский предлагал принять неотложные меры по усилению военной силы в крае. Для этого предусматривалось увеличить численность армейских частей, а из казачьих городских полков, по примеру Сибирского казачьего войска, образовать Иркутское казачье войско, подчинив его генерал-губернатору¹⁷⁹. О неблагонадежности войск, расквартированных в Восточной Сибири, докладывал в 1832 г. флигель-адъютант И. И. Гогель. Ему представлялось опасным, что войска здесь наполовину составлены «из людей порочных, штрафованных». С подозрением он относился и к солдатам-сибирякам, подозревая их в ненадежности по родственным связям с местными жителями. «Низший класс сибирских жителей, – утверждал И. И. Гогель, – т. е. в городах большая часть мещан и цеховых, а в поселениях большая часть крестьян-старожилов, весьма развращены, ведут жизнь распутную, преданы пьянству, и замечено некоторое неблагорасположение к русским»¹⁸⁰.

В 40-х гг. XIX в. наметился перелом и во внешней политике России в Азии. Беспечное отношение самодержавия к Сибири

XVIII – начала XIX в., к безопасности азиатских границ объяснялось в значительной степени тем, что с востока России ничего серьезно не угрожало. Во внешней политике, безусловно, преобладали европейские интересы, основное внимание центральных властей было приковано к западным и южным границам империи. Для активной внешней политики на восточных рубежах у самодержавия не было ни сил, ни средств, ни серьезных мотивов. Долгое время государственные границы в азиатской части России оставались аморфными и слабо защищенными. Самодержавие ориентировалось в начале XIX в. не на освоение уже включенных в состав государства территорий, а на элементарное обеспечение безопасности границ. Этим объясняется как увеличение численности войск и казачьего населения, так и ускоренная колонизация приграничных территорий. Правительство старалось проводить довольно гибкую национальную политику, проявляя особую осторожность и даже предупредительность по отношению к народам, жившим на восточных окраинах Сибири¹⁸¹.

Для сибирских генерал-губернаторов военные успехи, сулившие почести и награды, казались более важными, чем кропотливая работа по хозяйственному освоению Сибири. Имперскую направленность самодержавной политики демонстрировало уже то, что административный центр Западной Сибири переместился из Тобольска южнее – в Омск, ставший одним из форпостов российского продвижения вглубь Азии. Самодержавие по-прежнему спешило застолбить новые земли, распыляя и без того скудные силы и средства по подвижному периметру государственной границы. Внимание иркутской администрации все больше начинают занимать дальневосточные дела. С новой силой зазвучали претензии о возвращении амурских земель. Но на первых порах центральные и местные власти предпочитали действовать с большой осторожностью. Сибирский генерал-губернатор И. О. Селифонтов в 1804 г. замечал, что «многие прожектируют о завладении Амуром, отчего обещают великие выгоды, но никто из них не доказал еще возможности произвести то в действую...» И. О. Селифонтов выставил два основных аргумента, которые будут затем повторяться в течение почти полувека: во-первых, удобна ли река к «судоплаванию», а ее берега к заселению и устройству крепостей и, во-вторых, опасение военного конфликта с Китаем. «Невозможно ре-

шить этот вопрос, – добавлял генерал-губернатор, – до тех пор, пока не умножится население и усилится хлебопашество»¹⁸².

Имперские амбиции самодержавия в Азии натолкнулись на опасных конкурентов, прежде всего в лице Британской колониальной империи. Это выдвинуло на повестку дня амурскую тему, о которой всегда помнили, но разрабатывали чрезвычайно вяло. Угроза появления на Амуре англичан заставила самодержавие более активно заняться и этим. Беспокойство доставляли английские миссионеры и путешественники, зачистившие не только в страны Дальнего Востока, но и в саму Сибирь. Возвращение амурских земель, кроме политического или военно-стратегического значения, было необходимо и с точки зрения дальнейшего экономического развития всего зауральского региона империи. Еще в 1830 г. М. М. Геденштром напоминал, что Сибири крайне необходим свой «выход», а он возможен лишь через Амур. Только Амур, объяснял он, «может преобразовать весь вид Сибири, и из обширной пустыни превратить ее в страну богатейшую»¹⁸³. Пассивность российской политики на Дальнем Востоке была чревата утратой позиций России в Тихоокеанском регионе и снижением ее влияния в Китае. Появилась реальная опасность и для дальневосточных территорий империи. Захват устья Амура иностранцами грозил тяжелыми экономическими и политическими последствиями для всей Сибири¹⁸⁴.

Однако существовали и внутрисибирские причины, тормозившие решение амурского вопроса. Иркутский архиепископ Ириней писал 18 июля 1831 г. графу А. Х. Бенкендорфу: «Сибирь, куда со всей России, Польши, Грузии и др. стран ссылаются лица, в исправлении коих правительство еще не отчаялось, – требует начальства самого богобоязненного, самого преданного Престолу и самого добросовестного. Вся Сибирь вообще сего требует, но Восточная Сибирь преимущественно. Здесь уже Китайская и Английская политика развиваются; что же будет с Восточной Сибирью, ежели при сих ее обстоятельствах еще и дух европейский, обнаружившийся у нас 14-го Декабря 1825, а ныне объявивший всю Польшу – станет проявляться в здешних городничих Муравьевых (имелся в виду декабрист А. Н. Муравьев, служивший в 1828–1831 гг. иркутским городничим. – Авт.), дабы распространяться по восходящей и нисходящей линиям?»¹⁸⁵.

П. И. Небольсин предупреждал в 1848 г. Военное министерство о преждевременности занятия Амура, пока не устранен

«внутренний враг» в самой Сибири в лице недовольных российскими порядками беглецов из центральных губерний, раскольников, ссыльных поляков и т. п. Он запальчиво призывал: «Надобно убить этого врага, надобно убить, с корнем вырвать мысль, укоренившуюся в сибиряках, что «Сибирь совсем не Россия», что «Россия сама по себе, а Сибирь сама по себе». Это может со временем навести сибиряков на мысль о повторении опыта американских штатов. Сибирь, по его словам, еще не готова к самостоятельному контакту с цивилизованными народами, симпатии сибиряков могут легко обратиться в сторону американцев¹⁸⁶. Напротив этого места в записке П. И. Небольсина сохранилась помета NB, сделанная, видимо, военным министром А. И. Чернышевым. Пугал возможностью сепаратизма и печально известный Ф. В. Булгарин, доносивший, что еще масонская группа Н. И. Новикова вынашивала планы устройства республики в Сибири, чтобы затем по ее образцу преобразовать всю Россию¹⁸⁷.

Мнение П. И. Небольсина охотно подхватили западносибирский генерал-губернатор П. Д. Горчаков и военный министр А. И. Чернышев. П. Д. Горчаков предупреждал о существовании опасной, с государственной точки зрения, идее, что богатства Сибири должны принадлежать местному населению, убеждал центральные власти, что сибирская молодежь не питает большой привязанности к России. Он писал А. И. Чернышеву, что «неизмеримые дебри» от Якутска на восток составляют естественную непроходимую границу, не требующую никакой охраны. Но самое важное, подчеркивал западносибирский генерал-губернатор, эти пространства «отстраняют жителей Сибири от непосредственного прикосновения с иностранцами». А всякое сближение с иностранцами он считал опасным в силу того, что сибиряки не питают большой привязанности к России. «Но что будет, – нагнетал страсти П. Д. Горчаков, – если народонаселение сблизится с англичанами и американцами, которые примут на себя легкий труд получать от них то, что поныне доставлялось из России, и что в случае нужды они поддержат эту сделку оружием»¹⁸⁸. Восточносибирский генерал-губернатор Н. Н. Муравьев писал в 1849 г. о господствовавшем в Петербурге предубеждении, «что Сибирь рано или поздно может отложиться от России». Основную опасность, на его взгляд, могут представлять, помимо поляков, сибирские купцы-монополисты и золотопромышленники, не имеющие «чувств той

преданности Государю и отечеству, которые внутри империи всасываются с молоком». Опасность польской ссылки ощущалась еще и в том, что она может заразить сибиряков духом сепаратизма¹⁸⁹.

1840-е гг. – это время пробуждения общественных сил в самой Сибири. В сибирских городах под влиянием декабристов, петрашевцев, ссыльных поляков, унаследовав традиционное фрондерство местного купечества, начинает формироваться не внушающая доверия властям сибирская интеллигенция. У сибиряков растет чувство местного патриотизма, вызываемое не только любовью к родине, но и возбуждаемое высокомерным поведением приезжих чиновников и конкуренцией московских промышленников и торговцев. Примечательно, что сама мысль о возможном отделении Сибири от России в 1840-е гг. появляется не только в головах деятелей революционного лагеря (декабрист И. И. Пущин, петрашевец Р. А. Чернослитов, ссыльные поляки), но и у царских сановников. Почти за двадцать лет до появления областного сепаратизма правительство начинает задумываться над пугающей перспективой сибирского сепаратизма.

В эти годы меняется общее представление о Сибири. Полярные взгляды на настоящее и будущее Сибири были высказаны в 1841–1842 гг. на страницах «Отечественных записок». Н. Б. Герсманов писал о полной бесперспективности Сибири, в которой «капиталы, ум и предприимчивость» будут только растрочены понапрасну. Сибирь – бесплодная колония, наподобие датский Исландии. «Сибирь, питаюсь соками России, – утверждал он, – сама мало оттого тучнеет, а отнимает силы у своей кормилицы»¹⁹⁰. С возражениями на страницах тех же «Отечественных записок» выступил писатель-сибиряк, впоследствии забайкальский вице-губернатор А. А. Мордвинов. Он признавал, что нельзя ожидать от Сибири немедленной отдачи, не стоит ею слишком увлекаться, но и не стоит «черезчур бранить ее». В его статье содержался упрек в том, что еще ничего не было сделано для развития края. Сибири нужны рабочие руки и капиталы, тогда она сможет принести пользу России своими еще не разработанными богатствами. Аграрное развитие края, посредническая торговля с Китаем, пушнина – лишь средства для будущего промышленного подъема края. По его словам, А. А. Бестужев-Марлинский хотя и увлекся, назвав Сибирь страной мануфактур, но все-таки «отгадал вполтину»¹⁹¹. А. А. Мордвинов отрицал колониальный статус Сибири, называя ее

обыкновенной российской провинцией, которой до сих пор так мало уделяют внимания.

На протяжении первой половины XIX в., хотя и медленно, шел процесс постепенного крушения стереотипа Сибири как «царства холода и мрака». Привлекательный образ Сибири и ее жителей вставал со страниц сочинений сибирских писателей, русских и иностранных путешественников, из частной корреспонденции. Обычными становятся указания на потенциальные богатства Сибири, благотворное отсутствие крепостного права, культурно-психологическое своеобразие сибиряка. Сибирь представлялась залогом российского могущества, землей, где, по словам фонвизинского Стародума, можно доставать деньги, «не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечество»¹⁹².

Декабристы ехали в сибирскую ссылку с известным предубеждением к стране изгнания. Но уже первые впечатления от Сибири и сибиряков рассеивали прежние взгляды и входили в противоречие с господствующим мнением. «Я воображал себе Сибирь холодной, мрачной, страшною, заселенной простодушным и бедным народом, – вспоминал В. Ф. Раевский, – и вдруг увидел огромные слободы, где не было ни одной соломенной крыши, и народ разгульный и бойкий»¹⁹³. Декабристы сумели правильно оценить потенциальные богатства сибирского края, отметили социально-экономическое и психологическое своеобразие старожильского населения. Об этом свидетельствовало все: манеры поведения сибиряка, его быт, пища, интерьер жилища, известный имущественный достаток¹⁹⁴.

Сибиряк, не знавший крепостного гнета, привыкший к самостоятельности, живущий в относительном довольстве в сибирском «мужицком царстве», привлекал взоры не одного поколения деятелей освободительного движения в России¹⁹⁵. Декабристы много сделали для формирования образа Сибири как страны свободной, богатой, с большим будущим. Декабристы любили не столько Сибирь настоящую, сколько Сибирь будущую. П. Н. Свистунов писал сестре 26 июня 1840 г. из Кургана: «Сибирь, одно имя которой теперь приводит в содрогание, в будущем не будет вызывать таких чувств как всякий мало изведанный край, она таит в себе большие возможности»¹⁹⁶. Большие надежды на Сибирь возлагал М. В. Буташевич-Петрашевский. В 1841 г. он писал, что «Сибирь заменит настоящую Россию и что в ней возникает народ-

ность русская без примеси и правление республиканское будет в ней господствующим»¹⁹⁷. О том, что Сибири суждено в будущем стать «отдельной империей», говорил в 1848 г. петрашевец-сибиряк Р. А. Черновитов.

Меняется представление о Сибири и у простого россиянина. П. И. Небольсин писал, что в 1840-е гг. Сибирь, может быть, несколько утратила в глазах русского крестьянина ореол «края особенно привольного», но зато простой народ переставал дичиться ее. Сюда все чаще идут вольные переселенцы, работники на прииски не потайными тропами, а «с законным паспортом за пазухой»¹⁹⁸. Сибирь переставала быть всероссийским пугалом. Известный интерес представляет проект отставного бергмейстера Порецкого о колонизации Сибири, оказавшийся во внимании правительства в 1843–1844 гг. В объяснительной части проекта Порецкий писал: «Сибирь – страшное слово по сие время для многих простолюдинов центральной России, но не в политическом смысле, а только в отношении отдаленности Сибири и тамошней стужи, которая, по их разумению, смертоносна и существует там повсеместно. Лишение прав состояния, в их смысле, состоит в лишении возможности быть сытым и ленивым. Когда ссылаемые на поселение обыватели тех (малоземельных великорусских. – *Авт.*) губерний приходят в Сибирь и физически убеждаются в противоположном этому понятию положении Сибири, тогда восхищение их изливается в изобретенном ими лаконизме: там бы умер, здесь бы встал!»¹⁹⁹. Тот же М. М. Сперанский, ближе познакомившись с Сибирью, находил, что Томская губерния могла бы быть одной из лучших в России, нужно только хорошо устроить ее управление. Он опровергал устоявшееся заблуждение, что Сибирь заселена исключительно ссыльными преступниками²⁰⁰. Современники писали о сибирских крестьянах как о людях, более развитых в культурном отношении по сравнению со своими российскими собратьями. Все чаще начинает звучать сравнение Сибири с Северо-Американскими штатами. Возникла необходимость определить место и роль Сибири в составе России, наметить приоритеты в хозяйственном освоении региона.

Глава 4

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XIX в.

4.1. Управление Сибирью в начале XIX в.

В конце XVIII – начале XIX столетия административное устройство Сибири определялось «Учреждением о губерниях» 1775 г. Структура сибирского управления имела четыре основных уровня: наместническое (генерал-губернаторское) управление во главе с наместником (генерал-губернатором), являвшееся юридически органом надзора, а фактически осуществлявшее высшее руководство «большой административной группой»; губернское управление, включавшее в свой состав губернатора и ряд учреждений по выполнению административно-полицейских, хозяйственно-финансовых, судебных функций и надзора (губернское правление, казенная палата, палаты гражданских и уголовных дел, прокурор). Областное управление занимало как бы промежуточное положение между губернским и уездным уровнями. Области обычно образовывались на малонаселенных, удаленных от центра окраинных территориях с преобладанием коренного населения и отличались упрощенным составом административного аппарата. Учреждения уездного уровня были немногочисленны: нижний земский суд, состоящий из заседателей во главе с исправником, уездное казначейство и стряпчий. В городах во главе управления стояли в зависимости от статуса города коменданты или городничие, осуществлявшие надзор за выборными городскими органами. Завершало систему сибирского управления крестьянское самоуправление, выполнявшее ряд важных государственных функций.

Губернская реформа 1775 г. предусматривала создание более мелкой сети административного устройства и улучшение сословной организации дворянства. Децентрализаторские начала реформы 1775 г. проявились в европейской части России в расширении самостоятельности губернской администрации, а главное – в усилении роли дворянства в местном управлении и создании органов дворянского самоуправления. В Сибири, ввиду немногочис-

ленности дворянства, особых дворянских органов самоуправления образовано не было, а децентрализаторские меры привели лишь к усилению власти местной бюрократии. Новое административно-территориальное деление громадных пространств Сибири также не достигало поставленной цели, оставляя ее административные единицы, как и прежде, крупными и трудноуправляемыми. Отдаленность Сибири от центра страны обусловила при передаче части функций высших и центральных учреждений на места гипертрофированное сосредоточение власти в руках наместника. Распространяя общероссийскую систему местного управления на Сибирь, царизм оставлял широкий простор для действий местной высшей администрации. Сибирским наместникам было предоставлено право отобрать из губернских учреждений по закону 1775 г. только те, которые отвечали бы местным условиям. В Сибири не создавались учреждения, ведающие делами дворянского сословия (дворянские опеки, верхние земские суды и т. п.). Наместники имели значительную автономию в решении многих вопросов, обращаясь в центральные и высшие учреждения империи лишь в наиболее важных случаях²⁰¹.

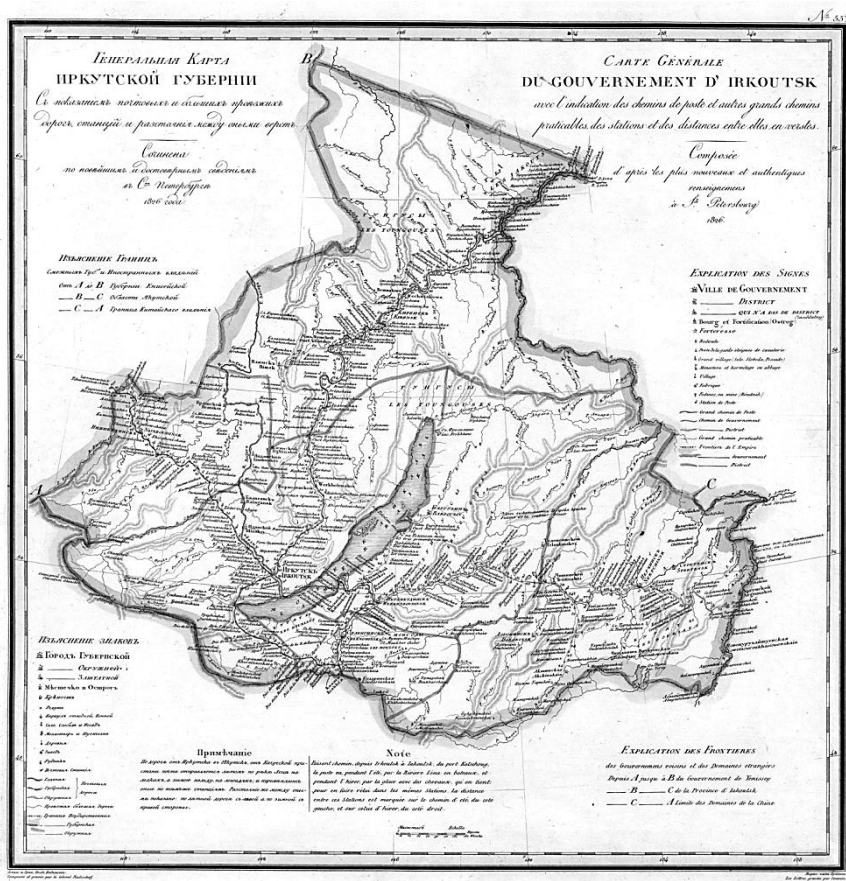
Административные реформы Павла I, направленные на централизацию и бюрократизацию государственного аппарата, сказались и на сибирском управлении. Обеспокоенный излишней самостоятельностью местной администрации, Павел I в 1797 г. упразднил наместничества, а губернские власти подчинил непосредственно контролю Сената. Согласно павловской реформе Сибирь была разделена на две губернии – Тобольскую и Иркутскую, но власть губернаторов, заменивших наместников, оградить так и не удалось. Павел I не смог преодолеть обозначившегося разрыва между центром и местами, а упрощение и централизация местного управления, при некотором снижении численности бюрократии, повлекли за собой лишь усиление административного произвола. Все преобразование, по сути дела, свелось к незначительному сокращению числа губернских и уездных учреждений²⁰².

Александр I, вступивший на российский престол 12 марта 1801 г., хотя и придерживался в местном управлении екатерининского «Учреждения о губерниях», но вслед за своим отцом продолжил преобразования на путях централизации и бюрократизации государственного аппарата. Это проявилось прежде всего в министерской реформе 1802 г. и неуклонном снижении роли Сената. Пе-

реход к общей централизации и отраслевому принципу управления должен был неминуемо вступить в противоречие с децентрализаторскими началами, заложенными в «Учреждении о губерниях» 1775 г. Александровские административные реформы высшего и центрального звеньев государственного управления оказались плохо согласованными с местным управлением, организованным на иных принципах, определенных екатерининским законодательством. Положение осложнялось еще и тем, что Комитет министров не смог стать координирующим центром для министерств. Отсутствие «объединенного правительства» негативно сказывалось на взаимоотношениях государственных учреждений по всей иерархии управления, вызывая хроническую болезнь ведомственного сепаратизма. Комитет министров вынужден был постоянно разбирать коллизии ведомственных и территориальных органов власти.

Уже в начале XIX в. стало ясно, что поспешная унификация, не подкрепленная необходимыми мерами по усовершенствованию коммуникаций и местного административного аппарата, страдает серьезными недостатками. Расплывчатые формулировки функций генерал-губернаторов на первых порах обеспечили широкий простор для их деятельности и при известной децентрализации регионального управления повысили ее эффективность. Однако повышение самостоятельности местной администрации сопровождалось усилением ее произвола и снижением в целом управляемости из центра. Ситуация осложнилась с появлением на губернском уровне органов министерского (отраслевого) подчинения. Парадокс развития генерал-губернаторской власти в Сибири на рубеже XVIII–XIX вв., как это заметил еще дореволюционный правовед И. Я. Фойницкий, заключался в том, что при видимом расширении полномочий главы местной администрации тот продолжал действовать без четкой правовой регламентации. Это было самовластие, утверждал Фойницкий, но не самостоятельность власти²⁰³.

Генерал-губернатор и губернатор, находясь как бы вне жесткой бюрократической иерархии, олицетворяли прямую связь высшей местной власти с монархом. В государственном управлении существовало как бы две линии реализации самодержавных принципов власти: территориальная и отраслевая. Имея общую природу властных полномочий, нечетко разделенные прерогативы в местном управлении, возможность напрямую апеллировать к монарху, министры, генерал-губернаторы и губернаторы с большим трудом находили возможности для координации своих действий.

Генеральная карта Иркутской губернии. 1826 г.

Изначально, при учреждении в царствование Екатерины II должности генерал-губернатора (наместника), предполагалось, что он, включаясь в систему местного управления, должен одновременно и как бы стоять над ним, осуществляя высший местный надзор. Эта двойственность в функциях породила так и не разрешенную в дореволюционном государствоведении проблему: является генерал-губернатор органом надзора или управления²⁰⁴. Неопределенным осталось соотношение властных полномочий генерал-губернатора и высших и центральных учреждений, с одной стороны, а с другой – губернатора и губернских учреждений. На деле

генерал-губернатор как государев наместник являлся посредствующей инстанцией между высшей и местной властями, что вносило в управление путаницу, так как и губернатор, назначаемый лично монархом, считался органом надзора и «хозяином» в губернии.

Огромная власть сибирского генерал-губернатора зиждилась в основном на личном доверии монарха и укреплялась почти абсолютной бесконтрольностью. Но такого рода региональная децентрация никоим образом не была подкреплена законом. Обширные полномочия сибирского генерал-губернатора не давали ему законного самостоятельного права издавать обязательные постановления (как это мог делать, например, австралийский губернатор), командовать военными силами, размещать ссыльных без согласования с центром, изменять штатное расписание чиновников, распоряжаться денежными ресурсами и т. п. Поэтому, заключает И. Я. Фойницкий, связанное по рукам, даже для дел «чистых», местное начальство должно было обходить закон²⁰⁵. Отсутствие регулярного и четко отлаженного надзора из центра порождало то самое «домашнее» управление, где, по определению М. М. Сперанского, самовластие сочеталось с послаблением. Уже поэтому власть генерал-губернатора была незаконна, и в случае конфликта, интриг в Сибири или в столице он оказывался в весьма уязвимом положении. Исходя из чувства безопасности, генерал-губернатор должен был окружать себя верными людьми, подавлять всякую независимость и строго следить, чтобы неконтролируемая информация не могла просочиться наверх. Неотрегулированность официальных отношений с высшими и центральными государственными органами заставляла сибирскую администрацию использовать неформальные связи, действуя через личных знакомых, родственников, а то и через фаворитов и фавориток.

Вводя министерскую систему управления, самодержавие сохранило и генерал-губернаторство. Если уже в начале XIX в. обнаружилась тенденция, направленная на подчинение губернаторов Министерству внутренних дел, то ситуация с генерал-губернаторами продолжала оставаться сложной еще долгие годы. Непременный совет 13 июня 1801 г. постановил, что генерал-губернаторы необходимы не только для приграничных территорий, но и повсеместно «как для единообразия, так и для порядка и лучшей связи в делах и в земском управлении полезным»²⁰⁶. Это свидетельствовало о проти-

воречивости и непоследовательности правительственной политики в области организации местного управления.

В первые же месяцы нового царствования в поле зрения правительства попадают и нужды сибирского управления. В высших правительственных кругах начинают понимать, что Сибирь требует особой системы управления. Один из влиятельных сановников того времени граф А. Р. Воронцов в поданной Александру I записке высказывал сомнение в применимости «Учреждения о губерниях» к Сибири²⁰⁷. В познании Сибири неоценимую услугу А. Р. Воронцову оказал А. Н. Радищев, писавший в 1791 г. своему сановному корреспонденту: «Уральские горы, отделяя Сибирь от России, делают ее особенною во всех отношениях»²⁰⁸. Еще в 1779 г. в указе об образовании Колыванской области Екатерина II обещала дать Сибири «особенное образование»²⁰⁹.

27 мая 1801 г. Непременный совет, рассматривая вопрос о Сибири, принял «в уважение, что страна сия, по великому ее пространству, по разности естественного ее положения, по состоянию народов, ее населяющих, нравами, обыкновениям, промыслами и образом жизни толико один от другого разнствующих, требует как в разделении ее, так и в самом образе управления особенного постановления». Для изучения местных условий Непременный совет предлагал направить в Сибирь «особенного чиновника», который бы и представил проект нового административного устройства, «приличнейший многочисленному разнообразию народов в ней обитающих»²¹⁰.

Выбор Александра I пал на И. О. Селифонтова, бывшего в 90-х гг. XVIII в. вице-губернатором в Тобольске, а в 1796 г. назначенного генерал-губернатором в Иркутск, но так и не вступившего в должность в связи с ликвидацией генерал-губернаторств при Павле I²¹¹. В данном ему 9 июня 1801 г. указе специально подчеркивалась задача не только устранить имевшиеся в Сибири злоупотребления, но и подготовить проект административного преобразования региона. Смысл сибирской миссии И. О. Селифонтова разъясняет отчет министра внутренних дел В. П. Кочубея за 1803 г.: «Расстояние Сибири от места Главного Управления, великое ее пространство, рассеянность населения и многие другие местные уважения, отличающие сей край от всех других губерний, давно уже заставляли помышлять, чтоб состав полицейского и судебного ее управления более приспособить к сим

существенным различиям ее положения. Послание сенатора Селифонтова имело целью, чтоб точнее наблюсти сии различия и представить о положении Сибири сколь можно подробные и достоверные сведения. При рассмотрении здесь сведений, от него доставленных, открылись два рода неудобств, с настоящим состоянием ее сопряженных: одни происходили от самого состава управления ее; другие от разных злоупотреблений, временем и бездействием власти вкравшиеся»²¹². Однако между пониманием необходимости особого управления для Сибири и введением этого управления прошло два десятилетия.

По окончании ревизии в 1803 г. было образовано единое для всей Сибири генерал-губернаторство с центром в Иркутске, которое и возглавил И. О. Селифонтов. Правда, он, как вспоминал Ф. Ф. Вигель, поначалу «отговаривался и насилу принял должность, многотрудную для добросовестного человека»²¹³²¹⁵. Новому сибирскому генерал-губернатору 23 мая 1803 г. была дана особая инструкция, существенно расширявшая его права. Основные принципы инструкции сводились к упорядочению и усилению местного управления. Генерал-губернатор при этом именовался «хозяином» вверенных ему губерний. Он мог собирать совет из высших чиновников края, но при этом не должен был быть связан их мнением. Составители инструкции уподобляли генерал-губернатора полководцу, который хотя и собирает военный совет, не стесняется его решениями²¹⁴.

Согласно инструкции Селифонтов имел право назначать и увольнять местных чиновников, кроме губернаторов, вице-губернаторов и начальников губернских палат как имеющих свои «особенные начальства» в столице. Усиливалась генерал-губернаторская власть в вопросах снабжения продовольствием населения и войск. Но сухопутные и морские силы оставались по-прежнему в подчинении военных. Расширялись права генерал-губернатора в отношении казенных палат и горного управления, хотя и они сохраняли ведомственную зависимость от Министерства финансов. Особо предписывалось искоренять «дух ссоры и ябеды», который до того распространился в Сибири, подчеркивалось в инструкции, «что многие ссыльные, ободренные ненаказанностью, составили между собою, так сказать, цепь, и занимаются доносами». Благодаря этому пункту инструкции И. О. Селифонтов мог решительно пресекать какие-либо жалобы на действия сибирской администрации.

Однако инструкция не ограничивалась только указанием на исправление не терпящих отлагательства недостатков в сибирском управлении. Предусматривалось также, что Селифонтов со временем представит свои предложения о «коренных» мерах по административному реформированию края. В специальной записке «Об инструкции сибирскому генерал-губернатору» признавалось, что «Учреждение о губерниях» недостаточно для окраинных губерний. Комитет министров полагал необходимым «непременно развязать» генерал-губернатора. «Ощутительные неудобства настоящего порядка во многих случаях примеченные, – отмечалось в записке, – как-то дороговизна в хлебе, недостаток его в Нерчинских заводах, население за Байкалом и прочее и прочее служат тому неопровержимыми доказательствами. Во всех сих случаях беспрестанно относились в Сенат, где по незнанию обстоятельств давали всегда неудовлетворительные предписания, и таким образом время проходило в бесполезных переписках, а между тем край терпел»²¹⁵²¹⁸. Правительство признавало необходимость деконцентрации власти с одновременной ее региональной централизацией. Но каких-либо координирующих органов для сибирского управления не предусматривалось, а сама «коренная» реформа отодвигалась на неопределенное время. И по получении сведений от И. О. Селифонтова, советовали в Министерстве внутренних дел (МВД), нельзя поступать «с опасною торопливостью» и для того, чтобы «основать таковое образование на лучших доводах, надобно употребить нарочитое время»²¹⁶. Генерал-губернаторская власть продолжала оставаться безнадзорной, и в самой Сибири не было даже предусмотрено для нее какого-либо противовеса или независимого контроля. Самодержавие так и не смогло выйти за рамки традиционной политики и вынуждено было признать, что «не осталось иного делать, как избрать особу, заслуживающую доверие, и снабдить довольною властью разрешаться сами собою во всем том, что не терпит отлагательства»²¹⁷.

В 1804–1805-х гг. И. О. Селифонтов произвел некоторую перестройку в сибирском управлении, направленную прежде всего на усиление бюрократического надзора и приближение администрации к сибирскому населению. Из состава Тобольской губернии в 1804 г. была выделена Томская губерния, в целом по Сибири уменьшено число уездов, многолюдные уезды разделены на комиссарства, где бы чиновный смотритель мог «надзирать и ответ-

ствовать в подчиненных ему волостях за благоустройство и давать расправу в спорах малозначущих»²¹⁸. Главной мерой по исправлению недостатков управления И. О. Селифонтов считал лучшее устройство земской полиции. Эту меру охотно поддержал Александр I, заявив, что сибирское население имеет «более нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях». Последнее, по мнению царя, приводит лишь к «проволочкам», тогда как многие дела можно решить при помощи простого полицейского усмотрения²¹⁹.

Против такого усиления полиции выступил защитник коллегияльных начал в управлении сенатор Д. П. Трошинский. Он полагал, что «жители сих губерний делаются предметом величайшего сострадания». Юстиция, считал он, будет реже вмешиваться в повседневную жизнь населения и тем самым меньше нанесет вреда²²⁰. Протест Д. П. Трошинского существенно отличался от господствующего взгляда на принципы местного управления, на роль суда и прокурорского надзора. Усложнение уездного звена местного управления усилило административную опеку над населением, но не смогло сократить бумажной волокиты и бюрократической неразберихи. Комиссары через голову уездного исправника обращались к губернским властям, создавая тем самым параллелизм в работе уездных органов, запутывая делопроизводство и увеличивая бесплодную переписку. Об этом упоминал во всеподданнейшем отчете за 1806–1812 гг. иркутский губернатор Н. И. Трескин. Он даже предлагал упразднить комиссарства и прикомандировать комиссаров к уездным судам. На плечи населения вдобавок легло содержание дополнительного числа чиновников с семьями. Получая сравнительно небольшое жалованье (375 руб. в год), комиссары жили в основном злоупотреблениями и торговлей²²¹.

На губернском уровне также были проведены незначительные преобразования, направленные на объединение губернских отраслевых управлений и усиление влияния на них со стороны губернатора. Во избежание излишней переписки между губернским правлением и казенной палатой губернатор получил право присутствовать на заседаниях последней при рассмотрении дел по откупам, подрядам и т. п.²²². Селифонтов предлагал вообще подчинить казенные палаты «для лучшего управления» губернаторам. В горном управлении усилилось значение губернатора при решении хозяйственных вопросов. Во вновь образованной Том-

ской губернии в целях экономии средств и большего единства в действиях под председательством губернатора было создано губернское правительство из двух экспедиций: исполнительной (вместо губернского правления) и казенной (вместо казенной палаты). Судебные дела сосредоточивались в гражданском и уголовном суде. В апреле 1805 г. эти преобразования были распространены и на Иркутскую губернию.

С созданием Томской губернии пересмотр административно-территориальной карты Сибири не был закончен. 12 апреля 1803 г. была образована Камчатская область и так называемое Охотское предварительное управление. В 1805 г. была учреждена Якутская область и упразднено Нерчинское областное правление. В Якутске создавалось во главе с председателем областное правление, соединявшее в себе полицейскую, хозяйственную и судебные части. В полицейском и финансовом отношениях оно подчинялось Иркутскому губернскому правительству, а в судебном – Сенату.

Административные изменения, произведенные И. О. Селифонтовым, способствовали расширению генерал-губернаторской и губернаторской власти на финансово-хозяйственную часть местного управления. Это не могло не вызвать недовольства со стороны некоторых министерств, заподозривших генерал-губернатора в покушении на их прерогативы. Примером такого управленческого конфликта может служить попытка Селифонтова избавиться от прокурорского надзора. Когда в 1804 г. генерал-губернатор потребовал удаления из края непокорного иркутского прокурора С. А. Горновского, он натолкнулся на резкий протест министра юстиции П. В. Лопухина. Министр в резкой форме заявлял: «Я с моей стороны никак не позволю себе располагать участью чиновников, мне вверенных, при всем уважении к донесениям управляющих губерний, по одному их взгляду, по одному поверхностному обозрению»²²³. В защиту исключительности генерал-губернаторской власти выступил министр внутренних дел В. П. Кочубей, заявив, что генерал-губернатор «есть первый и главный прокурор вверенных ему губерний»²²⁴. Кроме того, министр внутренних дел, явно претендовавший на лидерство в руководстве местным управлением, указал на необходимость сохранять единство в действиях различных ведомств. В ответе П. В. Лопухину В. П. Кочубей разъяснял: «Составляя в министерстве одно целое, мы не можем действовать раздельно, и как нет в

губерниях ни ваших, ни моих чиновников, а все они служат равно Государю и отечеству»²²⁵. Да и сам сибирский генерал-губернатор требовал, чтобы «Сенат не отнимал того, что инструкцією ему предоставлено». Он просил не только подтвердить его права, но и дать возможность представлять о награждении чиновников, прослуживших в Сибири три года и более.

Второй задачей, решением которой занялся И. О. Селифонтов в Сибири, стало улучшение состава местной администрации. Эту задачу он фактически свел к подбору лично ему известных и преданных сотрудников. И. О. Селифонтов явился в Сибирь, вспоминал декабрист В. И. Штейнгейль, «как вице-рой, все пало ниц и безмолвствовало!». В Сенат он сообщал, что Иркутская губерния «в таком бедственном положении, что без слез взирать на нее невозможно»²²⁶. Несколько сибирских губернаторов было отдано под суд. Одной из причин ревизии Селифонтова был затянувшийся конфликт между иркутским губернатором Б. Б. Леццано и управляющим Иркутской комиссариатской комиссией генерал-майором О. И. Новицким. Но, добившись удаления Б. Б. Леццано, И. О. Селифонтов так и не нашел достойного и верного кандидата на пост губернатора в Иркутск. Рекомендованного им же самим Н. П. Картвелина он уже в 1804 г. характеризовал как человека, который, «не имея твердого познания в делах, не показывает и охоты заниматься оными»²²⁷. С 1802 по 1806 г. в Иркутске сменилось шесть губернаторов. Более спокойным оставалось положение в Западной Сибири, которая, по словам В. К. Андриевича, лишь встретила и проводила И. О. Селифонтова и «чувствовала его назначение только как отзвук из Иркутска»²²⁸.

Очень быстро вокруг генерал-губернатора сформировалось окружение, от которого во многом и зависел ход местного управления. И. О. Селифонтов прибыл в Иркутск с сыном и фавориткой мадам Бойе с дочерью. «Отношения сей матери и дочери к отцу и сыну, – отмечал декабрист, – недолго оставались двусмысленными. Тотчас догадались, чрез кого надобно обделывать дела, – и обделывали, что хотели и как хотели». Правителем генерал-губернаторской канцелярии стал П. В. Бакулин, который и хозяйничал в Иркутской губернии. Другим приближенным генерал-губернатора, как вспоминал В. И. Штейнгейль, был секретарь канцелярии Ф. Ф. Белявский, «человек “смышленный” и большой проказник»²²⁹.

Географические игральные карты. Снизу рубашка игровой карты с очертаниями Иркутской губернии

Как бы в противовес «теневому кабинету» И. О. Селифонтова новый иркутский губернатор, «честный моряк» А. М. Корнилов предложил 27 июля 1805 г. для координации действий иркутских учреждений, создать «Комитет из чиновников каждого звания, опытных и при том о общем благе мыслящих». Кроме начальников гражданских и военных учреждений членом комитета предлагалось сделать авторитетного иркутского купца Н. П. Мыльникова. Проектировалось, что комитет будет регулярно собираться (один или два раза в неделю) по вечерам в доме губернатора и обсуждать вопросы о распределении ссыльных, заготовке хлеба, земледелии, торговле, об устройстве дорог, о судебных делах. Исполняя совещательные функции при генерал-губернаторе, полагал А. М. Корнилов, комитет поможет привести управление в должный порядок. Однако И. О. Селифонтов не поддержал эту идею, сославшись на то, что без разрешения верховной власти образовать такой комитет нельзя²³⁰. Отметим, что предложение А. М. Корнилова отражало одну из насущных потребностей местного управления, что и будет в несколько ином виде затем предложено для Сибири М. М. Сперанским.

В условиях неполной поглощенности генерал-губернаторской властью власти губернатора и различных ведомственных институтов, некоторой независимости иркутского купечества несогласованность в управлении неизбежно должна была привести к столкновениям различных групп местной властной элиты. Не удалось И. О. Селифонтову и его окружению пресечь поток жалоб, продолжавший достигать Петербурга. Как и прежде, основным средством борьбы с административным произволом оставался донос, в котором сибирское общество в начале XIX в., как заметил Н. М. Ядринцев, искало спасения²³¹.

Секретным письмом 20 мая 1805 г. Александр I сообщил Ю. А. Головкину, отправившемуся во главе посольства в Китай, что до него дошли слухи о беспорядках и злоупотреблениях в Иркутске. Ю. А. Головкину предписывалось обратить внимание на действия сибирского генерал-губернатора и о результатах расследования донести лично царю²³². В тот же день новому ревизору были даны развернутые инструкции: «Отдаленность сего края и особенные местные его положения делают весьма уважительными все способы, кои могут представиться к точнейшему познанию его нужд и к лучшему его устройству»²³³. Наряду с традиционными

поручениями – обратить внимание на деятельность полицейского и хозяйственного управления, на положение с водворением ссыльных – Ю. А. Головкин должен был выяснить, насколько эффективными оказались предпринятые Селифонтовым административные преобразования. Прежде всего правительство интересовало, достигли ли цели меры по привлечению на службу в край новых чиновников, сокращение числа уездов и разделение их на комиссариатства, а также насколько справедливо распределяются земские сборы и повинности.

Ю. А. Головкин, ознакомившись с состоянием сибирского административного аппарата, подтвердил невозможность применения здесь «учреждения для внутренних губерний» и заявил, что Сибирь должна сделаться «отдельною и особливою частию в общем государственном управлении». По мнению Ю. А. Головкина, Сибирь должна управляться не как губерния, а как казенное поместье. Ей пока не нужны сложные законы и обряды управления, которые «даже вредны для народа, предназначенного к состоянию земледельческому или пастушескому»²³⁴. Эта позиция объяснялась общим взглядом на отсталость Сибири в гражданском и хозяйственном отношении, бытовавшим тогда в правительственных кругах. В составе посольства не было серьезных специалистов, кто бы мог составить компетентное мнение о сибирских нуждах. Обзорение губерний производилось поспешно и весьма поверхностно, а Головкин лишь успевал «на лету» писать донесения. Расплывчатое заключение «знатного барина», не блиставшего глубокими государственными познаниями, как характеризовал Головкина Вигель, не содержало каких-либо конкретных рекомендаций о реорганизации сибирского управления. В очередной раз недостатки управления отнесли к личности самого генерал-губернатора, которого и отстранили от должности.

Казавшийся всесильным, глава сибирской администрации пал в результате происков и интриг, как бы подтвердив одну важную закономерность, порожденную своеобразием общественного развития Сибири конца XVIII – начала XIX вв. Более свободное от бюрократических пут, чем в великорусских губерниях, сибирское население, и прежде всего сибирское купечество, нередко составляло весомую оппозицию бюрократии, стремившейся упрочить свою власть в крае. Значение сибирского купечества, особенно иркутского, укрепившегося в органах городского самоуправления,

было весьма велико, что позволило А. П. Щапову заявить о существовании в Иркутске «маленькой республики»²³⁵. Имелись влиятельные купеческие кланы в Тобольске, Томске, Енисейске и других сибирских городах²³⁶. Как отмечал американский историк М. Раев, сибирское купечество эпохи первоначального накопления капитала использовало в борьбе с наступлением бюрократии архаичные методы. Оно не смогло подняться выше узкокорпоративных запросов, хищнические интересы лишили его поддержки со стороны сибирских крестьян и инородцев, больше рассчитывавших на покровительство со стороны государства²³⁷. Но чем бы ни руководствовались сибирские купцы, их борьба была направлена на расширение права самоуправления, в ней содержался стихийный протест колонии против метрополии²³⁸.

В таких условиях в Сибири возник запутанный клубок противоречий между сибирской торговой верхушкой, претендовавшей на социальное лидерство, «старым» сибирским чиновничеством, уже сроднившимся, в прямом и переносном смысле этого слова, с местным купечеством, а также новой высшей местной администрацией, окруженной чиновниками, устремившимися на службу в Сибирь из Европейской России. Социально-экономический смысл драматических событий начала XIX в. заключался в борьбе за преимущественное право эксплуатации русского крестьянства и коренных народов Сибири. Как отмечал В. А. Ватин, это была борьба «за возможно большую долю в общественном пироге»²³⁹. Естественно, на сторону набиравшей силы бюрократии становилась и часть купечества, недовольная монополией в торговле и в распределении откупов и подрядов. Основным же орудием в этой борьбе стали взятки и доносы в столицу, что, как известно, и раньше приводило к отставке, отдаче под суд и даже казни ряда предшественников И. О. Селифонтова.

Положение осложнялось начавшейся перестройкой всей административной системы государства, что также не могло не сказаться на состоянии сибирского управления. Губернская реформа 1775 г., павловские преобразования местных учреждений и, наконец, министерская реформа 1802 г., плохо согласованные между собой, исходившие из разных начал, вносили хаос в административный строй сибирского региона. При таком неустройстве местного управления, интригах купеческой верхушки, опирающейся не только на свое экономическое могущество, но и использующей

распри в бюрократической среде, положение сибирского генерал-губернатора, несмотря на его видимое всевластие, становилось весьма уязвимым. Именно это и продемонстрировала отставка И. О. Селифонтова и некоторая заминка самодержавия в поисках кандидата на освободившийся пост генерал-губернатора.

Новым сибирским генерал-губернатором по личному выбору Александра I стал И. Б. Пестель²⁴⁰. Царизм продолжал уповать на сильную генерал-губернаторскую власть. И. Б. Пестелю потребовалось много изворотливости, чтобы нейтрализовать своих недоброжелателей в Сибири и Петербурге, а также обрести поддержку в высших столичных кругах. Задачи управления он понимал так же, как и его предшественник, действуя еще жестче. Очевидно, поэтому мало склонный на похвалы Ф. Ф. Вигель оправдывал И. О. Селифонтова, заявляя, что И. Б. Пестель «любил зло, как стихию, без которой он дышать не может, как рыба любит воду»²⁴¹. Схожую, но более развернутую характеристику ему дал другой современник И. И. Дмитриев: «Сенатор и Сибирский генерал-губернатор Иван Борисович Пестель, человек умный и вероятно бескорыстный, наклонный к раздражительности и самовластию, в короткое время пребывания своего в Сибири сделался грозой целого края, преследуя и предавая суду именитых граждан, откупщиков и гражданских чиновников. Он уничтожал самопроизвольно контракты частных людей с казною, ссылал без суда за Байкальское озеро; служащих в одной губернии отправлял за три тысячи верст в другую и отдавал под суд тамошней Уголовной Палаты, наконец, восстал и против своих губернаторов, из коих два, по его представлению, были отрешены от должности и судимы Сенатом»²⁴².

Если отрешиться от эмоциональных оценок современников и следовавших за ними историков, то действия И. Б. Пестеля вполне поддаются рациональному объяснению. Из чувства самосохранения, если судить по автобиографическим запискам, он даже попытался отказаться (может быть, демонстративно) от назначения, ссылаясь на бедность, слабое здоровье, суровый сибирский климат и т. п. Но была и другая, более веская причина. И. Б. Пестель хорошо знал о печальной участи многих своих предшественников. Очутившись на столь высоком, но беспокойном и небезопасном посту, И. Б. Пестель прежде всего попытался получить определенные гарантии. Он потребовал новой инструкции, которая бы закрепила

его главенствующее положение в региональном аппарате Сибири. Инструкция 1803 г. его не устраивала тем, что она налагала на генерал-губернатора большую ответственность, но вместе с тем не давала полной возможности влиять на отдельные отрасли управления. По мнению И. Б. Пестеля, уже в самой инструкции «заклучались все семена неудовольствий и несогласий между генерал-губернатором и министрами, от коих зависели отдельные части Сибирского управления»²⁴³.

Новая инструкция была обещана, но И. Б. Пестель ее так и не получил, обвиняя в этом министра внутренних дел В. П. Кочубея и стоящего за ним М. М. Сперанского. Хотя еще И. О. Селифонтов называл инструкцию 23 мая 1803 г. «предварительной»²⁴⁴. Проект новой инструкции, существенно расширявшей права сибирского генерал-губернатора, был подготовлен в 1812 г., но так и не был утвержден²⁴⁵. Не получив юридических гарантий, И. Б. Пестель, пользуясь доверием императора, предпринял меры по укреплению своей власти в Сибири. Прежде всего он заменил всех сибирских губернаторов на своих ставленников. Более всего его заботила Иркутская губерния, которая, как он сам заявлял, «всем моим предшественникам, так сказать, шею сломила»²⁴⁶. Уже при первом знакомстве с иркутскими чиновниками И. Б. Пестель с нескрываемой угрозой заявил: «Когда государю императору угодно было назначить меня в Сибирь генерал-губернатором, то первая моя всеподданнейшая просьба была, чтобы переменить здесь белые воротники. Я был в Вятке на следствии: там тоже белые воротники, и все наголо ябедники!» И при этом язвительно засмеялся. Присутствовавшие зачесали в затылках и серьезно задумались: «Чего станем делать?» «Это было прелюдией той драмы, – вспоминал

И. Б. Пестель,
сибирский генерал-губернатор
в 1806–1818 гг.
Автор – неизвестный
художник начала XIX в.

В. И. Штейнгейль, – которую готовились разыграть на сибирской сцене»²⁴⁷. И. Б. Пестель настоял на назначении иркутским губернатором лично ему преданного и энергичного Н. И. Трескина. По словам В. И. Вагина, Н. И. Трескин стал «правою рукою Пестеля, главным деятелем во все его управление Сибирью, образцом для других сибирских губернаторов, их учителем»²⁴⁸.

Административная система, насаждаемая в Сибири И. Б. Пестелем и Н. И. Трескиным, удивительно напоминала аракчеевскую. Основными методами управления явились страх наказания и регламентация. Помимо инстинкта самосохранения, Н. И. Трескиным и его покровителем И. Б. Пестелем владела идея облагодетельствовать Сибирь, и во имя этой идеи они не останавливались ни перед чем, стремясь достичь цели кратчайшим путем, преимущественно при помощи приказа и принуждения. По свидетельству М. М. Геденштрома, служившего под началом Н. И. Трескина, «все делалось по личному усмотрению, народ принимался за малолетних, наказания были строгие, пьянства и преступлений не было»²⁴⁹. С этой точки зрения, в чем сходятся многие современники, Н. И. Трескин был «гениальнейший администратор», о заслугах которого долгие годы вспоминали в Сибири с чувством страха и восхищения. Свидетельства иркутян, записанные в 1869 г. В. И. Вагиным (заметим, поклонником М. М. Сперанского), буквально пестрят дифирамбами в честь Н. И. Трескина. Он – «добрый человек и бедным помогал», «прекрасный распорядительный начальник», «истинный хозяин края», который его «населил», «заставил» бурят заниматься хлебопашеством, устроил казенные поселения для ссыльных, улучшил дороги, уменьшил воровство и бродяжничество, заполнил хлебом запасные магазины, «ввел» в Иркутске чистоту и порядок и т. п.²⁵⁰. Да и сам Н. И. Трескин впоследствии, попав под суд, искренне недоумевал, почему «вместо справедливого одобрения и удостоения заслуженных наград» его, «которого высшее начальство поставляло в пример отличной распорядительности и усердия всем прочим сверстникам», судят как преступника²⁵¹. Тем более что подобные методы управления процветали в Сибири как до, так и после Н. И. Трескина.

Вмешательство в хозяйственную и бытовую жизнь населения, повлекшее за собой ничем не ограниченный бюрократический произвол, привели к росту оппозиции сибирского купечества. Очевидно, что именно хищническая природа формирующейся молодой

сибирской буржуазии периода первоначального накопления склоняла некоторых современников, а затем и декабристов (В. И. Штейнгейль, Н. В. Басаргин) к снисходительной оценке деятельности Н. И. Трескина. Из двух зол, по мнению А. П. Щапова, нужно было выбирать меньшее. Хотя прямых доказательств о казнокрадстве и взяточничестве И. Б. Пестеля и Н. И. Трескина обнаружить не удалось, о том же, что их подчиненные не гнушались ничем, свидетельствует масса фактов. Однако главным пороком сибирской администрации было даже не это, а «упоение властью», стремление всем управлять, действуя угрозой и насилием.

Н. И. Трескин,
иркутский гражданский
губернатор в 1806–1819 гг.
Автор – неизвестный художник
начала XIX в.

Н. И. Трескину И. Б. Пестель отвел роль главного борца с купеческой фрондой. В отчете об управлении Иркутской губернией за 1806–1812 гг. Н. И. Трескин не жалел мрачных красок в описании сложившегося положения: «Расстройство и совершенный хаос во всех частях губернского управления, несогласие и устарелая вражда между чиновниками и гражданами, разделившимися на партии, – утонченнейшее в многообразных видах зло, неизъяснимое распутство – и вообще растление в нравах»²⁵². Уже традиционно звучали в отчете жалобы на «сибирский дух ябеды». Н. И. Трескин и И. Б. Пестель доносили царю об убыточной для казны купеческой монополии в закупках хлеба, о неповиновении иркутского городского магистрата и городской думы, их раздражало независимое положение иркутского купечества, чья гордость, по свидетельству И. Т. Калашникова, «нередко доходила до дерзости»²⁵³. Удалось сфабриковать ряд дел (что было нетрудно – иркутские купцы не были безгрешными ангелами) против наиболее влиятельных представителей купечества. Городской голова М. К. Сибиряков и его тесть купец Н. П. Мыльников, как главные возмутители общественного спокойствия, были высланы соответственно в Нерчинск и Баргузин, а откупщик Передовщиков осужден

«за обычные деяния откупщиков того времени: обсчитыванье казны, разбавку водой водки и прибавки к ней для крепости купороса, от которой умерло несколько человек»²⁵⁴. Пострадало и несколько чиновников, попытавшихся вступить за репрессированных купеческих тузов. На смену купеческой монополии пришла монополия чиновничья. Важной фигурой в системе местной администрации стали так называемые земские чиновники (исправники и земские заседатели), в руках которых концентрировалась вся полнота полицейской, судебной и хозяйственной власти в уезде.

О победе бюрократии свидетельствовало и повышение ее социальной роли в сибирском обществе. Если раньше, по сравнению с купцами, иркутское служилое сословие влачило жалкое существование («загнанные, невольные орудия самовластия» – по определению И. Т. Калашникова), то теперь их положение стало заметно меняться. Сибиряк И. Т. Калашников рано почувствовал нарастающее предубеждение местных жителей к привлеченным льготами на службу чиновникам из Европейской России. Он вспоминал, «что земские были почти все приезжие, учившиеся в университетах, люди цивилизованные. Они свысока смотрели на уроженцев иркутских, и те сами чувствовали, что им равняться нельзя с этими великими людьми»²⁵⁵. Если в оценке уровня образованности приезжих можно сомневаться, то нельзя не признать, что от пытливого взора современника не ускользнуло нараставшее отчуждение между сибирским обществом и бюрократией.

В установившемся чиновном всевластии, как полагал В. А. Ватин, было по крайней мере одно полезное следствие – снижение на некоторое время цен на хлеб и другие продукты питания²⁵⁶. Впрочем, как оценивал подобный метод принудительных хлебозаготовок декабрист Г. С. Батеньков, это могло иметь лишь краткосрочный эффект²⁵⁷. И. Б. Пестель же не преминул поставить себе в заслугу снижение цен, указывая на это как на главную причину враждебных настроений части купечества и связанных с ним сибирских чиновников. Но в желании сместить И. Б. Пестеля и Н. И. Трескина их противники также не останавливались ни перед чем, используя связи в министерствах, в Сенате, уделяя столичным чиновникам «значительную часть того, что приобретали в Сибири столь несправедливым образом»²⁵⁸. За купеческими жалобами о справедливости стоял еще и вполне понятный корыстный расчет. Добавим только, что с купеческой монополией в торговле

и претензиями на власть в крае И. Б. Пестель и Н. И. Трескин боролись, совершенно не заботясь о законности своих действий.

На первых порах И. Б. Пестелю удавалось парировать купеческие доносы, к которым, видимо, центральные власти относились с известным предубеждением, порожденным подозрением сибиряков в «ябедничестве». Однако ситуация осложнилась новым противоборством, в которое вступили И. Б. Пестель и Н. И. Трескин. И на этот раз их противник был более опасен. Усиление генерал-губернаторской и губернаторской власти натолкнулось на сопротивление министерств в лице их губернских чиновников. Если генерал-губернаторская инструкция прямо указывала на необходимость борьбы с «ябедничеством», то права местной высшей власти в отношении к министерским органам в сибирских губерниях не были ясно обозначены. Все попытки И. Б. Пестеля получить давно обещанную новую инструкцию наталкивались на несогласие министра внутренних дел В. П. Кочубея. Со сменой последнего А. Б. Куракиным И. Б. Пестель поспешил в столицу, чтобы «настоятельно испрашивать перемены моей инструкции и права обращаться в важнейших случаях прямо к Государю». В автобиографии он откровенно писал о необходимости такого шага: «Чтобы спасти себя на будущее время от одинаковой участи с моими несчастными предшественниками»²⁵⁹.

18 августа 1807 г. генерал-губернатор выехал из Иркутска, пробыв в Сибири всего 10 месяцев, чтобы больше туда не возвращаться, но еще в течение 12 лет управлять краем из Петербурга. По этому поводу А. И. Герцен заметил, «что и проконсулы жила в Риме»²⁶⁰. В затянувшемся пребывании сибирского генерал-губернатора в столице империи был и свой резон. При сложившейся централизации власти, бесплодности многих представлений в министерства сибирскую политику удобнее всего оказывалось делать именно в Петербурге. Не добившись новой инструкции и не получив поддержки у министров, И. Б. Пестель нашел могущественных покровителей в лице А. А. Аракчеева и самого Александра I. Не чуждался он и весьма сомнительной протекции у фаворитки А. А. Аракчеева В. П. Пукаловой. Очевидно, это и позволило И. Б. Пестелю продержаться так долго на посту сибирского генерал-губернатора. По словам самого И. Б. Пестеля, император дал ему право личного обращения по всем сибирским делам. Он часто

приглашался на обеды во дворец, был назначен в Сенат и Государственный совет, присутствовал при рассмотрении сибирских вопросов в Комитете министров, а в 1814 г., помимо всех прежних постов, в силу исключительного доверия императора, стал членом особого комитета по откупным делам. Ходили даже слухи, что его прочат в министры финансов.

Но собственно сибирские дела складывались для И. Б. Пестеля не столь благоприятно. Сибирь была взбудоражена рекрутскими наборами, волнениями в Забайкалье, в Тобольской губернии, на Колыванских казенных заводах, а в 1814 г. в Томске был раскрыт заговор ссыльных поляков²⁶¹. Огромную сложность представляла организация закупки хлеба для винокуренных заводов, армии и оказания продовольственной помощи в случае голода крестьянскому населению и северным народам Сибири. В связи с неурожаем в Иркутской губернии министр финансов в 1812 г. настаивал на передаче в его непосредственное управление винокуренных заводов²⁶². По существовавшему законодательству заготовка хлеба была поручена казенным экспедициям во главе с вице-губернаторами, подчинявшимся Министерству финансов, провиантским чиновникам военного ведомства и даже служащим учреждений путей сообщения. Таким образом, в организации хлебозаготовок сталкивались не всегда бескорыстные интересы чиновников целого ряда ведомств. Пользуясь тем, что И. Б. Пестель передал ему фактически генерал-губернаторские права, Н. И. Трескин потребовал от казенной экспедиции «безмолвного исполнения распоряжений губернатора». В защиту действий казенной экспедиции, которая, по словам Н. И. Трескина, отложила «от всякой зависимости и уважения к начальнику губернии», выступил министр финансов Д. А. Гурьев²⁶³. Дело разбиралось несколько лет, и И. Б. Пестель все это время не переставал обвинять казенную экспедицию и ее начальника вице-губернатора Левицкого в связи с откупщиками и даже в подрыве авторитета местной высшей власти, что может повлечь за собой «в столь отдаленном крае весьма вредные последствия безначалия»²⁶⁴.

Не менее сложно складывались отношения сибирского генерал-губернатора с местными представителями Военного и Морского министерств. Первые же попытки поставить их чиновников под местный генерал-губернаторский контроль вызвали недо-

вольство со стороны столичного начальства. Вследствие донесения И. Б. Пестеля о злоупотреблениях провиантских чиновников при заготовлении хлеба для нужд войск Александр I включил в сферу непосредственного ведения генерал-губернатора всю организацию хлебозаготовок. Кроме того, генерал-губернатору было предоставлено право предавать суду провиантских чиновников, на которых, как писал В. И. Штейнгейль, открыли настоящие гонения, пока на все места не посадили своих²⁶⁵. Были образованы три следственные комиссии, которые выдвинули обвинения против 112 человек²⁶⁶. Расправу учинили по отношению к начальнику Тобольского провиантского депо генерал-майору Ф. Т. Куткину, который был посмертно оправдан уже в ходе ревизии М. М. Сперанского. Однако дело Ф. Т. Куткина не сводилось только к его истинному или мнимому лихоимству, в основе его лежала все та же борьба за власть. Один из современников описываемых событий сообщал биографу М. М. Сперанского М. А. Корфу, что Ф. Т. Куткин при генерал-губернаторе И. О. Селифонтове «имел большую силу» и намеревался сохранить свое влияние и при его преемнике. Но отношения с И. Б. Пестелем не сложились, и он начал везде жаловаться на действия генерал-губернатора, нелестно о нем отзываться, пререкаться, хвастаться покровительством в Петербурге и открыто заявлять, «что этот веник обмелится и будет голик; тогда мы возьмем его в руки»²⁶⁷. Почувствовав, что дело клонится не в его пользу, Ф. Т. Куткин хотел покинуть Сибирь, но И. Б. Пестель, действуя через А. А. Аракчеева, вернул его в Тобольск, где и сохранил до смерти под стражей²⁶⁸.

В открытый конфликт с И. Б. Пестелем вступил командующий войсками, расквартированными в Сибири, генерал-лейтенант Г. И. Глазенап. Неопределенность в субординации генерал-губернаторской и военной властей в крае породила затяжную вражду. С. Б. Броневский вспоминал, что И. Б. Пестель, хотя и имел чин тайного советника, но «по странному заблуждению к старому и заслуженному генерал-лейтенанту писал: “Милостивый Государь мой”, в одну строку, что по тогдашнему обычаю имело вид повеления»²⁶⁹. Г. И. Глазенап отвечал ему тем же и даже, как жаловался И. Б. Пестель А. А. Аракчееву, «он объявил, что не обязан ни в чем слушаться, и не только не посылал мне никаких рапортов, но не принимал от меня никаких предписаний»²⁷⁰. Более того, Г. И. Глазенап восстановил против сибирского генерал-губер-

натора военного министра М. Б. Барклая де Толли, и И. Б. Пестель приобрел еще одного сильного врага.

Столкновение И. Б. Пестеля с Г. И. Глазенапом достигло апогея, когда последнему поручили выяснить причины голода в Туруханском крае. Отправленный туда в 1817 г. обер-аудитор Камаев обнаружил чудовищные упущения томского губернатора Д. В. Илличевского в заготовке хлеба, что привело к голоду и даже к случаям людоедства. И. Б. Пестель вынужден был писать в Комитет министров пространные объяснения, выгораживая Илличевского и обвиняя Камаева в предвзятости. Он безапелляционно заявлял, что хлеба было достаточно, а «случившееся же между двух семейств остяков злодеяние (людоедство. – *Авт.*) произошло единственно от зверской их жизни»²⁷¹. На этот раз Комитет министров принял объяснения И. Б. Пестеля, но настоятельно рекомендовал ему вернуться в Сибирь, чтобы лично наблюдать за управлением вверенного края²⁷². Еще 28 ноября 1812 г. Комитет министров в связи с запутанным делом о закупках хлеба в Иркутской губернии заключил, «что настоящее положение Сибири требует личного присутствия там генерал-губернатора», но И. Б. Пестель продолжал оставаться в Петербурге. В качестве причины своей задержки в столице он выставлял ожидание «пополнения инструкции». Комитет министров попытался найти компромиссное решение, предложил вместо генерал-губернатора направить в сибирские губернии «доверенную особу для исследования на месте» положения дел с заготовкой хлеба²⁷³.

Существовали у И. Б. Пестеля и его фактотума Н. И. Трескина серьезные разногласия и с представителями других ведомств. Был отрешен от должности и отдан под суд не унявшийся С. А. Горновский, которого И. Б. Пестель обвинял в потворстве Сибирякову, Мельникову и Передовщикову. Генерал-губернатор заключал, что Горновский есть «тайный предводитель иркутской беспокойной и недовольной новой партии»²⁷⁴. Ходатайствовал И. Б. Пестель об удалении из Сибири и начальника округа путей сообщения Ф. Ф. Риддера, обвиняя того в присвоении «не принадлежащей ему власти», и требовал «положить конец сим неустройствам, чувствительно беспокояющим губернское начальство»²⁷⁵. Даже духовные власти жаловались своему начальству на притеснения Н. И. Трескина и его подчиненных. Чашу терпения

иркутского епископа Михаила переполнило возмущение поступком нижеудинского исправника Ф. Б. Лоскутова, который высек протоиерея Орлова. Епископ Михаил писал князю А. Н. Голицыну: «Хотя лично ничего не терплю от губернатора, но стражду ежедневно в растерзываемой как бы волками пастве своей, коей непрерывный вопль проникает и сквозь толстые стены архиерейского дома. Нечестие и бесстыдное притворство; дерзость и самонадеянность с деспотизмом; презрение к людям и страданиям их; выбор и отличие чиновников, деятельных только к разорению поселян, особливо бурят; система обогащать себя и во всем монополия – сии черты отличают здешнее правительство от внутренних губерний России»²⁷⁶.

Непрекращающиеся конфликты различных сибирских властей, жалобы на произвол чиновников стали известны столичному начальству, несмотря на все предосторожности, принятые И. Б. Пестелем и Н. И. Трескиным. 10 октября 1813 г. «для рассмотрения поступивших от Сибирского генерал-губернатора представлений по делам тамошнего края» Александр I повелел учредить особый комитет, известный под наименованием Комитета по делам Сибирского края. Появление среди высших государственных учреждений империи такого временного территориального комитета явилось отражением управленческого кризиса, когда Комитет министров оказался не в состоянии разобраться с массой конфликтных ситуаций, порожденных несогласованностью в деятельности министерств, генерал-губернаторов и губернаторов. Комитет по делам Сибирского края как бы открывал серию подобного рода вспомогательных региональных комитетов при Комитете министров²⁷⁷.

В состав нового комитета под председательством В. П. Кочубея (бывшим к тому времени и председателем Департамента законов Государственного совета) вошли, по оценке И. Б. Пестеля, его «величайшие враги»: государственный контролер Б. Б. Кампенгаузен и управляющий делами иностранных исповеданий князь А. Н. Голицын. Впоследствии в комитете заседали А. С. Шишков и министр полиции А. Д. Балашев. Подозревал И. Б. Пестель в пристрастности к себе и начальника канцелярии Комитета Михайлова, который был якобы «подкуплен приверженцами Левицкого»²⁷⁸. Комитет по делам Сибирского края организовывался при Комитете министров и должен был вносить в него свои решения. Собирался комитет нере-

гулярно, по мере поступления дел, и просуществовал до 4 февраля 1819 г.²⁷⁹ На его заседаниях рассматривались, помимо представлений сибирского генерал-губернатора, различного рода жалобы на действия местной администрации. Значительная часть заседаний комитета была посвящена разногласиям между иркутским губернатором Н. И. Трескиным и вице-губернатором Левицким по поводу заготовки хлеба²⁸⁰.

И. Б. Пестель в противовес устремлениям министерств сохранить свою ведомственную автономию в регионах пытался подчинить генерал-губернаторской власти всех сибирских чиновников. В основе возникшего конфликта лежало противоречие отраслевого и территориального принципов управления, и порожденная этим неразбериха требовала найти способ объединить разрозненные местные учреждения. А так как И. Б. Пестелю было фактически отказано в разрешении этого вопроса официальным путем в новой инструкции, то он и предпринял энергичные меры к тому, чтобы реально поставить под свой контроль весь сибирский бюрократический аппарат. Это была своего рода попытка разрешить на региональном уровне проблему «объединенного правительства». В одной из записок к А. А. Аракчееву, которая может быть датирована не ранее 1810 г., он писал по этому поводу: «Трудно удержать благоустройство в той государственной части, которая управляется несколькими лицами. Точно так, как в частном быту, если в одном доме находится несколько хозяев, один от другого не зависящих, никогда почти не бывает доброго устройства. Управляемый мною Сибирский край, к несчастью, обретается точно в сем состоянии. Край сей не только по качеству населения своего и по отдаленности от верховного правительства, но даже по самому натуральному положению долженствует иметь единого главного правителя или хозяина (подчеркнуто в оригинале. – А. Р.), не подверженного опасению, чтобы частные тамошние правители или его помощники могли противопоставлять ему действия свои, а тем паче вовсе отделяться от целого»²⁸¹. Не случайно И. Б. Пестель активно поддерживал идею А. А. Аракчеева придать большее единство действиям министров путем усиления роли председателя Комитета министров. В 1816 г. и сам И. Б. Пестель представил записку, содержащую резкую критику организации министерской власти²⁸².

Но карьера И. Б. Пестеля уже клонилась к закату. Слишком многих он сумел восстановить против себя. Комитет по делам Сибирского края по настоянию министра финансов Гурьева оправ-

дал Левицкого и вообще занял неблагожелательную позицию в отношении сибирского генерал-губернатора. В апреле 1817 г. Александр I хотел отдать под суд Сената томского губернатора Д. В. Илличевского, а вместо И. Б. Пестеля назначить генерал-губернатором его соперника Г. И. Глазенапа. Но и на этот раз Д. В. Илличевскому и И. Б. Пестелю при помощи А. А. Аракчеева удалось удержаться. И. Б. Пестель даже предпринял рискованный ход и потребовал полного оправдания, а также проведения ревизии Иркутской губернии, угрожая отставкой своей и Н. И. Трескина²⁸³. Но подобный демарш не дал желаемого результата и не укрепил их позиций. Когда же до Иркутска докатились слухи, что ревизия может быть действительно назначена, то, как писал С. А. Горновский, Н. И. Трескин впал в «уныние и отчаяние»²⁸⁴. Дальнейшая утрата доверия со стороны императора, охлаждение отношений с А. А. Аракчеевым, который к тому времени разошелся с Пукаловыми, сделали положение И. Б. Пестеля весьма шатким.

Довершили все, как считал сам И. Б. Пестель, очередные доносы С. А. Горновского, который просил назначить в Иркутскую губернию следственную комиссию с участием в ней иркутского совестного судьи и директора гимназии П. А. Словцова. Одним из условий успешного следствия Горновский считал удаление от должности, хотя бы временное, Н. И. Трескина²⁸⁵. И. Б. Пестель вновь пытался оправдаться, выставляя С. А. Горновского в качестве доносчика и взяточника, заявляя, что в доносах последнего «одна ложь и ябеда». По мнению генерал-губернатора, поощрение доносчиков может привести к политически опасным последствиям. «С разрушением доверенности к начальству, – разъяснял он 8 июня 1818 г. в ответ на донос С. А. Горновского, – изнеможет сила его и чиновники, честию испытанные, любимые, так сказать, дети правительства, побегут от Сибири, как от моровой язвы, которая мертвит людей без различия»²⁸⁶.

Значительный интерес для понимания формирования нового подхода к административной политике самодержавия в Сибири представляют два документа: записка министра внутренних дел О. П. Козодавлева, которую он передал 24 октября 1818 г. управляющему делами Комитета министров и с которой ознакомился Александр I, и особое мнение председателя Комитета министров П. В. Лопухина. П. В. Лопухин, исходя из сложившейся практики контроля за местным управлением, предлагал направить с ревизи-

зией в Сибирь двух сенаторов и сверх того учредить специально для Сибири уголовный и гражданский департаменты Сената. «Сим средством, – считал Лопухин, – не только прекратились бы беспрерывные жалобы и доносы, в коих весьма трудно удостоверяться, но и генерал-губернатор Сибирский не имел бы нужды в исключительной инструкции»²⁸⁷. Таким образом, председатель Комитета министров, хотя и понимал необходимость создания специального высшего органа для сибирских дел в центре, оставался на прежних унификаторских позициях в определении организации регионального управления.

Новый подход к сибирской политике, предлагавший учитывать не только местные особенности Сибири, но и существенно децентрализовать саму региональную систему власти, содержался в записке О. П. Козодавлева. Поддержанный министром юстиции П. В. Лопухиным, О. П. Козодавлев заявил, что направление сенаторов с ревизией в Сибирь не только неудобно, но и совершенно бесполезно. Он осудил безудержное стремление бесконтрольно усиливать местную власть, тогда как ее, наоборот, необходимо, не ослабляя, поставить под надзор. Для этого О. П. Козодавлев предлагал учредить в самой Сибири Верховный совет, частично из чиновников, назначаемых правительством, частью из членов, избираемых из сибирских жителей разных сословий. Председатель этого совета (генерал-губернатор) будет иметь преимущество только при равенстве голосов. Он может приостановить выполнение решения совета, но обязан об этом сообщить заинтересованному министру. Эти меры позволили бы поставить генерал-губернатора под двойной контроль как со стороны совета, так и со стороны министерств. О. П. Козодавлев также предлагал, опираясь на опыт остзейских магистратов, усилить в Сибири городское самоуправление, что, по его мнению, принесло бы пользу торговле, промышленности и образованию. Затянувшуюся вражду между гражданскими и военными начальниками в записке предусматривалось прекратить весьма просто – «чтоб сибирским главным начальником был знатный чиновник военный, который бы управлял частию военною и гражданскою». В своем проекте О. П. Козодавлев не определял конкретных форм организации Верховного совета, предлагая дальнейшую разработку поручить особому комитету, куда бы вошли лица, знакомые не только с законодательством, но и с административной практикой управле-

ния Сибирским краем²⁸⁸. Однако ни предложения П. В. Лопухина, ни проект О. П. Козодавлева не были реализованы. На заседании Комитета министров 14 и 16 ноября 1818 г. при рассмотрении беспорядков в управлении Сибирью О. П. Козодавлев весьма категорично настаивал на отставке И. Б. Пестеля и назначении в Сибирь нового генерал-губернатора, очевидно, связывая с этим осуществление своего плана²⁸⁹.

Таким образом, на протяжении двух первых десятилетий XIX в. самодержавие постепенно приходило к пониманию, что недостатки заключаются не только в личных качествах высших сибирских администраторов, но и в самой сибирской управленческой системе. Этот вывод стал возможен в связи с выявившимися общими пороками местного управления Российской империи и напряженными поисками пересмотра всей региональной политики на началах деконцентрации и децентрализации. В проектах начала XIX в. можно обнаружить стремление разрешить противоречия между министерской и генерал-губернаторскими властями, установить более действенный контроль за местной администрацией, создать определенные противовесы личному началу в управлении со стороны коллегиальных учреждений, привлекая для этой цели выборный элемент, расширяя полномочия городского самоуправления.

Административная политика самодержавия в Сибири в начале XIX в. свидетельствует о разнонаправленности и противоречивости развития местного государственного аппарата, о поисках эффективной управленческой модели. Одновременно идут процессы централизации и деконцентрации бюрократического аппарата, правительственные круги пытаются отыскать оптимальное равновесие между этими основными началами государственного устройства, осторожно допуская возможность развития децентрализации власти. Противоречия местного управления, заложенные в несогласованных реформах второй половины XVIII – начала XIX в., порождали кризисные ситуации, особенно ярко проявившиеся в специфических условиях Сибири.

4.2. Ревизия и административная реформа М. М. Сперанского в Сибири (1819–1822 гг.)

Чтобы полнее представить задачи реформирования сибирского управления и условия их реализации, необходимо сделать несколько замечаний об общих направлениях административной политики самодержавия начала XIX в. Важным направлением государственной деятельности в первой трети XIX в. явилась кодификация российского законодательства. Самодержавие пыталось не просто систематизировать разрозненные законодательные акты, но и внести в государственный строй новые принципы, провести правовую модернизацию аппарата управления²⁹⁰. Для М. М. Сперанского, игравшего главную роль в кодификации законов, конституционные преобразования означали прежде всего желание подвести фундаментальную правовую основу под административную организацию, рационализировать процесс управления, осуществить разделение властей, законодательно регламентировать управленческие процедуры, сохранив при этом на всех уровнях единство власти. Важнейшими средствами борьбы с недостатками бюрократического аппарата представлялись четкие инструкции и рационально организованный унифицированный административный механизм. Самодержавие было озабочено поисками оптимального административно-территориального устройства империи, стремилось найти пути и способы реорганизации местного аппарата управления. В записке «О положении империи и мерах к пресечению беспорядков и введении лучшего устройства в разные отрасли, правительству составляющие» (1814 г.) В. П. Кочубей настаивал на необходимости издания инструкции генерал-губернаторам и губернаторам, указывал на повсеместную запутанность компетенций губернских правлений и казенных палат, что приводит к медленности делопроизводства и конфликтам между губернаторами и вице-губернаторами.

Злоупотребления в нижних земских судах требовали также обратить внимание на реорганизацию уездного управления. В качестве же первоочередной меры В. П. Кочубей предлагал повсеместно назначить генерал-губернаторов, «дабы установить в губерниях единство начальства»²⁹¹. Все громче раздавались голоса в защиту самостоятельности губернаторов, усиления их власти в губерниях. Указом 30 октября 1816 г. Александр I запретил дирек-

торам министерских департаментов требовать объяснений от губернаторов. Укреплялась связь между монархом и губернаторами. Кроме ежегодных всеподданнейших отчетов, губернаторы обязывались через каждые три месяца доводить до монарха сведения о делах, которые не получили разрешения в министерствах²⁹².

В правительственных кругах в эти годы появляются проекты, предусматривающие децентрализацию местного управления. В 1816 г. был составлен проект учреждения наместничеств в России. Предложения о децентрализации управления высказывал в 1819 г.

государственный контролер Б. Б. Кампенгаузен²⁹³. Разделение империи на 12 наместничеств предусматривалось проектом «Российской уставной грамоты», который готовился в 1818–1820-х гг. В связи с этим конституционным проектом стоит «эксперимент» с созданием в 1819 г. генерал-губернаторства с центром в Воронеже. При генерал-губернаторе планировалось создать совещательный совет, дать генерал-губернатору особую инструкцию. В отличие от екатерининских генерал-губернаторов и наместников планируемое высшее местное начальство должно было стоять во главе больших административных групп (4–5 губерний) и заниматься не мелочными делами текущего управления, а наиболее важными и надзирать за деятельностью органов власти на местах. Модель «государь – Государственный совет, министр – совет министра» переносилась и на местное управление. Самодержавие стремилось создать сильную административную власть на местах, поставить наместника (генерал-губернатора) в один ранговый ряд в бюрократической иерархии с министром.

В 1821 г. во «Введении к наместническому (областному) учреждению» М. М. Сперанский разъяснял, что нужно найти приемы приспособить министерскую систему к местному управлению. Он считал, что генерал-губернаторы должны стать, как и мини-

Император Александр I.
1817 г. Автор портрета
Т. Лоуренс

стры, членами Комитета министров и Первого департамента Сената. Наместническое (генерал-губернаторское) управление, таким образом, явилось бы в виде министерства, действующего на месте²⁹⁴. Чтобы добиться лучшей координации действий местной высшей власти и власти министерской, предполагалось, что в наместническом совете пять из шести членов будут избираться министрами и заведовать соответствующими отраслями управления²⁹⁵. Что касается губернского управления, то в 1809 г. М. М. Сперанский высказывался за упрощение губернской администрации, придание единства в ее действиях и создание совещательных и контролирующих органов, включающих выборных представителей²⁹⁶. Но вернувшись из Сибири, оставаясь приверженцем идеи создания губернских советов (хотя бы в виде «Общего присутствия губернского правления и казенной палаты» под председательством губернатора) в качестве органов, объединяющих и контролирующих местную администрацию, он отказывается от введения выборного начала в местное управление²⁹⁷.

Помимо общих тенденций в административной политике, были и конкретные причины, вызвавшие ревизию М. М. Сперанского. Царизм должен был как-то реагировать на непрекращающийся поток жалоб о злоупотреблениях сибирских чиновников. Безнаказанность местной администрации подрывала в глазах населения авторитет самодержавной власти, что было чревато социальными конфликтами. «Темные поборы», взяточничество, казнокрадство, административный произвол снижали податные возможности сибирского населения, что наносило ощутимый ущерб фискальным интересам царизма. В недостатках управления видели одну из главных причин растущей недоимочности населения Сибири²⁹⁸. Ревизия должна была выявить новые возможности повышения доходности края, успокоить население и водворить новый порядок в местном государственном аппарате.

Ревизия Сибири, одновременно с назначением генерал-губернатором, была поручена указом 22 марта 1819 г. М. М. Сперанскому, находившемуся в опале и занимавшему скромный пост пензенского губернатора. Вместе с царским рескриптом 31 марта с фельдъегерем М. М. Сперанскому были доставлены в Пензу письма (частное и официальное) гр. А. А. Аракчеева, выписка из положения Комитета по делам Сибирского края, инструкция для ревизии и еще ряд бумаг²⁹⁹. Однако имеет смысл обратить особое вни-

мание на некоторые моменты, проливающие свет на административную политику самодержавия в Сибири в первой половине XIX в.

М. М. Сперанский принял назначение в Сибирь без энтузиазма: «Что я ни делал, чтоб избежать Сибири, – писал он А. А. Столыпину, – и никак не избежал»³⁰⁰. Но поездка в Сибирь открывала путь к возвращению в Петербург. Поручение М. М. Сперанскому обозреть сибирское управление многие государственные деятели восприняли благоприятно. В. П. Кочубей надеялся, что это приведет не только к исправлению каких-либо мелочей, но и к созданию общего плана преобразования сибирского управления³⁰¹. О. П. Козодавлев представил М. М. Сперанскому свое мнение о мерах по реформированию сибирского управления и снабдил в качестве теоретического пособия книгой

Д. Прадта «О колониях»³⁰². В письме О. П. Козодавлев специально пояснял: «Я не все сказал в сем мнении, что бы хотел сказать; я враг самовластия, а особливо пашинского, люблю муниципальное правление, магистраты и прочее сему подобное». Вспоминая спор в Комитете министров, он как бы добавлял новые аргументы: «Князь Лопухин в голосе своем полагает Сенат; но я до коронных чиновников по губерниям не большой охотник: они только подкрепляют таканием самовластие местных начальников. Лучше, кажется, выборные, коих интерес собственный привязывает к интересу земли»³⁰³.

Хотя М. М. Сперанский и был назначен генерал-губернатором, но его пребывание в крае было оговорено как временное – год-полтора. Получив назначение, он отчетливо сознавал, что управлять Сибирью при существующем порядке вещей невозможно. «Как вы могли себе представить, – писал М. М. Сперанский 13 мая 1819 г. А. А. Столыпину, – что я пущусь управлять Сибирью, коею никто и никогда управить не мог?»³⁰⁴ Впрочем, и само царское

А. А. Аракчеев,
военный министр
в 1808–1810 гг., главный
начальник Императорской
канцелярии с 1812 г.
Гравюра Н. И. Уткина
с оригинала В. Вагнера

В. П. Кочубей,
министр внутренних дел
в 1802–1807, 1819–1823 гг.
Автор Ф. Жерар. 1809 г.

правительство пришло к пониманию, что улучшение не наступит без изменения системы управления. Александр I предписал М. М. Сперанскому наряду с ревизией «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края и сделать оному начертание на бумаге»³⁰⁵.

М. М. Сперанский воплощал в себе идеальный тип бюрократа-реформатора, основные черты которого подметил еще С. М. Середонин: «своеобразная универсальность, энциклопедичность, гибкость характера и ума, удивительная работоспособность и самоуверенность»³⁰⁶. Оказавшись в Пензе губернатором, он смог сверх своих значительных тео-

ретических познаний приобрести практический опыт местного управления, на себе почувствовать все пороки губернской администрации. Здесь у М. М. Сперанского созрел свой подход к реформированию местного управления. В лучшем устройстве губернских учреждений ему виделся способ улучшить управление в стране в целом, предварить административными преобразованиями реформы политические, дабы избежать серьезных потрясений. «Словом, – считал он, – добрая администрация есть первый шаг, а в администрации правила и учреждения занимают первое место; выбор и наряд исполнителей – второе; следовательно, начинать с них есть начинать дело с конца»³⁰⁷.

Как бы предвосхищая свои ближайшие действия в Сибири, М. М. Сперанский писал еще 21 мая 1818 г. А. А. Столыпину о необходимости прежде назначения генерал-губернатора дать этому лицу поручение на правах сенатора-ревизора познакомиться с краем, изучить его, а затем уж – представить свои соображения верховной власти. «Сие было бы, – заключал он, – средством начать исправление с истинных его оснований. В полгода сим образом более можно было сделать истинного добра, нежели в целый век работы отрывочной и случайной; из чего можно бы было

вывести самое благотворное и обширное учреждение»³⁰⁸. Этим сибирская ревизия М. М. Сперанского существенно отличалась от многочисленных сенаторских ревизий, направленных на выявление и устранение недостатков и злоупотреблений, а не на перестройку самой системы управления.

Отличалась ревизия М. М. Сперанского и хорошей организацией. Основная работа была сосредоточена в канцелярии сибирского генерал-губернатора, куда М. М. Сперанскому удалось привлечь несколько талантливых сотрудников (в их числе был и будущий декабрист Г. С. Батеньков). Канцелярия разделялась на четыре отделения, в которых дела распределялись по отраслевому принципу: I отделение занималось делами по Министерству полиции и юстиции; II отделение – по Министерству финансов; III отделение – по Министерству внутренних дел, духовных дел и народного просвещения, а также иностранных дел; IV отделение – по Военному министерству³⁰⁹. Однако общий состав чиновников оставался неудовлетворительным. М. М. Сперанский жаловался, что не может даже «составить своей канцелярии» и должен довольствоваться теми сотрудниками, которых в основном подыскал в Сибири. Значительную часть работы ему пришлось проделать самому. Он зачастую не мог положиться на своих подчиненных не только по их неспособности («кому у меня писать, когда и переписать даже некому»), но и по враждебности некоторых из них, объясняемой приверженностью к прежнему сибирскому правлению³¹⁰.

М. М. Сперанский лично объехал большую часть Сибири, посетил, кроме губернских городов, Омск, Верхнеудинск, Кяхту, Семипалатинск и др. Для расследования наиболее сложных и запутанных дел в отдельных местностях были учреждены специальные комиссии: Нижнеудинская, Верхнеудинская, Иркутская. Специальные чиновники были отправлены с ревизией в Нарым, Туруханск и Киренский уезд, были подготовлены записки о состоянии дел в Охотско-Камчатском крае. Ревизия выявила вопиющие случаи произвола, казнокрадства и взяточничества. Но решимость карать виновных у М. М. Сперанского улетучивалась по мере продвижения на восток. В. И. Вагин отмечал, что «жалоб на лихоимство было так много, а законы против него так жестоки, что М. М. Сперанский решил исключить слово взятки из сибирской ревизии»³¹¹. Основная масса злоупотреблений оказалась связана с заготовкой хлеба, распределением земских и волостных повинно-

стей, податей, ясака, управлением торговлей и промышленностью. В итоге – два губернатора (томский и иркутский) и 48 чиновников были отданы под суд, 681 человек оказались замешанными в противозаконных действиях (в том числе 174 чиновника и 256 «инородческих начальника»). Сумма взысканий простиралась до 3 млн руб. И. Б. Пестеля же обвинили лишь в том, что он, находясь в Петербурге, передоверил управление своим подчиненным, и поэтому ему ограничились удалением его от службы.

Очевидно, что в действительности количество чиновников, попавших в поле зрения ревизоров, было значительно больше. Об этом свидетельствовал и сам М. М. Сперанский: «Кроме самых решительных и вопиющих случаев удерживаюсь я обвиняемых отдаванием под суд, ограничиваясь их удалением, да и тогда только, когда есть возможность их заменить. Но возможность сия весьма редка, ибо здесь вопрос не в выборе людей честных или способных, но в положительном и совершенном недостатке даже и посредственных, даже и людей неспособных»³¹². Это была одна причина снисходительности М. М. Сперанского. Другая причина заключалась в необходимости учитывать наличие у И. Б. Пестеля и Н. И. Трескина могущественных покровителей. Поле для проведения ревизии и реформирования ограничивалось не только возможностями самой Сибири, но и необходимостью учитывать настроения в петербургских сановных сферах. Это заставляло М. М. Сперанского быть чрезвычайно осторожным.

Третья, и наиболее важная, причина заключалась в том, что основу выявленных злоупотреблений М. М. Сперанский видел не только в личных недостатках тех или иных представителей сибирской администрации, но и в несоответствии образа управления условиям Сибири. Н. М. Ядринцев отмечал, что «с высоты государственной точки зрения» М. М. Сперанский определил управление И. Б. Пестеля «как часть предшествовавшей системы»³¹³. Непосредственное знакомство с краем укрепило М. М. Сперанского в мысли, что «различие между Сибирью и внутренними губерниями столь велико, что никакое учреждение, для сих губерний изданное, не может быть свойственно Сибири без значительных изъятий и применений»³¹⁴. Недостатки, заложенные в самом «Учреждении о губерниях» 1775 г., считал он, в Сибири усиливались отсутствием дворянства, большими расстояниями, малочисленностью населения, недостатком чиновников и отсутствием

действенного надзора за администрацией³¹⁵. В отчете о ревизии специально подчеркивалась необходимость установления законности в сибирском управлении, четкой организации государственного механизма.

Уже к январю 1820 г. (а прибыл он в Сибирь в мае 1819 г.) М. М. Сперанский посчитал свою миссию выполненной и доложил царю, что ему «делать в Сибири совершенно нечего. Управлять ею невозможно; к сему надобны люди и другой порядок»³¹⁶. Несмотря на это, он пробыл в Сибири еще год.

По возвращении М. М. Сперанского в Петербург для рассмотрения его отчета и плана реформ 21 июня 1821 г. был создан первый Сибирский комитет³¹⁷. Учреждение такого комитета не было принципиально новым явлением в законодательной и административной практике царизма. В этом можно видеть отчасти возврат к опыту Сибирского приказа. Существовала объективная потребность иметь высший орган, который бы смог не только объединить управление Сибирью, но и разгрузить другие высшие государственные учреждения. Однако первый Сибирский комитет имел отличия от своего непосредственного предшественника – Комитета по делам Сибирского края: более стабильный состав членов, длительное существование, своя канцелярия, а самое главное – широкие полномочия. Имел он и большую автономию по отношению к Комитету министров, который был его прототипом. Не случайно, в отличие от Сибирского комитета, Комитет министров называли «Большим комитетом».

На заседании 3 ноября 1821 г. были конкретизированы функции Сибирского комитета: «1) Подробное рассмотрение общего и частных предположений по предмету устройства Сибирского края. 2) Постепенное введение оных в действие по мере соображения и начертания приличных к тому правил. 3) Рассмотрение новых мер, от местных управителей представляемых. 4) Разрешение затруднений, которые может встретить местное управление при введении новых положений и руководство оною в высшем отношении на основании принятых начал»³¹⁸. По всем этим вопросам сибирские генерал-губернаторы должны обращаться непосредственно в комитет, но в ходе обычного управления сохранялся общий порядок отношений с министерствами. Комитет мог осуществлять координационные функции при определении правительственной политики по отношению к Сибири, ускоряя рас-

смотрение сибирских дел и в какой-то мере объединяя действия разрозненных ведомств и сибирских генерал-губернаторов. Сибирский комитет не имел регулярных заседаний и собирался по мере накопления дел. Его положения поступали на утверждение прямо к царю, минуя другие инстанции. Первый Сибирский комитет действовал до 1838 г. и занимался не только обсуждением реформ, их реализацией, но и многочисленными вопросами текущего управления. В период своего существования он наряду с Азиатским комитетом являлся высшим государственным учреждением для всего Азиатского региона империи. Однако полностью сосредоточить в Сибирском комитете высшее руководство краем не удалось, с ним успешно конкурировали Государственный совет, Сенат, Комитет министров, III отделение Собственной Е. И. В. канцелярии и даже министерства.

При учреждении первого Сибирского комитета его председателем был назначен министр внутренних дел В. П. Кочубей, с давних пор покровительствовавший М. М. Сперанскому. В первый состав комитета вошли также: министр финансов Д. А. Гурьев, министр народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицын, государственный контролер Б. Б. Кампенгаузен, А. А. Аракчеев и М. М. Сперанский. Примечательно, что с тремя из них (В. П. Кочубеем, А. Н. Голицыным и А. А. Аракчеевым) М. М. Сперанский, находясь в Сибири, состоял в переписке. С 1823 по 1826 г. председателем был А. А. Аракчеев, а впоследствии этот пост занимал один из старших в чине из членов комитета. В 1828–1838 гг. председательствовал князь А. Н. Голицын. Состав членов изменялся, в разные годы в нем заседали: начальник Главного штаба И. И. Дибич, министры внутренних дел В. С. Ланской, А. А. Закревский, Д. Н. Блудов, военный министр А. И. Чернышев, шеф жандармов А. Х. Бенкендорф и др.³¹⁹ Управляющим делами комитета был сначала Г. С. Батеньков, а затем с 1826 г. А. П. Величко. В первый период деятельности комитета особенно сильно ощущалось влияние А. А. Аракчеева. Батеньков служил под началом А. А. Аракчеева еще и в Отдельном корпусе военных поселений, а сама канцелярия Сибирского комитета некоторое время помещалась в казармах штаба «поселенного графа Аракчеева полка»³²⁰.

Заручившись поддержкой А. Н. Голицына и В. П. Кочубея, а самое важное – А. А. Аракчеева, М. М. Сперанский быстро провел через Сибирский комитет свои реформаторские проекты. В день

рождения А. А. Аракчеева (23 сентября) М. М. Сперанский отправил ему «вместо дара» только что отпечатанное «Сибирское учреждение» со словами благодарности: «Уверен, что вам приятно будет взглянуть, в свободные минуты, на дело, которое вам большею частию обязано успешным его движением и совершением»³²¹. За короткий срок (с 28 июля 1821 г. по 19 мая 1822 г.)³²² в Сибирском комитете был рассмотрен целый пакет законодательных актов. Всего 22 июля 1822 г. было утверждено царем 10 законов, составивших особое «Сибирское учреждение» («Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцами», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами»)³²³.

Обсуждение законопроектов, подготовленных М. М. Сперанским и его сотрудниками, почти не встретило оппозиции в Сибирском комитете. Исключение составила лишь разработка вопросов, связанных с порядком управления на Алтае. Местное управление Колывано-Воскресенского (с 1834 г. Алтайского) горного округа находилось в ведении Кабинета его императорского величества и было поручено его канцелярии во главе с начальником горных заводов. Приписное крестьянство находилось в двойной административной зависимости: кроме власти горных чиновников, на него распространялась по суду о тяжких преступлениях и по платежу казенных податей власть томского губернского начальства. М. М. Сперанский предлагал сблизить положение приписных крестьян с государственными, передав их в ведение по суду и полиции из кабинетского в общегражданское ведомство. Это привело бы к разрушению административной обособленности горного округа и превращению его в органическую часть Томской губернии. Но данное предложение провести через Сибирский комитет М. М. Сперанскому не удалось. Было принято компромиссное решение – соединить должности томского губернатора и начальника горных заводов в одном лице. Кабинету удалось сохранить свое преимущественное положение, оставив за собой право представлять кандидата на этот пост из генералов корпуса горных инженеров. При таком порядке неизбежно томский губернатор должен был больше внимания уделять горным заводам, чем всем прочим

нуждам губернии. По судебным и полицейским делам приписные крестьяне были подчинены губернскому, окружному и волостному управлению, но заводские повинности и хозяйственное управление осталось в руках горного начальства. В ведении горного начальства сохранялись: сбор податей, земские повинности, рекрутская повинность, продовольственная часть³²⁴.

В 1828 г. для управления Колывано-Воскресенскими заводами учреждались подчиненные Кабинету горное правление в Барнауле и сеть горных контор на территории округа. М. М. Сперанский в Сибирском комитете вновь решительно возражал против этого, выдвигая в качестве основных аргументов две причины. Во-первых, образование особого горного округа «производит сбивчивость во всех понятиях о управлении, ибо сие значило бы учреждать губернию в губернии, что очевидно подвержено бесчисленным неудобствам». Во-вторых, доказывал М. М. Сперанский, нельзя соединять хозяйственные дела с управлением приписными крестьянами, отдавая их фактически «в полную зависимость от горного начальства, даже по делам суда и полиции»³²⁵. Так оно впоследствии и произошло. Двойственность в управлении приписными крестьянами Алтая оказалась номинальной: горной администрации через земских управителей, депутатов по делам приписных крестьян, пользуясь поддержкой главного начальника горных заводов, который был одновременно и томским губернатором, удалось свести к минимуму влияние в управлении общегосударственных учреждений. Возникла даже идея изъятия этой территории из состава Томской губернии и образования особой горной области. Схожее положение в управлении устанавливалась и в Нерчинском горном округе. И там в 1844 г. генерал-губернатор В. Я. Руперт в связи с развитием золотопромышленности предлагал установить особый административный статус для Нерчинского горного округа³²⁶. В 1830 г. алтайские и нерчинские горные заводы перешли в ведение Министерства финансов, но в начале 1850-х гг., после того как за счет казны их положение несколько выправилось, восстановили прежнее управление Кабинета. Ликвидировать административную обособленность горных округов М. М. Сперанскому не удалось, хотя нерчинские заводы и приписанное к ним население уже с 1830 г. находились в главном местном управлении генерал-губернатора Восточной Сибири, а затем, в 1851 г., приписных крестьян здесь перевели в казачье сословие³²⁷.

В соответствии с реформой 1822 г. произошло административное разделение Сибири на два генерал-губернаторства – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское, административными центрами которых стали соответственно Тобольск и Иркутск. Фактически Сперанский произвел разделение Сибири на две части – Западную и Восточную. При этом он основывался на естественной границе края, проходящей по Енисею, на которую и ранее указывали известные российские географы-путешественники Паллас и Гмелин.

В состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства были включены Тобольская, Томская губернии и Омская область. К Восточно-Сибирскому генерал-губернаторству отнесли Иркутскую и Енисейскую губернии, Якутскую область, Охотское и Камчатское приморские и Троицкосавское пограничное управления. В Енисейскую губернию с центром в Красноярске были включены уезды, выделенные из состава Томской и Иркутской губерний³²⁸.

Отныне в край посылались два генерал-губернатора. По этому поводу Сперанский справедливо отмечал, что с подобным разделением «соединяются все удобства» управления огромным Сибирским краем.

В соответствии с «Учреждением» устанавливалась следующая административно-территориальная иерархия края. Губернии и области делились на округа, а те, в свою очередь, на волости и инородные управы. В результате была создана четырехуровневая система сибирского управления: главное, губернское, городское, волостное и инородное.

Высший уровень – Главное управление – составляли генерал-губернатор и возглавляемый им совет. Проводимая реформа имела ряд существенных особенностей. Одной из них явилось учреждение в обоих генерал-губернаторствах советов на всех уровнях управления. Следует заметить, что это было новшеством не только в сибирской, но и в общероссийской административной практике. Главная задача, которая стояла перед Сперанским как основным разработчиком сибирской реформы, заключалась в установлении законности в управлении. Решение ее реформатор видел в создании такой системы, которая положила бы конец злоупотреблениям и произволу. При этом генерал-губернаторская власть должна была стать прежде всего органом надзора.

Портрет
М. М. Сперанского работы
М. А. Васильева. 1820 г.

По мысли Сперанского, именно советы могли стать той структурой, которая бы ограничила произвол высших сибирских начальников. Современники реформы высоко оценили новшество: советы «принесли огромную пользу; идея их была хороша. Они именно ограничивали произвол губернаторов». Между тем практика показала, что надежды реформатора оказались напрасными, поскольку сохранялась традиционная ситуация, при которой генерал-губернатор обладал всей полнотой власти в регионе. Не случайно местные жители называли его «господин главный начальник».

Одной из причин сложившейся ситуации был неудачный принцип комплектования совета. В совет входило шесть чиновников, половина (!) которых назначалась по представлению (т. е. фактически по выбору) самого генерал-губернатора. Совершенно очевидно, что эти члены совета даже не пытались ограничивать генерал-губернатора, оказывали ему всяческую поддержку и крайне редко высказывали свое несогласие с мнением «главного начальника», дабы не лишиться своей должности, потому что «всякий дорожит своим местом и зависящей от него довольной жизнью». Вследствие этого власть генерал-губернатора только внешне была ограничена советом; фактически же все дела решались по его (генерал-губернатора. – *Авт.*) произволу. В журнал совета обыкновенно вносились и подписывались только его приказания.

По этому поводу один из иркутян заметил, что «Сперанский был либерал; он думал, что члены советов будут самостоятельны. Между тем они попали в служебную зависимость, а следовательно, не могли уже быть самостоятельными»³²⁹. Заметим, что впоследствии именно советы стали объектом жесточайшей критики со стороны преемников Сперанского на посту генерал-губернаторов края. Прежде всего высшие сибирские чиновники видели в них учреждение, которое только усиливает бюрократию и волокиту при решении дел.

Совет Главного управления учреждался под председательством генерал-губернатора. Состоял он, как уже указывалось, из шести советников, трое из которых «яко производители дел» назначались по рекомендации генерал-губернатора и трое по «представлению» министерств (внутренних дел, юстиции и финансов) и утверждались императором. В случае недостатка последних предусматривалась возможность включения в состав совета гражданского губернатора, председателей губернских мест (губернского правления, казенной палаты и суда) и губернского прокурора³³⁰.

В соответствии с «Учреждением» 1822 г. именно эти «члены совета от министров должны были быть противовесом генерал-губернаторской власти, т. е. не допускать ее до произвола; на самом же деле выходило, что эти противовесы были покорными слугами власти, а если кто вздумал высказывать мнения, неугодные генерал-губернатору, такого смельчака убирали с места»³³¹.

Главное управление должно было контролировать деятельность местной администрации. При этом надзор имел двойственный характер: часть дел являлись прерогативой исключительно генерал-губернатора, другие же должны быть предварительно обсуждены и «уважены в совете» и только затем утверждены «главным начальником» края. В компетенцию совета входили три категории дел: надзор и ревизия губернских учреждений, судебные споры – случаи несогласия гражданского губернатора с решением губернских судов и вопросы, касающиеся хозяйственной жизни генерал-губернаторства.

Таким образом, сферу влияния генерал-губернатора составляли наиболее важные вопросы управления, надзор за деятельностью местных управлений путем ревизии их дел, назначение и увольнение чиновников, а также представление к наградам и пр.³³² Между тем последнее обстоятельство вызывало крайнюю озабоченность со стороны местных чиновников. В том, что генерал-губернатор на совершенно законных основаниях, исключительно по собственному усмотрению (т. е. желанию), мог сменять и «смещать в канцелярское звание даже высших местных чиновников, например, советников», они видели «особенно широкий произвол»³³³.

По аналогичной схеме были организованы губернское и окружное управления. Фактически они являлись прямым проекци-

рованием Главного управления на соответствующие уровни. По этому поводу Нижнеудинский исправник М. Геденштром высказался достаточно презрительно, назвав «жалкими сколками с главного управления» губернатора и окружного начальника «со своими советами», язвительно отметив, что «должность исправника была важнее и выгоднее, нежели окружного начальника»³³⁴.

Второй уровень управления, которым являлось губернское, разделялось по «Учреждению для управления Сибирских губерний» на общее и частное. Общее губернское управление составляли гражданский губернатор и совет под его председательством. В состав совета входили председатели губернского правления, казенной палаты, губернского суда и губернский прокурор³³⁵.

Основной задачей общего губернского управления являлся надзор за местной администрацией. Для губернского управления (как и для Главного управления) надзор был двояким: часть дел находилась в компетенции непосредственно гражданского губернатора, другие же нуждались в предварительном обсуждении губернского совета.

Контроль за функционированием местной (губернской, областной и окружной) администрации губернатор осуществлял через личное обозрение всех местных управлений и ревизии их дел. В исключительной власти губернатора было назначение и увольнение чиновников, утверждение членов дум, городского суда, ратуш, волостных голов, а также представление к наградам. Гражданскому губернатору был также позволен пересмотр уголовных дел, что фактически означало легитимность вмешательства администрации в судопроизводство.

Как и Совет Главного управления, губернский совет имел статус лишь законосовещательного органа и никаким образом не мог ограничить личную власть губернатора. Губернский совет выполнял те же функции, что и Совет Главного управления, только в масштабе губернии, а именно: надзор и ревизия дел в подчиненных местных (окружных, волостных) управлениях, рассмотрение жалоб на нарушение судебной процедуры и хозяйственные дела губернии³³⁶.

Частное (т. е. отраслевое) губернское управление состояло из губернского правления (дела полиции), казенной палаты (хозяйственные дела) и губернского суда (гражданские и уголовные дела). Губернское правление составляли председатель и четыре советника, причем каждый из них имел «свою определенную часть дел».

В ведении губернского правления находились административно-полицейские и хозяйственные вопросы, в соответствии с которыми все дела губернского правления разделялись на четыре отделения, одно из которых составляло экспедицию о ссыльных. При губернском правлении, согласно штатному расписанию, состояли приказ общественного призрения, архитекторская часть, типография, медицинская управа и канцелярия, где сосредоточивалось делопроизводство и архив³³⁷.

Казенная палата включала председателя и «положенного в штате числа советников». Основными функциями палаты были хозяйственно-финансовые вопросы: управление государственными имуществами, распределение земель, межевание (хозяйство); сбор и распределение налогов и различных сборов (движение казенных сумм); ревизия всех счетов, составление годовых отчетов «о доходах и расходах по губернии» (контроль). При палате состояли рекрутское присутствие, землемерная и механическая части, канцелярия и архив.

Губернский суд был представлен председателем и четырьмя советниками. Суд рассматривал как гражданские, так и уголовные дела.

Прокурорский надзор в губернии осуществляли губернский прокурор и назначенные ему в помощь два губернских стряпчих (соответственно по гражданским и уголовным делам), замечания которых «по неправильному или медленному производству дел в местах областных и окружных» рассматривал губернский совет.

Суд и прокурорский надзор в Сибири были подотчетны администрации. Приговоры по судебным делам утверждал губернатор, и в случае его несогласия с решением губернского суда пересмотр дел осуществлялся Советом Главного управления.

Третьей степенью управления являлось окружное. В первой четверти XIX в. уезды в Сибири были переименованы в округа. «Учреждением» Сперанского Иркутская губерния была разделена на пять округов: Иркутский, Нижнеудинский, Верхнеудинский, Нерчинский и Киренский. Заметим, что сибирские округа существенно различались по количеству проживающих в них людей. Безусловно, имперское правительство вынуждено было учитывать подобные обстоятельства при разработке и реализации своей административной программы в Сибирском регионе. Поэтому территориально-демографический фактор учитывался при создании «Сибирского учреждения» М. М. Сперанского. В зависимости

от количества проживающего населения округа и города подразделялись на три типа: малолюдные, средние и многолюдные. Набор административных учреждений в том или ином округе или городе напрямую зависел от количества народонаселения в нем (полный набор полагался в многолюдных, в средних и малолюдных он был значительно сокращен).

Таким образом, общее и частное управления полагались лишь в многолюдных округах (такowymi являлись Нижнеудинский, Верхнеудинский, Нерчинский), в средних округах (Иркутский, Киренский) предусматривалось частное управление, а в малолюдных все управление сосредоточивалось в руках земского исправника.

В состав общего окружного управления входили окружной начальник и окружной совет, состоящий из городничего, окружного судьи, земского исправника, окружного казначея, стряпчего и городского главы, если в городе была дума. Основной функцией общего окружного управления был надзор за деятельностью местной (окружной, городской и волостной) администрации, назначение и увольнение «канцелярских чинов», представление к наградам и пр.

Частное окружное управление состояло из окружного суда (по судебным гражданским и уголовным делам) и окружного казенного управления (по хозяйственным делам).

В состав окружного суда входили окружной судья, два или три заседателя, в зависимости от населения округа, и окружной стряпчий. Суд рассматривал гражданские и уголовные дела. Исключение составляли лишь дела о злоупотреблениях служебным положением, которые слушались в губернском суде. Земский суд состоял из земского начальника «яко председателя» и двух (порой трех или четырех) заседателей в зависимости от населенности и площади округа. Суд осуществлял надзор за крестьянским самоуправлением, информировал население округа об указах и постановлениях властей, принимал «меры в случае повальных болезней и скотских падежей», контролировал состояние хлебных, соляных и винных магазинов.

Поскольку в рассматриваемый нами период Сибирь оставалась местом массовой ссылки, постольку важной и специфической особенностью сибирских земских судов был надзор за ссыльными: «распределение ссыльных по их назначению, надзор в их проведении и водворении». Казенное управление составляли казначей

и два смотрителя: питейной и соляной продажи. Ежемесячно они проводили ревизии казначейства, винной и соляной частей. Казначейство осуществляло мелкие финансовые функции – например, сбор различного рода доходов, взыскание недоимок по решению городского управления и земского суда, а также сборы за гербовую вексельную бумагу и паспорта³³⁸.

Как было сказано выше, все управление в малолюдных округах сосредоточивалось в руках земского исправника, который должен был осуществлять общий надзор «по делам полиции, продовольствия и казенных податей». Исправник подчинялся окружному совету (если таковой существовал в смежном округе) и действовал по его указаниям. В отдаленных округах, вследствие трудности сообщения с ними, учреждались особенные отделения. Ведал отделением один из земских заседателей, «который имел там свое пребывание» и именовался отдельным заседателем. Функции его ограничивались «местной полицией и сбором ясака» с тех ясачных, что вносили его не в городе, а в округе³³⁹.

Заключительная степень – городское управление. В зависимости от проживающего в городах населения «Сибирское учреждение» разделяло их на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. В связи с этим делением городское управление, «единообразное в главных началах», имело свои особенности для каждой из категорий городов.

В многолюдных городах (например, в Иркутске) городское управление состояло из полиции, хозяйственного управления и городского суда. Городскую полицию образовывали городничий и городская управа, которая разделялась на общую (городничий и частные приставы) и частную (частный пристав и надзиратели кварталов). Сюда же входили медицинская и строительная части. Хозяйственное управление в городе осуществляла дума, в состав которой входили городской голова и два (порой три или четыре) гласных – в зависимости от величины города. Общее присутствие городского суда (магистрата) составляли городской судья и два выборных заседателя. Городской суд являлся первой степенью гражданского и уголовного суда для купеческого и мещанского сословий³⁴⁰.

Управление средних городов (Нерчинска, Верхнеудинска, Троицкосавска) заключалось лишь в полицейском управлении во главе с городничим. Сюда же входила частная управа – городни-

чий и квартальные надзиратели и медицинская часть. Хозяйственным управлением и судом в таких городах ведала ратуша в составе городского судьи, двух заседателей и трех кандидатов «на случай их отсутствия».

В малолюдных городах (Нижеудинске, Киренске, Селенгинске и Баргузинске) управление осуществляли только городничий (полиция), а также городские старосты и словесный суд (хозяйственное управление и суд). Гражданские и уголовные дела передавались на рассмотрение окружного суда³⁴¹.

Проект «Учреждения для управления Сибирских губерний» М. М. Сперанского был утвержден императором Александром I 22 июля 1822 г.

Важной составной частью сибирской реформы М. М. Сперанского стал «Устав об управлении инородцев» – самый широкий законодательный акт правительства в отношении народов Сибири, действовавший без существенных изменений вплоть до начала XX столетия. Устав дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводило самодержавие народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин империи. Аборигены играли заметную роль в экономике Сибири, а налоговые поступления с них, особенно пушнина, составляли важную статью кабинетских доходов. Это вынуждало правительство с особой тщательностью подойти к реформе управления народами Сибири. Не случайно устав Сперанского регламентировал все стороны жизни коренного населения – экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую.

Стремясь обосновать необходимость изменения и регламентации жизни народов края, члены Сибирского комитета указывали, что существующее законодательство об инородцах «не объемлет многих необходимых потребностей», отчего происходят значительные «неудобства». Последние, по мнению членов комитета, сводились к следующему: по составу управления – отсутствие четких обязанностей родоначальников, отчего «все управление инородцев перешло большею частию в руки земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям», отсутствие дифференцированного подхода к племенам с различным уровнем хозяйственного и общественного развития; по хозяйству – существующее законодательство не учитывало изменений в хозяйстве

народов края, которые происходили на протяжении XVIII и первой четверти XIX в., запрещение свободной торговли с аборигенами явилось поводом к установлению монополии чиновников и грабежу нерусского населения; по суду – обычное право аборигенов, на основе которого осуществлялось судопроизводство в родах, не было систематизировано и письменно оформлено, что порождало споры ясачных «о смысле и силе их правил», право это не всегда соответствовало нормам человеческой гуманности³⁴². Объективные потребности развития народов Сибири требовали устранения этих недостатков.

В основу проекта были положены следующие принципы: 1) разделение коренного населения на три разряда в соответствии с родом занятий и образом жизни (оседлые, кочевые, бродячие); 2) ограничение опеки над аборигенами со стороны русской администрации и полиции (власть ее должна была состоять отныне только в осуществлении «общего надзора»); 3) введение свободной торговли с аборигенами, что соответствовало объективным потребностям экономического развития народов Сибири; 4) количество налогов и податей предполагалось привести в соответствие с экономическими потребностями каждого племени и впредь основываться на данных «общей ревизии, по временам производимой». «Устав об управлении инородцев» был утвержден Александром I 22 июня 1822 г.

Для характеристики экономической политики правительства важны разделы Устава, посвященные хозяйственной жизни коренных народов.

В главе «О разделении инородцев» дается обоснование необходимости деления коренного населения на три разряда. В этом делении проявилась попытка дифференцированного подхода авторов «Устава» к различным группам сибирских народов по уровню их хозяйственного развития. При определении степени экономического развития основным критерием явился именно способ хозяйственной деятельности, составляющий «главный способ их пропитания»³⁴³, а не эпизодические доходы.

К разряду оседлых «Устав» относил народы, живущие в городах и селениях, основными занятиями которых было земледелие и торговля³⁴⁴. Поразрядная система обусловила и гражданское состояние народов Сибири. Оседлые аборигены приравнивались к сословию государственных крестьян, сравнивались с ними во всех

правах и обязанностях. «Они управляются на основе общих узаконений и учреждений», – говорилось в Уставе³⁴⁵. Но вместе с тем оседлые жители освобождались от рекрутской повинности³⁴⁶. «Уставом» за оседлыми закреплялись те земли, которыми они владели «по древним правилам», т. е. по праву первоначального заселения. Узаконивая 15-десятинную норму, «Устав» требовал наделения землей за счет близлежащих пустошей тех аборигенов, у которых земельные наделы были меньше указанного размера³⁴⁷.

Разряд кочевых составляли коренные жители, «занимающие определенные места, по времени года переменяемые», т. е. ведущие полуоседлый образ жизни. Кочевые жители составляли «особенное сословие в равной степени с крестьянами, но отличное от оно́го в образе управления». Иными словами, приравнивая кочевых к государственным крестьянам в налоговом обложении, составители «Устава» сохранили для них самостоятельность в управлении и суде. Вопросы владения землей разрешались у кочевых по аналогии с оседлыми жителями. «Кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли»³⁴⁸. Правило «давности», т. е. первоначального заселения, применялось не только к оседлым, но и к кочевым народам. Формы и способы передела родовой земли определялись самими аборигенами.

Третью группу коренного населения составляли «бродячие инородцы», или «ловцы», переходящие с одного места на другое «по рекам и урочищам»³⁴⁹. В отношении прав бродячих аборигенов в «Уставе» говорилось, что на них распространяются «правила, для кочующих постановленные». Допускалось лишь несколько незначительных исключений из этих «правил», обусловленных образом жизни народов³⁵⁰.

Конечная цель разрядной системы заключалась в переходе бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых инородцев по мере успехов их в хозяйственном развитии. «Позволяется кочующим, – говорилось в «Уставе», – если которые из них водворятся оседло по собственной их воле, вступать в сословие государственных крестьян, равно в городские жители и записываться в гильдии»³⁵¹. Перечисление из одного разряда в другой приурочивалось к очередной ревизии. Вместе с тем в «Уставе» особое внимание уделялось тому, чтобы внушить аборигенам, что они «без собственного их желания не будут включаться в какое другое сословие»³⁵².

Перевод инородцев в разряд оседлых преследовал защиту фискальных интересов самодержавия, так как он сопровождался возведением в более высокий оклад государственных крестьян. Наряду с этим разрядная система преследовала и ассимиляторские цели. Однако нельзя не отметить, что приравнивание народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых была основана на успехах хлебопашества, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением. Мысль об уравнивании в правах русско-

Г. С. Батеньков, писатель, декабрист. Принимал участие в разработке законов и уставов по управлению краем

го и коренного населения была внесена в «Устав» Г. С. Батеньковым. Будущий декабрист неоднократно говорил о необходимости «вторичного» присоединения Сибири к России. Говоря так, он имел в виду те усилия и мероприятия, которые должны быть направлены на приобщение коренных народов Сибири к более высокой русской культуре³⁵³. Приравнивание коренного населения Сибири к русскому выгодно отличает «Устав» Сперанского от законодательства западноевропейских государств в отношении населения колоний, которое подвергалось национальной дискриминации.

Правительственную позицию в отношении хозяйственного развития народов Сибири авторы «Устава» формулируют, исходя из стремления обеспечить большую доходность и устойчивость инородческих племен. Поэтому «Устав» предусматривал наделение землей аборигенов всех разрядов. Хотя данная мера и определялась фискальными интересами казны, однако имела и положительное значение.

Определенные преимущества давались аборигенам «Уставом» и в отношении воинской повинности. В то время как на западе в колониальных странах формировались целые туземные ар-

мии (зуавы в Африке, сипаи в Индии), народы Сибири освобождались от рекрутчины.

Вторая часть «Устава» посвящена организации управления народами Сибири. Характерной особенностью является не просто стремление авторов «Устава» реформировать управление, а построить его «на основе учета некоторых национальных особенностей» нерусского населения края³⁵⁴. «Устав» предусматривал создание ратуш и словесных судов для «торговых» аборигенов и специальных волостей для земледельцев. Состав и обязанности членов волостного правления ничем не отличались от волостного правления русских поселян³⁵⁵.

Органы родового управления строились с учетом родового принципа. Стремление сохранить род как основную административную и экономическую единицу явилось одним из основных принципов правительственной политики в отношении народов Сибири. Крестьянская община как форма организации русского населения также была предметом тщательной опеки царизма. Сохранение родовой общины как основной территориально-административной единицы не только облегчало эксплуатацию родовичей и общинников, но создавало дополнительные возможности для внеэкономического воздействия на них. Это направление правительственной политики было традиционным. Поэтому не правы те исследователи, которые считают, что мероприятия Сперанского в области административного устройства бродячих и кочевых жителей объективно должны были «ослабить их родовое устройство»³⁵⁶. В этом плане совершенно справедливо указание Н. А. Миненко на то, что «Устав» был составлен применительно к родовому строю, «причем к такому, который представлял собой в первой половине XIX в. для большинства народов уже пройденный этап»³⁵⁷.

Вместе с тем следует отметить, что в ряде случаев «Устав» отдавал предпочтение хозяйственным связям. Разрешался уход обедневших родовичей внаем к русским крестьянам. В этом случае инородцы причислялись к разряду оседлых. Впоследствии объективные потребности хозяйственного развития заставили правительство все-таки вступить на путь искусственного разрушения рода, когда в 1853 г. последовало разрешение о перечислении инородцев из одного рода в другой³⁵⁸. Крестьянская же община еще долго сохраняла свое значение.

Административное устройство кочевых народов было разработано особенно подробно, ибо они составляли большую часть коренного населения. Реформаторы разделили управление кочевыми жителями на три ступени: а) родовое управление – низшая, для отдельных улусов и стойбищ рода; б) инородная управа – средняя, для нескольких стойбищ и улусов; в) степная дума – высшая, для всего племени³⁵⁹.

Родовое управление состояло из старосты и одного или двух его помощников «из почетных и лучших родовичей». Дела управления решались словесно.

Несколько стойбищ или улусов подчинялись инородной управе в составе головы, двух выборных и письмоводителя³⁶⁰. «Многие роды», соединенные в одну «общую зависимость» (племя, ведомство), подчинялись степной думе, состоящей из «главного родоначальника», избранных заседателей и голов. Стенная дума была подотчетна и подчинялась во всем окружным управлениям, т. е. царской администрации. Несмотря на стремление Сперанского придать видимость самоуправления инородцев, «Устав» жестко регламентировал действия инородческой администрации. Предоставление слишком широких прав органам управления аборигенов внушало тревогу правительству, поэтому третья часть анализируемого документа посвящена «Наказу управлениями инородцев».

Хозяйственная деятельность органов управления прежде всего касалась сбора ясака. На органы управления возлагались обязанности по раскладке на общество налогов и податей, исправлению натуральных повинностей, сбору недоимок. Кроме того, в обязанности родового управления вменялось «печься» о распространении хлебопашества, росте поголовья скота. Оно же должно было подавать сведения о «народоисчислении». Инородным управлениям предоставлялось право заключать торговые контракты. Иными словами, хозяйственная компетентность органов управления аборигенами была довольно широкой.

Более ограниченными были полицейские и судебные функции. На родовое управление возлагался надзор за «спокойствием... вверенных ему людей». В этом правительство видело «важнейшую обязанность родового управления»³⁶¹. Действия родового управления находились под контролем инородной управы, «власть инородной управы состоит в надзоре за родовым управлением», – гласил «Устав». Таким образом, и среди инородческого управле-

ния правительство стремилось насадить бюрократический принцип надзора одних органов над другими. Судебные функции органов управления состояли в разборе незначительных гражданских дел, разрешение которых не затрагивало интересов высшей власти. Суд и расправа должны были производиться на основе норм обычного права, кодификация которого предусматривалась «Уставом». Политические и «криминальные» дела подлежали разбору царскими чиновниками.

«Устав» сохранял почетные звания среди кочевников: «звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным». Принцип наследственности допускался и при замещении должностных лиц на выборах. Допуская наследование должностей, правительство вместе с тем сохраняло за собой право окончательного утверждения в должности. Все должностные лица инородческого управления подлежали утверждению гражданским губернатором или областным начальником, а «главный родоначальник» – генерал-губернатором³⁶². В случае отсутствия прямого наследника допускалось избрание на должность ближайшего родственника³⁶³. Сохраняя таким образом патриархально-феодальные отношения, «Устав» в ряде случаев отходил от них, давая определенную свободу выборному началу. В инородческом управлении родоначальники сосредоточивали в своих руках большие полномочия, и выборы на должность определенного лица могли оказать существенное влияние на последующее течение дел. Кроме того, выборы развивали общественную активность родовичей, способствовали росту их сознательности. Следует, правда, оговориться, что, сознательно идя на некоторое ущемление наследственного принципа, царизм и тут стремился обезопасить себя от возможных случайностей, допуская избрание только «людей достойных», т. е. состоятельных и оставляя за собой право окончательного утверждения в должности выборного лица. Но и в узаконенном виде эта часть «Устава» была прогрессивна, прямо отменяя архаичное положение иркутского гражданского губернатора И. Трескина от 1812 г. «О выборе иноверческих начальников и правах их»³⁶⁴. Впоследствии вторым Сибирским комитетом было внесено дополнительное уточнение на этот счет: «... в должности, замещаемые по выборам сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири» разрешалось «избирать инородцев не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство и не только не порочных судом и не оглашенных в дурном поведении, но и не состоящих под судом и следствием»³⁶⁵.

Причинами отстранения от исполнения должностных обязанностей считались: уголовное преступление, доказанное судом злоупотребление властью, ходатайство подведомственных родовичей, наем для отработки долгов³⁶⁶. Ревизия Сперанского вскрыла вопиющие злоупотребления родовой аристократии, нередко переходящие в уголовные преступления, поэтому не случайно «Устав» предусматривал отстранение от исправления должностных обязанностей за злоупотребление властью. Однако благие намерения реформаторов не принесли ожидаемых результатов. В 1837–1838 гг. Сибирский комитет рассматривал записку генерал-майора Альдегонда и Мусина-Пушкина «О состоянии Сибири» за 1835 г. Характеризуя состояние жителей, Мусин-Пушкин отмечал, что лихоимство иногородческих старшин не прекращается. По его мнению, злоупотребления «старшин их не может быть иначе ограничено, как уничтожением наследственности старшинских должностей». Автор записки наивно полагал, что «тогда аристократия должна буде... преобразиться в крестьянскую демократию»³⁶⁷. Сибирский комитет отметил, что подобные «сведения» уже рассматривались в свое время, а потому решил довести об этих предложениях до сведения царя и этим ограничиться³⁶⁸.

Открытие памятника М. М. Сперанскому в Иркутске,
25 ноября 2016 г.

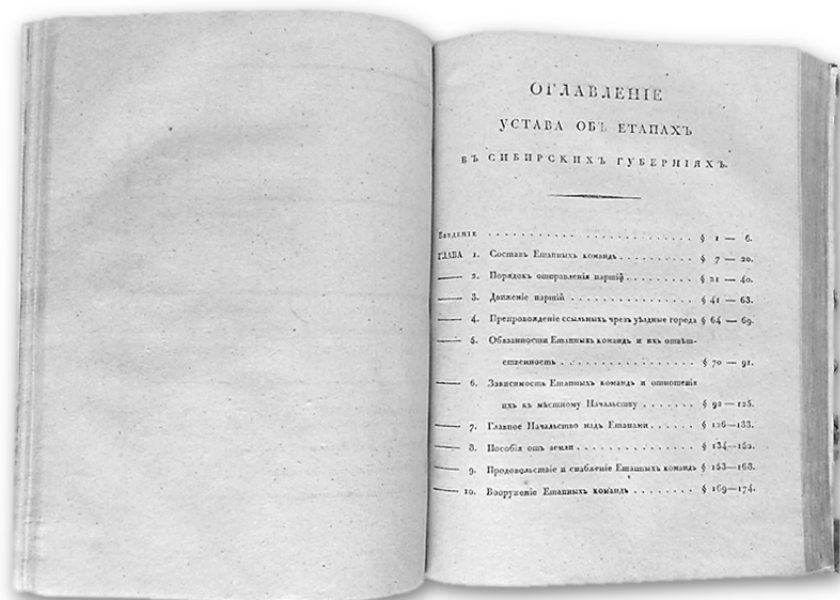
Чрезвычайно важным представляется анализ тех статей Устава, которые относились к вопросам экономической политики. Как уже отмечалось, среди исследователей нет единой точки зрения по этому вопросу. Прежде всего думается, что в оценке одного из основных положений «Устава» – принципа свободной торговли – исследователи проявляют излишнюю категоричность. Л. И. Светличная, указывая на наличие в «Сибири первой четверти XIX в. тенденции к капиталистическому развитию», считает, что «буржуазные начала более определенно поощрялись Уставом в области торговли и налогового обложения кочевых народов»³⁶⁹. И. Л. Миненко, наоборот, полагает, что «хотя объективно это положение Устава носит характер, предписываемый ему предшественниками, направлено оно было к консервации развития народов»³⁷⁰. Единственное положительное значение этого принципа Н. А. Миненко видит в том, что разрешение свободной частной торговли в селениях ясачных уничтожало всевозможные злоупотребления в данной области уездных чиновников. Если безоговорочно согласиться с этой оценкой, то тогда будет трудно уяснить значение другой важной идеи «Устава» – переводение ясачного сбора на денежную основу. Между тем Н. А. Миненко признает, что «натуральный ясак в связи с растущей товаризацией хозяйства аборигенов постепенно уступал место денежному». Н. А. Миненко также констатирует, что процесс коммутации ясака на территории Северо-Западной Сибири получил значительное развитие³⁷¹. Поэтому думается, что Н. А. Миненко недооценивает те робкие буржуазные тенденции, которые содержались в «Уставе» и выражались прежде всего в идее свободной торговли и переводе сбора ясака на денежную основу. В конечном итоге Н. А. Миненко сама признает, что «официальное признание свободной частной торговли с аборигенами в селениях последних и денежного взноса ясака по своему содержанию означали, в конечном счете, крах политики консервации». Это утверждение, по нашему мнению, является вполне справедливым. «Устав» разрешал свободную торговлю не только на ярмарках и сугланах, но и в русских городах и селах. В целях пресечения злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением. В целях расширения торговых связей аборигенов с населением близлежащих русских поселков разрешались поездки инородцев в соседние города и селения.

В то же время отметим, что некоторые рецидивы запретительной торговли встречались и впоследствии. В 1831 г. Сибирский комитет в положении о «Свободной торговле» указал, что, хотя все «меры» по управлению аборигенами в «Уставе» 1822 г «с ясностью определены», тем не менее «ныне опять» свободная торговля с инородцами подвергается преследованию «под предлогами, ничем на деле недоказанными». Поэтому комитет счел необходимым «строго предписать» начальникам Восточной Сибири, чтобы все меры, к ограничению свободной торговли принятые, были отменены. Местной администрации было сделано строгое внушение на предмет отступления от правил, высшей властью установленных.

Как видим, экономическая политика правительства прежде всего определялась финансовыми интересами самодержавия и связанного с ним общественного строя. Власти создавали, что в условиях упадка роли и значения пушного промысла бездоимочное взимание податей с коренного населения Сибири без успешного развития торговли становилось невозможно. Поэтому в «Уставе» 1822 г. делалась попытка, не меняя патриархально-феодальной основы инородческого общества, учесть те буржуазные тенденции, которые уже обозначились в первой четверти XIX в.

Стремясь повысить платежеспособность аборигенов, в чем особенно было заинтересовано правительство, Сперанский попытался на основе поощрения буржуазных начал построить налоговое обложение аборигенов. Четвертая часть «Устава» целиком посвящена «порядку сбора податей и повинностей с инородцев».

Учитывая тенденцию к развитию товарно-денежных отношений, упадок удельного веса пушного промысла в хозяйстве народов Сибири, с одной стороны, и стремясь обеспечить максимальное поступление в казну налоговых платежей – с другой, Сперанский ввел принципиальное новшество в систему ясачного сбора, который теперь переводился на денежную основу от злоупотребления чиновников. Тем самым делалась попытка оградить инородцев от злоупотреблений чиновников, столь обычных при приеме ясака пушнинной. В «Уставе» подчеркивалось, что отныне «сбор вещами обращается в денежную сумму вообще свободно распродажею на ярмарках. Цена вещей, завися, как обыкновенно, от пропорции между требованиями на покупку и предложениями на продажу, всякое влияние местного начальства делает излишним и бесполезным»³⁷². В другой статье «Устава» отмечалось, что «казенные комиссары на ярмарках никакими льготами не пользуются»³⁷³.

«Устав об этапах»
состоял из 13 глав, 199 параграфов

Наряду с денежным взносом разрешалось сдавать ясак и пушниной, которая при этом подразделялась на два сорта – обыкновенную и дорогую³⁷⁴. Ясачный сбор следовало вносить деньгами или «рухлядью» в инородное управление или непосредственно в земский суд.

«Устав» регламентировал государственные, земские, уездные и местные сборы. Подчеркивая самобытность народов Сибири, авторы Устава оговаривались, что «никакой новый по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет определено»³⁷⁵.

Приравнивая кочевых жителей к крестьянскому сословию в гражданских правах, «Устав» сближал их и в налоговом обложении. «Кочевые инородцы участвуют в общих по губернии повинностях», – говорилось в «Уставе». Кроме того, они должны были содержать за свой счет и родовое управление, что относилось раз- работчиками Устава к «внутренним повинностям кочующих»³⁷⁶.

Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и подлежало утверждению генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основании общественных приговоров, а на земские повинности – на основании особого положения, выработанного «местным главным управлением». Для точного учета всех сборов вводились специальные шнуровые книги, хранящиеся в земском суде. В интересах фиска специальная глава «Устава» была посвящена взысканию недоимок. Но и тут авторы стремились по возможности ограничить вмешательство администрации. Недоимки разрешалось взыскивать не иначе «как на ярмарках и сугланах»³⁷⁷. Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как «настоятельное убеждение, задержание старосты, его сына или ближайшего родственника». Не исключался также и временный арест части пушнины, предназначенной для продажи. Ряд статей «Устава» был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии «Устав» стоял на позициях веротерпимости. «Устав» отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства, земским властям запрещалось «преследовать инородцев за их языческую религию». Некрещеные аборигены получали свободу «отправлять богослужение по их канонам и обрядам». Вместе с тем «Устав» подчинял «иноверческое духовенство... местной полиции наряду с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем «Устав» не наделял никакими преимуществами крестившихся инородцев. Уже позднее, в 1832 г., последовало предписание Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, принявших христианскую веру». «Устав» предоставлял инородцам право отдавать своих детей в государственные учебные заведения и открывать свои училища.

Таковы основные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в областях хозяйственной, административной, судебной и культурно-бытовой.

Важной составной частью деятельности Сперанского в Сибири стала реформа управления сибирской ссылки. Хотя история ссылки и каторги Сибири начинается едва ли не с ее присоединения к России, однако до 1822 г. правительство не располагало сколько-нибудь удовлетворительной системой этапирования,

учета и распределения ссыльных. Еще в 1586 г. в Тобольске был учрежден разбойный приказ, занимающийся ссылкой в новый край беглых крестьян, участников народных волнений и уголовных преступников. Окончательно ссылка в Сибирь была узаконена Соборным уложением 1649 г., по которому основными местами ссылки определялись отдаленные и малонаселенные районы Восточной Сибири. Сюда направлялись как «государственные преступники», состав которых расширился за счет участников антиправительственных заговоров, изменников и шпионов, военнопленных, ревнителей старой веры – старообрядцев, так и уголовные элементы – «воры» и «тати», «душегубы», другие неблагонадежные элементы. Круг деяний, за которые следовала ссылка, был необычайно широк и постоянно пополнялся. Следует отметить, что государство использовало ссылку не только как карательную меру с целью обеспечения внутренней безопасности, но как средство заселения отдаленных территорий Азиатской России, направляя тысячи ссыльных на строительство и эксплуатацию путей сообщения, разработку природных богатств края. Штрафная колонизация была одним из постоянных источников роста российского населения в Сибири и формирования местного крестьянства

Уже в XVII в. оформилось несколько видов ссылки. Наиболее массовой была ссылка провинившихся казаков, стрельцов, военнопленных в службу для пополнения служилого населения Сибири. Крестьян посадских, гулящих людей ссылали, как правило, на поселение в посад или в пашню. В XVIII в. ссылка на поселение становится ведущей. Екатерининскими указами 60-х гг. XVIII в. помещики получили право ссылать своих крепостных в Сибирь за «предерзостные поступки».

Еще одним видом ссылки была ссылка в заключение, когда преступников не просто ссылали в Сибирь, но заточали здесь в острог или монастырь. Такой вид ссылки применялся в основном к опальным представителям власти, противникам официальной церкви. В начале XVIII в. появился новый вид ссылки – ссылка на каторгу, т. е. на принудительные работы. Каторжан, как правило, направляли на горные заводы и рудники, где использовали как даровую рабочую силу. Со второй половины XVIII в. основным местом каторги становятся горнозаводские предприятия Нерчинского горного округа, принадлежащие императорскому Кабинету.

ссылных не могли не волновать Сперанского, который во время общей ревизии Сибирского края обратил особое внимание на положение каторги и ссылки. Объехав основные места поселений, осмотрев тюрьмы и горное производство Нерчинской каторги, Сперанский принял решение о систематизации законодательства и подготовке новых нормативных актов, регламентирующих положение ссылки и самих ссылных. Уставы 1822 г. о ссылных и об этапах явились первыми кодексами сибирской ссылки, они не только объединили все действующие законодательные акты по вопросам сибирской ссылки, но и выделили в особый институт полицейского права законодательство о ссылке в Сибирь, детально регламентировали деятельность местной администрации по этому вопросу.

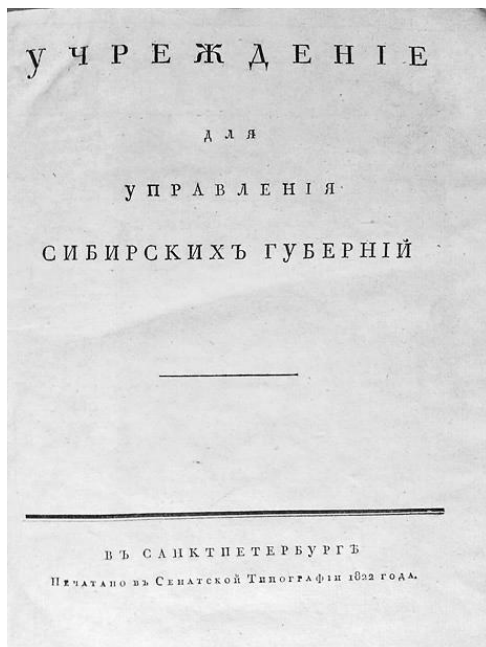
«Устав о ссылных» 1822 г. имел довольно громоздкую систему. Он состоял из 35 глав, 435 параграфов. С особой тщательностью нормы «Устава» регламентировали деятельность губернской администрации по отправке, приему, распределению и содержанию ссылных. В «Уставе» впервые была предпринята попытка только судебного порядка применения ссылки как вида наказания. Статья 1 «Устава», в частности, подчеркивала, что ссылка «определяется не иначе, как по приговорам судебных мест». Ссылка четко определялась в двух видах: «на каторгу» и «на поселение». Одновременно с этим Сперанским был введен еще один специальный закон о препровождении ссылных в Сибирь – «Устав об этапах», который состоял из 13 глав, разбитых на 199 параграфов. «Устав об этапах» определял состав и обязанности этапных команд, порядок движения партий, ряд положений документа касался содержания этапов и самих этапных команд. Законодательство Сперанского о ссылке и этапах ярко выразило колонизационные цели реформы и было направлено на сохранение жизни и здоровья в период препровождения, распределения ссылных в зависимости от пригодности к ремеслу и государственных целей их использования. Впервые были введены нормы имущественного и семейного характера для ссылных, оговаривалось снабжение ссылных как продовольствием, так и одеждой. Предполагалась либо выдача кормовых денег (из казначейства), либо продуктов – по усмотрению генерал-губернатора³⁷⁸. Обеспечение одеждой проводилось по «прилагаемому положению». Летняя форма

одежды состояла из двух рубаш, двух портов, двух легких онучей и холстяного мешка (замена происходила через шесть месяцев), зипуна, армяка или другой длинной одежды и летней шапки (выдавались один раз в год). Каждые три месяца ссыльным выдавалась пара сапог или чирков. В период с сентября по март к этому добавлялись шаровары крестьянского сукна без подклада, шуба овчинная, пара теплых рукавиц и зимняя шапка (выдавалась раз в год)³⁷⁹. Для распределения и учета ссыльных в Тобольске был учрежден специальный приказ, в губерниях – экспедиции о ссыльных.

Большинство уставов и положений, разработанных М. М. Сперанским, в значительной степени учитывали геополитическое своеобразие края (пограничное положение, огромная территория, наличие значительного числа коренного населения, ссыльных) и в этом смысле стали первым в империи опытом комплексного регионального законодательства.

Разговор о реформе 1822 г. не может считаться завершенным без сравнения основных положений этой реформы с идеями Сперанского о государственно-правовом устройстве общества, высказанных и отчасти осуществленных реформатором до приезда в Сибирь.

Как известно, Сперанский являлся сторонником ограниченной монархии, в которой видел оптимальный вариант устройства государственной власти в России. Однако основным способом ограничения монархии Сперанский считал не конституцию, а раз-

«Учреждение для управления
Сибирских губерний»
М. М. Сперанского – первый в истории
Российского государства
региональный свод законов

деление власти на законодательную, судебную и исполнительную. Таковую монархию он называл «истинной», «державной».

Важным принципом государственного устройства Сперанский считал законность, отмечая при этом, что не законы должны зависеть от общественного сознания, а наоборот, сознание от них. Необходимо также отметить, что совместно с немецким ученым Розенкамфом Сперанский впервые в правовой истории предложил отраслевой принцип по унификации законодательства. Если сопоставить отмеченные выше принципы государственно-правовой философии Сперанского, то, на наш взгляд, в «Сибирском учреждении» они нашли последовательное выражение.

Таким образом, разработанное М. М. Сперанским «Сибирское учреждение» 1822 г. было первым сводом комплексных законов для одного обширного региона. Оно появилось в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, рассеянные в бесчисленном множестве указов.

Реформа 1822 г. означала победу бюрократического начала в сибирском управлении, поскольку Сперанский отказался от привлечения к управлению выборных представителей от местного населения. Впоследствии именно это обстоятельство сделало реформу губернской администрации малоэффективной.

«Учреждение для управления Сибирских губерний» имело ряд недостатков, на которые в процессе реализации реформы указывало сибирское чиновничество. Тем не менее реформа 1822 г. надолго закрепила основные принципы административно-территориального деления, управленческие, фискальные, национальные и другие направления имперской политики в Азиатской России. «Сибирское учреждение» 1822 г. стало первым в истории страны региональным сводом законов, опередив общеимперскую кодификацию на целых десять лет.

Глава 5

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

5.1. Генерал-губернаторская власть в Сибири во второй четверти XIX в.

Стремление М. М. Сперанского поставить генерал-губернаторскую власть в законные рамки и совместить ее с министерской ведомственной системой с большим трудом пробивало себе дорогу в Сибири. Сложной эта проблема была и в общероссийском масштабе. Первоначально предполагалось, что генерал-губернаторская власть как власть чрезвычайная будет сохранена только на окраинах. Однако административная практика пошла другим путем. Если в начале XIX в. было всего три генерал-губернаторства, то к середине века уже насчитывалось десять генерал-губернаторств и два наместничества³⁸⁰. Дореволюционный исследователь К. Соколов отмечал, что в конце царствования Александра I «от софизма о пресловутом отделении власти управления от власти надзора отказались, и генерал-губернаторы стали открыто признаваться полномочными правителями»³⁸¹. Однако он был не прав в утверждении, что «Сибирское учреждение» санкционировало выведение некоторых областей из-под влияния министерств. Сперанский не мог, да, видимо, и не хотел идти так далеко в разделении министерской и генерал-губернаторской властей.

Реформа 1822 г., хотя и разрушила административное единство Сибири, позволила приблизить высший местный надзор к сибирским государственным учреждениям. Однако административная целостность Сибири всегда сознавалась в центре и на местах, что подчеркивалось наличием единого «Сибирского учреждения», юридически закрепившего административную специфику Сибирского региона. При разработке наиболее важных правительственных мероприятий, касающихся всей Сибири, не только центр запрашивал мнения от сибирских генерал-губернаторов, но

Николай I.
Автор портрета О. Верне

и они сами стремились скоординировать свои действия. Почва для конфликтов осталась прежней. По сути дела, генерал-губернаторская власть не корректировала далекую министерскую власть, а подменяла ее. Полного совпадения взглядов генерал-губернаторов и министров достичь оказалось невозможно. Выходов могло быть два: подчинить все учреждения в регионе генерал-губернатору или упразднить эту должность. Последнее было сделать невозможно, так как министерства не имели разветвленной и эффективно действующей системы ведомственных учреждений на ме-

стах. Кроме того, существовала потребность в объединении действий администрации на региональном уровне. Поэтому, оставив юридически не разрешенным вопрос о генерал-губернаторской власти как бы в подвешенном состоянии, российский законодатель предпочел уповать на указания практики.

А. И. Герцен писал об особенностях административной власти на окраинах империи: «Власть губернатора вообще растет в прямом отношении расстояния от Петербурга, но она растет в геометрической прогрессии в губерниях, где нет дворянства, как в Перми, Вятке и Сибири»³⁸². Независимое положение сибирских генерал-губернаторов объяснялось не только личным доверием императора и широким кругом полномочий, предоставленных законом, но и отсутствием хорошо отлаженного контроля за их действиями из центра. Все жалобы на генерал-губернаторов, поступавшие в различные высшие государственные инстанции, должны были предварительно сообщаться царю, и только он был волен избрать форму проверки их справедливости³⁸³. Верховная власть в оценке действий сибирских генерал-губернаторов всегда колебалась между восстановлением справедливости и сохранением их авторитета в глазах подчиненных.

За тридцатилетний период после реформы 1822 г. на генерал-губернаторском посту в обеих частях Сибири побывало всего

семь человек. В целом высшее управление регионом было стабильным. Исключением было правление Н. С. Сулимы, который в течение всего девяти месяцев возглавлял восточносибирскую администрацию, а затем еще четыре месяца – западносибирскую. Как правило, сибирскими генерал-губернаторами становились люди на закате своей служебной карьеры. Кроме первого восточносибирского генерал-губернатора А. С. Лавинского, имевшего гражданский чин действительного тайного советника, все остальные генерал-губернаторы были в чине генерал-лейтенанта или полного генерала. За плечами многих из них был богатый военный и боевой опыт (портреты П. М. Капцевича, И. А. Вельяминова и Н. С. Сулимы помещены в Военной галерее героев войны 1812 г. в Зимнем дворце). Но, за редким изъятием, они не имели достаточных навыков гражданского управления, не были знакомы (за исключением С. Б. Броневского) с Сибирью³⁸⁴.

Однако длительное пребывание на генерал-губернаторском посту не являлось абсолютным благом для управления. Получив назначение, новый генерал-губернатор пытался что-то исправить, реформировать, сместить наиболее одиозные фигуры, но, видя бесплодность своих усилий, а попросту не умея заниматься управленческими делами, препоручал все своим подчиненным, среди которых на первый план выдвигались фавориты. Так, И. А. Вельяминов воспринял это назначение в качестве sinecure. А. И. Герцен писал в «Былом и думах», что Вельяминов года два «побился в Тобольске, желая уничтожить злоупотребления, но, видя безуспешность, бросил все и совсем перестал заниматься делами»³⁸⁵. Фактически, как указывают многие современники, все нити управления в крае забрал в свои руки чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Н. Ф. Кованько. Всеми делами по Восточной Сибири при А. С. Лавинском заправлял начальник отделения ГУВС А. Ф. Кабрит, пользовавшийся неограниченным доверием генерал-губернатора.

Стремление самодержавия во второй четверти XIX в. унифицировать местное административное устройство, повысить управляемость Сибирским регионом из центра, усилить контроль за действиями чиновников на местах наталкивалось на сопротивление сибирских генерал-губернаторов, ревниво отстаивавших административную обособленность Сибири. С первых же лет существования «Сибирского учреждения» генерал-губернаторы по-

вели борьбу за расширение своих полномочий не только за счет местных, но и центральных учреждений.

Это проявилось уже в отношениях с центральными ведомствами первого западносибирского генерал-губернатора П. М. Капцевича. Опека со стороны министерств и Сибирского комитета его явно тяготила. В письмах к своему покровителю графу А. А. Аракчееву он заявлял, что не допустит в Сибири «двоеначалия», жаловался на противодействие со стороны Сибирского комитета, отсутствие надежных исполнителей, существование «стачки» сибирских чиновников с местными купцами. До 1827 г. П. М. Капцевич не представил ни одного отчета об управлении краем и на все напоминания об этом отделялся в основном молчанием³⁸⁶. Когда такой отчет все же им был подан, Сибирский комитет нашел его составленным без соблюдения правил, указанных в «Сибирском учреждении», и без предварительного обсуждения в совете Главного управления Западной Сибири (ГУЗС)³⁸⁷. С некоторыми положениями реформы Сперанского западносибирский генерал-губернатор явно не желал считаться. Отяготительными для сибирского населения он признавал денежную форму дорожной повинности, неудобоисполнимой – организацию земской и почтовой гоньбы. Признавая выгодное стратегическое положение Омска на севере степи и приоритет военно-политических задач в управлении регионом, П. М. Капцевич сохранил свою резиденцию в Омске. Попытки перевести туда же и ГУЗС не увенчались успехом. Сибирский комитет разрешил западносибирскому генерал-губернатору лишь удерживать при себе несколько советников-производителей ГУЗС. Воспользовавшись этим, П. М. Капцевич фактически отстранил министерских советников от управления краем.

М. М. Сперанский и его сторонники, чьи позиции были весьма сильны в Сибирском комитете, в таковых действиях западносибирского генерал-губернатора усмотрели возвращение к пестелевско-трескинским порядкам. П. М. Капцевич фактически вернулся к системе принудительных хлебозаготовок. Г. С. Батеньков писал по этому поводу: «Генерал-губернатор Западной Сибири ставил в величайшую себе заслугу дешевую покупку в 1823 и 1824 гг. хлеба в казну. Два года так покупать действительно было можно, но не долее, ибо хлеб просто взимаем был у крестьян не с торгов, но за установленную наперед цену и по раскладке, сделанной адъютантами, между тем как воспрещена была всякая частная

продажа, особенно киргизам. Последствия сей меры были, что крестьяне частью бросили или уменьшили хлебопашество и вообще не в состоянии были выплатить податей и повинностей, так что к умножению их расстройств должно было некоторые повинности обратить из денежных в личные»³⁸⁸.

3 октября 1822 г. министр финансов уведомил только что вступившего в должность первого западносибирского генерал-губернатора о том, что тобольские винокуренные заводы на общем основании непосредственно зависят от особого инспектора, подчиненного департаменту государственных имуществ Министерства финансов. Назначенный министерством инспектор Кушников повел себя независимо, что привело к конфликту с местным высшим начальством. Сибирский комитет 14 июня 1823 г. встал на сторону генерал-губернатора, подтвердив его право на главный надзор за винокуренным производством³⁸⁹. Окрыленный успехом, П. М. Капцевич попытался взять в свои руки все хозяйственное управление в крае, что неизбежно привело его к столкновению с откупщиками и связанными с ними чиновниками тобольской казенной палаты. Он сосредоточил в своих руках управление винокуренными заводами, заготовку хлеба и соли, оставив казенной палате одно счетоводство. Все чиновники казенной палаты попали под подозрение и по распоряжению генерал-губернатора были отставлены от должностей, а имущество некоторых из них описано³⁹⁰. Эти суровые меры затронули широкий круг тобольских чиновников, породив серьезное недовольство действиями генерал-губернатора. Поначалу П. М. Капцевич, видимо не желая широкой огласки, хотел разобраться на месте, избегая даже доставки каких-либо сведений к нему во время пребывания в Петербурге. Опасался он того, что прибытие всякого чиновника из Сибири в столицу, во-первых, сразу становится известным императору, а во-вторых, «при любопытстве о сибирском крае доставляется повод к разным толкам»³⁹¹. Но, как раздраженно сетовал сам генерал-губернатор, «скрыть до времени сие интересное дело от моей канцелярии, составленной большею частию из сибиряков, следовательно, в давней стачке с достойными себе сибиряками же оказалось невозможно». Даже управляющий делами Сибирского комитета Г. С. Батеньков не избежал обвинения в сговоре с тобольскими чиновниками, так как он, по словам П. М. Капцевича, тоже «есть сибиряк»³⁹².

А. С. Лавинский,
первый восточносибир-
ский генерал-губернатор

архимандрит
Михаил II

Е. А. Кузнецов,
купец 1-й гильдии

В чиновном мире Западной Сибири воцарилась атмосфера всеобщей вражды и недоверия. Разногласия между чиновниками тобольской казенной палаты и генерал-губернатором стали предметом разбирательства в Сибирском комитете, который, очевидно под давлением министра финансов, отказал П. М. Капцевичу в поддержке. Императорскими повелениями в 1823 и 1825 гг. западносибирскому генерал-губернатору было предписано восстановить права казенной палаты. Однако Капцевич продолжал упорствовать. Когда в Сибирском комитете было заявлено, что генерал-губернатор и без хозяйственного управления отягощен другими делами, П. М. Капцевич в ответ разразился весьма примечательным рассуждением: «Генерал-губернатор не считает за тягость удалять, искоренять любостяжание и разорение государственных сумм, какие Палата Тобольская делала. Глаза генерал-губернатора в Сибири лучше видят, нежели глаза в Санкт-Петербурге»³⁹³. Особенно раздражало генерал-губернатора то, что Министерство финансов пыталось управлять в Сибири через своих чиновников, «как в Новгороде или в Санкт-Петербурге». Сибирский комитет вынужден был указать на то, что генерал-губернатору поручен только общий надзор, «но при сем, запрещено ему входить в непосредственное по хозяйственным делам производство»³⁹⁴.

Недоволен П. М. Капцевич был и тем, что без его ведома уволен тобольский губернатор А. М. Тургенев. Он настаивал на том, чтобы все увольнения и награды в крае производились с согласия

генерал-губернатора, в противном случае такие действия «мимо начальника отдаляют и тревожат подчиненность к местной власти»³⁹⁵. Более всего П. М. Капцевича возмущало то, что чиновники тобольской казенной палаты «вздумали идти против него и грозить отставкою, обращаясь искать покровительства не в Сибири, но за 4 тыс. верст в Санкт-Петербурге»³⁹⁶.

С отъездом в мае 1826 г. П. М. Капцевича на коронацию Николая I в Москву председательствование в совете ГУЗС было возложено на тобольского губернатора Д. Н. Бантыш-Каменского. Помимо чиновников казенной палаты против временного председателя ополчились недовольные принижением положением советники от министерств в ГУЗС Л. П. Коллет, И. Машмейер, А. Резанов и примкнувшие к ним председатель губернского суда С. И. Кукуранов и почт-директор Миллер. Примечательно, что Резанов с 1801 по 1815, а Кукуранов с 1818 по 1824 г. служили в тобольской казенной палате. Губернский суд и казенная палата фактически перестали подчиняться местной высшей власти. 28 мая 1826 г. в тобольском губернском совете произошла публичная стычка Бантыш-Каменского с Кукурановым. На замечание губернатора о медленности производства дел в суде Кукуранов начал грубить, заявив, что «пришел сюда слушать дела, а не выговоры». После этого он демонстративно покинул губернский совет. Разбирательство этого инцидента в совете ГУЗС еще более усугубило конфликт³⁹⁷.

Д. Н. Бантыш-Каменский не пожалел красок, описывая своих противников: советник ГУЗС француз Коллет, «водивший за нос двоих своих товарищей: одного старика, семидесятивосьмилетнего Резанова, который подписывал бумаги, не зная, что подписывает, всегда перекрестясь левою рукою, ибо правая была в хирагре», и другого советника Машмейера, вечно пьяного, который подавал мнения по делам, «писанные начерно Коллетом»; Кукуранов – «глупый, упрямый, решавший дела по произволу или, лучше сказать, по карманным связям, крививший душою и законами»³⁹⁸. По словам Бантыш-Каменского, сибирский почт-директор Миллер гордился «своим отдельным ведомством, распространившимся на обе Сибири»³⁹⁹. Все почтовые чиновники обязаны были доносить ему о положении дел в крае и даже сообщать «семейные тайны». Перлюстрации подвергались не только частные письма и жалобы на действия чиновников, но и официальная корреспонденция⁴⁰⁰.

Уже новому императору Николаю I именным указом 7 мая 1826 г. пришлось подтвердить прежние распоряжения и потребовать от П. М. Капцевича отчета. Но П. М. Капцевичу удалось при личном свидании убедить царя пересмотреть дело, но уже не в Сибирском комитете, а в Государственном совете⁴⁰¹. Во всеподданнейшем рапорте 10 августа 1826 г. он изложил свое служебное кредо: «Если и признано было за нужное отступить в некоторых случаях от обыкновенного порядка, то сие учинено было по крайней необходимости и в отвращение злоупотреблений, существовавших до времени моего управления, и к чему приступить я находил себя вправе по власти, Высочайшим учреждением предоставленной»⁴⁰². Но и Государственный совет, где это дело рассматривалось 3 и 26 ноября 1826 г. по царскому повелению «без очереди и без отлагательства», признал заключения Сибирского комитета справедливыми⁴⁰³. Поползли слухи, что П. М. Капцевич больше в Сибирь не вернется, так как его действиями недоволен М. М. Сперанский, значение которого возросло после удаления А. А. Аракчеева. В ходе обсуждения в Государственном совете возникла идея направить в Западную Сибирь сенатскую ревизию, которая в конечном счете и привела к отставке П. М. Капцевича с генерал-губернаторского поста⁴⁰⁴.

На разногласия с Министерством финансов позже сетовал западносибирский генерал-губернатор князь П. Д. Горчаков. В письме к шефу жандармов графу А. Х. Бенкендорфу 27 декабря 1836 г. он жаловался на затруднительность своего положения: «С одной стороны, указан мне законами ход определенный, а с другой – по Министерству финансов, как в местах, мне подчиненных, так и свыше встречаю я не токмо стремление нарушить Учреждение, но даже противоречие в собственных повелениях министерством, делаемых Казенным Палатам Западной Сибири»⁴⁰⁵. Причину такой двойственности западносибирский генерал-губернатор усматривал в самом «Сибирском учреждении». П. Д. Горчаков требовал общего пересмотра правил, определяющих взаимоотношения генерал-губернатора и отраслевых учреждений, иначе в крае возродится «беспорядок и безначалие»⁴⁰⁶. Он просил у Бенкендорфа содействия в получении от императора подтверждения права влиять на казенные палаты. На ограниченность своих возможностей в хозяйственных делах обращал внимание в отчете за 1827–1828 гг. и восточносибирский генерал-губернатор А. С. Лавинский, заяв-

ляя, что от действий местного начальства зависит только заготовление и развоз соли, удовлетворение хлебом «казенных потребностей», винокурение, а по всем прочим «предметам доходы и расходы определены установлениями и от действий местного начальства не зависят»⁴⁰⁷.

Существовали серьезные расхождения у сибирских генерал-губернаторов с Министерством юстиции во взглядах на значение прокурорского надзора в Сибири. Прокуратура здесь не пользовалась даже той небольшой степенью независимости, которую она имела в великорусских губерниях⁴⁰⁸. Сибирские прокуроры и стряпчие назначались с согласия местного главного начальства. Сибирский комитет, разъясняя в 1830 г. порядок назначения в сибирские губернии прокуроров и стряпчих, специально подчеркнул, что министр юстиции может отвести ту или иную кандидатуру на эти должности, но непременно поставив в известность генерал-губернатора и изложив ему сами причины такого отвода. Самостоятельно министр назначить прокурора не мог и должен был ожидать представления других кандидатов. Только как исключительный случай Сибирский комитет предусматривал возможность такого назначения самим министерством⁴⁰⁹. Губернский прокурор в качестве одного из членов входил в состав губернского совета, но свои протесты и замечания он направлял не в Министерство юстиции или Сенат, а в совет Главного управления. Имели место случаи и открытого давления со стороны генерал-губернаторов на прокуроров и стряпчих.

В 1842 г. П. Д. Горчаков обратился к министру юстиции В. Н. Панину с просьбой уволить томского стряпчего. В. Н. Панин изъявил согласие, но кандидатуру на освобождавшееся место стал подыскивать не через генерал-губернатора, а через томского губернатора. Это вызвало протест П. Д. Горчакова. В результате – разбираться пришлось уже Комитету министров. Комитет встал на сторону своего члена, заявив, что В. Н. Панин руководствовался в данном случае лишь интересами пользы службы, что не возбраняется законом. К тому же, полагал Комитет министров, министры имеют право обращаться прямо к губернаторам для получения различных сведений, в противном случае всякое посредничество между ними будет только умножать бесполезную переписку. При этом П. Д. Горчакову было сделано замечание в употреблении выражений в отношении министра, «несоответствующих порядку

службы». Николай I нашел замечания Комитета министров справедливыми. В итоге же после дальнейших препираний П. Д. Горчакова с Комитетом министров император пошел на уступку, повелев «впредь избегать подобных недоразумений, сносясь предварительно с генерал-губернаторами»⁴¹⁰.

В 1841 г. В. Н. Панин попытался добиться большей независимости прокурорского надзора в Сибири. Он предложил сибирским генерал-губернаторам обсудить возможность распространения на сибирские губернии общероссийского законодательства о прокуратуре⁴¹¹. Однако это предложение натолкнулось на противодействие генерал-губернаторов обеих частей Сибири. Особенностью Сибири, напоминал П. Д. Горчаков, является местная централизация надзора в Главном управлении под руководством генерал-губернатора. Ослаблять же власть генерал-губернатора в Сибири, за тысячи верст от столицы, «невозможно без ущерба для службы, потому что в Тобольске и Томске ни достаточного наблюдения, ни своевременных разрешений от Министерств ожидать нельзя». Кроме того, указывал он, в совете Главного управления Министерство юстиции имеет своего агента в лице советника («в виде прокурора») с правом «доносить выше о всем том, что признает сделанным неправильно и противозаконно». Не ослабляет прав прокурора и губернский совет, где он, как его член, может иметь особое мнение⁴¹². Поэтому, доказывал П. Д. Горчаков, прокурорский надзор должен входить в общую административную систему и служить вспомогательным орудием для главного сибирского начальства. О том, что такое положение должно существовать и впредь, писал и восточносибирский генерал-губернатор В. Я. Руперт, с которым П. Д. Горчаков заранее согласовал позиции. «Да и кому приличнее получать от прокуроров и стряпчих донесения, – отмечалось в отзыве В. Я. Руперта, – как не главному управлению, которое в действиях своих относительно подчиненных мест и лиц пользуется правами министерского установления»⁴¹³.

Несмотря на протесты сибирских генерал-губернаторов, В. Н. Панин не отступал и подал свои предложения сначала в Комитет министров, а затем в Государственный совет. Он продолжал настаивать на том, что сибирские особенности не должны иметь такого влияния на власть блюстительную⁴¹⁴. Министр просил совсем немногого: дать прокурорам и стряпчим право доносить о своих замечаниях непосредственно в Министерство юстиции. Ге-

нерал-губернаторы, не заинтересованные в утечке неконтролируемой информации, всеми способами стремились этого не допустить. В новом отзыве (24 августа 1842 г.) П. Д. Горчаков продолжал доказывать неприемлемость введения подобной меры. Он вновь заявлял: «Я той мысли, что всякое нововведение в образе управления должно быть основано на крайней необходимости, т. е. ощутительном недостатке прежнего учреждения, дознанном местным опытом и подтвержденном примерами и фактами, а не одними умственными соображениями, или с тем, чтобы подвести под единообразие то, чему, при отдаленности Сибири, противится вся система ее управления, повелительно требующая централизации местной и таковой же власти надзора и исправления, которых ожидать из Петербурга невозможно без очевидного неудобства»⁴¹⁵. П. Д. Горчаков не соглашался даже с предложением своего восточносибирского коллеги предоставить сибирским прокурорам право посылать в Министерство юстиции копии своих протестов и замечаний.

В Государственном совете было найдено компромиссное решение, закрепленное законом 8 апреля 1843 г. В нем разъяснялось, что губернские прокуроры, с одной стороны, действуют на основании общих российских узаконений, а с другой – сохраняется их подчиненность главному местному начальству. Теперь сибирским прокурорам разрешалось в случае отклонения в совете Главного управления свои замечания сообщать в Министерство юстиции. Но это не означало установления большей независимости прокурорского надзора в Сибири. В письме министру юстиции 27 декабря 1843 г. П. Д. Горчаков извещал, что приказал прокурорам сообщать ему обо всех министерских предписаниях, в том числе и секретных. Он еще раз подчеркнул, что генерал-губернатор является главным лицом в крае, от которого не может быть каких-либо тайн. Очевидно, его беспокоило то, что отправившийся в Восточную Сибирь с ревизией сенатор И. Н. Толстой или министерства могут дать прокурорам поручения, «кои заключали бы в себе секрет от здешнего Главного начальства»⁴¹⁶.

Существовали неясности в отношении генерал-губернаторов и к губернским судам. 24 октября 1824 г. А. С. Лавинский просил М. М. Сперанского разъяснить, почему часть дел из губернского суда не вносится в совет Главного управления Восточной Сибири (ГУВС). Поводом к такому запросу стало столкновение А. С. Лавин-

ского с иркутским губернским судом по поводу судебного разбирательства тяжбы бурят против иркутского исправника. Генерал-губернатор, поддержав исправника, потребовал пересмотра судебного решения. Однако суд стал отстаивать свое мнение и потребовал переноса разбирательства не в совет ГУВС, а в Сенат. А. С. Лавинский квалифицировал действие суда как «дерзкое домогательство», заявив, что Сенат, в отличие от ГУВС, не может знать «точных событий» по тому или иному делу⁴¹⁷. Схожие проблемы возникали и в Западной Сибири, о чем сообщал в Сибирский комитет И. А. Вельяминов. В этой связи Сибирский комитет постановил, что дела о должностных преступлениях, в случае разногласия губернатора и губернского суда, должны поступать в Сенат⁴¹⁸.

Генерал-губернаторы ревниво следили за тем, чтобы губернские учреждения поддерживали отношения с центральными ведомствами только через (или хотя бы ставя в известность) Главное управление. 25 октября 1838 г. специальным циркуляром генерал-губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков указал всем губернским учреждениям на необходимость неукоснительно придерживаться указанного в «Сибирском учреждении» порядка в отношениях с министерствами. Причиной такого напоминания явилось желание многих присутственных мест и должностных лиц Западной Сибири «избегнуть надзора Главного местного начальства». Поэтому они, подозревал генерал-губернатор, и вступили в прямую переписку с министерствами⁴¹⁹.

Даже духовные лица проявляли строптивость и доставляли определенные хлопоты местной администрации. Епархиальные архиереи, как и главы других ведомственных провинциальных учреждений, не только отстаивали свою самостоятельность в церковном управлении, но и стремились расширить свое влияние на сферы общегражданские. В этом отношении весьма примечателен «бунт» иркутского архиепископа Ириней, почитателя архимандрита Фотия⁴²⁰. Назначенный в Иркутскую епархию, чтобы поправить пришедшие там в упадок церковные дела, архиепископ Ириней (Нестерович), как человек твердый, с «огненным характером», рьяно принялся наводить порядок. Независимое положение в местном обществе, доносы в Петербург и даже публичные обвинения несправедливых действий чиновников неизбежно привели его к столкновению с иркутскими властями и прежде всего с генерал-губернатором А. С. Лавинским. Дело дошло до того, что Ириней

стали приносить жалобы на самого генерал-губернатора, а он не только не отклонял их, но даже назвал А. С. Лавинского притеснителем бедных и сирых и грозил анафемою⁴²¹. Доносил Иринею и в III отделение. Он обвинял А. С. Лавинского в том, что тот «устроил как бы новый собор в Воскресенской Тихвинской церкви, завел там соблазнительную, по театральному напеву, казачью певческую, отделил для себя особенное место, устроил возвышенное со ступенями седалище и принимал особенную от священнодействующих честь», намекал архиерею, что по праву генерал-губернатора может «переменять самые определения высшей власти», покровительствовал ламаизму и т. д.⁴²² Особенно его возмущало то, что пост иркутского городничего занимает «государственный преступник» А. Н. Муравьев, скрывающий «под маской благонамеренности свои истинные цели». Иринею повсюду мерещилась возможность новой пугачевщины: «нет ли, или не было ли какого злоумышления или законопреступных отдаленнейших связей на счет целости государства»⁴²³.

А. С. Лавинский смог добиться удаления непокорного архиерея из Иркутска, но на этом история не закончилась и имела неожиданное продолжение. Когда 20 сентября 1831 г. Иринею было объявлено об отстранении от управления епархией, он неожиданно взбунтовался, заявив, что указ подложный, так как не печатный, а письменный. При этом он ссыался на то, что из-за подложных указов и произошло пугачевское восстание. Посланного к нему чиновника для особых поручений Голубева Иринею попытался препроводить на гауптвахту, призвав к себе на помощь находившихся у собора солдат и горожан, заявив, что генерал-губернатор «ложно объявляет фальшивый указ», чтобы его погубить. Появившемуся тут же А. С. Лавинскому он принародно заявил, что их дела может разобрать только доверенное лицо императора. По свидетельству А. Н. Муравьева: «Чернь уже начинала роптать и войско также». С большим трудом разбушевавшегося архиерея удалось успокоить совместными усилиями генерал-губернатора, губернатора и коменданта. Насколько серьезны могли бы быть последствия, писал через два дня после вышеозначенных событий тот же Муравьев: «Знамя бунта и возмущения было воздвигнуто и здесь; но кем же? Архиепископом Иринею! И если бы не мудрые распоряжения нашего генерал-губернатора, который лицом своим действовал, если бы не твердость, неустраши-

мость и мужество его, то Иркутск, без сомнения, увидел бы черные дни, и многие жертвы принесены были бы злонамеренному бешенству Ириней»⁴²⁴. До прибытия из столицы «особы высшего сана», о чем просил царя А. С. Лавинский, решено было оставить Ириней в покое, приставив к его келье караул⁴²⁵.

Иркутский инцидент серьезно встревожил не только местные власти, Синод, но и самого Николая I. Из Иркутска в это время поступали в Центральную Россию самые фантастические слухи. Говорили даже, что А. С. Лавинский убит⁴²⁶. В Восточную Сибирь был срочно отправлен флигель-адъютант И. И. Гогель уже с 500 печатными экземплярами указа об отрешении Ириней и «увещательным» письмом от митрополита Петербургского и Новгородского Серафима. Только эти меры заставили Ириней смириться и в сопровождении жандармского полковника Брянчанинова отправиться в вологодский Спасоприлуцкий монастырь.

Жалобы сибирских генерал-губернаторов на недостаток власти, на ограничение ее центральными ведомствами или местными учреждениями сопровождались и реальными шагами по расширению генерал-губернаторских полномочий. С 1838 г. западносибирские, а с 1841 г. восточносибирские учебные заведения были подчинены местным генерал-губернаторам⁴²⁷. Существенно расширились их права в хозяйственном управлении. Указом 1830 г. управление Нерчинскими горными заводами передавалось в заведование генерал-губернатора без участия в этом совета ГУВС. В 1833 г. эту меру распространили на солеваренные промыслы. Законом 1831 г. право давать разрешения на частные разработки месторождений металлов и минералов было возложено в Восточной Сибири на генерал-губернатора, а в Западной Сибири – на Горное правление Колывано-Воскресенских заводов. В канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири были учреждены горное отделение и соляное управление. Бурно развивавшаяся во второй четверти XIX в. золотодобыча также оказалась под непосредственным контролем сибирских генерал-губернаторов. Когда в 1847 г. возник проект реорганизации дорожных и строительных комиссий в сибирских губерниях, западносибирский генерал-губернатор тут же заявил о необходимости подчинить их главному местному начальству. Главное управление путей сообщения и публичных зданий, доказывал он, может быть легко введено в заблуждение «сокрытием обстоятельств, коих дознание в Петер-

бурге самой бдительнейшей и строгой проверке недоступно»⁴²⁸. Для этой цели предлагалось учредить особое отделение в ГУЗС с назначением туда штаб-офицера из Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Такое предложение сибирской администрации было учтено законодателем. Хотя нового отделения при Главном управлении и не создали, в распоряжение генерал-губернаторов назначили по одному штаб-офицеру Корпуса инженеров путей сообщения со званием и правами члена совета Главного управления. Но этот новый советник не получил даже и тех прав, которыми пользовались другие советники от министерств. Он должен был находиться в непосредственной зависимости от генерал-губернатора⁴²⁹.

Если в Западной Сибири проблема взаимоотношений военных и гражданских властей была решена путем соединения в одном лице должностей генерал-губернатора и командира Отдельного Сибирского корпуса, то в Восточной Сибири все еще продолжало существовать прежнее двоевластие. В 1833 г. восточносибирский генерал-губернатор А. С. Лавинский обратился к графу А. Х. Бенкендорфу и изложил ему свои взгляды на это «неприятное положение». А. С. Лавинского не могло не раздражать то, что всякому носящему военный мундир генерал-губернатор представлялся лицом посторонним. Поэтому он предлагал полную власть над войсками, расположенными в Восточной Сибири, сосредоточить в лице генерал-губернатора, назначив на этот пост «военного генерала»⁴³⁰. Он указывал также на угрожающее скопление в Восточной Сибири большого числа ссыльных и недостаток военной силы в крае. Подробно свои предложения А. С. Лавинский изложил 2 сентября 1833 г. в записке «О некоторых неудобствах по управлению Восточной Сибирью». Эта записка по повелению Николая I стала предметом рассмотрения особого комитета, в состав которого вошли шеф жандармов, а также министры юстиции и внутренних дел⁴³¹. С 1834 г. войска в Восточной Сибири были подчинены новому генерал-губернатору генерал-лейтенанту Н. С. Сулиме, считая их от Отдельного Сибирского корпуса в «командировке»⁴³². Сменивший в 1834 г. Н. С. Сулиму на посту восточносибирского генерал-губернатора С. Б. Броневский вспоминал, что войска в Восточной Сибири только для счета числились в составе Сибирского корпуса, а ответственность и инспекция целиком лежали на нем⁴³³. Обеспокоенный большим числом ссыльных в Во-

сточной Сибири и совершенным расстройством их управления, В. Я. Руперт предлагал даже «ввести в этом крае более военное, нежели гражданское управление, назначая впредь губернаторов из генерал-майоров, окружных начальников, полицмейстеров и даже заседателей – из штаб- и обер-офицеров». Помимо обычных чиновников для особых поручений, дать возможность генерал-губернатору иметь для этих же целей двух штаб-офицеров⁴³⁴. Если А. С. Лавинский почти не вмешивался в дела Морского министерства на Дальнем Востоке, то его преемники стали больше интересоваться ходом управления приморскими территориями⁴³⁵. Особую сложность представляло управление Охотско-Камчатским краем не только в силу удаленности его от Иркутска, но и из-за независимого положения местных начальников.

Жалобы восточносибирского генерал-губернатора В. Я. Руперта на то, что у него связаны руки, передает в своих записках о путешествии по Сибири Коттрель. В. Я. Руперт, явно преувеличивая свою беспомощность, заявлял, что он не может ничего сделать, не связавшись с Петербургом, на что нужно не меньше двух месяцев. Как он сам откровенно признавался, «может много несправедливостей сделать, но не в состоянии сделать добро». В 1842 г. В. Я. Руперт отправился в столицу просить дополнительных полномочий. «Сколько бы не был Государь мало склонен к возвращению старой строгой системы, но он увидел себя принужденным все-таки даровать обоим генерал-губернаторам, – откровенничал В. Я. Руперт с немецким путешественником, – тайное полномочие преступления зверского характера карать способом, влекущим смерть без формального введения смертной казни»⁴³⁶.

Речь шла о секретных инструкциях, данных Николаем I сибирским генерал-губернаторам, которыми они пользовались вплоть до начала XX в. Чтобы ужесточить режим ссылки и каторги, флигель-адъютант И. И. Гогель, объезжавший сибирские губернии в 1831 г., поставил вопрос о применении смертной казни по отношению к ссыльным. Это предложение нашло поддержку у сибирских генерал-губернаторов. Еще в 1830 г. восточносибирский генерал-губернатор А. С. Лавинский предлагал ссыльнокаторжных, бежавших в Китай и там совершивших убийства, по поимке судить военным судом по положению о «Большой действующей армии»⁴³⁷. В 1833 г. он повторил свое ходатайство. Эти предложения рассматривались в особом секретном комитете под председа-

ством В. П. Кочубея. Несмотря на возражения М. М. Сперанского и А. Н. Голицына, большинство членов комитета высказалось за применение смертной казни к ссыльным за преступления «политического оттенка». Николай I 7 декабря 1833 г. предоставил сибирским генерал-губернаторам такое право применять только к каторжным, которым за прежнее преступление смертная казнь была заменена каторжными работами⁴³⁸. Высочайшими рескриптами 26 декабря 1834 г. и 1 сентября 1837 г. сибирским генерал-губернаторам предоставлялось «за возмущение и бунт селением или артелью не менее 10 человек против местной власти или караула, со взломом тюрем или с нанесением вреда» предавать ссыльнокаторжных суду по Полевому уголовному уложению, а ссыльнопоселенцев – Военному суду по общим уголовным законам⁴³⁹.

В 1837 г. западносибирский генерал-губернатор П. Д. Горчаков вновь ходатайствовал о дополнительных прерогативах по отношению к ссыльным, предлагая каторжан за убийство присуждать к смертной казни. Не останавливался П. Д. Горчаков и перед защитой пыток, вплоть до возможности морить ссыльного при следствии голодом⁴⁴⁰. Впоследствии полномочия судить по военно-полевым законам были закреплены секретной инструкцией, которая вручалась сибирским генерал-губернаторам при назначении на должность⁴⁴¹.

Важной прерогативой генерал-губернатора являлась возможность влиять на назначение сибирских чиновников. Законом генерал-губернатору предоставлялось право назначать и увольнять чиновников до VI класса по «Табели о рангах» включительно. Однако генерал-губернаторы были недовольны, что их власть не распространяется на всех местных чиновников⁴⁴². Когда в 1846 г. при I отделении Собственной Е. И. В. канцелярии был учрежден инспекторский департамент, сибирские генерал-губернаторы забеспокоились, не ущемит ли это их права. Князь П. Д. Горчаков 15 октября 1846 г. запросил разъяснений в МВД. При этом он поспешил напомнить, что общее законодательство не распространяется на Сибирь (если это не оговорено в законе специально). П. Д. Горчаков предупреждал, что изменение прежнего порядка гражданской службы в Сибири, с одной стороны, нарушит сложившиеся отношения губернских учреждений с Главным управлением, коему они непосредственно подчинены, а с другой, «при отдаленности от Санкт-Петербурга возродит неминуемую мед-

ленность в замещении вакансий и самом делопроизводстве»⁴⁴³. Министры также попытались воспользоваться новым законом. Уже 20 октября 1846 г. министр народного просвещения просил генерал-губернаторов распорядиться никого не определять на службу по его ведомству без предварительного согласия министерства⁴⁴⁴. Однако правительство не решилось изменить установленный для Сибири порядок, и 4 декабря 1846 г. министр внутренних дел подтвердил, что за сибирскими генерал-губернаторами сохраняется прежнее право назначать и увольнять чиновников до VI класса, при этом лишь ставя в известность инспекторский департамент⁴⁴⁵.

Сами же генерал-губернаторы не упускали любого удобного случая для расширения возможности влиять на назначение чиновников. Когда в 1831 г. состоялся указ, предоставивший министрам право определять и увольнять начальников отделений в департаментах министерств, генерал-губернатор Западной Сибири тут же запросил Сибирский комитет: не распространяется ли это право на советников-производителей ГУЗС. Сибирский комитет высказался против, объяснив, что советники-производители Главных сибирских управлений уравниены с советниками от министерств, и было бы неудобно ставить их в неодинаковое положение⁴⁴⁶. Впрочем, реализация тех или иных положений «Сибирского учреждения» во многом зависела от личных качеств генерал-губернатора. Так, жандармский генерал Н. Я. Фалькенберг заметил, что одни и те же правила в разных частях Сибири исполняются с большей или меньшей обязательностью. Если в Западной Сибири, отмечал он, генерал-губернатор, вопреки закону, определял всех без изъятия чиновников, то в Восточной Сибири таких нарушений было значительно меньше⁴⁴⁷. Это лишний раз свидетельствовало о том, как мало юридические нормы влияли на власть генерал-губернаторов.

Неясными оставались в «Сибирском учреждении» отношения генерал-губернатора и губернатора. Назначаемые верховной властью губернаторы имели обособленное положение в ведомственной административной иерархии и принадлежали к территориальной сфере управления. Закон не предоставлял генерал-губернаторам права рекомендовать кандидатов на губернаторские посты, что порой порождало конфликтные ситуации. Но это не означало, что генерал-губернаторы не пытались этого делать,

используя свои связи и высокое официальное положение. Не без протекции В. Я. Руперта енисейским губернатором стал его зять В. К. Падалка⁴⁴⁸. Пользуясь расположением А. Х. Бенкендорфа, В. Я. Руперт предлагал в 1838 г. заменить иркутского губернатора А. Н. Евсевьева полковником М. В. Ладыженским⁴⁴⁹. Генерал-губернатор аттестовал М. В. Ладыженского как прекрасного знатока Китая, что было немаловажно при обострившемся внимании России к амурскому вопросу. Но Николай I назначил губернатором в Иркутск А. И. Левшина. Тогда В. Я. Руперт выдвинул кандидатуру М. В. Ладыженского на вакантный пост томского губернатора. Об этом же ходатайствовал и западносибирский генерал-губернатор князь П. Д. Горчаков. В 1840 г. Ладыженский стал губернатором, но в Тобольске⁴⁵⁰. Впрочем, там он продержался недолго. Жандармский генерал Н. Я. Фалькенберг доносил в III отделение, что М. В. Ладыженский «не имеет необходимых познаний и сведений для гражданского губернатора»⁴⁵¹. Да и сам П. Д. Горчаков, заподозрив Ладыженского в политической неблагонадежности, поспешил от него в 1844 г. избавиться⁴⁵².

За тридцать лет после реформы 1822 г. на губернаторских постах в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях побывало 29 человек. Наиболее часто менялись губернаторы в Тобольске, где за этот период сменилось 11 губернаторов, да к тому же с 5 мая 1832 г. по 5 мая 1835 г. эта должность значилась вакантной. Пятеро из тобольских губернаторов (Д. Н. Бантыш-Каменский, В. А. Нагибин, И. Д. Талызин, М. В. Ладыженский, К. К. Энгельке) покинули пост не по своей воле. Как отмечал жандармский подполковник Черкасов 5-й, губернаторская власть в Тобольской губернии была поглощена окружающими генерал-губернатора лицами. В таких условиях губернатор, писал он, «есть только страдательное лицо, не имеющее и тени власти, определенной Сибирским учреждением. Ни один чиновник в губернии не представляет столь разительной противоположности, с одной стороны, по безусловной зависимости, а с другой – по примерной холодности подчиненных мест и лиц, часто переходящей в неповиновение, а потому этот пост сделался столь сомнительным, что в течение последнего двадцатилетия здесь было 9 гражданских губернаторов, из коих большая часть сделались или жертвою интриг, или собственной неосторожности с весьма неприятными для них последствиями»⁴⁵³.

В других губерниях ситуация была несколько лучше. Правда, и там бывали случаи кратковременного пребывания на губернаторском посту (енисейский губернатор Рославец пробыл в своей должности всего два месяца, иркутский губернатор А. И. Левшин – чуть меньше года). Дольше всех продержался на посту иркутский губернатор И. Б. Цейдлер – 14 лет. В среднем же правили губерниями (исключая крайние случаи) от 4 до 6 лет. Известен только один случай, когда тобольского губернатора В. И. Копылова, пробывшего в этой должности немногим больше месяца, перевели в Енисейскую губернию, которою он уже управлял в течение десяти лет. Как правило, все сибирские гражданские губернаторы были в чине статского или действительного статского советника. Исключение составляла Томская губерния, куда назначали губернаторами и одновременно управляющими алтайскими заводами горных чиновников в звании генерал-майора. Сибирскими губернаторами были такие известные в то время ученые, как П. К. Фролов и П. П. Аносов, писатель А. П. Степанов, историк Д. Н. Бантыш-Каменский⁴⁵⁴.

В то время как в Европейской России быстро оформлялась зависимость губернатора от МВД, в Сибири этот процесс затруднялся не только наличием дополнительного звена в управлении в лице генерал-губернатора, но и особенностями положения самого губернатора. В отличие от великорусских губернаторов сибирский губернатор был более ограничен в своих правах. Об этом свидетельствует как его юридическое, так и реальное положение в местной административной иерархии. Так, тобольский губернатор В. А. Нагибин жаловался в 1830 г. в Сенат, что генерал-губернатор ограничивает его права в назначении и увольнении чиновников, а также их аттестации. Кроме того, В. А. Нагибин резко отозвался о состоянии откупного дела в крае, заявив, что откупщики, пользуясь покровительством самого генерал-губернатора, «счастливее алхимиков и давно нашли философский камень и весьма умеют употреблять его в свою пользу»⁴⁵⁵. Указывал он на злоупотребления и в других областях управления. Сенат передал это дело в Сибирский комитет, а затем им занимался Комитет министров⁴⁵⁶. Но Комитет министров нашел обвинения В. А. Нагибина бездоказательными и сделал ему выговор за дерзкие и неприличные выражения в адрес генерал-губернатора. Николай I

поступил еще строже и приказал В. А. Нагибина «за дерзость и фальшивый донос отрешить от должности и предать суду»⁴⁵⁷.

В полной мере реалии сибирского управления, столь отличные от правовых норм, смог ощутить декабрист А. Н. Муравьев, оказавшись в Тобольске сначала в качестве председателя тобольского губернского правления, а затем исполняющего должность тобольского губернатора. Несмотря на свое формально высокое и независимое положение, в действительности он оказался совершенно беззащитен перед самовластием генерал-губернатора и его ближайшего окружения. Энергичные меры по наведению порядка в губернском управлении, осуществляемые А. Н. Муравьевым, вызвали недовольство генерал-губернатора И. А. Вельяминова и его фаворита Н. Ф. Кованько. В этом конфликте, быстро переросшем в открытое противостояние, А. Н. Муравьев пытался опереться на те силы, которые ему позволили бы выстоять в неравной борьбе. Используя свои служебные права, а в большей степени родственные связи, он обращается за защитой к министру внутренних дел Д. Н. Блудову, шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу и даже к самому императору. В Западной Сибири А. Н. Муравьев обрел союзника в лице жандармского полковника А. П. Маслова, занимавшего независимое положение в сибирской административной иерархии. В своих официальных представлениях и конфиденциальных записках А. Н. Муравьев обвинял И. А. Вельяминова и Н. Ф. Кованько в том, что они свели на нет значение губернаторской должности. Он жаловался на то, что Вельяминов покрывает чиновников, виновных в злоупотреблениях. Вмешивался генерал-губернатор и в собственно губернское управление, определяя к должностям чиновников помимо губернатора. И наоборот, тех чиновников, которых рекомендовал А. Н. Муравьев, И. А. Вельяминов отказывался утверждать. Более того, генерал-губернатор даже запрещал Муравьеву без его ведома отправлять губернских чиновников в командировки⁴⁵⁸. Когда А. Н. Муравьев отправился с ревизией по округам губернии, было организовано секретное наблюдение за ним и теми, кто будет подавать ему прошения⁴⁵⁹.

От произвола генерал-губернатора и его приспешников страдал не только тобольский губернатор. В письме Н. Н. Муравьеву (будущему графу Карсскому) он писал 1 июня 1833 г. из Тобольска: «Мы оба, Ковалевский (томский губернатор. – *Авт.*) и я, много терпим от Ив[ана] Алек[сандровича] Вельяминова, который со-

вершенно выпустил из рук бразды правления Западной Сибири; и при добром своем характере делает такие вещи, которые противоречат всему должному»⁴⁶⁰. В другом письме, 27 января 1833 г., он просит: «Скажи любезному брату Александру Мордвинову (А. Н. Мордвинов – начальник канцелярии III отделения. – *Авт.*), что А. П. Маслову уже житья нет от Вельяминова. Что он ему публичные делает оскорбления. Это нужно знать и графу Александру Христофоровичу (Бенкендорфу. – *Авт.*)»⁴⁶¹.

На плачевное состояние управления Тобольской губернией из-за частой смены губернаторов указывал в 1840 г. и начальник Сибирского округа корпуса жандармов генерал-майор Н. Я. Фалькенберг⁴⁶². Губернатором 17 февраля 1839 г. вместо Х. Х. Повало-Швейковского, окружившего себя в Тобольске «любимцами, передоверив им все управление», благодаря поддержке Фалькенберга стал И. Д. Талызин⁴⁶³. Талызин попытался исправить положение, но удержался на своем посту лишь около полутора лет. «Какие-то тайные пружины, – доносил Н. Я. Фалькенберг, – поселили несогласие» между генерал-губернатором и И. Д. Талызиным, и последнего поспешили перевести в Оренбург⁴⁶⁴.

Оказавшись без поддержки далеких от Сибири центральных ведомств, без защиты со стороны генерал-губернатора, губернатор был весьма уязвим для интриг, которыми издавна славилось сибирское чиновное общество. П. М. Капцевич считал, что частая смена губернаторов в Тобольске вызвана «противодействием мест подчиненных», а также низкой нравственностью местных чиновников и «вкоренившейся давно страсти к интриге». Однако Сибирский комитет называл еще одну причину: «По разным неудовольствиям, чинимым Главным местным начальником Западной Сибири»⁴⁶⁵.

Существовали также трения в отношениях восточносибирского генерал-губернатора А. С. Лавинского и иркутского губернатора И. Б. Цейдлера. А. С. Лавинский даже просил в 1827 г. А. Х. Бенкендорфа посодействовать в замене И. Б. Цейдлера другим лицом⁴⁶⁶. Несмотря на это, Цейдлер оставался на своем посту до середины 1835 г., на два с половиной года дольше, чем сам А. С. Лавинский. Конфликтовал с иркутским губернатором А. В. Пятницким генерал-губернатор В. Я. Руперт. Но и в этом случае генерал-губернатор не смог избавиться от неугодного губернатора, более того, сам пострадал от его интриг.

Одним из наиболее запутанных сибирских административных вопросов оставался вопрос об управлении Колывано-Воскресенским горным округом. Недовольные независимым положением горных чиновников и назначаемого из их среды по представлению Кабинета и Министерства финансов томского губернатора, западносибирские генерал-губернаторы неоднократно высказывались против административной обособленности горного округа. П. Д. Горчаков, например, в течение нескольких лет конфликтовал с томским губернатором – сначала Н. А. Шленевым, а затем Ф. Ф. Бегером. Во всеподданнейшем донесении 5 октября 1837 г. он заявлял, что потерял «всякую надежду водворить порядок в Томской губернии»⁴⁶⁷. Фактически томский губернатор вышел из подчинения главному местному начальству Западной Сибири, заручившись поддержкой министра финансов Е. Ф. Канкрина. В своем донесении Николаю I П. Д. Горчаков даже пытался нагнать на императора страху, утверждая, что притеснение золотопромышленников и потворство местному горному начальству со стороны Н. А. Шленева истощит терпение рабочих и приведет к серьезным беспорядкам⁴⁶⁸. Очевидно, личное обращение генерал-губернатора к царю возымело действие – 4 ноября 1837 г. Шленева удалили с поста томского губернатора. Но и новый томский губернатор, выбор которого затянулся на полгода, явно не устроил П. Д. Горчакова. Когда до П. Д. Горчакова частным образом дошло известие, что в Томск предполагают назначить полковника Бегера, он поспешил уведомить высшее начальство, что Ф. Ф. Бегер владеет золотыми приисками, что запрещено служащим в Сибири чиновникам⁴⁶⁹. Однако и Ф. Ф. Бегер продержался на губернаторском посту в Томске всего два с половиной года (с 8 апреля 1838 г. по 27 декабря 1840 г.). Уже в начале 1839 г. он ходатайствовал через министра финансов (что также вызвало недовольство генерал-губернатора) об отставке. В этой связи П. Д. Горчаков вновь напомнил А. Х. Бенкендорфу о тщательности в подборе кандидата на этот пост, предлагая избрать генерала из артиллерии или из инженеров, не служившего до того в Сибири. В противном случае, не преминул он лишний раз заметить, «тайные связи по золотопромышленности и существующие козни, всегдашняя язва Сибири, не прекратятся; наипаче последние, когда министром финансов допускаются мимо меня прямые с собой сношения, по делам Высочайшей волей подлежащим рассмотрению Главного управления»⁴⁷⁰.

Таким образом, несмотря на значительную власть, предоставленную царем сибирским генерал-губернаторам, нельзя видеть в них лишь неограниченных сатрапов, чем в значительной степени грешила дореволюционная, а затем и советская литература. Реальное положение генерал-губернатора в системе сибирского регионального управления второй четверти XIX в. было гораздо сложнее. Не имевшие опыта гражданского управления, не знакомые с сибирскими условиями, опасаясь чиновных и купеческих интриг, при отсутствии надежной поддержки среди влиятельных людей в столице и в самой Сибири, генерал-губернаторы могли легко стать послушным орудием в руках сибирской бюрократии. В противном же случае, стремясь проявить самостоятельность, генерал-губернаторы быстро наживали себе противников, которые стремились воспользоваться любым удобным поводом, чтобы скомпрометировать в глазах верховной власти неугодного главного начальника края. Поэтому, чтобы удержаться на своем посту, генерал-губернатору приходилось вести борьбу с настоящей или мнимой оппозицией, подавлять всяческое недовольство, искать поддержки у могущественных сановников в Петербурге и лавировать между различными группировками в сибирском обществе.

Даже декабристы или представители польской аристократии, оказавшись в ссылке, но сохранив свои связи с могущественными родственниками и друзьями в Петербурге и Москве, могли повлиять на карьеру генерал-губернатора. Так, например, сестра находившегося на поселении декабриста М. М. Нарышкина была замужем за московским генерал-губернатором князем Д. В. Голицыным. В этой связи понятно, почему западносибирский генерал-губернатор И. А. Вельяминов писал Д. В. Голицыну, что почтет для себя особым счастьем оказать М. М. Нарышкину какое-либо облегчение⁴⁷¹. Озабоченные тем, чтобы поддерживать наверху впечатление о благоприятном течении дел в крае, сибирские генерал-губернаторы иногда, стремясь не выносить сор из избы, прибегали к различным уловкам, чтобы принизить значение того или иного происшествия. В этом смысле весьма показательна позиция, которую занял восточносибирский генерал-губернатор В. Я. Руперт в «деле» декабриста М. С. Лунина. Все исследователи указывают на то, что В. Я. Руперт и его подчиненные делали все для того, чтобы умалить значение писем М. С. Лунина и не расширять

масштабы следствия. Впрочем, в этом оказалось заинтересовано и жандармское ведомство, проморгавшее лунинские сочинения⁴⁷².

Весьма показательно то, что четверо из семи сибирских генерал-губернаторов второй четверти XIX в. оставили Сибирь не по своей воле, вызвав серьезное недовольство верховной власти. Причины такого исхода крылись не столько в неудачном выборе кандидатов на генерал-губернаторский пост, сколько в серьезных просчетах административной политики самодержавия в Сибири. Хорошо знавший Сибирь Г. С. Батеньков справедливо полагал, что бесконтрольное самоуправство генерал-губернаторов, порожденное самой системой местного управления, приводило к тому, что генерал-губернатора легче было отрешить от должности, «нежели указать ему почтительно законный путь, от коего он уклонился». Жалобы, доносы, сенаторские ревизии оставались долгое время единственными, хотя и малоэффективными средствами как-то сдержать генерал-губернаторскую власть в Сибири от сползания в безудержный деспотизм. Не появилось в этот период на административном небосклоне Сибири и ярких, инициативных и самостоятельных личностей.

С отставкой В. Я. Руперта и П. Д. Горчакова закончился определенный этап в правительственной политике по отношению к восточному региону. Оживление экономической и политической жизни на этой обширной и перспективной окраине Российской империи требовало государственных деятелей иного масштаба, и в этом отношении Западной Сибири повезло меньше, чем Восточной, где в эти годы начиналась замечательная деятельность Н. Н. Муравьева, ставшего вскоре графом Амурским. Оценивая общее состояние управления Сибири, П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал в своих мемуарах: «Положение сибирских генерал-губернаторов было, впрочем, нелегкое, и даже для того, чтобы сделать что-нибудь действительно полезное для края, нужно было иметь или государственный ум Сперанского, или непреклонную волю Муравьева-Амурского»⁴⁷³. Ни того, ни другого у сибирских генерал-губернаторов второй четверти XIX в. не оказалось.

5.2. Попытки реформирования административного устройства Сибирского региона в 20–40-х гг. XIX в.

«Сибирское учреждение» 1822 г., хотя законодательно и упорядочило административное устройство региона, не смогло решить коренные управленческие проблемы. Намеченные М. М. Сперанским принципы подменялись противоположными, направленными если не на реставрацию прежней бесконтрольной власти генерал-губернаторов, то на ее существенное расширение. В 1854 г. соратник сибирского реформатора Г. С. Батеньков, отвечая на вопрос, что говорят в Сибири о М. М. Сперанском, не без раздражения заметил: «Кому говорить? – вообще все забыли или говорят, что придет в голову, судя и вкривь, и вкось. Ломают и бранят Учреждение»⁴⁷⁴. Другой декабрист В. И. Штейнгейль писал 11 января 1826 г. Николаю I из Петропавловской крепости, что в Сибири жалуются на преобразования, произведенные М. М. Сперанским. В этом обширном, но малонаселенном крае вместо сокращения администрации прибавили еще одну губернию и ввели «образ управления совещательно-аристократический, не свойственный монархическому»⁴⁷⁵.

Критика реформ 1822 г. велась с разных сторон и по всем направлениям. Прежде всего попытались внести коррективы в административно-территориальное деление Сибири. Оппоненты М. М. Сперанского указывали на ошибочность образования в Сибири двух генерал-губернаторств, что подорвало единство сибирского управления и понизило значение генерал-губернаторской власти⁴⁷⁶. Ощущались и другие неудобства в административно-территориальном устройстве Сибири. Уже первый западносибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич предлагал перенести административный центр Западной Сибири из Тобольска в Омск. Становилось все более очевидным, что М. М. Сперанский разместил резиденцию генерал-губернатора в Тобольске, скорее отдавая дань традиции, нежели соображаясь с уже определившимся тяготением политических и экономических приоритетов самодержавия к югу Сибири. Западносибирские генерал-губернаторы все чаще начинают рассматривать западносибирские губернии в качестве материальной базы для дальнейшего имперского расширения в Азии. На Томск как на более удобный центр управления

Западной Сибирью в 1836 г. указывал генерал-майор граф Сент-Альдегонд. Положение Томска «в самой середине Сибири, на главной черте сообщений Запада с Востоком, вблизи населеннейших и обильнейших мест и точек действия военного, на случай внутренней или внешней опасности» казалось ему более удобным⁴⁷⁷. Об этом тогда же писал М. М. Геденштром⁴⁷⁸. В 1835 г. генерал-губернатор Н. С. Сулима ходатайствовал о переводе ГУЗС и штаба Отдельного Сибирского корпуса в Омск. Но и на этот раз Сибирский комитет ответил отказом, полагая, во-первых, «что г. Тобольск по древности, населению и местным способам, яко главное место Сибири, ни в какое сравнение с Омском поставлен быть не может; во-вторых, что Омск по географическому его положению, хотя и находится ближе к Томску, нежели Тобольск, и потому кажется в центре управления Западной Сибири; но тем не менее по состоянию промышленности, населения, по движению капиталов он находится вне главных операций, кои сосредоточиваются в Тобольске, особенно по предметам продовольствия хлебом, вином и солью; и, в-третьих, что даже по отношению к военному управлению все хозяйственные части удержаны не в Омске, а в Тобольске, как-то: Провиантское и Артиллерийское депо и Комиссариатское комиссионерство»⁴⁷⁹. Только в 1839 г. административный центр Западной Сибири переместился в Омск.

Проект нового административного деления Восточной Сибири предложил в 1837 г. генерал-губернатор С. Б. Броневский. Он считал, что в Восточной Сибири, особенно в восточной ее части, необходимо усилить местную губернскую и областную власть. По его мнению, Якутская область, Охотское, Камчатское приморские и Троицкосавское пограничное управления, находящиеся далеко от Иркутска, нуждаются в большей самостоятельности власти. «Губернское начальство, – заключал он, – столь далеко пребывающее, не в состоянии там бывать, следовательно для них можно сказать бесполезно»⁴⁸⁰. С. Б. Броневский в этой связи предлагал: отделить от Иркутской губернии Забайкалье и из Верхнеудинского, Нерчинского округов и Троицкосавского пограничного управления образовать Нерчинскую область, придав ее начальнику губернаторские права⁴⁸¹. На необходимость создания отдельной области в Забайкалье указывал С. Б. Броневскому декабрист Д. И. Завалишин⁴⁸². Аргументируя это свое предложение, генерал-губернатор писал: «Эта страна, отличная по климату, почве и роду

ее обитателей, самую природою отторгнута от материка губернии Байкалом и горами». Сообщение с Забайкальем затруднительно и, указывал он, «если бы, Боже сохрани, произошло там что-нибудь чрезвычайное к нарушению внутренней и внешней безопасности, то страна эта, не имея достаточных средств к защите себя, остается предоставленною на произвол»⁴⁸³. Отступая от принципов «Сибирского учреждения», С. Б. Броневский не проектировал там областного совета, считая достаточным наличие областного правления во главе с губернатором. При этом планировалось дипломатические вопросы оставить по-прежнему в руках иркутского губернатора, а собственно пограничные дела поручить нерчинскому областному начальнику. Наряду со строительством Кругобайкальской дороги, С. Б. Броневский настаивал на усилении воинского контингента в Забайкалье. Настоятельность последнего, полагал С. Б. Броневский, вызывается также тем, что этот край «вследствие событий 12 декабря (очевидно, восстания декабристов. – Авт.) и польского мятежа принял в себя значительное число политических преступников, на которых я полагаться не мог, помня разговор поляков в Омске, угрожавший ужасным происшествием»⁴⁸⁴.

Необходимо также, считал С. Б. Броневский, предоставить большую самостоятельность якутскому областному начальнику. В целях концентрации в его руках управления всем северо-востоком региона к Якутской области предлагалось присоединить Охотское и Камчатское приморские управления. Положение якутского областного начальника в сибирской административной иерархии не было понятно даже тем лицам, которые занимали этот пост. Это приводило к довольно курьезным случаям, о чем упоминает историк Б. Г. Кубалов. Он пишет, что иркутский губернатор И. Б. Цейдлер спрашивал в связи с надзором за декабристами: «Отвечает ли гражданский губернатор за тех, которые в Якутской области, или считать их как в другой губернии»⁴⁸⁵. В свою очередь, якутский областной начальник Н. И. Мягков, претендуя на самостоятельность, утверждал, что он «не находится в ведомстве» иркутского губернатора. Это порождало столкновения между ним и иркутским губернатором. Генерал-губернатору А. С. Лавинскому приходилось разяснять права якутского областного начальника не только И. Б. Цейдлеру и Н. И. Мягкову, но и военному министру А. И. Чернышеву, когда тот, помимо всех иркутских властей, обратился в Якутск за сведениями о ссыльных декабристах⁴⁸⁶.

Для рассмотрения предложений С. Б. Броневского был образован Особый комитет. На его заседании 5 октября 1837 г. причины для нового административного устройства Восточной Сибири были признаны основательными. Согласился комитет и на уравнивание в правах областных начальников с гражданскими губернаторами. Сменившему к тому времени С. Б. Броневского В. Я. Руперту было поручено «по прибытии на место войти в ближайшее рассмотрение сего предложения»⁴⁸⁷. Однако, как это нередко бывало в условиях отсутствия преемственности во взглядах генерал-губернаторов, В. Я. Руперт представил совершенно противоположное мнение, признав проектируемые меры «неудобоисполнимыми, да и совсем ненужными»⁴⁸⁸. Впрочем, уже следующий восточносибирский генерал-губернатор Н. Н. Муравьев вернулся к идеям С. Б. Броневского.

Основным объектом критики стали коллегиальные советы, учрежденные Сперанским на всех уровнях управления. Об этом свидетельствуют источники как официального, так и частного происхождения. Советы Главных управлений в том составе и с той степенью полномочий, как это было обозначено в «Сибирском учреждении», не смогли серьезно повлиять на генерал-губернаторскую власть. Функции советников, как определял сам М. М. Сперанский, ограничивались «советами, когда их спросят»⁴⁸⁹. С. Б. Броневский, характеризуя современный ему состав совета ГУВС, писал о советниках от министерств, что это «люди престарелые, очень сговорчивы и, кажется, помещены только для пенси-

Официальное издание действующих законодательных актов Российской империи, подготовленное II отделением под руководством М. М. Сперанского

она»⁴⁹⁰. Чиновник по особым поручениям (впоследствии иркутский губернатор) А. В. Пятницкий в записке «Взгляд на некоторые предметы Управления Восточной Сибири» (1827 г.) писал, что советники от министерств ГУВС Корюхов, Ланганс и Васильев «закljučают в себе одну только тень совещателей». Фактически он признал бесполезность совета Главного управления в таком составе: «Цель образования сего Совета, конечно, есть благотворная и сообразная с отдаленностью края; ибо оным власть генерал-губернатора поставлена в границы, но цель сия тогда только может принять полную свою силу, когда в сей Совет действительно будут определены от министерств доверенные лица, которые бы не токмо имели смелый голос в делах, предлагаемых на их совещание, но даже представлять генерал-губернатору о замеченных ими упущениях по другим делам или местным распоряжениям»⁴⁹¹. Однако это весьма скромное пожелание навлекло на А. В. Пятницкого гнев генерал-губернатора, над ним нависла угроза увольнения со службы.

Советники-производители, назначение которых зависело от генерал-губернатора, являлись начальниками отделений Главного управления, и их функции заключались уже не столько в том, чтобы советовать, сколько в том, чтобы «производить и исполнять». Впрочем, подбор советников-производителей был также мало удовлетворителен. В ГУВС это были люди с совершенно неизвестным образовательным уровнем: двое из них начали службу копиистами, а третий прежде служил в канцелярии почтамта. Министр внутренних дел пытался возражать против таких кандидатов, но А. С. Лавинскому, не без содействия А. А. Аракчеева, удалось утвердить их через Сибирский комитет как исполняющих должности⁴⁹². Несколько лучшим был состав советников-производителей в ГУЗС. Двое из трех (Протопопов и Пономарев) имели необходимый образовательный ценз. Но П. М. Капцевич, находившийся постоянно в Омске, забрал советников-производителей с собой, оставив в Тобольске вместо них писцов, которые пользовались всеми правами советников ГУЗС. Советники от министерств ГУЗС безуспешно пытались протестовать против такого положения. В 1825 г. они жаловались на то, что совет, «состоя в Тобольске в трех токмо членах, определенных высочайшим указом, не имея ни книг узаконений, ни уставов, ни даже указов, последовавших со времени учреждения онаго», при канцелярии из двух писцов лишен

способов к нормальной деятельности⁴⁹³. Они сетовали на то, что их мнения игнорируются, что они не имеют даже сведений о поступающих в совет делах, так как все делопроизводство находится в руках начальников отделений⁴⁹⁴. Эти жалобы только настроили против них генерал-губернатора П. М. Капцевича и замещавшего его тобольского губернатора Д. Н. Бантыш-Каменского.

Если кто-либо из советников проявлял непокорность, то такого неугодного генерал-губернатору «смельчака, как беспокойного, убирали с места»⁴⁹⁵. Попытки советников Главных управлений вмешиваться в управление ни к чему не приводили. Так, член совета ГУЗС от Министерства юстиции надворный советник Вахрушев отважился подвергнуть критике не только некоторых «неблагонамеренных и неспособных» чиновников, но и самого генерал-губернатора И. А. Вельяминова, обвиняя последнего в излишней власти, игнорировании мнений советников ГУЗС, самоуправном удалении от должности чиновников и т. д. Жалобы Вахрушева в Сибирский комитет оказались напрасными, и он вынужден был, прослужив всего год, подать прошение об увольнении «по причине расстроенного здоровья»⁴⁹⁶. И. А. Вельяминов писал по этому поводу в июне 1831 г. в Сибирский комитет, что Вахрушев, «возомнив, что он великий юрист и к нещастию обуреваем будучи духом противоречия, старается только пустыми и совершенно бесполезными мнениями останавливать и затруднять ход дел, не справясь ни с существом оных, ни с законами, к ним подходящими»⁴⁹⁷.

Не соответствовало формально высокому положению советника Главного управления и жалованье, которое было ниже, чем у председателей губернских ведомственных учреждений. Хотя служба в совете Главного управления считалась почетной, однако это не мешало советникам стремиться «уходить на должности земских заседателей, исправников и вообще на места выгодные»⁴⁹⁸. Деятельность советов Главных управлений обеих частей Сибири демонстрировала их все возрастающую зависимость от генерал-губернаторов, которая была обусловлена не только юридическими нормами, но и складывавшейся практикой назначения советников, распределением дел между советом и канцелярией генерал-губернатора.

Низкой была результативность и у губернских советов. Объезжавший в 1828 г. сибирские губернии жандармский подполковник А. П. Маслов отмечал, что в Восточной Сибири губернские со-

веты «существуют только на бумаге», увеличивая власть губернатора и ограждая его коллегиальной формой от ответственности⁴⁹⁹. Фактически губернские советы превратились в губернаторские канцелярии, а сложность делопроизводства при коллегиальном обсуждении дел лишь замедляла и запутывала управление.

С изданием 3 июня 1837 г. нового положения о губернском и уездном управлении возник вопрос о введении некоторых его положений и в Сибири. Если генерал-губернатор Восточной Сибири считал их применимыми и для Сибирского края, то его западносибирский коллега был более категоричен. С большим запозданием, только через полгода, П. Д. Горчаков удосужился представить свой ответ в МВД, в котором отстаивал законодательную обособленность сибирского управления. В письме к министру внутренних дел 15 июня 1839 г. он напоминал о том, что сибирские губернии «не могут быть совершенно подведены под общие правила» и что «надлежит действовать с крайней осмотрительностью, дабы частным усовершенствованием не исказить целого, в состав коего входят другие отрасли государственного управления в размере почти равном Министерству внутренних дел»⁵⁰⁰. Генерал-губернаторский консерватизм в отношении «Сибирского учреждения» был явно избирательным и ограничивался прежде всего сохранением тех положений, которые позволяли генерал-губернаторам наращивать свою власть.

Невысоко оценивалась эффективность и других губернских учреждений. В «Обзрении главных оснований местного управления Сибири», подготовленном в 1840 г. бывшим управляющим делами Сибирского комитета А. П. Величко, критике подверглись все уровни сибирской административной системы. Он обращал внимание на то, что, несмотря на декларированность положения губернатора как «хозяина губернии», его надзор над чиновниками губернских присутственных мест был номинальным. В «Обзрении» специально подчеркивалось неудобство такого положения: «Губернатор был надзирателем порядка в присутственных местах; но все чиновники, к надзору сему определенные, не состояли в его ведомстве, и даже за ним сами надзирали»⁵⁰¹. В губернском хозяйственном управлении, сосредоточенном в казенной палате, губернатор мог иметь «одно только случайное участие». Сибирский губернатор, в отличие от великорусских губерний, не имел прямой власти над губернским правлением, где был особый председатель.

В одном из писем к двоюродному брату Н. Н. Муравьеву председатель иркутского губернского правления А. Н. Муравьев так объяснял сибирскую специфику своей должности: «С своей стороны скажу тебе, что место сие есть первое после губернатора, ибо я занимаю место его, когда он в отсутствии. Оно сопряжено с большими хлопотами: оно несколько повыше вице-губернатора российского, которых здесь нет; повыше потому, что в России вице-губернатор есть Председатель Казенной Палаты и только по сей части одной занимается; но Председатель Губернского Правления в Сибири есть как бы всегдашний товарищ губернатора, который чрез Губернское Правление проводит положение Губернского Совета в исполнение; при всем том Губернское Правление, если не согласно с мнением губернатора, может обратиться к генерал-губернатору и даже в Сенат»⁵⁰². По авторитетному свидетельству дореволюционного исследователя И. А. Блинова, к 1840-м гг. в отношениях губернатора к губернским учреждениям «господствовала величайшая неопределенность и запутанность»⁵⁰³.

Юридически неопределенные отношения между губернатором и главами губернских учреждений были чреваты административными коллизиями. Так, в 1842 г. тобольский губернатор М. В. Ладыженский жаловался в ГУЗС на «дерзкие проступки» по отношению к нему со стороны председателя тобольского губернского правления Н. П. Соловьева. В представлении М. В. Ладыженского генерал-губернатору князю П. Д. Горчакову содержится весьма показательное рассуждение о губернаторской власти в Сибири: «Вашему сиятельству очень известно, как ограничена власть Начальника губернии, если еще к тому она будет унижена явным поводом председателем, почитающим себя совершенно от него независимым, шиканировать его на каждом шагу, при каждом по службе столкновении, которое, впрочем, неизбежно, то это произведет общий соблазн и неминуемый вред ее пользе. И кто с благородными чувствами, с честными правилами, соединяющий к себе уважение, согласится тогда нести продолжительно эту многотрудную ответственную должность при совершенном еще недостатке средств быть точным исполнителем распоряжений и требований Правительства»⁵⁰⁴. Конечно, жалобы на недостаток власти сыпались из уст и губернаторов великорусских губерний, но в Сибири это недовольство находило подкрепление и в более ограниченном правовом и реальном положении губернатора как по

отношению к губернским учреждениям, так и по отношению к генерал-губернатору и Главному управлению.

Не совсем ясным оставалось в сибирской административной иерархии положение Тобольского приказа о ссыльных. Несмотря на то что его юрисдикция охватывала всю территорию Сибири, он подчинялся тобольскому губернатору. В 1829 г. Приказ попытался заявить о своем особом положении, но совет ГУЗС решительно этому воспротивился, подтвердив подчиненность Приказа тобольскому губернатору и тобольскому губернскому совету⁵⁰⁵. Не имея достаточных средств, Приказ фактически ограничил свою деятельность формальным распределением ссыльных и их учетом.

Сложной сохранялась ситуация в низовом звене сибирского государственного управления. Общие окружные управления были установлены только в десяти из сорока сибирских округов⁵⁰⁶. Как вспоминал декабрист А. П. Беляев, в Минусинске окружной начальник «был нечто вроде губернатора и председал в окружном совете»⁵⁰⁷. В других же округах продолжали господствовать прежние порядки. Повсеместно установить общий надзор за деятельностью окружных чиновников так и не удалось. Власть исправника продолжала оставаться не только преобладающей, но и малоконтролируемой. Сибирские городовые казаки, состоявшие в зависимости от местного гражданского начальства, часто употреблялись не по назначению. Чиновники использовали их в качестве прислуги, на частных работах и т. п. В журнале совета ГУЗС 22 января 1831 г. по поводу обозрения Тобольской губернии ее губернатором В. А. Нагибиным отмечалось: «Прискорбно сознаться, что, объехав всю почти губернию, не заметил он, что есть земская полиция, исполняющая предписанное ей, блюдущая порядок, неусыпно охраняющая тишину и спокойствие. В членах земских судов он видел не более, как следственных приставов, и то чаще посредственных»⁵⁰⁸. В. А. Нагибин обвинял окружных чиновников в полном равнодушии к местным нуждам, отсутствии какой-либо заботы об улучшении хлебопашества, сохранении лесов, устройении селений и т. п. Общей критике состояние административного аппарата Тобольской губернии подверг А. Н. Муравьев⁵⁰⁹. Формализм, запутанность в компетенции губернских учреждений (губернского совета, губернского правления и казенной палаты), недостаток средств, медленность делопроизводства вели к тому, что окружные и волостные управления оказывались фактически без

надзора. Безднаказанность неизбежно умножала злоупотребления. В 1848 г. в Тобольской губернии обсуждался вопрос: кто же должен рассматривать дела о незаконных действиях волостных и сельских начальников – губернское правление или казенная палата? Казенная палата, явно не желая этим заниматься, обратилась за разъяснениями в Сенат, который специальным указом 24 ноября 1849 г. предписал вносить эту категорию дел в губернское правление⁵¹⁰.

Во всеподданнейшем отчете по Восточной Сибири за 1829–1830 гг. указывалось, что занятия сибирской земской полиции (из-за значительных пространств и наличия ссыльных) разнообразнее и многочисленнее, нежели в великороссийских губерниях. Земские заседатели и исправник, занятые следственными делами по преступлениям, находились в постоянных разъездах, не имея возможности «обращать внимание на сельское управление и хозяйство». Поэтому заведование земским судом фактически находилось в руках секретаря⁵¹¹. «Земский суд, – вспоминал об Иркутске С. Б. Броневский, – состоял из чиновников самых ненадежных; дела до того запущены, что суд остановился и опустел, за недостатком будто бы канцелярской суммы. Движение дел, за недостатком земским судом сведений – который упорно молчал на все понуждения – остановились в окружном суде и других присутственных местах»⁵¹². С. Б. Броневский заявлял, что уже через год ему удалось исправить положение. Однако вопреки этому утверждению во всеподданнейшем отчете о состоянии дел в Восточной Сибири за 1837 г. указывалось, что иркутский земский суд, ведение которого распространялось на огромную территорию (193 тыс. кв. верст), испытывает при множестве дел хронический недостаток чиновников и канцелярских служащих⁵¹³.

Схожее положение дел в земских судах констатировал в 1834 г. и Тобольский губернский совет. Об оперативности сибирских окружных учреждений свидетельствует следующий факт. Крестьянин Иван Шишилин обратился в 1840 г. в омский земский суд с жалобой на притеснения со стороны волостного головы. До 1846 г. велось следствие, материалы которого затем поступили в губернское правление, где находились еще пять лет, вплоть до ревизии генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова в 1851 г.⁵¹⁴ Положение земского суда красноречиво описано в докладной записке омского земского исправника Евреинова, датированной 16 октября

1851 г. Евреинов сообщал, что при населении округа в 36 тыс. ревизских душ, не считая ссыльнопоселенцев, «которые затрудняют суд в полном смысле этого выражения», омский земский суд для делопроизводства имеет всего: секретаря, двух столоначальников, регистратора и одного писца, а часто остается и без последнего. Объем же делопроизводственной работы чрезвычайно велик. С 1848 по 1851 г. было произведено 456 следствий, ежегодно поступает и разрешается в земском суде до 13 тыс. бумаг, не упоминая отчетов по управлению округа, разных сведений, требуемых начальством, особенно по взысканию недоимок. Кроме того, исправник жаловался на ограниченность у него власти над дистанчными заседателями (аналог бывших частных комиссаров), которые «завиняют» его перед начальством⁵¹⁵.

Тобольский губернский совет в 1837 г. наряду с повышением денежного содержания чинов предлагал внести изменения и в саму организацию окружного управления. Считалось необходимым ограничить деятельность исправника надзором за дистанчными заседателями, которые должны еженедельно представлять ведомости о ходе дел. Кроме того, планировалось ввести дополнительно должность старшего заседателя или товарища исправника, который бы безотлучно находился в земском суде. В этом случае, полагал Тобольский губернский совет, исправник сможет сосредоточиться на наиболее важных делах и получит возможность регулярно (каждые три месяца) обзирать свой округ и ревизовать волостные правления⁵¹⁶.

Если в великорусских губерниях функции земских судов сократились в связи с образованием учреждений государственных имуществ, то в Сибири они продолжали выполнять распоряжения казенных палат по хозяйственному управлению государственными крестьянами и инородцами. Много времени и сил отнимали у сибирских окружных чиновников дела, связанные с устройством переселенцев и ссыльных. В некоторых округах, где скапливалось много ссыльных (например, в Томской – на 24 321 душу м. п. крестьян приходилось ссыльнопоселенцев – 28 525 душ м. п.; в Каинской соответственно – 23 278 и 8952), это существенно изменяло круг занятий земского суда⁵¹⁷. По отношению к ссыльным закон предоставлял окружной сибирской администрации более широкие полномочия, чем в отношении прочих жителей. Ссыльные могли быть в порядке полицейской расправы наказаны от 25 до

40 ударов плетью, временно отданы в арестантские роты или удалены в другие округа. Еще более тяжким наказанием могли подвергаться беглые каторжники – от 30 до 40 ударов кнутом⁵¹⁸. При таких широких правах и ничтожных средствах к их реализации власть окружной администрации колебалась между произволом и попустительством. Самодержавию, как это вынуждены были констатировать местное начальство и приезжие ревизоры, не удалось сделать окружное управление эффективным и ввести его в строгие законные рамки. Управление бесправным и совершенно безгласным ссыльным населением развращало чиновников, которые с легкостью переносили усвоенные ими методы управления ссыльными на крестьянское население и инородцев.

Нарекания со стороны местной администрации и различных ревизоров вызывали окружные советы. В 1838 г. генерал-губернатор П. Д. Горчаков предложил их упразднить. Сибирский комитет, прежде чем принять этот вопрос к рассмотрению, вернул его сибирским генерал-губернаторам для более тщательной разработки. Отзывы были получены только в конце 1840 – начале 1841 г. Совет ГУЗС, видимо под давлением генерал-губернатора, единодушно заявил, что деятельность общих окружных управлений «не только не приносит никакой пользы, но, напротив, замедляет ход дел, как лишняя инстанция, составляя между тем для казны ежегодный совершенно напрасный расход до 29 550 рублей ассигнациями»⁵¹⁹. Тобольский губернский совет свидетельствовал, что губернское начальство уже давно усвоило практику обращения непосредственно к окружным чиновникам, минуя общее окружное управление⁵²⁰. Но восточносибирская администрация не была столь единодушна. Енисейское и иркутское губернские правления соглашались с ликвидацией общих окружных управлений (с заменой их общими присутствиями из окружного судьи, городничего, исправника и стряпчего, а также надеясь на скорое распространение на сибирские губернии реформы государственных имуществ), рассчитывая на то, что освободившиеся суммы можно будет использовать для повышения жалованья чиновникам и канцелярским служащим. Однако оба губернатора и енисейский губернский прокурор решительно высказались за сохранение общих окружных управлений. Главный их аргумент заключался в потребности иметь на окружном уровне объединяющий орган. Большие пространства, смешанное население, значитель-

ное число ссыльных, необходимость местного надзора за деятельностью чиновников – все это, считали они, требует единства местной власти. Енисейский губернский прокурор предлагал даже распространить институт общего окружного управления и на другие сибирские округа. Это мнение было поддержано и советом ГУВС, который утверждал, что и новые учреждения государственных имуществ не заменят столь необходимый в Сибири надзор за действиями местной власти⁵²¹.

Не было единства по этому вопросу и в центральных ведомствах. Министр внутренних дел поддержал инициативу П. Д. Горчакова, заявив о желательности упразднения общих окружных управлений не только как лишних инстанций или для сбережения казенных средств, но и для сближения в Сибири «порядка делопроизводства с общеустановленными для внутренних губерний»⁵²². Сходного мнения придерживался и сенатор И. Н. Толстой, проводивший в это время ревизию в Восточной Сибири. Он считал, что общие окружные управления могут быть с успехом заменены частными окружными управлениями, надзором стряпчего и расширением практики ревизий чиновниками особых поручений, состоящих при генерал-губернаторе или губернаторе. На близких позициях в этом вопросе стояли министры финансов и юстиции. Начальник Сибирского жандармского округа генерал-майор Н. Я. Фалькенберг также ратовал за упразднение общих окружных управлений. Вместо сложной бюрократической конструкции на окружном уровне управления он предлагал по-жандармски простой выход: усиление состава полиции в наиболее крупных окружных городах и восстановление института частных комиссаров по примеру станowych приставов в великорусских губерниях⁵²³. Несогласие выразил только министр государственных имуществ П. Д. Киселев. В своем отзыве он встал на сторону совета ГУВС и настаивал на недостаточности надзора одного стряпчего. Он доказывал, что окружной начальник может самостоятельно «прекратить зло, что в крае отдаленном и малоустроенном весьма важно». Более того, П. Д. Киселев предлагал не только сохранить в Сибири общие окружные управления, но снабдить их в будущем «положительными и сообразными с законами и местными обстоятельствами инструкциями», которые планировались еще М. М. Сперанским⁵²⁴.

Ввиду выявившихся разногласий, МВД решило не форсировать решение вопроса и после почти десятилетнего перерыва

вновь поставило его на обсуждение, воспользовавшись тем, что пост генерал-губернатора Восточной Сибири к тому времени занял Н. Н. Муравьев. В отличие от своего предшественника, Муравьев, заинтересованный в упрощении административного аппарата Восточной Сибири и высвобождении денежных средств, в 1850 г. охотно поддержал идею об упразднении окружных советов. Но и после этого судьба сибирских окружных советов решалась в различных бюрократических инстанциях еще более десяти лет.

Со второй четверти XIX в. самодержавие все чаще начинает обращать внимание на состояние органов крестьянского самоуправления в Сибири. Это было связано не только с выявившимися серьезными недостатками в организации и функционировании крестьянского самоуправления, но и со стремлением инкорпорировать выборную крестьянскую администрацию в государственную систему управления. Данный процесс отражал общую направленность административной политики самодержавия. «Государственная идея, – заметил дореволюционный юрист И. М. Страховский, – уже давно стучится в старое, обветшалое, испещренное внутренними перестройками, беспорядочное здание крестьянских учреждений и пора, наконец, открыть ей двери»⁵²⁵.

Если в великорусских губерниях в результате реформы управления государственной деревни крестьянское самоуправление подверглось перестройке, сопровождавшейся усилением бюрократической регламентации, то в Сибири продолжало действовать законодательство конца XVIII – начала XIX в. Административная реформа М. М. Сперанского не внесла в волостное управление каких-либо изменений. Определение прав и обязанностей крестьянского самоуправления в законе было кратким, что, видимо, предусматривало в будущем издание специального наказа. Однако устав и наказ волостным правлениям были только обещаны, и к их составлению в рассматриваемые годы, по сути, даже и не приступили. По-прежнему все властные полномочия сосредоточивались в волостном правлении. Крестьянскую выборную администрацию составляли: в волости – волостное правление и в селах – старшина и десятники, избираемые соответственно волостным или сельским сходом. Волостное правление формировали волостной голова, староста и писарь, утверждение которых зависело от губернатора. Сельские старшины утверждались в земском суде. Согласно «Сибирскому учреждению», все дела о выборах кре-

стьянского выборного начальства принадлежали ведению в округе – окружной полиции, а в губерниях и областях – соответственно губернскому и областному правлению. Отрешение от должности или предание суду крестьянских выборных начальников зависело непосредственно от генерал-губернатора и совета Главного управления⁵²⁶. В 1826 г. Комитет министров постановил передать вопросы утверждения и отрешения волостного начальства в ведение казенных палат, но по запросу из ГУЗС Сибирский комитет 24 января 1828 г. разъяснил, что в сибирских губерниях и областях сохраняется прежний порядок, определенный особыми сибирскими законами.

Попытки сибирской администрации самостоятельно регламентировать деятельность выборных крестьянских органов управления серьезных результатов не принесли. Восточносибирский генерал-губернатор уже во всеподданнейшем отчете за 1822–1824 гг. обращал внимание на необходимость экстренного преобразования крестьянского управления, указывая на то, что из-за огромных территориальных пространств сибирских волостей общероссийские правила к ним неприменимы⁵²⁷. Он предложил упростить порядок созыва волостного схода, составив его из сельских старшин, которые предварительно получают согласие не менее двух третей домохозяев сельского схода на решение того или иного вопроса. Предусматривалось за сельским сходом право опротестовывать перед высшим начальством приговоры волостного схода. При таком порядке, заключал А. С. Лавинский, крестьяне меньше будут отвлекаться от хозяйства, и «волостные сходы не будут шумным собранием множества крестьян, едва ли понимающих предложенное дело, но, состоя только из старшин сельских, будут иметь и самый вид, приличный формальному присутствию»⁵²⁸. С одной стороны, это действительно позволило бы повысить работоспособность волостного схода, но с другой – имело тенденцию к ограничению возможностей крестьянского самоуправления.

Сибирский комитет в целом согласился с предложениями генерал-губернатора Восточной Сибири и даже поручил ему разработать подробные правила о сельском управлении в Сибири. Но в дальнейшем разработка этого вопроса остановилась. Только в 1839 г. иркутский губернатор составил «Главные основные правила о учреждении Волостного и Сельского управления в селениях

казенных крестьян Иркутской губернии»⁵²⁹. Однако эти правила, несмотря на повсеместное распространение в Сибири, так и не были законодательно закреплены. Вызывало у бюрократии беспокойство и то, что при неспособности наладить действенный контроль за выборной крестьянской администрацией последняя больше и больше попадала в зависимость от зажиточной верхушки деревни. Для Сибири, где процессы социальной дифференциации в деревне шли быстрее, чем в целом по России, данная проблема стала актуальной уже в первой половине XIX в. Это также снижало степень управляемости сибирской деревни со стороны государственного аппарата. Исходя из идеи правительственного патернализма, самодержавие пыталось не допустить чрезмерного влияния зажиточной деревенской верхушки⁵³⁰.

Серьезную обеспокоенность в правительственных кругах вызывало все возраставшее в крестьянском самоуправлении значение волостного писаря. При усложнявшемся делопроизводстве и дальнейшей бюрократизации деятельности волостного правления его власть существенно возросла. Грамотный, бывалый человек, нередко из ссыльных чиновников, знающий премудрости бюрократического делопроизводства, писарь постепенно выдвигался на первые роли, подминая под себя выборное крестьянское начальство. При слабой заинтересованности крестьян в избрании на выборные должности, низкой компетентности старшин и старост, частой их сменяемости, писарь выглядел фигурой наиболее дееспособной и стабильной. Именно писарь по делам службы чаще всего общался с представителями коронной администрации, в его руках сосредоточивались мирские суммы (в том числе и от так называемых темных поборов), через него шел подкуп чиновников, при его посредничестве последние поддерживали связь с крестьянским миром. Волостной писарь, таким образом, являлся тем непосредственным звеном, которое соединяло государственный бюрократический аппарат и органы крестьянского самоуправления. Рассуждая о положении волостного писаря в крестьянском управлении, И. М. Страховский замечал: «Писарь служит теперь двум господам, и нельзя совершенно отдавать его во власть одного, устраняя другого – иначе он совсем не будет служить этому другому»⁵³¹. Несмотря на выборность и подотчетность сходу, волостной писарь утверждался окружным и губернским начальством, пользовался связями и покровительством окружных, а ино-

гда и губернских чиновников. Если к этому добавить, что общественный контроль за его действиями был малоэффективен, то следует признать, что волостной писарь становился реально главной фигурой в волостном управлении⁵³².

Во второй четверти XIX в. все более заметен процесс бюрократизации должности волостного писаря. Однако у этого процесса существовал свой ограничитель: нельзя было допустить полной потери заинтересованности в его деятельности крестьянского общества, за счет которого и содержался волостной писарь. У самодержавия же не хватало средств для замены выборной крестьянской администрации чиновниками. При этом существовало понимание того, что крестьянское самоуправление не только дешево, но и эффективно выполняет ряд государственных функций, прежде всего полицейскую и фискальную. Правительство в данной ситуации, как образно определил тот же И. М. Страховский, оказывалось в положении журавля в болоте: «нос вытащит – хвост завязнет, хвост вытащит – нос завязнет»⁵³³. К тому же, излишнее поглощение коронной администрацией выборного крестьянского начальства было и небезопасно. Не случайно гнев крестьян во время волнений 1842–1843 гг. в Западной Сибири был направлен на волостных голов и писарей. В глазах крестьянина форменный кафтан, в который намеревалось обрядить крестьянских должностных лиц правительство, стал ненавистным символом разрушения традиций крестьянского самоуправления.

Существовало также сознание того, что расширение бюрократического вмешательства в жизнь деревни чревато усилением коррупции и чиновного произвола. Сам же волостной писарь, этот даровой чиновник в сфере низшего управления, превыше государственного и общественного чаще всего ставил свой личный интерес. Состояние крестьянского управления в Сибири весьма красноречиво охарактеризовал в 1833 г. жандармский полковник Кельчевский: «Выбор в головы бывает по желанию Земских исправников из людей, преимущественно безграмотных и нерасторопных, сие делается для того, что исправники определяют волостных писарей, следственно владеют ими в полной силе, а сии платят назначенную ежегодно сумму, зато располагают самопроизвольно волостными головами и общественными суммами. Редкие встречались мне волостные головы, кои могли бы отвечать хотя несколько удовлетворительно на мои расспросы, все зависит

от волостного писаря. Сии писари получают не менее 600, даже до 2400 в год жалованья, волостные же головы по 20 только»⁵³⁴. Сущим золотым дном для волостных писарей стало развитие в Сибири золотопромышленности. За каждый билет, выданный нанимавшемуся на прииски ссыльнопоселенцу, как сообщал в 1851 г. «со всей откровенностию и по долгу чистой совести и присяги» жандармский генерал-майор Пономарев, золотопромышленники платили волостным писарям от 3 до 6 и более рублей ассигнациями. Доход волостного писаря мог достигать до 15 тыс. руб. ассигнациями в год. Эту информацию подтверждал и жандармский полковник Мосолов-2-й»⁵³⁵. Особенно широко эта практика распространилась в Томском и Каинском округах Томской губернии.

Сибирский волостной писарь, в меньшей степени, чем его собрат в Европейской России, связанный с крестьянской средой, в условиях нарастания бюрократического вмешательства в жизнь крестьянской общины превращался в важного проводника правительственной политики в деревне. Этим отчасти объясняется пристальное внимание сибирской администрации к его персоне. Признавая важность роли волостного писаря в крестьянском управлении, самодержавие пошло не по пути законодательной регламентации его деятельности и усовершенствования организации контроля за ним со стороны самого крестьянского общества, а попыталось лишь отыскать способы улучшить состав писарей. Желая сохранить исключительно сословный характер крестьянского самоуправления, сибирская администрация стремилась не допускать в волостные писари ссыльных. Особо волновало власти то, что на писарские должности назначались поляки, высланные в Сибирь после восстания 1831 г.⁵³⁶ Закон предписывал производить выборы писаря волостным сходом из числа крестьян своей волости или по недостатку грамотных людей из посторонних лиц за определенную плату. Еще в 1821 г. П. М. Капцевич заметил, что в волостях «разврат и разные несправедливости укоренились от определения волостных писарей из людей, лишенных чинов и дворянства, присланных в Сибирь на поселение»⁵³⁷. Власти вынуждены были терпеть таких писарей только ввиду недостатка грамотных людей среди самих сибирских крестьян. В следующем всеподданнейшем отчете за 1823 г. П. М. Капцевич вынужден был еще раз признать: «Волостное и сельское управление в Сибири вообще зависит от писаря; ибо между крестьянами, из коих изби-

раются волостные и сельские начальники, почти вовсе нет знающих грамоту, а тем менее письмоводство»⁵³⁸.

Таким образом, всякий грамотный человек свободного состояния мог стать писарем, а величина его жалованья зависела от обоюдного согласия с обществом. Попытки ограничить писарское жалованье, а затем указ 29 декабря 1824 г., предписывавший определять в волостные писари исключительно крестьян своей или соседней волости, только дезорганизовали волостное управление в Сибири. Посыпались жалобы о трудностях его выполнения, о том, что за 400 руб. почти невозможно найти хорошего писаря. Добиться выполнения этих требований так и не удалось. В Восточной Сибири это правило не применялось никогда. В Западной Сибири попытались его осуществить, но также безуспешно. ГУЗС ходатайствовало в 1829 г. об отмене, ссылаясь на отсутствие достаточного числа грамотных среди сибирских крестьян. Но Комитет министров не принял тогда объяснений западносибирской администрации. В 1833 г. Томский губернский совет, со ссылкой на утвержденное царем 20 мая 1831 г. положение Сибирского комитета, что никакой новый закон не распространяется на Сибирь, если об этом специально не упомянуто, утверждал, что и закон 1824 г. о волостных писарях не может быть применен к сибирским губерниям⁵³⁹. 29 ноября 1833 г. Сибирский комитет вынужден был приостановить действие указа 29 декабря 1824 г. на территории Сибири, официально запретив допуск в волостные писари ссыльных и ограничив жалованье писаря 600 руб.⁵⁴⁰ Впрочем, и эти ограничения на практике никогда не исполнялись.

Чтобы исправить положение, П. М. Капцевич предложил начать подготовку волостных писарей из крестьянских мальчиков в военно-сиротских отделениях. В целях преодоления сопротивления крестьянской массы, не желавшей отдавать своих детей обучаться, предусматривалось дать им ряд льгот: освободить от рекрутства и податей. Но обучение в военно-сиротских отделениях представилось неудобным с сословной точки зрения, ибо, как рассудил в 1829 г. совет ГУЗС, приведет к совращению крестьянских мальчиков «с духа сословия» и повредит в них «сельские добродетели»⁵⁴¹. Тобольский губернатор А. С. Осипов предлагал для этих целей устроить в Сибири ланкастерские школы, но этому воспротивился министр народного просвещения А. С. Шишков. В

конечном итоге было решено использовать для подготовки писарей приходские школы.

Таким образом, нужды крестьянского управления привели к мысли о значительном расширении сети начальных школ. Совет ГУЗС решил устроить приходские школы в селениях, насчитывающих более 500 ревизских душ. В школах должны были в обязательном порядке обучаться все 10–12-летние сироты мужского пола, остальные дети – по желанию родителей. Сироты должны были обеспечиваться от крестьянского общества одеждой, обувью и питанием. Для этого предусматривалось ежегодно собирать по 8 коп. с каждой ревизской души⁵⁴². Однако разрешения на такой сбор получено не было, и устройство школ фактически остановилось. Тобольский губернатор 22 апреля 1826 г. предложил готовить волостных писарей в уездных училищах, но и эта мера не имела успеха⁵⁴³. Только в Алтайском горном округе с конца 1830-х гг. начали готовить мальчиков к писарским должностям в горно-заводских школах. Впрочем, осталось неясным, сколько из них действительно заняли должности писарей в волостях, а не осели в канцеляриях горного управления⁵⁴⁴.

Неудачей закончились подобные попытки и в Восточной Сибири. В 1833 г. Иркутское общее губернское управление разработало проект «школы для детей крестьянских и инородческих, предназначаемых в писарские должности». В проекте указывалось: «Как волостной писарь есть орган, чрез который приводится в действие воля общества, и он по безграмотству голов и старшин ведет порядок канцелярский, то по сему необходимо, чтобы он кроме чистописания и счетоводства знал все положения о сельском управлении и вообще законоведении, также порядок следственных дел, умел ограждать как вообще целое общество, так равно и сочленов его, подвергающихся ответственности, от излишних притязаний»⁵⁴⁵. Намечалось, что школа откроется в Иркутске в 1834 г. и в ней будет обучаться 24 мальчика, преимущественно из сирот. Содержание школы возлагалось на крестьян. Еще более радужные надежды возлагал на эту школу совет ГУВС, полагая, что она «доставит здешним присутственным местам возможность иметь благонравных и способных чиновников. Чрез это, так сказать, новое поколение канцелярских служителей в канцеляриях присутственных мест введется и новый образ мыслей, оживятся деятельность, беспроволочное и успешное производство

дел и уничтожится увядающая форменность»⁵⁴⁶. Решение об открытии школы затягивалось. В 1839 г. выяснилось, что крестьянские общества Западной Сибири изъявили желание обучать только 11 человек, но и для такого числа учеников не нашлось помещения. Через пять лет по этому вопросу последовала очередная резолюция генерал-губернатора: «Сделать дальнейшее по сему предмету законное распоряжение», – и снова ничего не было сделано. В 1848 г. енисейский губернатор предложил обучать за счет крестьянских обществ по два мальчика от каждой волости в уездных училищах. Но и на этот раз дело не сдвинулось с мертвой точки. Восточносибирский генерал-губернатор Н. Н. Муравьев вынужден был признать, что «мысль о приобретении волостных писарей из крестьян доселе не осуществляется»⁵⁴⁷. Только после сорокалетнего обсуждения этого вопроса в начале 1860-х гг. удалось в Сибири организовать специальную подготовку волостных писарей из крестьянской среды.

Несмотря на многочисленные попытки во второй четверти XIX в. внести поправки или отменить некоторые положения «Сибирского учреждения» 1822 г., оно сохранилось почти неприкосновенным. Однако те начала, которые были заложены в реформах М. М. Сперанского, развить тоже не удалось. Бюрократия периодически выдавала проекты по исправлению вопиющих недостатков в административном строе Сибири, проблемы ее управления активно обсуждались на местном, центральном и высшем уровнях. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что информации о недостатках в организации местных органов государственной власти поступало в правительственные сферы предостаточно, а меры, принимавшиеся для их ликвидации, оказывались совершенно бесплодными. Самодержавие в вопросах сибирской административной политики зашло в тупик.

Еще один вывод, который следует из анализа административной политики самодержавия по отношению к Сибири во второй четверти XIX в., заключается в том, что выход пытались искать на путях региональной централизации власти и усиления бюрократизации на всех уровнях управления. Сибирская административная машина откатывалась назад, к началу века, а симптомы болезненного состояния сибирского бюрократического механизма удивительно походили на те, которые смог наблюдать во время ревизии 1819–1821 гг. Сперанский. В решении сибирских админи-

стративных задач самодержавие как бы вновь оказалось перед выбором: законность в управлении, хотя бы с бюрократическим разделением властей и организацией действенного механизма контроля и сдерживания, или дальнейшее усиление и расширение административной власти генерал-губернаторов и губернаторов. Примечательно, что о введении представительного выборного элемента в сибирское управление в это время в правительственных кругах уже никто не упоминал. Существенной чертой царствования Николая I, отличавшей его от предшествовавшего правления Александра I и последующего – Александра II, стала ориентация не на общие реформы управления, а на частные меры по регламентации деятельности административного аппарата, особенно местного. Нарастание негативных явлений в сибирском управлении резко контрастировало с усилением внимания к Сибирскому региону.

5.3. Сибирская администрация и жандармское ведомство

Хронически запаздывавшая реформа местного управления заставляла самодержавие все чаще прибегать к чрезвычайным мерам управления. Одним из способов выправить критическое положение, сложившееся в местном государственном аппарате, стало создание III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. В бюрократической конструкции Николая I такая административная «опричнина» становилась не только мощным инструментом независимого высшего надзора за общественно-политической ситуацией в стране, но и средством негласного наблюдения за управленческим персоналом. Официальная ложь, ставшая одним из главных пороков государственной системы, требовала дополнительных каналов информации. III отделение, как заметил С. М. Середонин, должно было «заменить гласность, образовать особый высший контроль над администрацией, т. е. то, что в других местах и при других обстоятельствах узнается высшим правительством путем печати, император Николай I предполагал узнавать через III отделение своей канцелярии»⁵⁴⁸.

Ссылка в Сибирь декабристов привела к образованию специальных органов надзора за ними, во многом автономных от местных властей. В этом отчасти проявилась неудовлетворенность си-

бирской администрацией, не способной должным образом исполнить карательные функции. Создавалась особая система управления политической ссылкой, подчиненная через III отделение лично монарху. От управления политической ссылкой были фактически отстранены Сибирский комитет и министерства. Не имея поначалу местного аппарата, жандармское ведомство осуществляло лишь общее руководство политической ссылкой. Это приводило к разного рода несогласованностям в действиях центральных и местных органов власти, нарушению инструкций по этапированию и размещению ссыльных декабристов в Сибири. Насколько неожиданным было отправление декабристов в Сибирь, свидетельствует уже то, что восточносибирский генерал-губернатор А. С. Лавинский не был даже поставлен об этом в известность. Прибыв летом 1826 г. в Москву на коронацию Николая I, он вынужден был обращаться в Главный штаб за разъяснениями, а затем был приглашен принять участие в деятельности Особого комитета 31 августа 1826 г., который определил правовое положение ссыльных декабристов⁵⁴⁹.

Для непосредственного руководства политической каторгой в июле-сентябре 1826 г. было создано Нерчинское комендантское управление, комендант которого генерал-майор С. Р. Лепарский стоял вне восточносибирской административной иерархии и подчинялся непосредственно начальнику Главного штаба и начальнику III отделения⁵⁵⁰. Местным сибирским властям предписывалось оказывать полное содействие нерчинскому коменданту. Таким образом, нерчинский комендант был изъят из подчинения не только восточносибирскому генерал-губернатору, но и Министерству императорского двора, которому до 1830 г. подчинялись нерчинские горные заводы. Горные же чиновники, напротив, обязаны были выполнять все требования коменданта. Функции горной администрации свелись лишь к организации каторжных работ декабристов. Нерчинская комендатура отчасти подменила прежнее руководство нерчинской каторгой. Восточносибирский генерал-губернатор А. С. Лавинский, как человек невоенный, старался не приезжать в Петровский Завод, где были размещены ссыльные декабристы, только из-за того, что С. Р. Лепарский не был под его началом. Но сменивший А. С. Лавинского генерал-лейтенант Н. С. Сулима, бывший по службе старше С. Р. Лепарского, посещал «государственных преступников», а последний

обязан был его сопровождать. По воспоминаниям И. Д. Якушкина, положение С. Р. Лепарского было не из легких, и он постоянно опасался, что за его действиями внимательно следят иркутские власти, посылают в Петровский Завод своих соглядатаев, а в случае какого-либо упущения не преминут донести в Петербург⁵⁵¹. Со смертью в 1837 г. С. Р. Лепарского и назначением на его место жандармского полковника Г. М. Ребиндера с двойным подчинением Нерчинского комендантского управления было покончено. Оно окончательно перешло в ведение жандармского ведомства и существовало до 1839 г.

С переводом ссыльных декабристов на поселение значение в надзоре за ними обычных государственных институтов Сибири возросло. Жандармский контроль, стоявший вне общей административной системы в Сибири и осуществлявшийся независимо от генерал-губернаторов и губернских органов, без них обойтись просто не мог. Численность жандармов была невелика, центральные их органы находились в Петербурге, что не могло не препятствовать установлению эффективного контроля за «государственными преступниками». В значительной степени задачи жандармского надзора возросли в связи с большим притоком в Сибирь участников польского восстания 1831 г. III отделение и его исполнительные органы на местах не могли мириться с влиянием политических ссыльных на сибирское общество в целом и на местное чиновничество в частности. Неформальные контакты с представителями сибирских властей, сохранившиеся и складывавшиеся связи с представителями центральной и местной администрации существенно корректировали правовой режим политической ссылки. Жандармский контроль за взаимоотношениями сибирских чиновников с политическими ссыльными совмещался с общим надзором за губернскими и окружными учреждениями. Самодержавию, таким образом, удалось создать многоканальную систему поступления в центр информации о состоянии политической ссылки. Однако ведомственная несогласованность, стремление генерал-губернаторов и губернаторов уйти от опеки центральных органов, а тем более избавиться от жандармского надзора в самой Сибири приводили к серьезным сбоям в организации управления сибирской политической ссылкой.

Как известно, декабристы пользовались большим авторитетом в местном обществе, их посещали губернаторы и генерал-губернаторы, а также приезжавшие в Сибирь чиновники высокого ранга. Особые отношения сложились у декабристов с жандармами, что требует специального разъяснения. Сами декабристы положительно оценивали тот факт, что они оказались под ферулою III отделения, а не сибирского начальства. Н. В. Басаргин вспоминал в этой связи: «Лица корпуса жандармов, с коими случалось нам иметь сношения, оказывались людьми добрыми и внимательными к нашему положению. Через них и через III отделение мы могли доводить до сведения государя наши просьбы и наши жалобы и, следовательно, иметь всегда возможность защитить себя в случае какого-либо явного, незаконного притеснения»⁵⁵².

Это, разумеется, ни в коей мере не означает, что жандармы попустительствовали ссыльным декабристам. Когда декабристы пытались выйти из гражданского небытия, жандармы были неумолимы и сурово пресекали попытки такого рода. Дело в другом. Во власти жандармов была возможность сделать режим ссылки гораздо более тяжелым, на чем и настаивали многочисленные инструкции. Именно поэтому участие в своей судьбе, мелкие послабления, защиту от произвола так ценили декабристы, обреченные самодержавным режимом на политическую смерть. Показательно, как контрастируют лестные характеристики в адрес С. Р. Лепарского, данные в воспоминаниях О. И. Ивановой, дочери декабриста И. А. Анненкова, с описанными тут же жалобами на притеснения со стороны генерал-губернатора С. Б. Броневского⁵⁵³. Подобные факты во множестве разбросаны по письмам и воспоминаниям декабристов, их родственников, современников. Так, например, Я. Д. Казимирский в 1834 г. был назначен жандармским штаб-офицером в Томскую губернию, затем стал плац-майором в Нерчинске и закончил свою службу в Сибири генералом и начальником Сибирского жандармского округа. Но это ему не помешало подружиться с некоторыми ссыльными декабристами и поддерживать с ними на протяжении многих лет переписку. По мнению историка А. И. Клибанова, характеристика – «вполне наш», данная Я. Д. Казимирскому Н. А. Бестужевым, имела под собой серьезные основания⁵⁵⁴. Конечно, такая близость объясняется во многом личными качествами Я. Д. Казимирского. Но было в этом нечто порожденное самой идеей создания III отделения⁵⁵⁵.

Критический пафос в настроениях жандармов, отсутствие чиновной угодливости перед местными властями привлекали на их сторону, как это ни выглядит странно, симпатии ссыльных декабристов. Еще одно объяснение столь парадоксальной ситуации кроется в том, что жандармские офицеры так называемого бенкендорфовского призыва действительно разительно отличались в лучшую сторону от большинства погрязших в бюрократической рутине, взятках, коррупции и интригах сибирских чиновников. Более высокое жалованье, престижность положения, обремененность доверием высокого

начальства в лице начальника III отделения и даже самого монарха, независимое положение в местном бюрократическом обществе, широта (и, добавим, неясность) задач, свобода от обычной военной рутины делали жандармскую службу на первых порах даже привлекательной. Привлекало в жандармы и то высокое предназначение, на которое делала ставку официальная демагогия бюрократического попечительства. Сам Бенкендорф о высоком предназначении жандарма высказывался так: «В вас всякий увидит чиновника, который через мое посредство может довести глас страждущего человечества до престола царского и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высокую защиту государя императора»⁵⁵⁶. Хрестоматийная легенда о платке, данном Николаем I А. Х. Бенкендорфу, чтобы утирать слезы обиженных, имела широкое хождение. Особенно много для формирования типа «благородного жандарма» сделал начальник штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельт. Даже А. И. Герцен, которого невозможно уличить в пристрастии к жандармскому ведомству, считал, что можно было быть жандармом, «не утратив всего человеческого достоинства»⁵⁵⁷.

Граф А. Х. Бенкендорф – шеф жандармов и Главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии.
Автор портрета Ф. Крюгер

Согласно положению 28 апреля 1827 г., вся территория Российской империи разделялась на жандармские округа и отделения. В 1833 г. был создан VII (а с 1837 г. – VIII) (Сибирский) жандармский округ с центром в Тобольске, а с 1839 г. – в Омске. В этот округ, помимо сибирских, вошла еще и Пермская губерния. В каждой губернии появился жандармский штаб-офицер с довольно широкими полномочиями. В инструкции, данной начальником III отделения А. Х. Бенкендорфом офицерам корпуса жандармов, предписывалось, «не щадя трудов и заботливости, свойственных верноподданному»: «1-е, обратить особенное ваше внимание на могущие произойти без изъятия во всех частях управлений и во всех состояниях и местах злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки. 2-е, наблюдать, чтобы спокойствие и право граждан не могли быть нарушены чьей-либо личною властью или преобладанием сильных лиц, или пагубным направлением людей злоумышленных. 3-е, прежде, нежели приступать к обнаруживанию встретившихся беспорядков, вы можете лично сноситься и даже предварять начальников и членов тех властей или судов, или те лица, между коих замечены вами будут незаконные поступки, и тогда уже доносить мне, когда ваши домогательства будут тщетны, ибо цель вашей должности должна быть прежде всего предупреждение и отстранение всякого зла»⁵⁵⁸. Министр внутренних дел 7 декабря 1827 г. специальным циркуляром призывал губернаторов к сотрудничеству с офицерами корпуса жандармов. Но источник сведений о недостатках в управлении предписывалось держать в тайне, как «вещь домашнюю», чтобы уберечь жандармов от неприятных объяснений и даже дуэлей. На этом особенно настаивал А. Х. Бенкендорф, подчеркивая, что в противном случае «истинная цель учреждения сего Корпуса будет потеряна»⁵⁵⁹.

Несмотря на такого рода наставления, взаимоотношения жандармов с местными властями складывались трудно. Пользуясь своим независимым положением и покровительством всесильного III отделения, жандармы на первых порах «совали повсюду свой нос» и не останавливались перед критикой сибирских порядков. В надзоре за чиновниками всех рангов III отделение шло довольно далеко. В жандармских рапортах, невзирая на лица, давались характеристики не только мелких служащих, но губернаторов и генерал-губернаторов. В отчете за 1841 г. шеф жандармов вынужден

был признать, что между его сотрудниками есть и такие, которые «не имеют необходимой ловкости ладить со всеми»⁵⁶⁰.

В 1828 г. с секретной миссией в Сибирь отправился жандармский подполковник А. П. Маслов. Наряду с проверкой условий содержания декабристов он уделил пристальное внимание и состоянию местной администрации⁵⁶¹. Когда же А. П. Маслов стал начальником Сибирского жандармского округа, он не побоялся вступить в борьбу с западносибирским генерал-губернатором И. А. Вельяминовым. Будучи человеком просвещенным, но администратором малодеятельным и безынициативным, Вельяминов быстро оказался под влиянием местных чиновников, среди которых в роли генерал-губернаторского «ментора» подвизался чиновник особых поручений Н. Ф. Кованько. Это был, по словам декабриста А. Н. Муравьева, «человек без способностей к службе, но хитрый и коварный»⁵⁶². 25 ноября 1833 г. А. П. Маслов жаловался в III отделение на то, что Кованько и тобольский полицмейстер Алексеев организовали за ним полицейский надзор «столь явным и дерзким образом», что нет возможности «сделать шага из моей квартиры, чтоб не быть преследуемым; по ночам расставляются конные надсмотрщики давать знать в полицию, когда я выезжаю, возвращаюсь и кто ко мне ездит, и тому подобное. Впрочем, – заключал А. П. Маслов, – обыкновение сие заведено исстари, присматривать за всеми, кто присылается правительством»⁵⁶³. Доносил А. П. Маслов и о том, что Вельяминов и его окружение потворствуют ссыльным полякам⁵⁶⁴.

Как уже отмечалось, пытался бороться с царившими в крае беспорядками исполнявший в то время обязанности тобольского губернатора декабрист А. Н. Муравьев. Именно через А. П. Маслова он представил 12 декабря 1833 г. в III отделение записку «О злоупотреблениях и злоупотребителях Tobольской губернии»⁵⁶⁵. А. Н. Муравьев писал Н. Н. Муравьеву на Кавказ, что А. П. Маслов «действует прекрасно», но и ему также «уже нет житья от Вельяминова». Противостояние генерал-губернатора и жандармского полковника приобрело затяжной характер, со взаимными обвинениями, демонстрировавшими сложность отношений этих двух ветвей власти.

С удалением Н. Ф. Кованько ничего не изменилось. Его сменил очередной генерал-губернаторский наперсник, начальник отделения ГУЗС Жданов, и все пошло прежним порядком. Усили-

лось лишь со стороны сибирского начальства давление на жандармов. Когда, например, жандармский майор Сунцев доложил западносибирскому генерал-губернатору о беспорядках в омском военном госпитале, И. А. Вельяминов счел это доносом, пригрозил расследовать, кто дал ему такие сведения, и даже приказал впредь Сунцева в госпиталь не пускать. В воспоминаниях С. Б. Броневского имеется описание весьма примечательной истории, характеризующей отношение генерал-губернатора к жандармскому начальнику. А. П. Маслов заподозрил тобольского полицейского во взяточничестве и решил его изобличить. Для этого мужику, привезшему на базар провизию, были вручены ассигнации с записанными номерами. Мужик по установленному обычаю вручил полагающуюся мзду полицейскому, и тот был схвачен с поличным. Весьма интересна в этой связи реакция генерал-губернатора. Вельяминов осудил подобные методы борьбы с взяточничеством, обвинив жандармского полковника в безнравственности. Последовало распоряжение впредь этого не делать, «ибо вводить умышленно в искушение людей предоставлено одному дьяволу»⁵⁶⁶. Сам И. А. Вельяминов с возмущением описывал этот инцидент в письме к А. Х. Бенкендорфу 20 января 1834 г.: «Г. Маслов позволяет себе подсылать крестьян с ассигнациями, чтобы подкупать оными чиновников на незаконные дела, как он то сделал с частным приставом тобольской полиции Круглешевым, подослав ему крестьянина Филиппа Иванова с 5 рублями, чтобы подкупить его, дабы дозволил ему продажу мяса, которым он торгует»⁵⁶⁷.

И. А. Вельяминов жаловался на А. П. Маслова А. Х. Бенкендорфу, что тот «ищет токмо одних оскорблений чиновникам», «дозволяет себе при разговорах в публичке оскорблять чиновников», «далек от того, чтобы отдать должную справедливость достоинствам, стараясь изыскивать худую сторону – и в сем случае донесения свои основывает: на отзывах людей неблагонамеренных»⁵⁶⁸. Обвинял он А. П. Маслова и в непочтительном отношении к нему как высшему начальнику края. Его раздражало то, что жандармский полковник считает себя, «если не в высшем против занимаемого мною звания генерал-губернатора, то по крайней мере равным со мною». Наибольшее беспокойство у генерал-губернатора вызывали жалобы, которые чиновники и простые граждане подавали жандармам. Вельяминов официально требовал разъяснить, в каком отношении находится жандармский штаб-

офицер к генерал-губернатору, и поставить зарвавшегося жандармского полковника на место⁵⁶⁹.

Защищая своего подчиненного, А. Х. Бенкендорф, в свою очередь, обратился к военному министру, чтобы тот воздействовал на Вельяминова. Шеф жандармов обвинял западносибирского генерал-губернатора в противодействии жандармскому офицеру, что он на рапорты А. П. Маслова «взирает не иначе как на доносы». В такой обстановке, писал Бенкендорф, жандармы «решительно лишаются возможности быть полезными и исполнять то, чего ожидает от них правительство»⁵⁷⁰. Столкновения жандармов с Вельяминовым и его окружением не были случайным явлением. В секретном рапорте 23 июня 1834 г. А. П. Маслов доносил, что томский, енисейский и иркутский губернаторы «принимали строжайшие меры, чтоб от наблюдения моего все было скрыто, и я во все время находился почти как под надзором полиции, будучи преследуем нарочно назначаемыми чиновниками; в губернских городах приставляли секретные караулы к моей квартире, записывали имена тех из чиновников и граждан, которые посещали меня и оказывали им за то явное преследование, называя шпионами, донощиками и тому подобными оскорбительными названиями»⁵⁷¹. Иркутскому прокурору прямо указали на то, что губернатору неприятны его частые посещения жандармского штаб-офицера. Много врагов нажил А. П. Маслов и в Иркутске, когда попытался доказать, что жалобы на нехватку хлеба в Нерчинском округе вымышлены только для того, чтобы получать казенные субсидии, оседающие в чиновничьих карманах.

Тайный надзор велся и за самим восточносибирским генерал-губернатором Н. С. Сулимой. Иркутскому, полицмейстеру от губернатора И. Б. Цейдлера было приказано докладывать: кто по вечерам бывает у генерал-губернатора⁵⁷². А. П. Маслов, в свою очередь, снабжал Н. С. Сулиму конфиденциальными сведениями о местных чиновниках. О влиянии жандармского ведомства на местное управление свидетельствуют письма Н. С. Сулимы, которые тот «партикулярно» посылал через А. П. Маслова в III Отделение. 5 апреля 1834 г. генерал-губернатор просил А. Х. Бенкендорфа оказать содействие к устранению губернатора И. Б. Цейдлера, которого окружила родня и «составила какое-то общество или кагал, имея в предмете одно приобретение, и все они держались рука за руку»⁵⁷³. Он ищет поддержки всесильного шефа жандармов даже для того,

чтобы уволить пьяницу надворного советника Алексева, назначенного советником ГУВС от МВД. Через того же А. Х. Бенкендорфа Н. С. Сулима хлопочет о годичном отпуске для лечения.

Пробыв меньше года (с 6 декабря 1833 г. по 28 сентября 1834 г.) на посту восточносибирского генерал-губернатора, Н. С. Сулима получил назначение на аналогичный пост в Западную Сибирь, попав, так сказать, из огня в полымя. На этот раз ему пришлось столкнуться с куда большими трудностями. Находившийся в Тобольске жандармский полковник Черкасов 1 июля 1835 г. донес А. Х. Бенкендорфу о вопиющих беззакониях, творимых местными чиновниками. Не указывая на источник информации, А. Х. Бенкендорф выписки из этого донесения направил министрам финансов и внутренних дел. Последний, в свою очередь, потребовал объяснений от генерал-губернатора. В ответ Н. С. Сулима гневно вопрошал: «Но кто же этот дерзновенный порицатель Высочайшей воли, очернитель целого края, этот безымянный цензор Главных Начальников, в необузданном стремлении своем к хуле, забывший[ся]. Кто облакает их властью? Кто вверяет области их попечению? и забывший – говорю, – что всем и каждому определен путь и предоставлено законом искать удовлетворения, кто бы ни был притеснитель?»⁵⁷⁴. Генерал-губернатор пытался заверить высшее начальство, что ничего чрезвычайного в управлении Западной Сибирью не произошло, и он лично во все вникает и вполне контролирует ситуацию. Конечно, добавлял он, невозможно требовать, чтобы местные квартальные и заседатели были «образцами человечества».

В Тобольске против генерал-губернатора, если верить донесению полковника А. П. Маслова, составилась настоящая заговор⁵⁷⁵. Сообщалось, что во главе заговора стоит начальник штаба Сибирского корпуса генерал-майор Галафеев, которого поддерживают дежурный штаб-офицер полковник Черкасов, директор Казачьего училища полковник Н. Черкасов, майор Наливайко, чиновник почтового ведомства Веттер, несколько гражданских чиновников. «Заговорщики» старались выставить Н. С. Сулиму перед высшими властями как человека, неспособного управлять краем. Были у них и свои кандидаты на высшие посты в Сибири: генерал-майора С. Б. Броневского прочили в генерал-губернаторы Западной Сибири, генерал-майора Галафеева – в генерал-губернаторы Восточной Сибири, дежурного штаб-офицера Черкасова – в начальники шта-

ба Сибирского корпуса, директора училища Н. Черкасова – в атаманов Сибирского казачьего войска, жандармского подполковника Черкасова – в начальники Сибирского жандармского округа. Распределены были и другие важные посты в крае. Таким образом, заключал А. П. Маслов, создав «фамильное и дружественное управление», намеревались действовать «для обоюдной пользы»⁵⁷⁶.

А. П. Маслов, обеспокоенный интригой и против него самого, взывал к своему петербургскому патрону: «В Сибири необходимо нужен начальник, который мог поселить уверенность в твердости его характера, знающего хорошо дело – чтоб мог обойтись без Кованек; без сего условия никогда невозможно достигнуть водворить в здешнем краю настоящий порядок»⁵⁷⁷. Похоже, в Петербурге не очень-то верили в слухи о тобольском заговоре, но определенные выводы были сделаны. 28 января 1836 г. Н. С. Сулима был заменен князем П. Д. Горчаковым, но и генерал-майор Галафеев также вынужден был оставить пост начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса⁵⁷⁸.

Существовали разногласия во взглядах жандармов и местных чиновников на положение ссыльных, работающих на приисках. В 1834–1836 гг. жандармский капитан Мишо обвинял томское губернское начальство в бездеятельности⁵⁷⁹. Предлагали жандармы и свое посредничество между золотопромышленниками и рабочими, состоявшими большею частью из ссыльных. Они настаивали на организации специальных поселенческих рот, из которых бы направлялись рабочие на прииски⁵⁸⁰. В 1841 г. для наблюдения за порядком на золотых приисках был назначен жандармский штаб-офицер. Чтобы не усугублять напряженных отношений между высшим западносибирским начальством и жандармским ведомством, А. Х. Бенкендорф предложил П. Д. Горчакову самому составить проект инструкции для такого офицера. Генерал-губернатор согласился, но с условием, чтобы деятельность жандармского офицера ограничивалась «исключительно одним наблюдением в черте приисков»⁵⁸¹. П. Д. Горчаков проявил особую щепетильность в выборе кандидата на этот пост, решительно возражая против назначения томского жандармского штаб-офицера Я. Д. Казимирского, который якобы еще в 1837 г. потворствовал на приисках «беспорядкам и злоупотреблениям», а в Томске и Тобольске занимался интригами против генерал-губернатора⁵⁸². Вместо Я. Д. Казимирского, отправленного в Енисейскую губернию, на за-

падносибирские прииски был назначен майор (вскоре ставший подполковником) жандармского корпуса Огарев.

Многим жандармским чинам были присущи широта взглядов, искреннее желание принести пользу краю, искоренить сибирский произвол и злоупотребления. Им больше, чем обычным сибирским чиновникам, доверяли. Для решения сложных управленческих задач, а также установления контроля за местным чиновным аппаратом посылались именно жандармские офицеры. В конце 1837 г. в связи с донесениями С. Б. Броневского о царивших в Якутской области, Охотске, Кяхте и Забайкалье злоупотреблениях Николай I повелел направить туда временно двух жандармских офицеров. Как писал Л. В. Дубельт, от этого ожидалась двоякая польза: «1. Местное начальство Восточной Сибири получит верные донесения о положении дел в упомянутых местах и возможность пресечь злоупотребления; 2. По возвращении этих офицеров в Санкт-Петербург и здесь будут известны точные сведения о состоянии того отдаленного края»⁵⁸³. С этой целью было решено направить подполковника Ливенцова и штабс-капитана Вершеневского.

В жандармских донесениях нередко содержались сведения о состоянии самых разных отраслей сибирского управления, характеризовалась местная администрация всех уровней. Отчет начальника Сибирского округа корпуса жандармов полковника А. П. Маслова за 1835 г. – яркое тому свидетельство. В отчете обращалось внимание на злоупотребления при закупке хлеба для Забайкалья, тяжесть для немногочисленного сибирского населения рекрутской повинности, монополию в торговле, влияние местного купечества через родственные связи с чиновниками на управление и т. п. Жандармский полковник позволял себе давать аттестации генерал-губернаторам и губернаторам или рекомендовал удалить того или другого чиновника. По поводу Иркутской губернии он доносил: «Система управления сей обширной губернии основана была на спекуляциях. При перемене Начальника губернии (удаленного не без помощи А. П. Маслова. – *Авт.*), вероятно, изменится и управление». О Тобольской губернии: «Дела по присутственным местам в большом запущении, и едва ли в ведомостях, представляемых начальству, показывается настоящее число нерешенных дел. Все губернские присутственные места несколько лет не были ревизованы, следственно невоз-

можно иметь точного сведения о настоящем положении дел; известно только по общим отзывам, что по всем частям упущения весьма значительны, которые трудно исправить». О Томской губернии: «Все беспорядки по управлению, которыми отличается особенно сия губерния, прикрываются наружным мнимым благоустройством; главное действующее лицо есть Губернский прокурор Горохов, природный Сибиряк; влияние его усилилось женитьбою на дочери богатого купца Филимонова; сей последний есть ближайший родственник купцу Попову, известному по связям в столице. Горохов действует решительно, и никто не смеет ему ни в чем противоречить. Управляющий губернией Деодат, человек добрый, кроткий, весьма ограниченный»⁵⁸⁴.

Не останавливался сибирский жандармский начальник и перед общими рекомендациями о развитии края. Его беспокоили проблемы крестьянского переселения, сбыта сельскохозяйственной продукции, заведения фабрик, строительства дорог, устройства переправы через Байкал и т. п. В III отделение подавались проекты хозяйственного освоения Сибири от разных лиц. Существовала практика передачи жандармских донесений о недостатках в управлении, правда без указания авторства, в министерства. Так, в 1833 г. А. Х. Бенкендорф, скрыв источник информации, передал министру внутренних дел Д. Н. Блудову сведения о злоупотреблениях в сибирских губерниях при выборах волостных голов, а также при ремонте дорог. Д. Н. Блудов же отвечал шефу жандармов, что сибирским генерал-губернаторам даны указания, а генерал-губернатор Западной Сибири князь П. Д. Горчаков даже поручил особому чиновнику проверить «из-под руки» справедливость этих сведений⁵⁸⁵. Донесения жандармов из Сибири доходили до самых верхов власти. На одном из жандармских отчетов, например, имеется резолюция Николая I: «Сведения о Сибири сообщить в Сибирский комитет»⁵⁸⁶. Сибирские генерал-губернаторы вынуждены были представлять объяснения на жандармские замечания. Доступом к императору, который предоставляло жандармское ведомство, пользовались не только жандармские чины или частные лица, но и сибирские генерал-губернаторы и губернаторы. В 1833 г. А. С. Лавинский, оставляя генерал-губернаторский пост, представил через шефа жандармов Николаю I свои предложения по реорганизации сибирского управления. В. Я. Руперт, сам

выходец из жандармского ведомства, предпочитал апеллировать по важным вопросам именно в III отделение.

Известная отчужденность жандармов от сибирского общества, высокомерное отношение к низкопородным местным чиновникам приводили их не только к контактам с декабристами, но и толкали в объятия авантюристов. Зачастую жандармские донесения основывались на слухах, не проверенных доносах, вызванных разного рода интригами. От желания послужить краю и до действительно принести ему пользу – огромная дистанция. Поверхностное знакомство с сибирскими проблемами обличает явный дилетантизм жандармских донесений.

Так, например, жандармский полковник Кельчевский 4 ноября 1832 г., после 10-месячной поездки по Сибири, представил начальству записку, в которой изложил свои суждения о сибирском управлении. В данном случае важно отметить, что Кельчевский в своих оценках опирался на суждения человека, слывшего знатоком Сибири. Идейным вдохновителем жандармской записки являлся М. М. Геденштром. Как гласил его формулярный список, он начал службу в 1798 г. в Лифляндской губернии, недолгое время пробыл в Москве, а затем вернулся в Прибалтику. Во время службы в Ревельской таможне М. М. Геденштром попал под суд по делу о контрабанде и был выслан в Сибирь. В 1808 г. путешествие к Ледовитому океану принесло ему славу первооткрывателя Новосибирских островов и вернуло доверие начальства. В 1812 г. он отправляется еще в одну экспедицию, на этот раз к Тихому океану, и добирается до Охотска. Вместе с Г. С. Батеньковым в 1820 г. он предложил провести новую Кругобайкальскую дорогу там, где она впоследствии и была построена⁵⁸⁷. В 1813 г. он получил небольшой, но доходный пост верхнеудинского исправника. Здесь его вновь настигла карающая длань правосудия. По ревизии М. М. Сперанского он был обвинен в казнокрадстве, отрешен от должности с запрещением вновь поступать на службу. Некоторое время М. М. Геденштром оставался в Сибири, жил в Ялуторовске и Тобольске, а в 1827 г. переехал в Европейскую Россию. Приходилось начинать все сначала. В Петербурге опальный чиновник сумел обратить на себя внимание главноуправляющего III отделением графа А. Х. Бенкендорфа и даже получить от него рекомендацию к министру финансов Е. Ф. Канкрину «по отличным способностям своим и близкому знанию Сибирского края». Сначала он по-

ступил в департамент внешней торговли, а затем перешел начальником отделения в МВД. В 1830 г. М. М. Геденштром опубликовал книгу «Отрывки о Сибири», обратившую внимание Николая I и наградившего автора табакеркой, украшенной бриллиантами. Очевидно, все это позволило ему в 1831 г. возвратиться в «любимую» (как он сам выражался) Сибирь в качестве томского почт-инспектора⁵⁸⁸. Через Кельчевского М. М. Геденштром (23 июня 1833 г.) нашел возможность передать петербургским властям описание своих 20-летних сибирских наблюдений. Жандармское ведомство являлось таким каналом, по которому, как особо отмечал М. М. Геденштром, можно достичь до монарха кратчайшим путем и «обратить внимание на положение обширнейшей страны империи – малознаемой высшим правительством»⁵⁸⁹.

Находясь на почтовой службе, М. М. Геденштром оказался в ведомстве, которое возглавлял кн. А. Н. Голицын, одновременно председательствовавший в Сибирском комитете. В 1833 г. «по секрету» ему было объявлено, чтобы он доставлял А. Н. Голицыну сведения о Сибири. Петербургские покровительства прибавили М. М. Геденштрому веса в глазах сибирского начальства. Скромная роль почт-инспектора, несмотря на некоторую ведомственную автономию, его явно не удовлетворяла, а он, ни много ни мало, прочил себя в защитники всей Сибири: «Больно мне, но больнее Сибири, которая долго не наживет такого ходатая. Пагубен Сибири взгляд на нее столичный, самодовольный: она кажется миниатюрною, карикатурною»⁵⁹⁰. Свидетельством тому стала серия писем и записок о положении Сибири, обративших на себя внимание высших сановников и Сибирского комитета. В архивном фонде III отделения сохранилось несколько писем М. М. Геденштрома, адресованных А. Н. Голицыну и переданных последним А. Х. Бенкендорфу (более трехсот рукописных страниц)⁵⁹¹. Эти письма были написаны с конца 1833 по 1835 г. На одном из первых писем имеется красноречивая помета, сделанная, по-видимому, А. Х. Бенкендорфом: «Умнее многих наших умниц»⁵⁹². Петербургские корреспонденты М. М. Геденштрома предпочитали держать своего добровольного сибирского осведомителя в секрете. Голицын особо предупреждал шефа жандармов: «М. М. Геденштром, присылая ко мне свои донесения секретно, выражается просто и весьма вольно, и потому желал бы я, чтобы кроме Вашего Сиятельства об источнике помянутой выписки (из письма М. М. Геденштрома. –

Авт.) никому не было известно»⁵⁹³. Исключение в 1836 г. было сделано только для нового западносибирского генерал-губернатора князя П. Д. Горчакова, с которым Голицын рекомендовал М. М. Геденштруму быть так же откровенным, как и с ним. П. Д. Горчаков охотно воспользовался услугами томского «шпекина», поручив ему «партикулярно» сообщать о действиях чиновников в Томске⁵⁹⁴. Кроме этого, М. М. Геденштром сумел обратить на себя внимание в 1835 г. генерал-майора И. А. Мусина-Пушкина, чтобы еще раз заявить правительству о своих взглядах.

Основной лейтмотив записок, которые М. М. Геденштром через разные инстанции подавал петербургским властям, заключался в усилении власти в Сибири. Интересна собственно трактовка такой позиции, находившей понимание у самых влиятельных государственных деятелей. По утверждению М. М. Геденштрома, сибиряки – это на 7/8 «или развращенные промышленные, разделявшие победы и разбои казаков, или ссылочные преступники». Конечно, признавал он, сибиряки превосходят своих российских собратьев по умственным и физическим способностям, но именно поэтому и нужна здесь «строгость и неограниченная власть сибирского начальства», чтобы обуздать их «своеволие и буйство»⁵⁹⁵. Попытки М. М. Сперанского усилить законность и ввести в сибирское управление некоторые правовые принципы объявлялись им губительной филантропией, от которой происходит лишь «расслабление» власти. К правовому порядку, доказывал М. М. Геденштром, оказались одинаково не готовы ни сибирские чиновники, ни местное население. Патриархальное, отеческое управление, столь милое сибирскому чиновничеству, сменилось бумажной отчетностью, и «пустому многоделию несть конца». «Все пишет и, отписавшись, дремлет на краю губительной бездны, готовый изрыгнуть безначалие и мятеж на остов законного порядка. Хозяйство, промышленность упадают; народ беднеет; недоимки возрастают: нравственность народа, даже дворянства сибирского – единственно плод страха наказания или скорой решительной взыскательности начальства – расстроилась; взамен всего процветают питейные сборы и грамотей-ябедники»⁵⁹⁶.

В описании сибирских неустройств М. М. Геденштром не жалел темных красок. Во всех частях управления царит хаос, беспомощность и безответственность. Купечество ненавидит чиновничество, мещанство развратилось, не ощущая над собой прежнего

«домашнего наказания», государственные крестьяне «чувствуют теперь менее тягость земского закона – и потому богатые, не боясь уже скорого и неминуемого наказания – своевольничают». Поселения ссыльных в Енисейской губернии не удались, Томский и Каинский округа переполнены неустроенными ссыльными, каторжане охраняются плохо, отчего происходят частые побегі. М. М. Геденштром предупреждал о возможном мятеже ссыльных, к которым могут легко примкнуть приписные крестьяне и заводские рабочие. Особую опасность, по его мнению, представляют ссыльные поляки: «Природная ненависть Русских к Полякам почти неизвестна сибиряку, и отчужденному от России поселящiku – поляк товарищ. Забрав пушки в Иркутске, Селенгинске и Нерчинске, – запугивал М. М. Геденштром, – с награвленным богатством они свободно опустятся по Шилке в Амур, без труда овладеют Манджурией – оттуда Кореею и оснуют свое Государство на счет расслабленного Китая»⁵⁹⁷. Из Западной же Сибири поляки могут прорваться в казахские степи и далее в Бухару и Тибет. Последнее предупреждение не могло не найти отзвука в правительственных кругах, напуганных открытым в 1832 г. заговором поляков в Омске. Поэтому, делал вывод М. М. Геденштром, нужно срочно ввести в сибирские губернии дополнительные войска и восстановить «постоянное строгое управление Сибирью как колонию, где часто человеколюбивые законы безмолвствуют и действует не одетый формою, но властью обнаженной – страх»⁵⁹⁸. Сибирь, по его мнению, нуждается в новой ревизии.

В своих письмах М. М. Геденштром не щадил никого. Чего стоят его отзывы о сибирских генерал-губернаторах и губернаторах: А. С. Лавинский – «вельможа, большею частию добрый, ума просвещенного, но как генерал-губернатор только *homme de representation*. Воля его в управлении руководима служащим при нем около 20-ти лет чиновником Кабритом, деловым, тонким, но паче всего наблюдающим свои выгоды. При неуместной доброте Иркутского губернатора Цейдлера и редкой ухищренности в управлении бывшего Енисейского губернатора Степанова – Восточная Сибирь без умного, твердого Кабрита давно бы совершенно расстроилась»; И. А. Вельяминов – «известный воинскою опытностью и одаренный быстрым умом, просвещенный науками, любящий уединение и оттого невольною беспечною, не мог удержать управления Западной Сибири в параллели с Восточною.

Он также имеет наперсника Кованьку, но сей чиновник далеко отстал в деловитости и тонкости от Восточного фактотума Кабрита и только бесстыдно продает власть и честь своего благодетеля»; Н. С. Сулима – «никому не доверяет и не имеет истинно делового [помощника] по гражданской части, которую он не знает, а фрунтовое его искусство там бесполезно»; якутский областной начальник В. И. Щербачев – «человек с посредственными способностями»; омский областной начальник В. И. Сен-Лоран – «не зная порядка гражданских дел – он ничтожный областной начальник». Еще более резкими были отзывы о других сибирских чиновниках. Например, тобольский полицмейстер Алексеев – «известнейший всей Западной Сибири как пронырливейший, вреднейший и бесчестнейший чиновник, с давних лет имел в Тобольске под рукою шайку искуснейших воров и чрез них производил важные воровства, грабежи и даже зажигательства». Впрочем, были, по мнению М. М. Геденштрама, и положительные типы среди сибирских администраторов. С похвалой он пишет о томском губернаторе Е. П. Ковалевском. Исполняющий обязанности тобольского губернатора декабрист А. Н. Муравьев предстает в его глазах как «человек необыкновенный», «неприступный к разгадке». 16-месячное управление А. Н. Муравьевым Тобольской губернией М. М. Геденштром называл «счастливою для нее эпохою»⁵⁹⁹.

Уверовав в свою безнаказанность, М. М. Геденштром, что называется, зарвался. Обличая чиновников, он не утруждал себя доказательствами. Откровенные характеристики сибирского начальства и положения в сибирском управлении, независимость и влияние, которыми пользовался М. М. Геденштром в Томске, не могли не беспокоить местных чиновников. Однако не сибирские чиновники, а жандармы стали причиной падения М. М. Геденштрама. В рапорте в III отделение 27 апреля 1835 г. начальник Сибирского округа корпуса жандармов А. П. Маслов писал о почтмейстере М. М. Геденштроне как о «томском Кованьке», фамилия которого в Сибири сделалась «техническим означением любимцев Главных Начальников»⁶⁰⁰. Томский штаб-офицер майор Я. Д. Казимирский доносил начальству о вредном влиянии М. М. Геденштрама на управление Томской губернии. В рапорте Н. Я. Фалькенберга 21 января 1838 г. указывалось, что в Томске составила «партия из чиновников, полагающих себя в особенной доверенности его сиятельства г. генерал-губернатора Западной Сибири».

Распространились слухи и об особом покровительстве М. М. Геденштрому кн. А. Н. Голицына. «Г. Геденштром, – писал жандармский генерал, – явно и тягостно дает всем чиновникам чувствовать свое преимущество, вмешивается во все дела губернии; направляет их по своему усмотрению и видам. Почти никакое положение присутственных мест без цензуры г. Геденштрома не приводится в исполнение. Чиновники, зная отношения его к генерал-губернатору и видя это косвенное самовластие, раболепствуют пред ним, как пред облеченным сильною властью»⁶⁰¹. М. М. Геденштром подвергал перлюстрации частные и официальные письма. Да и нравственный облик М. М. Геденштрома и его клеветов был весьма непригляден: томский исправник Рихтер – пьяница, трижды уже подвергался отставке за беспорядки по службе; отставной майор Зварыкин выслан из Москвы в Томск за карточную игру. Сам М. М. Геденштром бросил жену и детей, вел нетрезвый образ жизни.

На свет жандармы извлекли объявление, сделанное еще 10 марта 1825 г. по Западной Сибири генерал-губернатором П. М. Капцевичем, об интригах М. М. Геденштрома. Тогда П. М. Капцевич приказал выдворить М. М. Геденштрома из Тобольска в 24 часа и установить за ним полицейский надзор⁶⁰². Теперь же Фалькенберг настаивал на удалении М. М. Геденштрома из Томска и просил вообще перевести его на службу в какую-либо великороссийскую губернию. Таким образом, донесение сибирского жандармского начальника сразу било по двум целям: устранить М. М. Геденштрома и скомпрометировать генерал-губернатора П. Д. Горчакова, отношения которого с жандармами были далекими от благоприятных. Генерал-губернатор попытался заступиться, но безуспешно. М. М. Геденштрому было предложено место почтмейстера в Петрозаводске, но он ехать туда отказался, поселился в окрестностях Томска и окончил свою жизнь в пьянстве и нищете.

Можно было бы при изучении правительственной политики по отношению к Сибири пренебречь этим невысокого ранга сибирским чиновником, если бы на него не обращали внимания на самом верху государственной иерархии. О доверии к нему свидетельствует уже то, что на предложение последнего командировать его инкогнито для осмотра почтовых контор до Нерчинска А. Х. Бенкендорф 3 апреля 1834 г. отозвался: «Может быть очень полезным, ибо он человек умный и, вероятно, доставит нам сведения любопытные»⁶⁰³. Предлагал М. М. Геденштром свои услуги и

по обозрению Сибирской казачьей линии. По неизвестным причинам поездки сорвались. Однако в III отделении воспользовались письмами М. М. Геденштрома и подготовили секретную «Записку о Сибири»⁶⁰⁴. В ней была особо выделена главная мысль автора писем: усиление власти генерал-губернаторов и губернаторов.

Несмотря на то что сведения о недостатках сибирского управления поступали в центральные и высшие правительственные инстанции постоянно, каких-либо кардинальных мер по исправлению положения принято не было. В 1839 г. начальник Сибирского жандармского округа генерал-майор Н. Я. Фалькенберг представил обширную записку об управлении Сибири. Он настаивал на решительном пересмотре «Сибирского учреждения» 1822 г. По его мнению, «Устав об управлении инородцев» существовал в одном названии; городовые казаки пребывали в бедственном положении, которое нисколько не улучшил «Устав о городских казаках»; разделение Сибири на два генерал-губернаторства привело лишь к разнобою в управлении⁶⁰⁵. Положительно оценивая деятельность первых генерал-губернаторов П. М. Капцевича и А. С. Лавинского, Н. Я. Фалькенберг негативно отзывался об их преемниках: «Управление последующих за тем генерал-губернаторов, не оскорбляя званий их, можно пройти молчанием, ибо в обеих частях Сибири в короткое время переменялось их уже по три, следовательно, им некогда было узнать свой край и они ничего для него полезного не сделали. Но чтобы оставить по себе какую-либо память, то они с особенным старанием преследовали чиновников по всем частям управлений, приписывали им собственно все беспорядки и злоупотребления одних чиновников по собственному усмотрению, а более по внушению своих окружающих отрешали и удаляли от должностей, определяя при этом без всякого разбору на место их других»⁶⁰⁶.

Н. Я. Фалькенберг предлагал, в противовес сложному, как ему представлялось, «Сибирскому учреждению» 1822 г., централизовать и упростить административный аппарат Сибири. Для этого нужен один генерал-губернатор в Томске, при нем совет из пяти членов, каждый из которых возглавит отделение канцелярии Главного управления Сибири, ведающих, соответственно, дела четырех сибирских губерний и приморского управления. Горная и военная части должны были составить особые отрасли управления. Генерал-губернатору предполагалось придать пять чиновни-

ков особых поручений для экстренных дел. По новому учреждению о Сибири, которое Н. Я. Фалькенберг проектировал разработать, упразднялись как лишние инстанции губернские советы; в целях повышения власти губернаторов им поручалось личное председательствование в губернских правлениях. Губернаторам в случае необходимости должно быть предоставлено право созывать временные советы (в виде общего присутствия губернского правления) из руководителей губернских учреждений. Также подлежали ликвидации «как не приносящие никакой пользы» должности окружных начальников и общие окружные управления. Зато он предлагал восстановить частных комиссаров «по примеру станowych приставов в великороссийских губерниях» и образовать в сибирских губерниях палаты государственных имуществ. Намечались меры и по улучшению состава сибирского чиновничества.

Ввиду того что Сибирский комитет в 1838 г. был закрыт, Николай I поручил рассмотреть записку Н. Я. Фалькенберга во II отделении Собственной Е. И. В. канцелярии, где сосредоточивались работы по кодификации российского законодательства и готовилась к изданию новая редакция «Свода законов Российской империи»⁶⁰⁷. Главноуправляющий II отделением Д. Н. Блудов в феврале 1840 г., с согласия императора, предложил, «не давая сей записке никакой гласности, даже не сообщая ее гг. Министрам», обсудить ее в Особом комитете. Такой временный комитет под председательством министра финансов Е. Ф. Канкрин был составлен из министра государственных имуществ П. Д. Киселева, министра юстиции В. Н. Панина, управляющего МВД А. Г. Строганова и главноуправляющего II отделением Д. Н. Блудова. Свое заключение комитет должен был представить царю к апрелю 1841 г.

II отделение решило самым серьезным образом подготовиться к обсуждению вопросов, от которых зависела дальнейшая судьба реформ М. М. Сперанского. Бывшему управляющему делами Сибирского комитета А. П. Величко, служившему теперь во II отделении, поручили составить общее обозрение сибирского управления⁶⁰⁸. Первая, секретная, часть составленного А. П. Величко обозрения включала «все бывшие в виду высшего правительства предположения по устройству управления Сибирским краем и все злоупотребления местных властей, с указанием причин их или источников». Во второй части содержалось общее описание си-

бирского управления, с указанием на его специфику и основные трудности в реализации реформ 1822 г.

Однако инспирированная жандармами контрреформа сибирского управления не удалась. Решительно против пересмотра «Сибирского учреждения» высказались Е. Ф. Канкрин и П. Д. Киселев. Основные доводы записки Н. Я. Фалькенберга министр финансов признал безосновательными: «Голые фразы ни в чем не убеждают; пустые предположения об исправлениях и нововведениях писать легко». Он требовал фактов. Отверг Е. Ф. Канкрин и попытку вернуться к единому сибирскому генерал-губернаторству. Пример с затруднениями, связанными с продажей хлеба из одной части Сибири в другую при неурожае, он считал единичным и легкоустранимым при соблюдении закона о свободе торговли⁶⁰⁹. По своему обыкновению экономить на всем министр финансов подверг критике рекламируемый жандармами и поддержанный в МВД и Министерстве юстиции план устройства поселений для ссыльных. Но Канкрин соглашался осуществить некоторые изъятия из «Сибирского учреждения» 1822 г. Так, он считал, что губернские советы и общие окружные управления составляют лишние инстанции, и всецело поддерживал идею распространения на Сибирь общего наказа гражданским губернаторам, изданного в 1837 г. Не отбрасывал Е. Ф. Канкрин и мысли вернуться к институту частных комиссаров, полагая, впрочем, что это забота МВД. А. Г. Строганов, напротив, высказался за сохранение в Сибири губернских советов, напомнив, что вопрос о распространении наказа губернаторам 1837 г. находится еще на стадии обсуждения, а вот относительно общих окружных управлений обещал подумать. Непримируемую позицию занял министр государственных имуществ, которого ввиду намечавшихся преобразований в управлении государственными имуществами в Сибири никоим образом не устраивало бесконтрольное расширение власти сибирской администрации. Его заключение звучало весьма категорично: «Вообще правильность и основательность видов, руководствовавших при составлении сих учреждений (сибирских советов разных уровней управления. – *Авт.*) представляются с такой ясностью и убедительностью, что нет никаких причин думать о каком-либо новом преобразовании Сибирского управления»⁶¹⁰.

На заседании 25 мая 1841 г. особый комитет решил оставить предложения Н. Я. Фалькенберга «без дальнейших последствий».

Мотивируя это решение, особый комитет выразил сожаление об отсутствии на высшем и местном уровнях единства и преемственности в управлении Сибирью: «Как в прежнее время предположения, относящиеся до Сибирского края, рассматривались в Сибирском комитете, который по сему имел у себя все нужные [для] соображения и обсуждения их данные; ныне же поступают они по роду принадлежащего дела в разные министерства, кои не всегда имеют в виду бывшее прежде по сему же предмету производство, то вторую часть составленного по распоряжению д[ействительного] т[айного] с[оветника] Блудова Свода, содержащую начала, на коих основаны все части Сибирского управления, напечатать в нескольких экземплярах, для сообщения оных министерствам и сибирским генерал-губернаторам, дабы они могли видеть в совокупности, в каком порядке существовала каждая часть прежде, каким подвергалась она изменениям, и что побудило к установлению оной на ныне существующем основании»⁶¹¹.

Однако Н. Я. Фалькенберг не оставил попыток привлечь внимание правительства к неустройствам в сибирском управлении. В 1843 г. он подал в III отделение еще четыре записки: «1) о состоянии управления в губерниях 8-го округа Корпуса жандармов с предположением перемен, необходимых к улучшению некоторых частей; 2) о состоянии киргиз-кайсацкой степи; 3) о Сибирском линейном казачьем войске и 4) о ссыльнопоселенцах, находящихся в Сибири»⁶¹². И на этот раз начальник сибирских жандармов критиковал правительственную политику, не останавливаясь перед осуждением самого высшего сибирского начальства: «К сожалению, выбор Правительства часто не оправдывает своего назначения, и Главные начальники, не вникнув в настоящее положение края, не узнав его ни нужд, ни избытков, и ныне думают только о том, как бы поскорее уехать на свою родину, воспользовавшись пособием; другие, как бы составить себе состояние каким бы то ни было способами, и, наконец, третьи, получать значительное казенное содержание, поправлять им расстроенное имение, платить долги, быть самовластным в этой отдаленности и, не заботясь ни о чем, за одно свое пребывание в Сибири получать еще особенные награды и пользоваться незаслуженною милостию Государя»⁶¹³. Обвинял Фалькенберг сибирских генерал-губернаторов и в преднамеренном приукрашивании положения дел в Сибири. Но и в этом случае все ограничилось выписками из записок Фалькенберга, которые сообщили министрам.

Награждение М. М. Сперанского императором Николаем I
орденом Андрея Первозванного на заседании
Государственного совета, 1839 г.
Из книги «Государственный совет. 1801—1901». СПб., 1901

Министры, возражая против реставрации дореформенных сибирских порядков, не столько противодействовали усилению власти генерал-губернаторов и губернаторов Сибири, сколько призывали по возможности отказаться от сохранения сибирской административной специфики, распространяя на Зауральский регион общеимперское законодательство. Под этим скрывалось желание укрепить местную администрацию, но и не выпустить ее из-под ведомственного контроля.

Таким образом, жандармское ведомство, занимая в административной иерархии самодержавной России в царствование Николая I особое место, не оставляло своим вниманием и Сибирь. Этому способствовало и сосредоточение здесь наиболее опасных противников режима – ссыльных декабристов. Политическая, а вместе с ней и уголовная ссылка, доставлявшие наибольшее беспокойство самодержавию, обусловили отправку в Сибирь жандармских ревизоров, ускорили создание сибирских жандармских органов надзора. Жандармские офицеры содействовали обнаружению целого ряда случаев вопиющих злоупотреблений и откровенного произвола, творимых сибирской администрацией, через

жандармов самодержавие получило дополнительный канал информации о нуждах региона. Они постоянно напоминали самодержавию о язвах сибирского управления и в этом смысле способствовали повышению внимания в центре к Сибири. Но, обличая сибирские беспорядки, жандармское ведомство стало проводником явно реакционных мер, направленных на отказ от принципов, заложенных Сперанским в «Сибирском учреждении» 1822 г., возврат к прежним порядкам жесткого административного нажима, сильной генерал-губернаторской и губернаторской власти.

Жандармы, пытаясь влиять на местное управление, неизбежно втягивались в чиновничьи интриги. Постепенно приходит понимание невозможности что-либо изменить в существующих бюрократических порядках жандармскими методами, сознание небезопасности конфликтов с властью имущими в регионе. Не случайно уже к середине 1830-х гг. практика составления политических обзоров прекращается, уменьшается критическая направленность жандармских отчетов. Жандармы со временем слились с прочей чиновной массой, и болезни, присущие в целом всей бюрократической системе, проникали и в их среду. Недовольство высшего местного начальства вмешательством жандармов в управление приводило к снижению автономности их положения. Рост численности жандармского корпуса, падение престижа жандармской службы, увеличение объема задач политического сыска в связи с ростом революционно-освободительного движения приводили к падению эффективности жандармского надзора над государственным аппаратом и постепенному перерождению III отделения императорской канцелярии в обычный полицейский департамент.

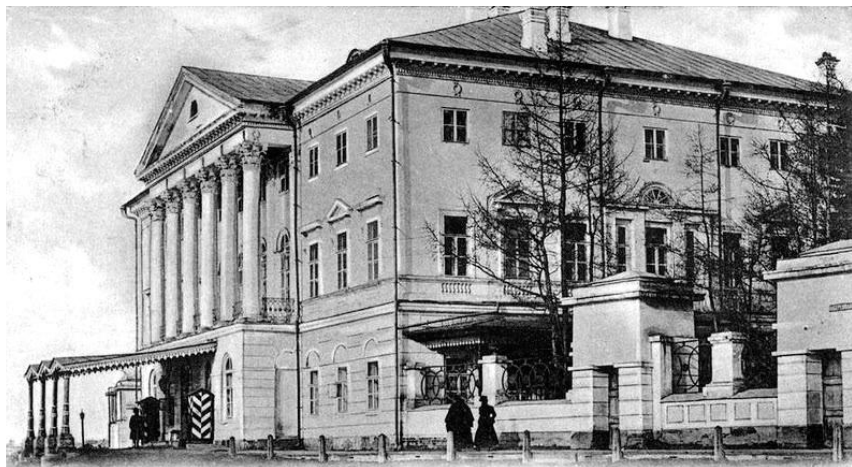
Глава 6

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ В СИСТЕМЕ ОКРАИННОЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

6.1. Специфика функционирования генерал-губернаторской власти в Сибири в XIX–XX вв.

При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ. Однако даже реализация одного из них – доходности края – применительно к столь различным по основным параметрам территориям, как, к примеру, Сибирь, Кавказ или Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий. Это порождало поливариантность модели управления. Именно такая мозаичная управленческая практика позволяла империи успешно решать сложнейшие задачи регионального своеобразия.

Несмотря на существующие различия окраинных земель, общим признаком окраин империи, управляемых на «особом положении», было наличие в них генерал-губернаторской власти. Упразднение последней означало высокую степень интеграции данной территории в систему общероссийских экономических, политических и социокультурных связей. Именно глубиной интеграции, сменой внешнеполитических ориентиров, возросшими внутривнутриполитическими осложнениями следует объяснять изменения в географии генерал-губернаторской власти во второй половине XIX в. Немаловажную роль в этом играла и позиция министерства внутренних дел, стремившегося посредством упразднения должности генерал-губернатора усилить свои позиции в регионе. Уже в конце 50-х гг. было ликвидировано Черниговское, Полтавское, Харьковское генерал-губернаторство, упразднена

Белый дом. Дом купца Михаила Васильевича Сибирякова.
В 1837 г. был передан в казну, после чего стал резиденцией
генерал-губернаторов Восточной Сибири.
Расположен на бульваре Гагарина, 24.
Фотографии для данной главы предоставлены С. И. Дубровиным –
директором музея истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова

должность генерал-губернатора Витебской, Могилевской, Смоленской губерний. В 1866 г. упразднен пост генерал-губернатора в Петербурге. В 1874 г. упразднено Новороссийское и Бессарабское генерал-губернаторство, в 1876 г. Прибалтийское, в 1881 г. – Оренбургское.

Однако эпоха буржуазных реформ и контрреформ принесла для генерал-губернаторской власти немало и иных перемен. Вторая половина XIX в. характеризуется активными действиями русской дипломатии на дальневосточных и среднеазиатских рубежах. Включение этих территорий в состав империи – процесс длительный и весьма противоречивый. Однако начавшееся одновременно с этим властное освоение новых земель повлекло за собой необходимость разработки модели организации их управления и административного устройства. Военная активность на Тихом океане и в Средней Азии, соседство и соперничество с Китаем, Японией, Англией требовали создания на новых территориях сильной административной власти. Существенным фактором были и обширные пространства новых земель. Этот фактор влиял влияние не только на конфигурацию новых административных образований, но и на

статус и полномочия местных органов власти. Немаловажную роль играли и такие обстоятельства, как национальный состав коренных жителей, их взаимоотношения с пришлым, в большинстве своем русским населением. Таким образом, геостратегическое положение новых земель оказывало прямое воздействие на полномочия административных органов новых территорий. Закономерно поэтому, что в качестве оптимальной формы высшего местного административного управления была признана генерал-губернаторская модель. Характерно, что инициатива в данном вопросе исходила одновременно от двух Министерств – военного и внутренних дел⁶¹⁴.

Июльским указом 1868 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство⁶¹⁵. Его геополитические особенности наложили отпечаток на полномочия высшей местной администрации. Генерал-губернатор являлся одновременно не только главой высшей местной власти, но и командующим войсками Туркестанского военного округа. Наряду с этим он наделялся и дипломатическими полномочиями для ведения переговоров с соседними государствами.

Конфигурация Туркестанского генерал-губернаторства, включавшего в себя две области – Сырдарьинскую с центром в Ташкенте и Семиреченскую с центром в г. Верном, неоднократно менялась. Характерно, что на территории Туркестана в 60–80-х гг. XIX в. действовали одновременно четыре «Временных положения об управлении». Лишь в 1886 г. начала реализовываться единая система, утвержденная Государственным советом и императором⁶¹⁶.

Вслед за Туркестаном на карте Азиатской России появилось еще одно генерал-губернаторство. Указом от 18 июля 1882 г. генерал-губернаторство Западной Сибири было упразднено, а губернии Тобольска и Томская подчинены непосредственно Министерству внутренних дел. Одновременно с этим правительство объявило об организации Степного генерал-губернаторства с центром в г. Омске в составе Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей⁶¹⁷. Однако на этом изменения в административной нарезке Сибири не закончились. Указом от 16 июня 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство из Амурской, Забайкальской, Приморской областей и острова Сахалин. На этом, собственно, завершились преобразования института генерал-губернаторской власти на востоке государства, да и в им-

перии в целом. К началу XX в. в России, не считая Московского, действовали Варшавское, Виленское, Ковенское и Гродненское; Киевское, Подольское, Волынское; Иркутское, Приамурское, Степное и Туркестанское генерал-губернаторства⁶¹⁸. За период с 1905 по 1917 г. было вновь восстановлено Кавказское⁶¹⁹ и упразднено Виленское, Ковенское и Гродненское генерал-губернаторства. Характерно, что 5 из 9 постоянных генерал-губернаторств располагались на территории азиатской части империи, отличавшейся ярко выраженным национальным, конфессиональным колоритом⁶²⁰. Данные законоположения, а также упоминавшаяся ранее инструкция 1853 г., определяли характер деятельности и правовой статус этих особо уполномоченных верховной властью государственных служащих.

Административное устройство и способы управления конкретными территориями, как известно, зависят от многих факторов: исторических условий, типологии политической системы государства и т. д. Существенное влияние на формирование объективных особенностей деятельности региональной власти оказывает географическая среда. Думается, не следует сводить понятие влияния географической среды только к формированию пространственной конфигурации административных единиц. Она в немалой степени влияет и на функции административных учреждений. На примере Азиатской России можно наблюдать прямую взаимосвязь между размерами территорий и властными полномочиями различных инстанций. В России в эпоху Николая I возобладало мнение, согласно которому азиатская часть империи в силу удаленности от центра страны, больших размеров территорий, приграничного положения, пестрого этнографического состава населения нуждается в особой системе управления. Прямым порождением этой теории стало генерал-губернаторское правление, по характеристике известного русского правоведа А. Д. Градовского, «власть чрезвычайная», сохранившаяся на азиатских пространствах империи вплоть до 1917 г.⁶²¹ Деятельность этой системы власти регламентировалась общеимперским законодательством. В то же время для каждого из четырех генерал-губернаторств Азиатской России – Иркутского, Приамурского, Степного, Туркестанского – были приняты специальные законоположения, определяющие особенности деятельности генерал-губернаторской власти на данной конкретной территории. Метод

компаративизма дает возможность определить специфические черты генерал-губернаторского правления в каждом их перечисленных регионах империи.

В Сибири одной из особенностей генерал-губернаторской системы стало создание советов Главных управлений Западной и Восточной Сибири как совещательных органов при главном территориальном начальнике края. Идея коллегиальных советов как противовеса «самовластию» генерал-губернатора принадлежала М. М. Сперанскому. Он был абсолютно убежден в том, что Сибирь сильно отличается от внутренних губерний империи и применение к ней общероссийского законодательства невозможно. Основную причину вопиющих беспорядков, вскрывшихся во время ревизии 1819 г., Сперанский видел в образе управления, «краю сему несвойственном». Это убеждение заставляло ревизора-реформатора искать противовес самовластию чиновников всех рангов, в том числе и генерал-губернаторов⁶²². Таким противовесом и призваны были послужить советы, созданные по «Сибирскому учреждению» 1822 г. при главных управлениях обеих частей Сибири.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский (1847–1861), с 1858 г. – граф Амурский, в своем рабочем кабинете. Экспозиция филиала Иркутского краеведческого музея

Характерно, что, по замыслу Сперанского, советы следовало учредить на всех уровнях сибирского управления – от генерал-губернаторского до окружного. Из анализа штатов «Сибирского учреждения» со всей очевидностью вытекает, что их основная задача заключалась в корректировке единоначалия властей. Обосновывая идею необходимости введения советов, Сперанский в отчете по обозрению Сибири писал о том, что «власть личная» легко «перерождается в злоупотребления и всегда может иметь вид самовластия»⁶²³. В условиях Сибири, «где нет еще публичности мнения и где по недостатку дворянства и быть оно долго еще не может», подозрения в самовластии многократно возрастают. В итоге советы Главных управлений создавались под председательством генерал-губернатора. В состав совета входили три советника «яко производители дел» по назначению генерал-губернатора и три советника от министерств: финансов, внутренних дел и юстиции. Последние назначались в совет по представлению указанных министерств, при этом предполагалось, что они станут проводниками ведомственных интересов на местах. Члены совета получали соответствующее жалование. Как уже отмечалось, штатным расписанием 1826 г. его размер определялся в 3 тыс. руб. в год. Сперанский сознавал, что правильнее было бы формировать его (совет. – *Авт.*) из лиц, «местному управлению посторонних», расширить его состав, включив туда представителей дворянства и купечества «по выборам». Однако, по мнению реформатора, на момент разработки законопроектов «Сибирского учреждения» это было невозможно. В Сибири, констатировал он, «нет дворянства и весьма мало купечества». Составление совета из людей «высшего сословия» казалось Сперанскому делом отдаленного будущего, когда Сибирь «более будет иметь населения, когда богатства ее придут в дальнейшее движение и доходы умножатся»⁶²⁴.

В «Сибирском учреждении» подробно прописан механизм деятельности совета. Все его решения носили рекомендательный характер и могли быть проигнорированы генерал-губернатором. Однако в случае разногласия членов совета закон предусматривал возможность высказывания «особого мнения», которое записывалось в журнал заседания и докладывалось генерал-губернатору. Закон четко делил все обсуждаемые вопросы на две категории: решение одних зависело «от непосредственного действия гене-

рал-губернатора», а другие следовало предварительно обсудить и «уважить в совете». Анализ сущностного содержания рассматриваемого в этих двух инстанциях вопросов не позволяет усомниться в том, что непосредственно в компетенции генерал-губернатора входили наиболее важные вопросы⁶²⁵. Таким образом, генерал-губернатор по-прежнему сохранял в своих руках все нити управления краем. Административная зависимость от генерал-губернатора создавала последнему большие возможности для воздействия на «мнение» членов совета. Принципиально важным является то обстоятельство, что право принятия окончательного решения по спорному вопросу принадлежало исключительно генерал-губернатору. Имея в виду отмеченное обстоятельство, критики «Сибирского учреждения» впоследствии не раз «выговаривали» Сперанскому за это. Известный общественный деятель Сибири В. И. Вагин в своих воспоминаниях не без укоризны замечал, что «первым условием программы Сперанского были гласность и публичность деятельности власти. Но именно этого условия и не выполняет учреждение»⁶²⁶.

На практическую бесполезность деятельности советов не раз обращал внимание один из идеологов сибирского областничества Н. М. Ядринцев⁶²⁷. Косвенно подтверждая это, газета «Восточное обозрение» отмечала, что «в управлении генерал-губернаторов в Сибири отражалось немало личного, случайных страстей, симпатий и антипатий, предубеждений, пристрастий, так что целые учреждения, повинувшись капризу администратора, выходили постоянно за круг предписанных им законом действий и приравнивались к обстоятельствам»⁶²⁸. Думается, однако, что с подобными категорическими высказываниями можно согласиться лишь отчасти. Действительно, изучение практической деятельности советов Главных управлений свидетельствует об их сильной зависимости от генерал-губернаторов. Но в унитарном государстве, каковым была романовская империя, иначе и быть не могло. Не случайно действующее законодательство провозглашало генерал-губернатора высшим представителем и блюстителем интересов империи в регионе.

В то же время нельзя не заметить, что «сибирское учреждение» выделяло достаточно широкий круг вопросов, которые подлежали обязательному предварительному обсуждению в совете.

Это касалось общего надзора за движением дел, вопросов хозяйственного управления, ряда юридических толкований. Кроме того, существовала пусть небольшая, но тем не менее категория дел, по которым совет мог принять окончательное решение простым большинством голосов: это были судебные дела, которые выносили на рассмотрение советов главных управлений губернаторы в связи с их несогласием с решениями губернских судов.

Таким образом, в «Сибирском учреждении» 1822 г. содержалось два взаимоисключающих себя положения: идея о единоличном правлении генерал-губернатора и попытка ограничить это правление деятельностью коллегиальных советов. Сопоставление данной особенности генерал-губернаторского правления в Сибири с деятельностью этой системы власти в других районах империи позволяет охарактеризовать ее как совершенно уникальное проявление имперского регионализма, характерное только для данного региона. Даже в других азиатских генерал-губернаторствах империи, несмотря на все их своеобразие, не было ничего подобного. Высказывания областников о нежизнеспособности идеи советов и тем более об их полной бездеятельности представляются излишне полемичными. Лучшим доказательством этого являются постоянные ходатайства сибирских генерал-губернаторов в различные правительственные инстанции об упразднении советов.

Такого рода обращения особенно усилились в 50-х гг. XIX в. и связаны с именем Н. Н. Муравьева. Замышленная им масштабная программа административных преобразований в Восточной Сибири требовала, по его убеждению, сосредоточения всей полноты власти в руках генерал-губернатора и, как следствие, упразднения советов⁶²⁹. В 1851 г., отвечая на поставленный перед ним великим князем Константином Николаевичем вопрос об особенностях управления Сибирью по «учреждению» Сперанского и, что особенно хочется подчеркнуть, «в какой мере они (особенности. – Авт.) в последнее время приличествуют краю», Муравьев напрямую заявил, что «сибирское учреждение покойного Сперанского пользовалось наибольшей известностью» при жизни автора. В действительности же в законодательном отношении оно оказалось весьма замысловатым, а «в применении к делу в Сибири

Девичий институт Восточной Сибири. Создан по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Вильгельма Яковлевича Руперта (1837–1847). Институт открыл свои двери 1 июля 1845 года. Ныне здесь располагается ИМЭИ ИГУ. Бульвар Гагарина, 20

...небезукоризненным»⁶³⁰. Однако тогда реализовать идею единоначалия в масштабах всего генерал-губернаторства Муравьеву не удалось. Сибирский комитет оценил ее как попытку коренной ломки «Сибирского учреждения» 1822 г., а это вызывало серьезные опасения правительства. По мнению членов комитета, «разные неисправности (в управлении Сибирью. – *Авт.*) происходят от неисполнения правил, сибирским учреждением предписанных...», а не от отсутствия оных, и комитет решительно высказался против пересмотра законов 1822 г.⁶³¹ Последовательным противником упразднения советов выступил главноуправляющий II (кодификационным) отделением Е. И. В. канцелярии статс-секретарь Д. Н. Блудов. Он полагал, что сибирские губернаторы и так находятся «слишком далеко от надзора не только высшего правительства», но «даже и местных генерал-губернаторов». Упразднение советов, предполагаемое Муравьевым, должно было неминуемо повлечь за собой не только концентрацию единоличной власти в руках губернаторов, но полнейший хаос в рассмотрении текущих

дел⁶³². Тем не менее именно тогда были сделаны первые шаги по слову идеи Сперанского о коллегиальных советах. Первого июня по предложению Муравьева была учреждена Забайкальская область⁶³³, и одновременно расширены права Якутской областной администрации⁶³⁴. В обеих областях вводился так называемый упрощенный порядок ведения дел, которые теперь поручались областному правлению, а не губернаторскому совету. Положение об управлении Забайкальской области состояло из 39 статей, Якутской – из 26, но ни в одной из них должность советника не была упомянута⁶³⁵. В 1860 г. Муравьев попытался добиться согласия правительства на введение такой же системы управления в губерниях Енисейской и Иркутской⁶³⁶, однако его предложения встретили резкие возражения министра финансов А. Княжевича⁶³⁷. Следует заметить, что Княжевича беспокоило не предполагаемое упразднение советов, а возможное сокращение налоговых поступлений от сибирских губерний в результате коренного пересмотра «учреждения» 1822 г., чего в конечном итоге и добивался Муравьев. Несогласие министра финансов с предложениями Муравьева оказалось решающим фактором при обсуждении их в высших правительственных инстанциях, и проект был отклонен.

Следующим шагом по отмене совещательных советов в Восточной Сибири стало учреждение в 1856 и 1858 гг. Приморский и Амурской областей⁶³⁸. В именных указах были подробно прописаны обязанности глав новых административных образований, определены их штаты. Последние, по признанию самого Муравьева, были утверждены правительством «в самом сокращенном виде»⁶³⁹. По разработанному Муравьевым положению управление новыми областями подразделялось на главное и местное. Первое являлось прерогативой генерал-губернатора, второе – военного губернатора областей «как по военной, так и по гражданской части». При военном губернаторе состояло военное управление, ведавшее регулярными и казачьими войсками области, канцелярия и др. Ни о каких советах в этом положении уже не было и речи⁶⁴⁰.

Жесткий приговор «Сибирскому учреждению» 1822 г. вынес преемник Муравьева на посту генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсаков. Уже в одном из первых отчетов по управлению краем он в качестве образца организации губернского управления ссылался на опыт Якутского и Забайкальского областных правлений, действовавших без всяких советов, и предлагал рас-

пространить «этот опыт» на Иркутскую и Енисейскую губернии. «Сокращенный» вариант губернского правления был, по мнению Корсакова, гораздо более жизнеспособным⁶⁴¹.

Постоянная критика со стороны генерал-губернаторов коллективных советов влекла за собой неуклонное падение их престижа как органов управления краем. По распоряжению генерал-губернаторов на рассмотрение советов нередко выносились вопросы, на которые не было ответа у самих главных начальников края. Так, по указанию Корсакова губернским и областным советам Восточной Сибири было поручено высказать свои суждения по такому вопросу, как возможность применения в Сибири положений крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. Точно так же поступил генерал-губернатор Западной Сибири А. И. Дюгамель⁶⁴². Рассмотрение этого вопроса тянулось много лет, пока Н. П. Синельников, вступивший на пост генерал-губернатора Восточной Сибири в 1871 г., не признал, что идея эта в Сибири еще долго «будет...неосуществима»⁶⁴³.

Служба советником Главного управления, весьма престижная поначалу, утратила свою привлекательность и стала рассматриваться как заурадная, малоодоходная, и довольно скоро на этих должностях оказались весьма обычные чиновники. Анализ формулярных списков членов ГУВС за середину 80-х гг. XIX в. свидетельствует, что никто из них не получил высшего образования, а 30 % не имели даже среднего⁶⁴⁴. Большинство советников были людьми преклонного возраста, для которых эта должность стала пиком служебной карьеры. Типичной в этом отношении является фигура члена ГУВС Сукачева, состоявшего в 1867 г. членом совета от Министерства внутренних дел. Сын священника, закончивший среднее учебное заведение в г. Харькове, он прибыл на службу в Сибирь в 1819 г. и начал ее в должности канцелярского служителя. Первый классный чин коллежского регистратора Сукачев получил 1822 г. За 48 лет службы он вырос до действительного статского советника (редкая карьера для человека его сословного происхождения) и получил прибавочное жалованье в размере 7 тыс. руб. в год⁶⁴⁵. Однако такая карьера для большинства советников была скорее исключением, чем правилом. При негативном отношении генерал-губернаторов к самой должности, и как следствие, к людям, ее занимающим, на большее рассчитывать было невозможно. Положение советников усугублялось еще и тем обстоятельством, что они не стали представителями «своих» министерств в Сиби-

ри – на практике центральные ведомства просто забывали об их существовании, а генерал-губернаторы демонстративно игнорировали заседания советов, попросту не являясь на них или поручая их ведение гражданскому губернатору⁶⁴⁶. Много позже, в 1903 г., в Министерстве внутренних дел была составлена любопытная справка о причинах упразднения советов. Анонимный автор, стараясь быть беспристрастным, тем не менее признавал, что самым фактом подчинения генерал-губернатору как высшему должностному лицу региона советы изначально были поставлены «в положение, крайне затруднявшее течение дел». Более того, предоставление генерал-губернатору права единоличного принятия решений в случаях несогласия с мнением совета «уже в первую пору деятельности этого учреждения» устраняло «всякое деятельное участие его на направление и разрешение дел», а со временем само существование этих коллегиальных органов стало «признаваться бесполезным»⁶⁴⁷. Естественно, что негативное отношение генерал-губернаторов Сибири к коллегиальным советам не оставалось незамеченным в Петербурге. Не случайно при открытии новых генерал-губернаторств в Азиатской России – Туркестанского в 1868 г., Степного в 1882 г. и Приамурского в 1884 г. – советов в структуре органов управления новых административных образований уже не было. После упразднения в 1882 г. западносибирского генерал-губернаторства совет продолжал действовать только в Восточной Сибири. В конечном итоге решающий вклад в дело упразднения советов внесли два генерал-губернатора – Д. Г. Анучин и А. П. Игнатьев.

Сменивший в 1885 г. Анучина генерал-губернатор А. П. Игнатьев оказался еще более последовательным сторонником идеи упразднения советов. По его мнению, за последние десятилетия Сибирь «из малоизвестной страны, населенной инородческими племенами», превратилась в «единое целое со всей великой Россией» и утратила те свои особенности, которые и порождали специфические черты в организации управления краем. Государственная точка зрения, по мысли А. П. Игнатьева, требует рассматривать Сибирь «наравне с коренными областями России» во всех отношениях, в том числе и в формах и способах управления⁶⁴⁸. А по-сему Сибири, как и другим административным образованиям империи, нужна сильная, обличенная доверием императора власть, не стесняемая какими-либо коллегиальными советами.

Здание ВСОРГО. Восточно-Сибирский отдел
Императорского русского географического общества открыт
в Иркутске по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири
Н.Н. Муравьева в 1851 г.
Ныне – Иркутский областной краеведческий музей. К. Маркса, 13

После преобразования генерал-губернаторства Восточной Сибири в Иркутское в 1887 г. совет Главного управления прекратил свое существование, а его функции перешли к канцелярии генерал-губернатора. Таким образом, коллегиальные советы просуществовали в Западной Сибири 50 лет, в Восточной на пять лет больше. В свое время само появление идеи советов отразило стремление Сперанского учесть природный фактор в организации территориально-административных органов. Однако этот же географический фактор влиял и на круг полномочий административных органов в регионах. Особое значение при этом имело приграничное положение крупных территориальных образований, их удаленность от центра.

Царские власти всегда уделяли особое внимание отношениям России с соседними государствами, так как это служило важным условием обеспечения военной безопасности государства. Именно опасениями такого рода следует объяснять серию указов Ивана IV, запрещающих русским людям под страхом смертной казни проникновение на территорию Сибирского царства⁶⁴⁹. Однако ситуа-

ция принципиально изменилась после того, как Сибирь оказалась в составе Российского государства. Формирование новых государственных границ и их охрана стали одной из важных функций московского, а впоследствии – петербургского правительства. Однако не только вопросами безопасности границ руководствовались российские власти, определяя круг внешнеполитических полномочий высших руководителей окраинных регионов. Не менее значимую роль играли вопросы территориального расширения империи, усиление политического влияния России в соседних странах, установление выгодных экономических связей с сопредельными государствами. Подобные устремления России вызывали естественное противодействие со стороны ряда азиатских и европейских государств, стремящихся к усилению собственного влияния в этих же регионах.

Процесс формирования азиатско-тихоокеанских границ России даже к середине XIX в. не был завершен. Сама по себе эти границы были еще очень аморфными, своего рода буферной зоной, которую государство рассматривало как военно-экономический плацдарм для дальнейшего расширения империи. (Охотско-Камчатский край – для Северной Америки; Забайкалье для Приамурья; Приморский край – для Маньчжурии; Западная Сибирь и Оренбургский край – для Казахстана и Средней Азии)⁶⁵⁰. Таким образом, особенность геостратегического положения азиатских территорий империи выдвигала перед российским правительством как бы двуединую задачу: закрепление новых территорий в составе России, в том числе путем усиления безопасности границ, – с одной стороны, и дальнейшего расширения имперского пространства, сферы влияния империи – с другой. Существенную роль в решении этой задачи была призвана сыграть региональная власть, в деятельности которой уже на ранних этапах русской колонизации Зауралья можно наблюдать сочетание элементов внутренней и внешней политики. Но если первое направление – внутривластная деятельность – вытекало из самой сути региональной власти, то решение задачи территориального расширения империи требовало соответствующих внешнеполитических полномочий. В XIX в. в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Средней Азии эти вопросы решались при активном участии генерал-губернаторской власти, что предопределило важную особенность

ее функционирования, отразившуюся в нормативных документах и практической деятельности.

Следует, однако, заметить, что практика предоставления сибирским властям особых внешнеполитических полномочий не была принципиально новым явлением во взаимоотношении центра и периферии. Еще на начальных этапах интеграции Сибири в Россию московское правительство своими указами предоставляло сибирским правителям ряд важных полномочий по ведению дипломатических и торговых сношений с пограничными государствами. Корни этой дипломатической самостоятельности следует искать в деятельности Сибирского приказа, официально открытого в Москве в 1637 г. В отличие от других приказов он сочетал в себе территориальные и функциональные направления деятельности. Политическая и географическая удаленность Сибири от центра страны предопределили важную особенность в деятельности Сибирского приказа, в компетенцию которого, наряду с обязанностями по снабжению населения края продовольствием, вином и т. д., находились дипломатические дела⁶⁵¹. Исследователи истории Сибири XVII в. отмечают еще одну важную особенность деятельности местных органов власти. Вслед за С. В. Бахрушиным⁶⁵², А. Н. Копылов обратил внимание на гораздо более широкие полномочия сибирских воевод по сравнению с их «коллегами» из Европейской России⁶⁵³. Поскольку через Сибирь шли тогда торговые караваны ногайских и бухарских купцов, русское правительство стало вменять в обязанности сибирских воевод ответственность за организацию таможенных сборов. В данном случае экономические функции сибирских воевод переплетались с внешнеэкономической деятельностью. В то же время воеводы ряда порубежных городов получали право на сугубо дипломатические сношения с государствами монгольского мира⁶⁵⁴. Так, уже на начальных этапах русской колонизации Сибири природный фактор оказывал непосредственное влияние на определение обязанностей и полномочий местной администрации в части внешнеполитической деятельности.

Отмеченная выше особенность прослеживается и в XVIII столетии. Первому иркутскому генерал-губернатору И. В. Якоби еще во время службы в Селенгинске, в самом начале его карьеры, неоднократно приходилось ездить в Китай в качестве уполномоченного российской стороны. Позднее, дослужившись до полковника,

он участвовал уже в съездах с китайскими представителями, на которых обсуждались русско-китайские торговые отношения. Став генерал-губернатором в 1783 г., он много сил приложил для дальнейшего развития этих отношений. Примечательно, что причиной отставки Якоби стала именно его внешнеполитическая деятельность. Неизвестный доносчик обвинил его в стремлении обострить отношения России с Китаем⁶⁵⁵.

Специфика геостратегического положения Сибири вызывала необходимость автономности местной администрации, в том числе в части внешнеполитической деятельности. Характерно, что именно на этой стороне деятельности сибирских властей можно наблюдать определенные противоречия децентрализаторских и централизаторских тенденций, свойственные внутренней политике самодержавия в целом. С одной стороны, правительство в лице Министерства иностранных дел пыталось жестко контролировать и направлять всю деятельность местной администрации в части внешнеполитической. Оно вмешивалось в решение даже таких вопросов, которые, как казалось, были весьма далеки от круга непосредственных обязанностей министерства, но, как полагали в этом ведомстве, отвечали стратегическим целям внешней политики России. Примером этому может служить серия «особых совещаний», проведенных в Петербурге в период с 1898 по 1901 г., на которых обсуждался один вопрос – «о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье»⁶⁵⁶. На все предложения Синода и Иркутского генерал-губернатора об административном, т. е. насильственном ограничении влияния ламаизма, министерство иностранных дел всегда жестко отвечало отказом, считая, что при помощи буддизма Россия сможет усилить свое влияние в Монголии, Китае и других странах. Подобные же соображения властями различных уровней высказывались и позже. В одной из записок, поданных Министерством иностранных дел на имя председателя Комитета министров в 1903 г., прямо отмечалось, что российская религиозная политика в отношении забайкальских бурят имеет огромное значение «по связям этих племен с Китаем и Тибетом»⁶⁵⁷. Подобный интерес главного внешнеполитического ведомства империи к традиционным религиозным верованиям и обычаям инородцев можно наблюдать и на примере других окраин государства. Известно, что в 1871 г. Министерство иностранных дел выступило против предложений туркестанского генерал-

губернатора К. П. Кауфмана о предоставлении ему права регулировать нормы мусульманского вероисповедания⁶⁵⁸. По мнению министерства, это неминуемо должно было привести к падению авторитета России в мусульманском мире Средней Азии. С такой позицией российского МИДа трудно не согласиться.

В то же время значительная активизация деятельности России на дальневосточных и среднеазиатских направлениях в XIX в. влекла необходимость принятия оперативных решений на месте. В сановном Петербурге хорошо понимали это и были вынуждены предоставлять местным властям дозированную самостоятельность во внешнеполитической деятельности. Важно еще раз отметить, что внешнеполитический аспект деятельности высшей местной администрации в лице генерал-губернаторов был тесно связан с их административно-политическими мероприятиями как главных начальников края и проявлялся иногда в самых различных, подчас весьма неожиданных, вариантах. Несомненным доказательством этого является установление особого режима пограничных и приморских управлений. На протяжении XVIII и XIX вв. неоднократно пересматривался статус Охотского приморского управления. Административной реформой 1822 г. на Дальнем Востоке были образованы Охотское и Камчатское приморские управления, а в Забайкалье – Троицкосавское пограничное управление⁶⁵⁹. В задачу последнего входили не только обычные в таких случаях функции пограничной службы, но и охрана границы и обеспечение безопасности торговли. Позднее Троицкосавск был напрямую подчинен иркутскому генерал-губернатору. Внешнеполитическая активность России в Азиатско-Тихоокеанском регионе была в значительной степени обеспечена административными преобразованиями Н. Н. Муравьева на Дальнем Востоке, с одной стороны⁶⁶⁰, и его стремлением упрочить положение империи в этом стратегически важном районе мира – с другой. Однако достижение последнего было невозможно без соответствующих международных соглашений России с сопредельными странами. Но именно этим соглашениям Россия в значительной степени оказалась обязанной Н. Н. Муравьеву. Одним из проявлений «автономизма» генерал-губернатора Восточной Сибири в части внешнеполитической деятельности стало получение Муравьевым в январе 1854 г. правительственной инструкции, объявляющей генерал-губернатора высшей инстанцией в сношениях России с Китаем по

вопросу о границе⁶⁶¹. Любопытно, что инициатором этого решения выступал сам Муравьев. В 1853 г. во время пребывания в Петербурге он подал императору записку, в которой предложил начать переговоры по вопросу о разграничении границы с Китаем, поручив ведение самих переговоров местным властям, т. е. фактически себе⁶⁶². Но это обстоятельство не меняет принципиальной оценки факта признания особой автономной роли иркутского генерал-губернатора на переговорах с Китаем. Известной долей автономии во внешнеполитической деятельности пользовался и генерал-губернатор Западной Сибири. В данном случае, как и в Восточной Сибири, она тесно переплеталась с осуществлением главным территориальным начальником края своих политико-административных полномочий. Созданная по инициативе Сперанского в 1822 г. область сибирских киргизов конечной целью имела усиление военно-стратегического присутствия России в степном крае. Обсуждаемый во второй половине XIX в. вопрос об административных границах Западной Сибири был тесно связан с активизацией внешнеполитической деятельности России на среднеазиатском направлении. Фактор отдаленности от центра, приграничное положение территории, знание конкретного материала позволяло западносибирским генерал-губернаторам играть в этом процессе далеко не последнюю роль. Как правило, они участвовали в качестве экспертов во всех закрытых комиссиях по обсуждению вопросов усиления роли России в этом регионе. Именно территория Западной Сибири и Оренбургского генерал-губернаторства послужила своего рода военно-экономическим плацдармом для продвижения России в Казахстан и Среднюю Азию⁶⁶³.

Компаративный анализ особенностей внешнеполитической деятельности генерал-губернаторов Азиатской России позволяет утверждать, что глубина ее автономности находилась в прямой зависимости не только от длины расстояния до столицы, но и от позиций России в регионе в целом, ее дипломатического влияния на сопредельные страны, личного авторитета генерал-губернатора. В этом смысле наибольшей независимостью пользовался туркестанский генерал-губернатор Кауфман. В его руках была сосредоточена огромная административная и военно-политическая власть, вся среднеазиатская политика. Он был уполномочен российским правительством начинать военные действия, вести мирные переговоры, руководить дипломатическими представитель-

ствами России в соседних с Ташкентом государствах. Как в 1858 г. Н. Н. Муравьев в Айгуне, К. П. Кауфман сыграл решающую роль в разработке и подписании в 1873 г. Русско-бухарского и Русско-хивинского договоров⁶⁶⁴.

Важной предпосылкой формирования особенностей управления Сибири на всех уровнях был этнический фактор. Он сказывался на методах властного основания новых территорий, их политико-административном устройстве и т. д. Россия всегда была страной многонациональной. Уже со времен Древней Руси в районе Новгорода по соседству со славянами проживали неславянские племена: меря, весь, чудь и др. По мере продвижения границ русского государства на восток этническое разнообразие усиливалось. Народы России принадлежали к различным расам и языковым группам, находились на разных ступенях развития, отличались религиозным многообразием. В Сибири значение «инородческого вопроса» определялось той ролью, которую играли аборигены в социально-экономическом развитии края, уплатой натурального ясака, большими массивами земли, пригодными для колонизации, этническими связями с населением сопредельных стран, отсутствием четко обозначенной государственной границы.

Иркутский городской театр, 1904.
Ныне – Академический драматический театр им. Охлопкова

Несмотря на то что на протяжении всей истории русской Сибири можно наблюдать снижение удельного веса коренного населения, об абсолютном сокращении численности аборигенов не может быть и речи⁶⁶⁵. Хотя поливариантность государственного устройства окраин империи накладывала известный отпечаток на деятельность местных органов власти и управления, в то же время можно выделить общие закономерности в решении этнополитического вопроса на всех окраинах Азиатской России.

Стратегической задачей государственной национальной политики в отношении коренного населения окраин империи была их интеграция в общероссийскую систему политических, экономических, социокультурных и иных связей. Разумеется, в каждом регионе этот процесс имел свои индивидуальные особенности, но стратегическая цель – «превращение окраин империи в Россию» – не вызывает сомнений. Если на ранних этапах колонизации азиатских окраин империи по мере вовлечения регионов с нерусским населением в поле зрения властей правительство было вынуждено в каждом отдельном случае вырабатывать конкретные мероприятия, то по мере усиления интеграции Сибири в Россию вырабатывалась концептуальная политика государства в инородческом вопросе. Анализ этой политики позволяет утверждать, что, несмотря на определенные зигзаги, она, несомненно, имела свою логику развития. Опираясь на конкретно-исторический материал, законодательную базу и практику ее применения, можно выделить два основных этапа в политике правительства по отношению к сибирским инородцам в XVIII – начале XX в. Первый этап – с начала XVIII в. до середины XIX в., второй этап – примерно с середины XIX в. до 1917 г. Для первого этапа характерны прежде всего смена военно-мобилизационных методов взаимоотношения с аборигенами на политику административно-управленческой интеграции, венцом которой стал «Устав об управлении инородцев» 1822 г. Важной составляющей политики империи по отношению к сибирским инородцам на этом этапе было понимание невозможности полного подчинения этих народов действию общероссийского законодательства, доказательством чего являются попытки кодификации норм обычного права сибирских инородцев. Для второго этапа, наоборот, характерно стремление имперского правительства «уравнять» сословие сибирских инородцев с русским крестьянским населением. Подобная смена ориентиров была вы-

звана несколькими причинами, среди которых особенную роль играла степень интеграции Сибири в Россию, превращение Сибири из колониальной окраины в периферийную составную часть государства и выработка идеологии государственного единства и неделимости империи. Последнее явление было далеко не случайным. Возникновение идеологии государственного единства, практика его реализации в значительной степени были связаны с распространением в России национальных идей, ставших угрозой династическому имперскому патриотизму, на который традиционно опиралась романовская империя⁶⁶⁶.

Идея государственного единства была сформулирована в 1860-х гг. М. Н. Катковым и нашла свое выражение как в законодательстве, так и в стремлении правительства идеологически обосновать новые мероприятия по отношению к нерусским подданным национальных окраин империи. Данное утверждение вполне корреспондируется со взглядами известных представителей русского общественного мнения на задачи колонизационной политики государства на окраинах. Весьма интересны высказывания на этот счет известного писателя и путешественника 70-х гг. XIX в. М. И. Венюкова. Цивилизаторская роль России по отношению к коренному населению Средней Азии была для него несомненной. Искренним желанием каждого просвещенного человека должно быть увеличение «сношений этих земель с Россией или России с ними», – отмечает он⁶⁶⁷. Однако одного такого желания мало. Решающее значение имеет колонизация, точнее ее цели. От решения этого вопроса зависит и все остальное. По мнению Венюкова, система колонизации не может быть универсальной, но она должна предусматривать заселение окраин русским элементом. Это приведет к ликвидации их обособленности от центральной России. В этом, по мнению Венюкова, заключается основная задача сильной местной власти⁶⁶⁸.

Аналогичные мысли зримо присутствуют во взглядах на рассматриваемую проблему у А. Д. Градовского – автора известных работ по истории русской государственности и права. Работая над историей генерал-губернаторств в России, Градовский провел любопытное сравнение колонизационной политики европейских государств в отношении своих «иноплеменных областей» и России. Он пришел к неутешительному, с точки зрения российского человека, выводу о том, что в этих странах «выгоднее было быть

немцем, французом, римлянином, чем иностранцем». В России же, с горечью констатировал он, все наоборот. Имея в виду окраины империи, Градовский заключает: «Мы желаем обрусить разные местности», но для этого, во-первых, следует призвать на помощь «все общественные силы; и во-вторых, обращаться с окраинами точно так же, как с русскими областями, изгнав все «местные условия» из политической практики»⁶⁶⁹. В Сибири решающая роль в проведении политики «сближения» сословий крестьян и инородцев роль отводилась генерал-губернаторам. Последние вполне разделяли эту новую государственную идеологию. Характерно также, что в своей политике «сближения» генерал-губернаторы были убеждены в превосходстве русской культуры, в цивилизующей миссии этой высшей культуры по отношению к культуре аборигенов. Конечная цель такой политики виделась во всеобъемлющем «приобщении» аборигенов к русской государственной жизни.

Подобные мысли были весьма созвучны со взглядами представителей высшей сибирской администрации на судьбы инородцев в составе империи. Н. Н. Муравьев еще в 1847 г. заявил, что «едва ли в скором времени не представится необходимость распространить на них (инородцев. – *Авт.*) действие законов общих»⁶⁷⁰. Эту же мысль, но в гораздо более категоричной форме, высказал в 1887 г. А. П. Игнатьев⁶⁷¹, полагавший, что с государственной точки зрения Сибирь следует рассматривать не как специфический регион, а наравне с прочими губерниями России. Не случайно, что сами сибирские генерал-губернаторы, как высшие представители самодержавной власти в регионе и стали проводниками такой политики. Однако именно это стремление к административной, политической и культурной унификации окраинных регионов с великорусским ядром империи составляло своеобразие национальной политики самодержавия. Компаративный анализ политики России в отношении народов Сибири с политикой США в отношении индейцев, европейских государств, Англии, Франции и др. в отношении коренного населения «своих» колоний позволяет утверждать, что принципиальным отличием этой политики стало стремление российских властей всех уровней интегрировать сибирские народы в систему общероссийских хозяйственных, административных и социокультурных связей и отношений, подчинить эти народы действию общероссийского политико-административного и социокультурного уклада.

Иркутск. Памятникъ Императору Александру III.

Irkoutsk. Monument de l'Empereur Alexandre III.

Памятник императору Александру III. Установлен по инициативе иркутского генерал-губернатора А. И. Пантелеева (1900–1903). Был установлен в 1908 г. по итогам всероссийского конкурса, объявленного в 1902 г. Снесён в 1920 г. на основании декрета «О памятниках республики». Восстановлен в 2003 г.

Это был весьма противоречивый процесс, но именно данное обстоятельство принципиально отличает политику России по отношению к народам Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не считались подданными государства и не платили налогов⁶⁷². В Сибири же, наоборот, органической составляющей национальной политики стал процесс земледельческой колонизации, распространение православия, русской грамотности, традиций и обычаев русского народа среди аборигенов. Именно эта сторона государственной политики занимала особенное место в функциональных обязанностях сибирских генерал-губернаторов.

К региональным факторам, определявшим особенности деятельности института генерал-губернаторской власти, следует отнести наличие в Сибири крупных земельных собственников, интересы которых зачастую не совпадали. Основными собственниками земель и недр Сибири выступали казна и Кабинет. Несовпадение финансовых интересов казны и Кабинета порождало адми-

нистративную автономию кабинетских земель в виде Алтайского и Нерчинского горных округов, управляемых по особому положению⁶⁷³. Все остальные сибирские земли рассматривались самодержавием как находящиеся в совместной собственности казны и Кабинета. Последний как совладелец взимал в свою пользу ясак. Однако и казна была совладельцем сибирских земель, находящихся в непосредственном распоряжении Кабинета. Она получала в свою пользу разницу между годовым окладом ясака и оброчною податью. Кроме того, крестьяне и инородцы выступали и как арендаторы кабинетских земель, ибо выплачивали государственные повинности. Эти финансовые противоречия земельных собственников находили известное выражение в деятельности высшей местной администрации. Еще М. М. Сперанский в донесении Александру I о Нерчинских заводах отмечал, что в результате использования труда приписных местное «серебро обходится...дороже, чем оно стоит»⁶⁷⁴. Совершенно иной точки зрения на этот счет придерживался В. Я. Руперт, неоднократно настаивавший на увеличении числа крестьян, приписанных к заводам. В отличие от своих предшественников, Н. Н. Муравьев считал более целесообразным «производить разработку силами одних каторжан», а приписных крестьян, наоборот, «обратить к земледелию»⁶⁷⁵. На протяжении XIX в. неоднократно перестраивалось и управление заводами Алтайского горного округа⁶⁷⁶, что нашло отражение в целой серии законодательных актов.

Изучение истории разработки нормативной базы и самого процесса управления горными округами Кабинета позволяет утверждать, что активными участниками этих процессов и событий были сибирские генерал-губернаторы. Горные округа, принадлежавшие на правах собственности императорскому Кабинету, порождали совершенно специфический круг забот и обязанностей сибирских генерал-губернаторов, а подчас и некоторую двойственность в их положении как главных начальников края. Лишь падение монархии в феврале 1917 г. повлекло за собой упразднение этой особой формы собственности.

Важной специфической обязанностью сибирских генерал-губернаторов было управление ссылкой. На протяжении XIX в. высшая местная бюрократия неоднократно отмечала недостатки и пыталась по-новому организовать управление каторгой и ссылкой. Тем не менее со времени выхода «Устава о ссылке» и «Устава

об этапах» в 1822 г.⁶⁷⁷ вплоть до 1913 г. эта система управления ссылкой постоянно давала сбои и являлась головной болью для сибирской администрации всех уровней.

Говоря о генерал-губернаторской системе управления в Сибири, следует учитывать еще одно обстоятельство: генерал-губернатор был не только высшим административным лицом в крае, но главой местного общества. Естественно, что и его семейство становилось центром этого же общества. Участие в светской жизни, представительские, благотворительные и иные функции были неуставными обязанностями генерал-губернатора, пренебрегать которыми было ни в коем случае нельзя.

В выполнении этих неуставных обязанностей немаловажную роль играли культура самого генерал-губернатора, членов его семьи, в первую очередь жены, умение общаться с людьми, стремление быть всегда на виду или, наоборот, отсутствие оногo... Изучение жизненного пути сибирских генерал-губернаторов позволяет утверждать, что большая часть из них были людьми незаурядными. Попад в Сибирь по воле монарха и призванные законом быть верховными представителями и блюстителями его интересов на местах, многие из них довольно скоро если не превращались в истинных сибиряков, то становились настоящими радетелями интересов этого края, поборниками развития культуры и образования, нравственного совершенствования всего сибирского общества.

Следует учитывать еще одно обстоятельство. В начале XIX в. собственной интеллигенции в Сибири практически не было. Ее отсутствие в определенной степени компенсировалось чиновничеством. Характеризуя последнее, лидер сибирского областничества Г. Н. Потанин отмечал, что «...эти чиновники иногда с университетским образованием ...поднимали в местном обществе не только вопросы внешней культуры, но и приучали его интересоваться и русской литературой и вопросами общественной и государственной жизни»⁶⁷⁸. Генерал-губернаторы как бы олицетворяли этот высший чиновничий мир, которому стремились подражать и, в известной мере, даже копировать. Разумеется, каждый генерал-губернатор вел себя индивидуально. Однако сама должность диктовала ему определенные каноны общественного поведения, за соблюдением которых незримо, но очень внимательно следило местное общество. В этом проявлялось нравственное влияние личности генерал-губернатора на окружающих его людей.

6.2. Наследники М. М. Сперанского. Социальный портрет

Что же собой представляла верхушка правящей местной бюрократии? За период существования (1822–1887 гг.) генерал-губернаторства Восточной Сибири (с 1887 по 1917 г. Иркутского) и генерал-губернаторства Западной Сибири (1822–1882 гг.) на должностях главных начальников края побывало соответственно 19 и 9 человек. Произведя необходимые расчеты, увидим, что средний срок пребывания на должности генерал-губернатора составлял около 6 лет. Этот показатель вполне сопоставим с другими генерал-губернаторствами Азиатской России. Так, например, в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) он составлял 5,5 года, в Степном (1882–1917 гг.) – 6 лет, в Туркестанском (1867–1917 гг.) был несколько ниже – 4 года.

Аналогичная картина прослеживается и в других окраинных генерал-губернаторствах империи. В Варшавском он равнялся примерно 4,3 года, на Кавказе – 6 годам, в Финляндии – 7,6 года. Обращают на себя внимание личности, которые возглавляли вверенные им генерал-губернаторства по 10 и более лет. В Восточной Сибири ими были А. С. Лавинский, В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев, М. С. Корсаков и А. Д. Горемыкин, в Западной Сибири – Г. Х. Гасфорд и П. Д. Горчаков. Среди «долгожителей» других азиатских генерал-губернаторств следует выделить первого Туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана (1867–1882 гг.), И. И. Воронцова-Дашкова на Кавказе (1905–1916 гг.), Ф. Ф. Штейнгеля (1810–1823 гг.) и Н. В. Адлерберга (1860–1881 гг.) в Финляндии. Рекорд по продолжительности службы на посту генерал-губернатора принадлежит А. С. Меншикову, который возглавлял Великое княжество Финляндское 24 года (1831–1854 гг.) Случаи пребывания в должности генерал-губернатора в течение года или менее были крайне редки. Источники зафиксировали лишь один такой факт, связанный с именем А. С. Сулимы, который пробыл генерал-губернатором Восточной Сибири всего 9 месяцев, но затем был переведен на аналогичную должность в Западную Сибирь. Характерное для правительства стремление менять губернаторов в годы кризисных народных волнений и революционных событий⁶⁷⁹ не прослеживается на уровне генерал-губернаторов. Наоборот, в годы острых общественно-политических кризисов, например 1879–1881, 1905–1907 гг., в России учреждаются временные гене-

рал-губернаторства с весьма широкими полномочиями их главных начальников. Иными словами, генерал-губернаторское правление на окраинах империи выглядело весьма стабильным.

Генерал-губернаторы Сибири не только формально, но и на деле были верхушкой местной правящей бюрократии. Все генерал-губернаторы, за исключением трех, были военными в чине генерал-лейтенанта или полного генерала⁶⁸⁰, что соответствовало 3-му и 2-му классу Табели о рангах. Таким образом, сибирские генерал-губернаторы на деле принадлежали к верхушке правящей бюрократии не только Сибири, но и России в целом. По возрасту на момент назначения они распределялись следующим образом: от 35 до 40 лет – двое, от 40 до 50 лет – шестеро, от 50 до 60 – девять и старше 60 лет – трое. Таким образом, больше половины генерал-губернаторов были старше 50 лет. Средний возраст генерал-губернаторов в Восточной Сибири составлял 43 года, в Западной Сибири он был существенно выше – 53 года. Эти цифры вполне корреспондируются с общероссийскими показателями. Для большинства генерал-губернаторов служба в Сибири стала пиком служебной карьеры. Лишь пять человек продолжили службу далее, причем двое на таких же должностях: так, Сулима в 1834 г. был переведен генерал-губернатором из Восточной в Западную Сибирь, а Игнатьев в 1889 г. назначен Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором. Службу в армии продолжил Капцевич – в качестве командира отдельного корпуса внутренней стражи, Мещеринов командовал войсками Казанского военного округа, а Горчаков принял активное участие в Крымской войне. Для большинства же генерал-губернаторов после отставки следовало назначение в Государственный совет – 9 человек, Сенат – 3 человека или иные почетные комитеты. Никто из генерал-губернаторов, за исключением Руперта, не был отдан под суд или отстранен от должности за служебные упущения. На Дальнем Востоке, в степных и туркестанских областях должности генерал-губернаторов занимали исключительно военные, что было связано со сложными приграничными отношениями России с соседями в этих регионах. К сожалению, не все послужные списки сохранились до наших дней. Тем не менее, из оставшихся видно, что генерал-губернатором Сибири, как и других азиатских окраин империи, мог стать лишь человек, прошедший хорошую бюрократическую лестницу гражданской или военной службы. Сибирские генерал-губернаторы особенно первой половины XIX в. отнюдь не

были паркетными генералами. Как правило, они принимали участие в военных кампаниях России того времени. Так, например, первый западносибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич (1822–1827 гг.) в качестве командира пехотных полков участвовал во всех известных сражениях Отечественной войны 1812 г. (Смоленск, Бородино, Малоярославец, Лейпциг), за что был отмечен многими боевыми наградами, в том числе орденами Св. Георгия 2-й и 3-й степени и золотой шпагой с бриллиантами. Его преемник на этом же посту И. А. Вельяминов (1827–1834 гг.) за отличия в сражении под Аустерлицем был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Активным участником войны с наполеоновским нашествием был генерал-губернатор Восточной, а затем Западной Сибири А. С. Сулима. Он принимал участие в сражениях под Аустерлицем, Витебском, Смоленском, Бородино, Тарутино, Кениксбергом, Дрезденом, Лейпцигом, был дважды ранен. За участие в войне с Наполеоном А. С. Сулима был отмечен многими наградами, в том числе орденом Св. Георгия 3 степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость». Не случайно портреты Капцевича, Вельяминова, Сулимы помещены в портретной галерее героев войны 1812 г. в Эрмитаже.

В военных действиях участвовали и многие другие сибирские генерал-губернаторы: С. М. Броневский сражался в 1804–1805 г. на Кавказе, штурмовал крепости Дербент и Баку; П. Д. Горчаков отличился в финляндском походе в 1808–1809 гг., сражении под Рущуком в Молдавии в 1810 г.; В. Я. Руперт участвовал в Рско-турецкой войне 1811–1812 гг. и заграничных походах русской армии 1813 г. Как видим, генерал-губернаторы Сибири первой половины XIX в. не на словах, а на деле были боевыми генералами. Своим выдвижением на один из самых высоких постов в губернской администрации они были обязаны репутации, приобретенной в годы войны с наполеоновской Францией. Таким образом, можно утверждать, что именно армия служила источником формирования генерал-губернаторского корпуса как составной части государственного строя России. Однако никто из генерал-губернаторов до назначения в Сибирь не был с нею знаком⁶⁸¹, не имел серьезного опыта административно-хозяйственной и управленческой деятельности. Отсутствие последнего многие генерал-губернаторы стремились подменить армейскими командными действиями. Не случайно Руперт еще до своей отправки в Сибирь предложил «ввести в этом крае более военное, нежели гражданское управление», губернаторов впредь назначать из генерал-

майоров, а окружных начальников, полицмейстеров и заседателей – из штаб- и обер-офицеров⁶⁸². Между тем при приоритете военно-политических задач административно-хозяйственная деятельность занимала большой удельный вес в повседневных заботах генерал-губернатора. Если к этому добавить сложную географическую конфигурацию, особенности природно-климатических условий региона, плохое состояние коммуникаций, наличие в крае нескольких крупных земельных собственников, становится очевидным, что наличие административно-хозяйственных навыков или отсутствие оных могло оказать существенное влияние на деятельность главных начальников края. Незнание генерал-губернаторами основ управленческой деятельности приводило подчас к принятию весьма спорных решений, граничивших, по отзывам современников, с «совершенным произволом», к вседозволенности любимцев и бесконечной бумажной волоките⁶⁸³.

Подобная практика административно-хозяйственной деятельности генерал-губернаторов не оставалась незамеченной в Петербурге. Министры внутренних дел и финансов по мере возможностей пытались оказывать влияние на выбор кандидата императором. Тем не менее назначение генералов на генерал-губернаторские должности продолжалось и во второй половине XIX в. Однако, как показывает анализ их деятельности, в большинстве своем они оказались более подготовленными к исполнению возложенных на них обязанностей, чем предшественники. Изучение послужных списков генерал-губернаторов свидетельствует о том, что они до своего назначения уже имели определенный опыт гражданского правления. Так, например, Н. Н. Муравьев был тльским военным и гражданским губернатором; сменивший его М. С. Корсаков до назначения генерал-губернатором в 1861 г. 13 лет прослужил в Сибири, участвовал в знаменитых Амурских сплавах, а с 1855 г. был губернатором Забайкальской области; Д. Г. Анучин с 1865 по 1879 г. служил родомским, П. И. Кутайсов с 1873 по 1880 г. Нижегородским губернаторами; А. Н. Селиванов познакомился с Сибирью во время службы начальником штаба Приамурского военного округа в 1899–1901 гг.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в Западной Сибири. Н. П. Казнаков до назначения в Сибирь был киевским военным и гражданским губернатором; реформированием системы податей и сборов в качестве офицера Генерального штаба пришлось заниматься Г. В. Мещеринову.

Наряду с вышеназванными следует отметить еще одно требование, которому, по мнению правительства, должны были отвечать генерал-губернаторы Азиатской России, – это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности. Оно логически вытекало из сопредельного положения сибирских областей и губерний, активной внешней политики России на дальневосточных и среднеазиатских рубежах – с одной стороны, и невозможностью детально контролировать и направлять этот процесс из Петербурга – с другой. Некоторые из генерал-губернаторов своей предшествующей службой были неплохо подготовлены к исполнению такого рода обязанностей. Так, уже упоминавшийся Д. Г. Анучин в 1879 г. был заведующим гражданскими делами России в Болгарии и в качестве члена официальной российской делегации участвовал в работе Берлинского конгресса. Однако гораздо больший опыт такого рода был у Дюгамеля, который в 30-х гг. неоднократно выполнял важные дипломатические поручения российского правительства в Турции, был генеральным консулом России в Египте, а позже послом в Тегеране.

В то же время среди сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX – начала XX в. можно встретить и кадровых военных, жандармских генералов. Таковыми были в Восточной Сибири А. П. Игнатьев и П. А. Фредерикс, в Западной Сибири – Г. Х. Гасфорд. Таким образом, в рассматриваемый период времени сибирскими генерал-губернаторами служили лица, имевшие немалый опыт военно-политической, административно-хозяйственной и даже дипломатической деятельности.

Не отличалось в этом отношении соседнее Приамурское генерал-губернаторство. Сохранились послужные списки пяти из шести генерал-губернаторов этого региона. Из их анализа видно, что четверо из пяти не были новичками на служебном поприще, имея опыт пребывания на различных руководящих должностях еще до своего назначения генерал-губернаторами. Так, Духовский был военным губернатором Эрзерумской области, Субботич – Закаспийской, Гондатти – Сыр-Дарьинской. Кроме того, Градеков и Гондатти хорошо знали край еще до своего назначения. Первый ряд лет служил помощником приамурского генерал-губернатора и в этом качестве ревизовал остров Сахалин, а Гондатти заведовал переселенческим отделом в Приамурье. Любопытно, что карьеры Духовского и Градекова не завершились на Дальнем Востоке. Позже они оба продолжили службу в качестве генерал-губернаторов Туркестана.

По своему сословному происхождению все сибирские генерал-губернаторы рассматриваемого почти 100-летнего периода были дворянами, причем четверо из них принадлежали к княжеским (Горчаков), графским (Игнатьев, Кутайсов) и баронским (Фредерикс) родам, а пятый – Н. Н. Муравьев-Амурский – получил титул графа за службу в Сибири. Таким образом, удельный вес титулованной аристократии среди сибирских генерал-губернаторов был достаточно высок и составлял около 23 %. Однако с двором были связаны немногие. Лишь Фредерикс и Муравьев имели свитское звание генерал-адъютанта, а Князев – придворное звание камергера. В остальных генерал-губернаторствах Азиатской России наблюдается примерно такая же картина. В степных областях и Туркестане владельцев титула среди генерал-губернаторов не было совсем.

Подавляющее большинство генерал-губернаторов получило военное образование. Сохранившиеся формулярные и послужные списки свидетельствуют, что, как правило, они заканчивали кадетские корпуса, реже специальные (артиллерийские, кавалерийские) училища, четыре человека – Вельяминов, Муравьев, Дюгамель, Игнатьев – были выпускниками привилегированного Пажеского корпуса, трое – Лавинский, Сулима, Горчаков – получили домашнее образование. По поводу последнего следует сказать особо. Домашнее образование было распространено в дворянских семьях в XVIII – начале XIX в. К нему не следует относиться скептически, хотя, по мнению исследователей, оно уступало систематическому курсу гимназий. Немало зависело от подбора учителей и программы обучения, составлявшейся, как правило, индивидуально. Так, например, домашнее образование получил П. С. Мордвинов, ставший впоследствии одним из крупнейших экономистов Европы⁶⁸⁴.

К сожалению, национальный состав генерал-губернаторского корпуса не может быть проиллюстрирован, так как формулярные списки не содержат соответствующей графы. Сведения о вероисповедании не могут в данном случае выступать в качестве критерия, поскольку они отнюдь не подтверждают связь между национальным происхождением и религиозными убеждениями. Тем не менее отметим, что подавляющее большинство генерал-губернаторов исповедовали православие. Другие конфессии – например, католицизм, или лютеранство – представлены лишь отдельными личностями.

Значительный интерес представляют сведения об имущественном положении генерал-губернаторов. Однако лишь в еди-

ничных формулярных списках содержатся сведения о движимом и недвижимом имуществе, принадлежащем генерал-губернаторам на правах собственности. Поэтому для надежных выводов в данном случае нет основания. Однако не подлежит сомнению, что для большинства генерал-губернаторов единственным источником доходов была служба, что в XIX и тем более в начале XX в. не было редкостью. Тем не менее в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие охарактеризовать источники доходов этих высокопоставленных слуг государства. Основанием для таких суждений являются штатные расписания, которые довольно точно фиксируют основные статьи расходов на содержание генерал-губернаторов, именные указы о назначении на должность, о персональных надбавках к денежным выплатам, иные документы. В Европейской России на первом месте по размерам бюджета были Санкт-Петербургское и Московское генерал-губернаторства. В среднем на одну штатную единицу там приходилось 1700 руб. бюджетных ассигнований. В остальных генерал-губернаторствах этот показатель был значительно ниже. Следует также отметить, что во всех генерал-губернаторствах Азиатской России сметой предусматривалось от 5 тыс. до 10 тыс. руб. на экстраординарные расходы.

Штаты сибирских генерал-губернаторств были утверждены в 1822 г. одновременно с «Учреждением для управления Сибирских губерний». В Западной и Восточной Сибири штатное расписание, равно и оклады служащих, были примерно одинаковыми. Например, жалованье советника Главного управления составляло 3 тыс. руб. в год, столоначальника – 1500 руб., советник губернского правления получал 560 руб., а секретарь того же губернского правления – всего 280 руб.⁶⁸⁵. Доходы генерал-губернаторов складывались из жалованья по должности, столовых сумм и ассигнований на разъезды. Квартирные деньги, обычные для большинства чиновников, (деньги на наем жилого помещения) генерал-губернаторам не выплачивались, так как законом предусматривалось предоставление им, как и гражданским и военным губернаторам, служебного помещения. В Иркутске резиденцией генерал-губернатора стал купленный казной в 1840 г. у купца Сибирякова особняк в стиле классицизма, расположенный на берегу Ангары и ставший впоследствии знаменитым «Белый дом». После перенесения столицы Западно-Сибирского генерал-губернаторства из Тобольска в Омск там в 50-х гг. XIX в. был построен специальный дворец для генерал-губернатора. Необходимо сделать еще одно

уточнение, касающееся статьи «жалованье генерал-губернатора». Оно включало не только выплаты по должности и чину, размеры которых четко фиксировались законом, но и так называемое добавочное содержание, размеры которого были сугубо индивидуальны и, как правило, значительно превышали совокупные выплаты «по чину и должности».

В рассматриваемый период времени жалованье сибирских генерал-губернаторов составляло 10 тыс. руб. в год, 12 тыс. руб. столовых и выплат на разъезды. Таким образом, законом совокупный доход сибирского генерал-губернатора в конце первой четверти XIX в. определялся более чем в 22 тыс. руб. в год. Это была весьма значительная сумма, многократно превышающая жалованье подчиненных генерал-губернатора. В то же время следует отметить, что на практике жалованье по должности и чину, столовые, другие выплаты были не единственными источниками денежных поступлений в бюджет генерал-губернатора. Весьма существенной его частью были разовые денежные «дотации», т. е. выплаты, связанные со вступлением в должность. В данном случае имеются в виду не деньги, выделяемые «на обзаведение», или «прогонные» (путевые расходы, связанные с переездом на новое место службы), а выкуп казной заложенного имения генерал-губернатора (если таковое имелось), оплата долгов, предоставление длительного беспроцентного кредита. Эта практика была весьма распространена в первой половине XIX в., но ее рецидивы можно наблюдать и в последующий период сибирской истории. В 1806 г. одной из важных «побудительных» причин согласия И. Б. Пестеля стать сибирским генерал-губернатором были большие долги, заставлявшие его «искать средства исправить свое состояние...». Надо сказать, что надежды Пестеля оправдались. При вступлении в должность ему «из казны было выдано 40 тыс. руб. на десять лет без залога и процентов...», которые и пошли на уплату долга⁶⁸⁶. В 1837 г. В. Я. Руперту при назначении генерал-губернатором было пожаловано 10 тыс. руб. на уплату долгов и еще 10 тыс. для проезда в Иркутск⁶⁸⁷.

М. С. Корсакову в 1861 г. при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири одновременно «на обзаведение» из казны было выделено 10 тыс. руб.⁶⁸⁸ Подобные выплаты имели место, как правило, в связи с назначением на должность главного начальника края. Для всех остальных категорий служащих они были исключены.

Наследие М. М. Сперанского

Введенное «Сибирским учреждением» 1822 г. штатное расписание и равенство окладов генерал-губернаторов обеих частей Сибири было формальным и на практике соблюдалось только в первые годы. Впоследствии государство отказалось от этого принципа, введя дифференцированные надбавки, размер которых был сугубо индивидуален. А. И. Дюгамель, будучи генерал-губернатором Западной Сибири в 1861–1866 гг., получал 18 тыс. руб. в год, а уже упоминавшегося М. С. Корсакову (1861–1871 гг.) было решено платить существенно больше – 23 тыс. руб. Примерно такой же доход был и у предшественника Корсакова. Накануне отставки в 1861 г. жалованье генерал-адъютанта, генерала от инфантерии генерал-губернатора графа Н. Н. Муравьева-Амурского складывалось из жалованья по чину – 1394 руб. 25 коп., жалованья по званию генерал-губернатора – 2802 руб., столовых – 3396 руб. 72 коп., выплат на разъезды – 1715 руб. 40 коп. и прибавочных лично ему – 15 тыс. руб. Итого – 24 308 руб. 37 коп.⁶⁸⁹ Жалованье Муравьева-Амурского вполне сопоставимо с жалованьем его преемника на этом посту М. С. Корсакова, с той лишь разницей, что последний при вступлении в должность имел чин генерал-майора. К этому следует добавить, что в 1858 г. Корсакову за участие в присоединении Амура Александром II была пожалована пожизненная пенсия в 2 тыс. руб. в год. Подчеркнем, что, несмотря на определенные различия, размер жалования генерал-губернатора был весьма значительным и позволял даже при отсутствии имения вести достойный этой должности образ жизни и выполнять свойственные должности представительские обязанности.

О том, насколько высоко оценивало правительство труд генерал-губернатора, можно судить из сопоставления размеров жалованья генерал-губернатора с жалованьем гражданских и военных губернаторов сибирских губерний и областей. Возьмем для рассмотрения временной отрезок 1860–1870-е гг. В этот период генерал-губернатор Западной Сибири А. П. Хрущов (1866–1875 гг.)

получал следующее содержание: по званию генерал-губернатора – 10 тыс. руб., добавочное – 3503 руб., столовых – 2802 руб. и по званию командующего войсками – 1356 руб. Итого: 17 661 руб.⁶⁹⁰ Его коллега – генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков (1861–1871) в тот же период получал жалованья по чину 1356 руб., жалованья по званию генерал-губернатора 2802 руб., прибавочного содержания 14700 руб., на разъезды 1715 руб. 40 коп., столовых 3362 руб., и пенсии 2 тыс. руб. Итого: 25 935 руб.⁶⁹¹ Для сравнения приведем данные за тот же период времени по денежному содержанию их коллег губернского и областного уровня. В частности, тобольский гражданский губернатор (1862–1867 гг.), действительный статский советник А. В. Виноградский получал всего 2687 руб., в том числе: жалованья – 1400 руб., столовых – 600 и квартирных 687 руб.⁶⁹²; томский гражданский губернатор (1868–1871 гг.), действительный статский советник Н. В. Родзянко, имевший знак отличия за безупречную службу и бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг., получал существенно больше – 8032 руб. (в том числе жалованья и столовых по 1716 руб., прибавочного – 2 тыс., арендных – 1200 и квартирных – 120 руб.); у военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска Н. П. Дитмара (1864–1874 гг.) содержание составляло 4 тыс. руб. – по 2 тыс. жалованья и столовых⁶⁹³.

В 1875 г. Генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков получал жалованье в размере 20 158 руб., в том числе 3 тыс. руб. пенсии. В этот же период времени денежное содержание его коллеги из Восточной Сибири барона П. А. Фредерикса составляло 23 856 руб. При этом он не получал пенсии и добавочного жалованья, однако ежемесячные выплаты ему по должности генерал-губернатора равнялись 19 тыс. руб. К этому добавлялись 1 356 руб. жалованья по чину и 3 500 – столовых⁶⁹⁴.

Для сравнения добавим, что именным указом от 4 января 1885 г. А. П. Игнатьеву при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири было назначено содержание в размере 19 тыс. руб. в год⁶⁹⁵. В то же время по штатам управления 1887 г. канцелярским чиновникам полагалось 900 руб. в год, а канцелярские служители довольствовались еще меньшим жалованьем⁶⁹⁶. Таким образом, можно заключить, что разница между годичным содержанием высшей сибирской администрации и бо-

лее низкого звена чиновничьего аппарата была весьма значительной, а подчас просто огромной. Следует отметить, что жалование представителей высшей сибирской администрации, как следует из приведенных выше данных, было весьма вариативным. Прежде всего это замечание относится к персональным выплатам по должности генерал-губернатора. Можно предположить, что одним из определяющих факторов здесь являлась сложность и важность задач, которые предстояло решать тому или иному генерал-губернатору в своем крае.

Приведенные данные о генерал-губернаторах позволяют охарактеризовать эту высокопоставленную прослойку царских управленцев гораздо яснее и шире, чем это делалось до сих пор. Напомним, что по своим возрастным характеристикам это были вполне работоспособные, а не обремененные старческими недугами люди. Большинство из них до вступления в должность имело значительный опыт военной, а подчас и управленческой деятельности, что в глазах правительства служило залогом успешного выполнения стоящих перед ними задач. Уровень образования большинства генерал-губернаторов – кадетские корпуса – был типичным для крупных администраторов империи того времени. В российском законодательстве XVIII в. наметилась, а в XIX в. усилилась тенденция к оформлению специальных норм, формирующих юридические основы государственной службы в Сибири. Базируясь на общеимперском законодательстве, организация генерал-губернаторской власти в Сибири в то же время основывалась на специально разработанных для данного региона законодательных актах, важнейшим из которых было «Сибирское учреждение» 1822 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своих планах дать для Сибири особое управление М. М. Сперанский опирался как на общие идеи об устройстве государственного управления, так и на частные предложения об исправлении сибирского административного аппарата. Сам он в специальной записке разъяснял: «Учреждения для Управления Сибирских губерний и Уставы не суть проекты, составленные для улучшения настоящего порядка. Они суть необходимые разрешения на такие затруднения, кои давно и многократно в Сибири были замечены, и без отвращения коих управление сего края обойтись не может»⁶⁹⁷. Особое управление для Сибири, указывал М. М. Сперанский, было обещано еще в 1783 г., и с этого времени неоднократно к этому обещанию возвращались. Так же обстояло дело и с уставами. «Устав об управлении инородцев» был признан необходимым еще в 1764 г. при ревизии Щербачева; «Устав о киргизах» предлагал генерал-лейтенант Г. И. Глазенап; «Устав о казаках» предусматривал И. О. Селифонтов. Также предлагались ранее и уставы о ссыльных, об этапах, об устройстве и содержании дорог, о запасных магазинах. Очевидно, чтобы преодолеть возможные возражения против проектируемых мер, М. М. Сперанский стремился опереться на определенную традицию, показать, что реформы давно назрели. Заключал записку важный вывод: «Таким образом, все Сибирское Учреждение не суть управление или меры, к улучшению только порядка нужные; они суть необходимые условия, без коих самый порядок сей существовать не может»⁶⁹⁸.

М. М. Сперанский не собирался ограничивать генерал-губернаторскую власть в Сибири, значение силы и самостоятельности которой он вполне сознавал. Он намеревался строить эту власть на несколько иных принципах: законность, разделение и единство власти, создание противовесов единоличной власти на всех уровнях управления. Основную административную задачу М. М. Сперанского Г. С. Батеньков определял как желание «дать самодержавному правлению логическое, прочное, мирное юридическое устройство и, сколько возможно, облегчить и оградить его действие, требующее свыше человеческих сил»⁶⁹⁹. Эти принципы содержались как во «Введении к уложению государственных законов» 1809 г., так и в «Учреждении для управления Сибирских губерний» 1822 г. Между этими двумя документами лежало не

просто десятилетие, но и важные политические и личные события, оказавшие влияние на взгляды М. М. Сперанского. Отстранение от большой политики и ссылка 1812 г., административный опыт местного управления в Пензенской губернии, а также «поправление» правительственного курса после Отечественной войны не могли не сделать М. М. Сперанского реалистом. Отправляясь в Сибирь, он сознавал, что это для него не просто ревизия и подготовка очередной реформы, но и возможность вернуться к большим государственным делам, оправдавшись в глазах не только монарха, но и влиятельных сановников. Поэтому необходимо было подготовить проект нового административного устройства Сибири но и сделать его удобоприемлемым для влиятельных лиц из царского окружения.

Осторожность, умение лавировать, учитывать всевозможные влияния и мнения – эти качества всегда были присущи М. М. Сперанскому. Опала и Сибирь лишь обострили их. Л. И. Голенищев-Кутузов в дневнике за 1821 г. записал: «Сперанский стал совершенным царедворцем и даже заискивает у лиц, которые ему совсем не могут быть полезны»⁷⁰⁰. Историк С. М. Середонин отмечал, что М. М. Сперанский сибирскими реформами «держал экзамен своего рода, причем он хорошо знал желание и мысли своих экзаменаторов»⁷⁰¹. Возвращаясь из Сибири, М. М. Сперанский не преминул заехать в Рязань, где встретился с главой «экспериментального» генерал-губернаторства А. Д. Балашевым, навестил в Грузино А. А. Аракчеева, чтобы, как он сам пишет, провести несколько времени в «искренней беседе»⁷⁰². Не забывает М. М. Сперанский и такой мелочи, как привезти из Кяхты всесильному временщику чай. При этом подарок сопровождается угодливой запиской: «От всего сердца желаю, чтобы почтенный и мною чтимый настоятель Грузина не имел нужды в строгом посту и мог употреблять мой чай вместо ромашки»⁷⁰³. Эта идиллия в отношениях М. М. Сперанского со «змеем» А. А. Аракчеевым раздражала многих современников.

Существует изначальная сложность в выявлении личных позиций М. М. Сперанского. На вопрос профессора Казанского университета С. В. Пахмана Г. С. Батеньков отвечал, что очень трудно написать биографию М. М. Сперанского, так как его жизнь «полна только изнутри, а не извне. В последнем случае, – делал вывод декабрист, – представления ее было бы крайне односторонним и,

что всего неприятнее, ошибочным и ложным. Он делал иногда, но не сделал ничего в полном и свободном употреблении своих моральных сил. Находясь большую часть жизни в страдательном противоречии с современными обстоятельствами и стихиями, он представляет извне послушного, миролюбивого, покорного, с отречением от своего я труженика»⁷⁰⁴. Однако утверждать, как это делал С. М. Середонин, что Сибирь была для М. М. Сперанского лишь «второй ступенью» для возвращения в Петербург, а «Сибирское учреждение» написано «как бы мимоходом», так как интересы его автора были всегда далеки от Сибири, было бы известной крайностью⁷⁰⁵.

Сибирь, по мере того как М. М. Сперанский с ней знакомился, увлекла его, дала ему возможность не только восстановить погнанную там справедливость, но и реализовать, пусть далеко не все, ранее уже усвоенные принципы административной политики. Сам М. М. Сперанский писал дочери 1 февраля 1820 г.: «Сибирь для меня есть театр довольно выгодный». Реформа государственного управления в Сибири, проведенная М. М. Сперанским, стала отражением правительственных поисков оптимального административного устройства регионального управления. В этом смысле она связана с целым рядом проектов, выдвинутых в начале XIX в., и находится в русле общих процессов перестройки системы государственного механизма. «Сибирское учреждение» 1822 г. надолго определило основные принципы административно-территориального устройства региона. Административные преобразования М. М. Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствовало о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами краем комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную «концепцию Сибири».

Первая четверть XIX в. ознаменовалась обострением внимания самодержавия к организации управления окраинами. Появился целый ряд законодательных актов, предусматривавших широкий диапазон методов региональной политики: от федеративных принципов до простой деконцентрации административного аппарата. В 1809 г. была дана конституция Финляндии; в 1815 г. – Царству Польскому; автономное управление существовало в 1812–

1828 гг. в Бессарабии; действовало особое законодательство по управлению Прибалтийскими губерниями; разрабатываются специальные положения об управлении Закавказьем, Оренбургским краем, Областью Войска Донского. В 1819 г. при Министерстве иностранных дел был учрежден Азиатский комитет, который, помимо внешнеполитических вопросов, занимался делами по управлению казахов. В русле этих преобразований следует рассматривать и административную политику самодержавия в Сибири. В проекте 1809 г. М. М. Сперанский отмечал пять областей, где, по его мнению, требовался особый порядок управления. В их числе была и Сибирь⁷⁰⁶. Во время сибирской ревизии ходили даже слухи, что М. М. Сперанский намеревается «сделать из Сибири Финляндию»⁷⁰⁷⁶²⁴. Управляющий делами первого Сибирского комитета Г. С. Батеньков утверждал, что существовала мысль провести реформирование, аналогичное сибирскому, и на других окраинах империи. Сибирь представлялась удобным объектом для законодательного экспериментирования⁷⁰⁸. Как отметил современный исследователь А. А. Хоч, «сибирский вопрос», таким образом, стал составной частью правительственных планов по реорганизации управления национальными окраинами и олицетворял собой «азиатское» направление в административной политике царизма⁷⁰⁹.

Несомненно, сибирская административная реформа 1822 г. явилась важным шагом на пути рационализации местного управления, введения его в правовые рамки. Не случайно многие положения сибирской административной реформы М. М. Сперанский затем пытался внести в общероссийское законодательство. По поздней оценке Г. С. Батенькова, М. М. Сперанский «успел однако же высказать много добрых начал и оставил нам очерки великого здания, которыми наука воспользоваться может. Но он же первый открыл дверь и бесчисленным перестройкам, которые предпринимать всем показалось легким»⁷¹⁰. Сибирские преобразования носили в целом бюрократический характер. Отказ М. М. Сперанского от привлечения к управлению выборных представителей вызывал самую энергичную критику. Н. И. Тургенев спрашивал: «Было ли в сем новом устройстве принято и проведено надлежащим образом в действительную жизнь то важное начало местного самоуправления, которое полезно везде, является совершенно необходимым в Сибири, по великому распространению и малому населению края»⁷¹¹. За это же упрекали М. М. Спе-

ранского и сибирские областники. Впрочем, патриот Сибири Н. М. Ядринцев, как бы в оправдание М. М. Сперанского, заметил: «О управлении Сперанского с исторической точки зрения можно только сказать, что при старых условиях и при существовавшей обстановке, без солидных учреждений, на отсутствие которых он жаловался, при поголовном невежестве общества, злоупотреблениях исполнителей, он и не мог произвести существенных изменений дел в ходе сибирской администрации»⁷¹². Самостоятельность сибирского (прежде всего иркутского) купечества в период правления И. О. Селифонтова и И. Б. Пестеля была разрушена.

Большое значение имели для Сибири уставы и положения по отдельным отраслям управления. Но и они в значительной степени, как заметил еще В. И. Вагин, означали «только стройную кодификацию узаконений, изданных в разное время и не соединенных до того не только в систематическое, но и ни в какое целое». «Сибирское учреждение» 1822 г. на целое столетие законодательно закрепило управленческую специфику Сибири. 20 мая 1831 г. было подтверждено, что никакой новый закон не распространяется на Сибирь, если в нем об этом специально не указано⁷¹³. Но основная цель М. М. Сперанского – установить законность в управлении – оказалась в целом не достигнута. Многие из провозглашенных мер на практике не получили полного воплощения. Но упорядочить сибирское законодательство М. М. Сперанскому все же удалось. «Сибирское учреждение» 1822 г. можно рассматривать в качестве первого опыта создания своеобразного свода сибирских законов, и в этом отношении сибирская кодификация опередила общероссийскую ровно на десять лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. В 2 т. СПб., 1861. Ч. 1, 2. С. 201, 235.
2. Там же. С. 192, 237.
3. Чернышевский Н. Г. Собр. соч. Т. 7. С. 811.
4. Герцен А. И. Былое и думы. М. : Б-ка всемир. лит., 1969. С. 219.
5. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. В 2 т. СПб., 1872.
6. Щапов А. П. Соч. Т. 3. СПб., 1908. С. 154.
7. Там же. С. 663.
8. Там же. С. 670.
9. Там же. С. 677.
10. Там же. С. 674–677.
11. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 319–320.
12. Там же. С. 328–337.
13. Там же. С. 342.
14. Там же. С. 343–345.
15. Там же. С. 107–108, 349–351.
16. Там же. С. 350, 355–369.
17. Прутченко С. Сибирские окраины. В 2 т. Т. 1. СПб., 1899. С. 100.
18. Там же. С. 279.
19. Там же. С. 231–235.
20. Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Совет. Север. 1929. № 1. С. 87–89, 91, 92.
21. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. М. ; Л., 1940. С. 198.
22. Мурзина А. И. Реформа Сперанского в Западной Сибири // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1950. № 115, вып. 1. С. 101.
23. Там же. С. 104–105.
24. Там же. С. 105.
25. Там же. С. 107.
26. Там же. С. 114.
27. Светличная Л. И. Преобразовательные планы и административная деятельность Сперанского в Сибири (1819–1822 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.
28. Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1983. С. 55–56.
29. Там же. С. 53–55.
30. Там же. С. 62–63.
31. Там же. С. 64–65.
32. Там же. С. 71–72.
33. Там же. С. 72–73.
34. Там же. С. 72–73.
35. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1986. С. 41, 92.
36. Там же. С. 91–92.
37. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 453–465.
38. Там же. С. 458.
39. Там же. С. 459–461.
40. Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1983. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – нача-

ла XX в.; Иркутск, 1986. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь ... С. 459–461; Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) Иркутск, 2002.

41. Raeff M. Siberia and reforms of 1822. Seattle, University of Washington press, 1956. 210 p.

42. Там же. Р. 252.

43. Там же. Р. 244.

44. Там же. Р. 260.

45. Stephan J. J. The Russian Far East. A History. Stanford University Press. Stanford, California, 1994. 481 p.

46. Там же. Р. 18–39.

47. Там же. Р. 39.

48. Цит. по: Ермолинский Л. Л. Михаил Сперанский. Иркутск, 1997. С. 24.

49. Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 103.

50. Аракчеев: Свидетельства современников. М., 2000. С. 201.

51. Цит. по: Томсинов В. А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского. М., 1991. С. 46.

52. Там же. С. 47.

53. Там же. С. 63.

54. Там же. С. 69.

55. Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 51.

56. Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 104.

57. Бычков И. А. Дополнительные заметки и материалы к «Жизни графа Сперанского» М. А. Корфа // Рус. старина. 1903. № 9. С. 501.

58. Окунь С. Б. История СССР : лекции. Ч. 1: Конец XVIII – начало XIX в. Л., 1974. С. 137.

59. Цит. по: Сахаров А. Н. Александр I (К истории жизни и смерти) // Российские самодержцы: 1801–1917. М., 1999. С. 59.

60. Цит. по: Труайя А. Александр I, или Северный сфинкс. М., 1997. С. 70.

61. Рус. вестн. 1859. № 10. С. 362.

62. ПСЗ-I. Т. 27. № 20852.

63. Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 290.

64. Греч Н. И. Указ. соч. С. 156.

65. Семейский В. И. Первый политический трактат Сперанского // Рус/ богатство. 1907. № 1. С. 74.

66. Цит. по: Томсинов В. А. Указ. соч. С. 112.

67. Там же. С. 213.

68. Там же. С. 114.

69. Там же. С. 114–115.

70. Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 105, 215.

71. Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 131, 145.

72. Цит. по: Окунь С. Б. Указ. соч. С. 194.

73. Цит. по: Леотович В. В. История либерализма в России: 1762–1914. М., 1995. С. 68.

74. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 5. Соч. в 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 203.

75. Корф М. А. Жизнь графа М. М. Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 111.

76. Кизиветтер А. Исторические силуэты. Ростов н/Д, 1997. С. 324.

77. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 47, 52, 54.

78. Булгарин Ф. Воспоминания. М., 2001. С. 648.

79. Сперанский М. М. Проекты и записки. М., 1961. С. 54.
80. См.: ПСЗ-I. Т. 31. № 24116.
81. Корф М. А. Указ. соч. Т. 1. С. 220–223.
82. Рус. старина. 1900. № 1. С. 57.
83. Карамзин Н. М. Из «Записки о древней и новой России» // Исторические науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.): сб. материалов по истории / под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1990. С. 90.
84. Рус. архив. 1868. Стб. 1640.
85. Рус. старина. 1902. № 3. С. 474.
86. Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство: От Петра I до наших дней. М., 1998. С. 257.
87. Семевский В. И. Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество (1812–1912). М., 1911. Т. 2. С. 236–237.
88. См.: Томсинов В. А. Указ. соч. С. 201; Шильдер Н. К. Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 3. С. 42.
89. Рус. старина. 1855. Т. 47. С. 393.
90. Вяземский П. А. Старая записная книжка. М., 2000. С. 101–102.
91. Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 3. С. 262.
92. Федоров В. А. Указ. соч. С. 132.
93. Там же. С. 134–135.
94. Корф М. А. Указ. соч. Т. 2. С. 92.
95. Булгаков Ф. Указ. соч. С. 650.
96. Вяземский П. А. Указ. соч. С. 104.
97. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 488.
98. Гефтер М. Я. Россия в Сибири // Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 384.
99. Волконский С. О декабристах. По семейным воспоминаниям. Париж, [1921]. С. 66.
100. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 173.
101. Петров М. Западная Сибирь. Губерния Тобольская и Томская. М., 1908. С. 11.
102. Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). СПб., 1869. С. 12, 13.
103. Магницкий М. Л. Дума при гробе графа Сперанского // Письма графа М. М. Сперанского к Х. И. Лазареву. СПб., 1864. С. 97.
104. Киняпина Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вopr. ист. 1983. № 4.
105. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 231–232.
106. Там же. С. 278.
107. Замечания на книгу «Начертания статистики Российского государства», составленные Главного Педагогического института адъюнкт-профессором Арсеньевым. Ч. 1. О состоянии народа. С.-Петербург 1818 г. // Дух журналов. 1818. Ч. 32. С. 137–138.
108. Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1892. Ч. 2. С. 196–197.
109. Записки Василия Семеновича Хвостова // Рус. архив. 1871. № 5. С. 602, 605.
110. Дерлугьян Г. М. Была ли Российская империя колониальной? // Междунар. жизнь. 1991. № 2. С. 98.
111. Вельяминов Н. А. Воспоминание об императоре Александре III // Рос. архив. М., 1994. Вып. 5. С. 313.
112. Записки Василия Семеновича Хвостова. С. 608–609.

113. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 310.
114. Письмо его императорского высочества наследника цесаревича Александра Николаевича 3 июня 1837 г. из Тобольска // Рус. архив. 1912. № 11. С. 405–406.
115. Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 176.
116. РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 550. Л. 65.
117. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 11–12.
118. ГАРФ. Ф. 132. Оп. 1. Л. 14.
119. Асонова А. Ф. Из истории правительственного межевания земель Западной Сибири (1804–1843 гг.) // Вопр. ист. Сибири. Томск, 1970. Вып. 5. С. 130–137.
120. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 264.
121. Кабузан В. М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. (1795–1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3. С. 25.
122. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 192–195.
123. Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987. С. 23.
124. Цит. по: Котионов О. Н. Дорожная повинность крестьян Сибири в XIX в. // Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1983. С. 80.
125. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2071. Л. 115.
126. Там же. Л. 116.
127. Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Иркутск, 1990. С. 27, 29–33, 43–44.
128. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18089. Л. 3.
129. Рабочее движение в Сибири. Т. 1. Томск, 1988. С. 74, 76–79.
130. Хроленок С. Ф. Указ. соч. С. 60–61.
131. Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ. СПб., 1888. Ч. 5. С. 201.
132. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1927. Л. 359.
133. Там же. Л. 436.
134. Там же. Л. 356.
135. Там же. Л. 364–365.
136. Неделя. 1873. № 5.
137. Записки Василия Семеновича Хвостова. С. 607.
138. Словцов П. А. Письма из Сибири. М., 1828. С. 96.
139. РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 511. Л. 28.
140. Письма из Сибири декабристов М. и Н. Бестужевых. Иркутск, 1929. Ч. 1. С. 129.
141. Там же. С. 66, 73. О конкурентной борьбе между московскими и сибирскими купцами в торговле с Китаем через Кяхту см.: Шахеров В. П. Роль русско-китайской торговли в развитии сибирского предпринимательства // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: История и современность. Иркутск, 1996. С. 49–64.
142. Большаков В. Н. Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX в. Новосибирск, 1991. С. 62–63, 71–73.
143. Хартанович М. Ф. Академия наук и Сибирь. (Первая половина XIX в.) // Роль науки в освоении восточных районов страны : тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1992. С. 15.
144. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 3. 1828 г. Д. 229. Л. 47.
145. Там же. Л. 50.

146. Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1965. С. 75–77.
147. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 53.
148. Хоч А. А. Административная политика М. М. Сперанского в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1990. № 5. С. 47.
149. Дамешек Л. М. Местное управление народами Сибири (XVII – 1917 г.) // История и общество в панораме веков : материалы Всесоюз. Байкал. ист. шк. Иркутск, 1990. Ч. 1. С. 69. Подробный анализ «Устава» см.: Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 1986. С. 36–45.
150. Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Шашков С. С. Собр. соч. СПб., 1898. Т. 2. С. 570.
151. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма ... С. 53.
152. Кодан С. В. Законодательство первой половины XIX в. о коренных народах Сибири в освещении советской историографии // Историография народов Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1990. С. 41–42.
153. Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск, 1983. С. 39–66; Он же. Коренное население Енисейской губернии по данным ревизии 1840–1841 гг. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1973. Вып. 3; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 257–260.
154. Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири ... С. 61.
155. Прутченко С. М. Сибирские окраины. СПб., 1899. Т. 2. С. 352.
156. Герцен А. И. Собр. соч. В 8 т. М., 1975. Т. 4. С. 248.
157. Дижур С. Русская ссылка. Ее история и ожидаемая реформа // Рус. богатство. 1904. № 4. С. 49.
158. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 28.
159. Марголис А. Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.) Новосибирск, 1975. С. 224.
160. Кодан С. В. Реформа сибирской ссылки в первой половине XIX в. // Историко-правовые исследования: Проблемы и перспективы. М., 1982.
161. См., напр.: Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 441, 468.
162. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973. С. 378–379.
163. Кабузан В. М. Указ. соч. С. 25.
164. Мамсик Т. С. Ссыльные религиозные протестанты в Сибири в первой четверти XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1983; Она же. Расселение крестьян-раскольников в Западной Сибири по материалам официальной статистики первой половины XIX в. // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. Новосибирск, 1987.
165. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 188. Л. 13.
166. ГАРФ. Ф. 109. I экзп. Оп. 12. 1837 г. Д. 218. Л. 4–5.
167. Там же. Оп. 18. 1843 г. Д. 44. Л. 35.
168. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 38.
169. Сибирь. 1882. 14 февр.
170. Петров М. Западная Сибирь. Губерния Тобольская и Томская. М., 1908. С. 88.
171. Сибирь. 1882. 7 марта.
172. Кузнецов А. С. Царизм и политика «штрафной колонизации» Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. (историографический и методологический аспекты) //

Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск, 1984. С. 89; См. также: Кодан С. В. Ссылка и колонизация Сибири в 1820–1850-х гг. (политико-правовой аспект) // Там же.

173. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3238. Л. 266.
174. РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23763. Л. 9.
175. Нагаев А. С. «Омское дело» 1832–1833 гг. Красноярск, 1991. С. 28.
176. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 9. 1834 г. Д. 192. Л. 30.
177. Записки Руфина Пиотровского. Россия и Сибирь. Б. м., 1863. С. 125.
178. Чернов С. Представление генерал-губернатора Восточной Сибири Броневского о декабристах в 1837 г. // Каторга и ссылка. 1927. № 2. С. 89.
179. РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23763. Л. 12–13.
180. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 445. Л. 4, 6.
181. Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири ... С. 40.
182. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1803 г. Д. 228. Л. 52, 76.
183. Геденштром М. М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830. С. 14.
184. Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959. С. 103–104.
185. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. 1831. Д. 535. Л. 8.
186. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18089. Л. 1.
187. Сватиков С. Г. Россия и Сибирь [К истории сибирского областничества в XIX в.]. Прага, 1930. С. 15–27.
188. Цит. по: Кубалов Б. Г. А. И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862). Иркутск, 1958. С. 60.
189. Барсуков А. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. М., 1891. Кн. 1. С. 205–206.
190. Герсегованов Н. Б. Замечания о торговых отношениях Сибири к России // Отеч. зап. 1841. Т. 14. С. 30.
191. Мордвинов А. А. Возражения на замечания о торговых отношениях Сибири к России // Отеч. зап. 1842. Т. 23. С. 37; Бестужев-Марлинский А. А. Отрывки из рассказов о Сибири // Рус. очерки. М., 1956. Т. 1. С. 155.
192. Фонвизин Д. И. Недоросль // Фонвизин Д. И. Избранное. М., 1983. С. 102.
193. Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Иркутск, 1983. С. 334.
194. Юдельсон А. В. Образ сибиряка в представлении русской общественной мысли XIX в. // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992.
195. Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX в. Новосибирск, 1989. С. 23–43.
196. Сибирь и декабристы. Иркутск, 1988. Вып. 5. С. 47.
197. Сватиков С. Г. Россия и Сибирь. С. 27.
198. Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 50.
199. РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 1014. Л. 14.
200. Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). СПб., 1869. С. 24, 34–35, 106.
201. Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 39; См. также: Рафиенко Л. С. Политика российского абсолютизма по унификации управления Сибирью во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969 г.). Новосибирск, 1973.
202. Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. С. 21.

203. Фойницкий И. Я. Управление ссылки. Б. м., б. г. С. 27.
204. Градовский А. Д. Собр. соч. СПб., 1904. Т. 9. С. 212–213.
205. Фойницкий И. Я. Управление ссылки. С. 28.
206. Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. С. 72; см. также: Парусов А. И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Учен. зап. Горьков. ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Т. 1. С. 157–159.
207. Прутченко С. М. Сибирские окраины. Т. 1. СПб., 1899. С. 70.
208. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 379.
209. ПСЗ-I. Т. 20. № 14868.
210. Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. С. 70–71.
211. Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. Ч. 1. С. 5.
212. Журналы Комитета министров. СПб., 1888. Т. 1. С. 76.
213. Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1892. Ч. 2. С. 166.
214. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1803 г. Д. 224. Л. 16.
215. Там же. Л. 14.
216. Там же.
217. Там же.
218. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1805 г. Д. 118. Л. 4.
219. ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 72. Л. 22.
220. Прутченко С. М. Указ. соч. Т. 1. С. 74–75.
221. Ватин В. А. Восточная Сибирь в начале XIX в. // Сиб. летопись. 1916. № 11–12. С. 541, 565–566; Быконя Г. Ф. Указ. соч. С. 54.
222. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1802 г. Д. 226. Л. 37, 108–109.
223. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1804 г. Д. 229. Л. 7. Уроженец Малороссии С. А. Горновский [Гарновский] в 1773 г. прибыл на службу в Иркутское наместничество, с 1788 г. он – якутский земский исправник, а с 1802 г. – иркутский губернский прокурор. В 1801 г., в связи с намечавшимся образованием Якутской области, вместе с И. Эверсом он предлагал провести реформу местного управления, привлекая к ее разработке «доверенных от главных сословий людей», согласовав интересы «тамошних жителей с пользами и предметами государственными» (История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 452). В 1802–1803 гг. С. А. Горновский представил записки об управлении Якутской областью, о хлебных закупках в Иркутской губернии, об улучшении земледелия в крае, об освобождении Сибири от рекрутской повинности. В 1815 г. он подал министру юстиции Д. П. Троицкому сочинение под названием «Чувствование уединенного размышления». Некоторые из его предложений рассматривались даже Комитетом министров (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 75, 78; Журналы Комитета министров. СПб., 1891. Т. 2. С. 7). Обличительные доносы С. А. Горновского распространялись в списках, становясь произведениями рукописной литературы. (Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970. С. 69–70.)
224. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1804 г. Д. 229. Л. 10.
225. Там же. Л. 13.
226. Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 188–189.
227. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1804 г. Д. 229. Л. 23.
228. Андриевич В. К. Указ. соч. Ч. 1. С. 218.
229. Штейнгейль В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 190.
230. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 77. Л. 58–61.
231. [Ядринцев Н. М.] Администрация в Сибири // Неделя. 1873. 15 апр.
232. РГИА. Ф. 1286. Оп. 54. 1805. Д. 24. Л. 2.
233. Там же. Оп. 1. 1805 г. Д. 118. Л. 1.
234. Там же. Л. 45–47.

235. Шапов А. П. Сибирское общество до Сперанского // Шапов А. П. Соч. СПб., 1908. Т. 3. С. 673. Об общественной роли иркутского купечества в начале XIX в. см. также: Кудрявцев Ф. А., Силин Е. П. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1947. С. 62, 98; Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947. Вып. 1. С. 33–34.
236. Роль городского сословия в Сибири // Вост. обозрение. 1884. 15 марта; Задорожная О. А. Купечество Западной Сибири (конец XVIII-первая четверть XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1995. С. 18–18.
237. Raeff M. Siberia and the reforms of 1822. Seattle, 1956. P. 37.
238. Сватиков С. Г. Россия и Сибирь (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1930. С. 8.
239. Ватин В. А. Восточная Сибирь в начале XIX в. // Сиб. архив. 1916. № 3–4. С. 97–156.
240. Первоначально этот пост предложили бывшему президенту Мануфактур-Коллегии сенатору И. А. Алексееву. Но он отказался, заявляя, что для него Сибирь «представляется заточением». По поводу назначения И. Б. Пестеля Алексеев писал 12 марта 1806 г. Я. И. Булгакову: «Он, как человек молодой и проворный, проводя некоторое время в пустынях, может еще пожить приятно и в человеческом обществе; а в моих летах не хочется: последний остаток дней своих кончить и кости положить между каторжными» (Цит. по: Герасимова Ю. И. Материалы Я. И. и И. М. Булгаковых // Зап. ОР ГБЛ. М., 1968. Вып. 30. С. 62).
241. Записки Ф. Ф. Вигеля. С. 195.
242. Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 188–189.
243. Бумаги И. Б. Пестеля // Рус. архив. 1875. Кн. 1. С. 376.
244. ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
245. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 76.
246. Бумаги И. Б. Пестеля. С. 376.
247. Штейнгейль В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 192–193.
248. Вагин В. И. Исторические сведения ... Т. 1. С. 9.
249. Там же. Т. 2. С. 317.
250. Там же. Т. 1. С. 565, 569, 572–574, 579 и т. д. Об этом же см.: Александров М. А. Воздушный тарантас // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 437; Штейнгейль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 467–468.
251. РГИА. Ф. 1151. Т. 1. 1827 г. Д. 351. Л. 80, 95.
252. Там же // Сибирская летопись. 1916. № 11–12. С. 529.
253. Калашников И. Т. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 269.
254. Ватин В. А. Восточная Сибирь в начале XIX в. // Сибирский архив. 1916. № 3–4. С. 142.
255. Калашников И. Т. Записки иркутских жителей. С. 271.
256. Ватин В. А. Указ. соч. // Сибирский архив. 1916. № 3–4. С. 137–138.
257. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 184.
258. Бумаги И. Б. Пестеля. С. 378–379.
259. Там же. С. 381.
260. Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. М., 1975. Т. 4. С. 246–247.
261. История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 455–456.
262. Журналы Комитета министров. СПб., 1891. Т. 2. С. 626–629.
263. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 179. Л. 841–857.
264. Там же. Д. 167. Л. 424, 844, 857, 862–863.
265. Штейнгейль В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 194.

266. РГИА. Ф. 1151. Т. 1. 1819 г. Д. 263.
267. Записка о генерал-майоре Куткине // Русский архив. 1905. № 12. С. 542.
268. Записки А. М. Тургенева // Русский архив. 1895. № 6. С. 39; Куткин и Пестель // Чтения общества истории и древностей российских. М., 1864. Кн. 4. С. 133–144.
269. Броневский С. Б. Записки // ОР РНБ. F-IV. № 698. Л. 207. Г. И. Глазенап также писал: «Милостивый государь мой Иван Борисович» в одну строку и без всяких титулов. Напротив такого обращения в одном из писем сохранилась помета, сделанная И. Б. Пестелем: «Скромно!» (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 123). На важность титулования в дворянском и чиновном быту указал Ю. М. Лотман в книге «Беседы о русской культуре» (СПб., 1994. С. 32).
270. Бумаги И. Б. Пестеля. С. 390–391.
271. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 126. Л. 132. Подобный вывод содержался и в донесении томского губернатора (Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Шашков С. С. Собр. соч. СПб., 1898. Т. 2. С. 558).
272. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 126. Л. 160–161.
273. Журналы Комитета министров. Т. 2. С. 629.
274. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 1. Л. 5. А. С. Горновский, исполнявший с 1806 г. должность председателя иркутской уголовной палаты, в 1807 г. был уволен и с 1809 г. состоял под судом. Но тогда удалось оправдаться, а в 1818 г. генерал-губернатор вновь добился отдачи его под суд.
275. Большаков В. Н. Очерки истории речного транспорта Сибири в XIX в. Новосибирск, 1991. С. 60; Познанский В. С., Малышева М. П. Конфликт Ф. Ф. Риддера с И. Б. Пестелем // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 30–33. Не избежал гонений со стороны И. Б. Пестеля и служивший в то время в Сибири по ведомству путей сообщения Г. С. Батеньков (Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 131–132).
276. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 47. Л. 119–120.
277. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1. С. 15–17.
278. Бумаги И. Б. Пестеля. С. 390–391.
279. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 167. Л. 427.
280. Там же. Д. 49. Л. 75; Д. 167. Л. 423–426; Д. 179. Л. 841–849, 862–863, 883–884.
281. ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 190.
282. Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 372–373.
283. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 78. Л. 42–43.
284. Там же. Д. 58. Л. 19.
285. Там же. Д. 78. Л. 13.
286. Там же. Д. 1. Л. 1, 5; Д. 78. Л. 15.
287. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 152. Л. 190–191.
288. Чтения общества истории и древностей российских. М., 1859. Кн. 3. С. 59–64; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 152. Л. 180–187.
289. Там же. Л. 168.
290. Медушевский А. Н. Кодификация права в России и странах Восточной Европы XVIII – начала XIX в. // Сословно-представительные учреждения России (XVIII – начало XX в.). М., 1993. С. 41–47.
291. Сборник Императорского Русского исторического общества (РИО). Т. 90. С. 15–17.
292. Парусов А. И. К истории местного управления в России. С. 185–217.
293. Предтеченский А. В. Указ. соч., с. 394–395.

294. Материалы, собранные для высочайше утвержденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел административный. СПб., 1870. Ч. 1. С. 82–83.

295. РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 96. Л. 61–62.

296. Парусов А. И. К истории местного управления в России. С. 182–183.

297. РИО. Т. 90. С. 276; РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 96. Л. 18–20.

298. Сводить причины ревизии только к понижению доходов казны и Кабинета, как это делает Т. Н. Соболева, было бы упрощением (Соболева Т. Н. Проект социально-экономических преобразований на Алтае М. М. Сперанского // Социально-экономическое развитие Алтая в XVII–XX вв. Барнаул, 1984. С. 51).

299. ОР РНБ. Ф. 731. № 479. Л. 1. Ход ревизии и ее результаты хорошо известны. См.: Фатеев А. Сперанский – генерал-губернатор Сибири. Прага, 1942. Вып. 2. (Управление Сибирью); Дамешек Л. М., Кузнецов А. С. Сибирская реформа 1822 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 3. Иркутск, 1973; Чибиряев С. А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М., 1989 и др.

300. Русский архив. 1871. № 4. С. 454.

301. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 493–494.

302. Речь шла о книге французского публициста, дипломата, духовника Наполеона Доменика Дюфура де Прадта (1759–1837) *Des colonies et de la revolution actuelle de L'Amerique* (1817 г.).

303. Прутченко С. М. Указ. соч. Т. 1. С. 174.

304. Русский архив. 1871. № 4. С. 462.

305. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 175–176.

306. Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. СПб., 1909. С. 118.

307. М. М. Сперанский – В. П. Кочубею. 21 сент. 1818 г. // Цит. по: Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. М., 1991. С. 243.

308. Цит. по: Фатеев А. Сперанский – генерал-губернатор Сибири. Прага, 1942. Вып. 1 (Пензенское губернаторство как ступень к сибирскому генерал-губернаторству). С. 28–29.

309. ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 351. Л. 2–4.

310. Вагин В. И. Исторические сведения ... Т. 2. С. 133.

311. Там же. Т. 1. С. 108.

312. Там же. С. 112.

313. Ядринцев Н. М. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестн. Европы. 1876. № 5. С. 110.

314. Прутченко С. М. Указ. соч. Т. 2. С. 23.

315. ОР РНБ. Ф. 637. № 784. Л. 103.

316. Письма Сперанского к дочери. С. 104.

317. Окунь С. Б. Сибирский комитет // Архивное дело. 1936. № 1. С. 92–103.

318. Прутченко С. М. Указ. соч. Т. 2. С. 168.

319. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 5. Бывший томский губернатор В. С. Хвостов предлагал составить этот комитет «из чиновников, не обремененных разными поручениями, и имеющих елико возможно познание о сем отдаленном крае». (Записки Василия Семеновича Хвостова // Русский архив. 1871. № 5. С. 607.)

320. Кубалов Б. Г. Несколько страниц к биографии сибиряка декабриста // В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975. С. 203; Карцов В. Г. Указ. соч., с. 108–116.

321. Корф М. А. Указ. соч. Т. 2. С. 266.

322. В дневнике М. М. Сперанского 28 июля 1821 г. записано, что состоялось первое заседание Сибирского комитета, а уже 10–13 апреля 1822 г. – об окончании работы над «Сибирским учреждением» (ОР РНБ. Ф. 731. № 42. Л. 2, 21).

323. Кодан С. В. М. М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1988.

324. Эти вопросы подробно изучены в работах последних лет: Борблик Е. М. Либеральная и консервативная тенденции в организации управления горными округами Сибири в начале XIX в. // Проблемы общественно-политической и культурной жизни Сибири XIX в. Барнаул, 1992; Соболева Т. Н. Проект социально-экономических преобразований на Алтае М. М. Сперанского // Социально-экономическое развитие Алтая в XVII–XX вв. Барнаул, 1984; она же. Борьба либеральной и консервативной бюрократии вокруг вопроса о ликвидации заводской повинности приписных крестьян Сибири в 20–50-е гг. XIX в. // Проблемы общественно-политической и культурной жизни Сибири XIX в. Барнаул, 1992.

325. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36. Л. 80; Соболева Т. Н. Управление приписными крестьянами Алтайского горного округа в 20–50-е гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск, 1991. Вып. 1. С. 29–36.

326. Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. СПб., 1898. Вып. 5. С. 280.

327. Клер Л. С. Органы управления горнорудной промышленностью Восточного Забайкалья в XVIII – начале XX в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 18–20.

328. ПСЗ-І. Т. 38. № 28892, 29125, пар. 1–3, 12.

329. Вагин В. И. Исторические сведения ... Т. 2. С. 316, 571.

330. ПСЗ-І. Т. 38. № 29125. 14.

331. Падерин А. М. Записки сибиряка // Земля иркутская. 1995. № 4. С. 64; Вагин В. И. Исторические сведения ... С. 316.

332. ПСЗ-І. Т. 38. № 29125. 18–20.

333. Вагин В. И. Исторические сведения ... Ч. 2. С. 316.

334. Там же. С. 316.

335. ПСЗ-І. Т. 38. № 29125. § 21–23.

336. Там же, 31–34.

337. Там же, 35–37, 43–44.

338. Там же, 58–60, 64–68, 70, 72, 74, 75, 79, 84.

339. Там же, 87, 89, 100, 102.

340. Там же, 57, 103, 107–110, 112, п. 9, 12116, 117, 121, 122.

341. Там же, 126, 127, 130–132.

342. Прутченко С. М. Указ. соч. С. 176.

343. ПСЗ-І. Т. 38. № 29126. § 11.

344. Там же, 1.

345. Там же, 13.

346. Там же, 19.

347. Там же, 20.

348. Там же, 1, 26.

349. Там же, 1.

350. Там же, 61.

351. Там же, 57.

352. Там же, 25.

353. Шатрова Г. П. К вопросу о взглядах декабристов на Сибирь и программа подъема ее производительных сил и культурного уровня // Учен. зап. ТГУ. Томск, 1958. Вып. 24. С. 66.

354. Светличная Л. И. «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского 1822 г.) // Учен. зап. ТГПИ. Тюмень, 1957. С. 65.
355. ПСЗ-І. Т. 38. № 29126. § 81, 86, 88, 90.
356. Цит. по: Миненко Н. А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 1981. С. 255.
357. Там же.
358. ПСЗ-І. Т. 33. Отд. 1. № 33244.
359. ПСЗ-І. Т. 38. № 29126. § 193, 114.
360. Там же, 104.
361. Там же, 173.
362. ПСЗ-І. Т. 38. № 29126. § 147, 148.
363. Там же, 152.
364. РГИА. Ф. 1281. Фп. 11. Д. 45. Л. 282.
365. ПСЗ-ІІ. Т. 28. Отд. І. № 27320; РГИА. Т. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 40 об.
366. ПСЗ-І. Т. 38. № 29126. 155; ПСЗ-2. Т. 20. Отд. І. № 18908.
367. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 71. Л. 17.
368. Там же. Л. 206 об.
369. Светличная Л. И. «Устав об управлении инородцев» ... С. 5, 66.
370. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь ... С. 254.
371. Там же. С. 261.
372. ПСЗ-І. Т. 38. № 2912. § 317.
373. Там же, 358.
374. Там же, 330.
375. Там же, 300.
376. Там же, 357.
377. Там же.
378. ПСЗ-І. Т. 38. № 29128. 201, 214, 216.
379. Там же. С. 144–147.
380. Ерошкин Н. П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800–1860 гг.). М., 1985. С. 19.
381. Соколов К. Очерк истории и современного значения генерал-губернатора // Вестн. права. 1903. Кн. 7. С. 178.
382. Герцен А. И. Собр. соч. В 8 т. М., 1975. Т. 4. С. 229.
383. РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5829. Л. 29.
384. Подробнее см.: Ремнев А. В. Западно-сибирские генерал-губернаторы первой половины XIX в. (Биографические очерки) // Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX в.). Омск, 1994.
385. Герцен А. И. Указ. соч. С. 245.
386. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 228. Л. 260.
387. Там же. Л. 336.
388. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. М., 1951. С. 183–184. Об этом же писал и другой декабрист – А. Ф. Бриген (Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 453.).
389. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 228. Л. 59.
390. Там же. Д. 430, 431, 550.
391. Там же. Д. 431. Л. 3–4.
392. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра І. СПб., 1883. С. 432. Действительно Г. С. Батеньков старался использовать свое положение для подбора чиновников в сибирские учреждения, чтобы, внедрив в управление честных людей, подкрепить законы правильным их исполнением (Брегман А. А. Декабрист

Гавриил Степанович Батеньков // Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 28.].

393. ГАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17552. Л. 3.
394. РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 20. Л. 15.
395. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 550. Л. 294.
396. Там же. Д. 430. Л. 127.
397. ГАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17584. Л. 247, 256.
398. Бантыш-Каменский Д. Н. Шемякин суд в XIX столетии // Русская старина. 1873. Т. 7. С. 741–742.
399. Там же. С. 740.
400. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1828 г. Оп. 3. Д. 29. Л. 78–80.
401. Прутченко С. М. Указ. соч. Т. 1. С. 323–331.
402. РГИА. Ф. 1152. Т. 1. 1826 г. Д. 61. Л. 3.
403. РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 20. Л. 9–17.
404. Примерно так же и с тем же неутешительным результатом боролся против казнокрадов в Закавказье А. С. Ермолов. Он, как и П. М. Капцевич, предпочитал действовать больше страхом административного наказания, чем законными средствами правосудия, полагая, что закон только вредит службе и лишает начальника нибда всемогущества. Столь же непросто складывались отношениями А. С. Ермолова и с министрами, а сенаторская ревизия 1818 г. явно имела целью, как считал Ермолов, дискредитировать непокорного кавказского начальника (Давыдов М. А. Оппозиция его величества (Дворянство и реформы в начале XIX в.). М., 1994. С. 70–74, 161–162.).
405. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 11. 1836 г. Д. 285. Л. 4.
406. Там же. Л. 5.
407. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 51. Л. 64.
408. Об организации прокурорского надзора в России см.: Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб., 1993.
409. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36. Л. 452–453.
410. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 2, ч. 1. С. 124–125.
411. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1965. Л. 1.
412. Там же. Л. 48.
413. Там же. Л. 59.
414. Там же. Л. 71.
415. Там же. Л. 76.
416. Там же. Д. 2046. Л. 61.
417. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 140. Л. 1–4.
418. Там же. Л. 15.
419. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1805. Л. 147.
420. Об архимандрите Фотии, предавшем анафеме министра народного просвещения и духовных дел князя А. Н. Голицына, см.: Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. Л., 1990. С. 377–440, 486.
421. Материалы для истории православной церкви в царствование императора Николая I // РИО. СПб., 1902. Т. 113, ч. 2. С. 11. См. также: Ясинский И. И. Помрачение высокопреосвященного Иринья // Исторический архив. 1911. № 11. С. 530–551; Измайлов А. А. Новости истории. Невероятная история иркутского архиепископа Иринья при свете новых архивных материалов // Там же. 1914. № 4. С. 318–321.
422. Материалы для истории православной церкви в царствование императора Николая I. С. 41–42.
423. Там же. С. 38.

424. Из бумаг С. Д. Нечаева // Рус. архив. 1893. № 5. С. 141, 142.
425. Материалы для истории православной церкви в царствование Николая I. С. 29.
426. Из писем А. Я. Булгакова к его брату // Рус. архив. 1902. № 1. С. 146. Письмо от 20 нояб. 1831 г.
427. Сибирские учебные заведения входили в состав Казанского учебного округа, для надзора за ними в 1821 г. была учреждена должность визитатора, на которую был назначен директор иркутской гимназии П. А. Словцов. В 1828 г. учебные заведения Сибири были подчинены местным губернаторам на правах попечителей учебных округов, а звание визитатора было упразднено.
428. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2433. Л. 34.
429. Там же. Л. 475.
430. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1833 г. Д. 253. Л. 2.
431. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 61. Л. 187.
432. Там же. Л. 204.
433. ОР РНБ. F-IV. № 698. Л. 342–343.
434. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1837 г. Оп. 12. Д. 218. Л. 5.
435. Александров М. А. Воздушный тарантас // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 411–413.
436. Сибирь. 1877. 9 янв.
437. ОР РНБ. Ф. 883. Т. 2. Л. 220.
438. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900.
- С. 30.
439. ОР РНБ. Ф. 883. Т. 1. Л. 80.
440. Там же. Л. 84.
441. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17023. Л. 2–3, 5.
442. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1834 г. Д. 150. Л. 7.
443. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2338. Л. 17.
444. Там же. Л. 19.
445. Там же. Л. 41.
446. Там же. Оп. 1. Д. 36. Л. 595; Прутченко С. М. Указ. соч. Т. 1. С. 316.
447. РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. 1840 г. Д. 17. Л. 8–9.
448. Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 2. С. 365.
449. О нем см.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 271–272.
450. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 15. 1840 г. Д. 198. Л. 6.
451. Там же. Л. 18.
452. Мамсик Т. С. Сибирская администрация и крестьянское движение 1840-х гг. («Предписание» М. В. Ладыженского исправника) // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1988.
453. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 10. 1835 г. Д. 186. Л. 43–44.
454. См.: Виргинский В. С. Петр Козьмич Фролов. М., 1968; Пешкин И. Павел Петрович Аносов. М., 1954; Чернышова Н. К. Общественно-политические взгляды А. П. Степанова // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. XVIII – начало XX в. Новосибирск, 1978 и др.
455. Середонин С. М. Указ. соч. С. 119.
456. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 187.
457. Середонин С. М. Указ. соч. С. 120.
458. РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5776. Л. 2–3.

459. Из эпистолярного наследства декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву. М., 1975. Т. 1. С. 267.
460. Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 313.
461. Из эпистолярного наследства декабристов. С. 272.
462. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 15. 1840 г. Д. 198. Л. 7.
463. Там же. Оп. 12. 1837 г. Д. 8.
464. Воспоминания и письма М. И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 217.
465. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 163. Л. 10.
466. Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925. С. 32.
467. РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6166. Л. 1.
468. Там же. Л. 2.
469. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 15. 1840 г. Д. 198. Л. 6.
470. Там же. Оп. 11. 1836 г. Д. 285. Л. 7.
471. Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири. М., 1895. С. 127.
472. Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1985. С. 242, 251–252; Эйдельман Н. Я. Лунин. М., 1970. С. 296–297; Сафонов М. М. Неизвестный Лунин. Иркутск, 1993. С. 18, 31–32, 39–42.
473. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М., 1946. С. 46.
474. Шестериков С. П. Г. С. Батеньков о Сперанском // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С. 179.
475. Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 214–215.
476. Декабрист Н. В. Басаргин предлагал, например, учредить для Сибири два специальных (гражданский и уголовный) департамента Сената и особое наместничество во главе с одним из членов царской фамилии или каким-либо высшим сановником, наделенным значительной самостоятельностью (Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 205).
477. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 71. Л. 29.
478. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 9. 1834 г. Д. 192. Л. 38–40.
479. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 71. Л. 30.
480. РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23763. Л. 3.
481. С 1783 по 1822 гг. на административной карте Сибири существовала Нерчинская область (Клер Л. С. Органы управления горнорудной промышленностью Восточного Забайкалья в XVIII – начале XX в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 17.).
482. Записки декабриста Д. И. Завалишина. СПб., 1906. С. 311.
483. РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23763. Л. 4.
484. ОР РНБ. F-IV. № 698. Л. 551.
485. Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925. С. 45.
486. Там же. С. 46–47.
487. РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1837 г. Д. 89. Л. 13.
488. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1340. Л. 4.
489. В память графа Сперанского. СПб., 1872. С. 766.
490. ОР РНБ. F-IV. № 689. Л. 356.
491. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 61. Л. 8.
492. Прутченко С. М. Указ. соч. Т. 1. С. 311.
493. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 550. Л. 124.
494. РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 10. Л. 117–123.
495. П[адерин] А. П. Записки сибиряка // Ист. вестн. 1898. № 9. С. 927.

496. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 195. Л. 1–3.
497. Прутченко С. М. Указ. соч. Т. 1. С. 316.
498. П[адерин] А. П. Указ. соч. С. 928.
499. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 3. 1828 г. Д. 29. Л. 46.
500. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1805. Л. 149–150, 205.
501. Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 44.
502. Из эпистолярного наследства декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975. Т. 1. С. 258.
503. Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. 170 с.
504. ГАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17719. Л. 7–8.
505. Там же. Д. 941. Л. 20–25.
506. В Енисейской губернии – Енисейске и Минусинске; в Иркутской – Нижнеудинске, Верхнеудинске и Нерчинске; в Тобольской – Тюмени, Таре, Ишиме и Омске; в Томской – Каинске.
507. Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. Красноярск, 1990. С. 200.
508. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1043. Л. 60.
509. Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 140–143.
510. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2890. Л. 9.
511. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 53. Л. 8.
512. ОР РНБ. F-IV. № 698. Л. 351.
513. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1128. Л. 8.
514. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2890. Л. 13–14.
515. Там же. Д. 2876. Л. 304–306.
516. Там же. Оп. 1. Д. 1322. Л. 68–77.
517. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
518. Там же. Л. 16.
519. Там же. Ф. 1286. Оп. 76. 1840 г. Д. 80. Л. 30.
520. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1932. Л. 143.
521. РГИА. Ф. 1286. Оп. 76. 1840 г. Д. 80. Л. 22.
522. Там же. Л. 58.
523. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 18. 1843. Д. 44. Л. 12–13.
524. Там же. Л. 64–65.
525. Страховский И. М. Принципы устройства крестьянских учреждений // Право. 1902. № 26. С. 1267.
526. См.: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. Гл. 8.
527. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 47. Л. 17.
528. Там же. Д. 141. Л. 6–7.
529. Кожухов Ю. В. Указ. соч. С. 78.
530. Кожухов Ю. В. Указ. соч. С. 81; Мамсик Т. С. Административная реакция на расслоение сибирского крестьянства // Социально-экономические отношения и классовая борьба в сибирской деревне дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987.
531. Страховский И. М. О волостных писарях // Право. 1902. № 50. С. 2533.
532. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 117–118.
533. Страховский И. М. О волостных писарях. С. 2536.
534. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1833 г. Д. 89. Л. 1.
535. ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18312. Л. 1, 13, 15.
536. Там же. Л. 1.

537. Там же. Д. 952 Л. 3-а.
538. Там же. Д. 228. Л. 15.
539. Там же. Д. 952. Л. 101–105.
540. ПСЗ-II. Т. 8, ч. 1. № 6597
541. Там же. Л. 7.
542. Там же. Оп. 1. Д. 880. 133–134.
543. Там же. Д. 952. Л. 21–22; Бочарникова В. И. Политика царизма в отношении школы и церкви в государственной деревне Западной Сибири (последнее десятилетие предреформенного периода) // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969 г.). Новосибирск, 1973. С. 403–411.
544. Овчинников В. А. К вопросу о подготовке кадров чиновников Алтайского горного округа в первой половине XIX в. // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992. С. 159–168.
545. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1649. Д. 1. Л. 4.
546. Там же. Л. 6.
547. Там же. Л. 300.
548. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 2, ч. 1. С. 71.
549. Кодан С. В. Сибирская ссылка декабристов (историко-юридическое исследование). Иркутск, 1983. С. 69–73.
550. Там же. С. 127–141.
551. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 133, 135.
552. Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 191.
553. Воспоминания Полины Анненковой. Красноярск, 1977. С. 212, 216–220.
554. Клибанов А. И. Из истории идейной жизни декабристов в сибирской ссылке (по письмам декабристов Я. Д. Казимирскому) // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 59.
555. Весьма характерно признание этого генерала в голубом мундире Е. П. Оболенскому: «Я есть клочок главной идеи Николая, и хоть меня поддерживает мысль, что я, представляя сей клочок, повернул его в другую сторону, смягчил его и умел выразить в нем нечто хорошее: но, в сущности, не было положительного дела, ни положительного добра, и если была польза, то: только индивидуально». (Сибирские письма декабристов (1838–1850). Красноярск, 1987. С. 61–63.
556. Руудз Ч., Степанов А. С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. С. 48.
557. Троцкий И. М. III отделение при Николае I. Л., 1990. С. 68.
558. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1438-а. Л. 5.
559. Там же. Л. 3.
560. Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. С. 49.
561. Дамешек Л. М., Кодан С. В., Шавров А. В. Материалы жандармских ревизий 1828–1832 гг. как источник изучения деятельности сибирского аппарата управления // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 118–126.
562. Из эпистолярного наследия декабристов. Т. 1. М., 1975. С. 265. Инспектировавший сибирские губернии пятью годами позже жандармский полковник Кельчевский доносил, что Кованько «употребляет во зло доверие доброго начальника, приобрел себе хорошее состояние и по неважной своей должности, ни за что не отвечая, заставляет весь край поносить добродетельного, умного И. А. Вельяминова. Определе-

ние и перемещение чиновников по Западной Сибири зависит (можно сказать) совершенно от Кованьки» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 8. 1833 г. Д. 24. Л. 1).

563. Там же. Л. 19.

564. Нагаев А. С. «Омское дело» 1832–1833 гг. Красноярск, 1991. С. 56–58, 145–146, 152.

565. Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 137–146; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 8. 1833 г. Д. 357. Л. 4–10.

566. ОР РНБ. F IV. № 698. Л. 285.

567. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 8. 1833 г. Д. 357. Л. 55.

568. Там же. Л. 26.

569. Там же. Л. 55.

570. Там же. Л. 29.

571. Там же. Оп. 9. 1834 г. Д. 150. Л. 10.

572. Там же. Оп. 8. 1833 г. Д. 357. Л. 43–44.

573. Там же. Оп. 8. 1834 г. Д. 150. Л. 7.

574. Там же. Л. 26.

575. На секретном донесении А. П. Маслова от 20 декабря 1835 г. имеется карандашная надпись: «Государь думает, что А. П. Маслов слишком увлекается в своих суждениях» (Там же. Оп. 10. 1835 г. Д. 186. Л. 31).

576. Там же. Л. 32.

577. Там же. Л. 35.

578. Секретным рапортом 24 сентября 1838 г. новый начальник Сибирского жандармского округа генерал-майор Н. Я. Фалькенберг подтверждал сведения об интригах Галафеева, добавляя также, что Галафеев, будучи недоволен главным западно-сибирским начальством, постарается в Петербурге представить местные недостатки «в преувеличенном виде» (Там же. Л. 63).

579. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3238.

580. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 18. 1843 г. Д. 44. Л. 31–33.

581. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1927. Л. 417.

582. Там же. Д. 2071. Л. 139.

583. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 12. 1837 г. Д. 218. Л. 15.

584. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 72. Л. 7–15.

585. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 8. 1833 г. Д. 89. Л. 8.

586. Там же. Оп. 11. 1836 г. Д. 17. Л. 1.

587. Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. С. 18–19.

588. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. 1834 г. Д. 192. Л. 71. На консервативность и даже реакционность взглядов М. М. Геденштрома обратил внимание современный исследователь В. Н. Иванов. Он также отметил, что сочинение М. М. Геденштрома о Сибири имело довольно широкое хождение среди сибиреведов (Иванов В. Н. Историческая мысль в России XVIII – середины XIX вв. о народах северо-востока Азии. М., 1989. С. 124).

589. Там же. IV эксп. Оп. 172. 1832 г. Д. 132. Л. 31–32.

590. Там же. I эксп. Оп. 9. 1834 г. Д. 192. Л. 9.

591. Вероятно, они и составляли часть не дошедших до нас двух томов «Материалов для описания Сибири». Экземпляр, принадлежавший А. А. Белоголовому и, вероятно, погибший в иркутском пожаре 1879 г., использовал В. И. Вагин при написании книги о М. М. Сперанском. В. И. Вагин отмечал, что М. М. Геденштром писал свои «Материалы» в старости, в 1841 г., по памяти и что в них «много фактических неверностей в подробностях, но в целом он довольно правдивый писатель, хотя и пристрастный в пользу Трескина» (Вагин В. И. Исторические сведения ... Т. 1. С. IX).

592. ГАРФ. Ф. 109. IV эксп. Оп. 172. 1832 г. Д. 132. Л. 64.

593. Там же. I эксп. Оп. 9. 1834 г. Д. 192. Л. 10.
594. Там же. Л. 56.
595. ГАРФ. Ф. 109. IV эксп. Оп. 172. 1832 г. Д. 132. Л. 33.
596. Там же. Л. 35.
597. Там же. Л. 50.
598. Там же. Л. 51.
599. Там же. I эксп. Оп. 9. 1834 г. Д. 192. Л. 8, 41; Там же. IV эксп. Оп. 172. 1832 г. Д. 132. Л. 129–135.
600. Там же. I эксп. Оп. 9. 1834 г. Д. 192. Л. 32.
601. Там же. Л. 46, 48–49.
602. Там же. Л. 33.
603. Там же. Л. 1.
604. Там же. IV эксп. Оп. 172. 1832 г. Д. 132. Л. 139–159.
605. РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. 1840 г. Д. 17. Л. 9.
606. Там же. Л. 10–11.
607. Во II отделении в это же время велась работа по подготовке так называемого свода степных законов, который должен был регламентировать управление сибирскими коренными народами (Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986. С. 49–53.
608. Величко А. П. Несколько слов по поводу книги «Жизнь графа Сперанского» // Санкт-Петерб. вед. 1862. 31 янв.
609. РГИА. Ф. 560. Оп. 12. Д. 104. Л. 20–21.
610. Там же. Л. 27.
611. Там же. Л. 72. «Обозрение главных оснований местного управления Сибири» в 1841 г. было опубликовано в 200 экземплярах. В 1871 г. Александр II разрешил напечатать еще 300 экземпляров, часть из которых поступила даже в продажу (РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. 1840 г. Д. 17. Л. 161.). См. также: Рафиенко Л. С. Неизвестный исторический атлас Сибири // Вопр. ист. 1989. № 4. С. 128–132.
612. ГАРФ. Ф. 109. I эксп. Оп. 18. 1843 г. Д. 44.
613. Там же. Л. 2.
614. РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1882. Д. 47.
615. Об этом см.: Бекмаханова Н. Е. Многоконфессиональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е гг. в. 1917 г.). М., 1986. С. 80–84.
616. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997.
617. Об этом см.: Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1997. С. 8–87.
618. Алексеева Т., Афанасьев В., Берсенов В. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 246.
619. ПСЗ-III. Т. 25. Отд. 1. № 25891.
620. В 1903 г. в МВД вновь обсуждался вопрос о подчинении губернии Западной Сибири генерал-губернаторскому ведению, однако он не был положительно решен. См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 185, 1904 г. Д. 28.
621. Градовский А. Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т. 1. С. 324.
622. Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. Ч. 2. С. 23.
623. Там же. С. 81.
624. Прутченко С. Указ. соч. С. 83.
625. ПСЗ-I. Т. 38, № 29125. Ст. 31–33.
626. Вагин В. И. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990.
627. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 519–520.

628. Вост. обозрение. 1889. 2 февр.
629. РГИА. Ф. 365. Оп. 9. Д. 34510. Л. 3 об.
630. ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 431. Л. 12–14.
631. ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 504. Л. 1.
632. РГИА. Ф. 1149. Оп. 4, 1851 г. Д. 50. Л. 74–76.
633. ПСЗ-П. Т. 26, № 25394.
634. Там же. № 25395.
635. РГИА. Ф. 1. 1149. Оп. 4. Д. 1032. Л. 2–10.
636. РИГА. Ф. 365. Оп. 9. Д. 34510. Л. 4.
637. Там же. Л. 59.
638. ПСЗ-П. Т. 31, № 31080; Т. 33, № 33862; Алексеев А. И. Указ. соч. С. 157; История Дальнего Востока СССР. М., 1991. С. 226–227.
639. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1655. Д. 60. Л. 29 об.
640. Там же. Л. 29–34 об.; Оп. 12. Д. 705. Л. 1–5.
641. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1740. Д. 148. Л. 24–27; РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 1. Л. 14–15.
642. РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 1. Л. 14–15.
643. Там же. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 30. Л. 2.
644. Подсчитано по материалам: ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 1870. Л. 129–135.
645. ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 381. Л. 90–109.
646. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. С. 120.
647. Библиотека РГИА. Печат. зап. № 131. Историческая справка о порядке управления Сибирскими губерниями и областями. Л. 10–11.
648. Там же. Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. приблизительно на 10 лет. С. 1.
649. См.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972.
650. Эта мысль была высказана А. В. Ремневым на научно-теоретическом семинаре, состоявшемся в Иркутске 13–15 нояб. 2003 г. См.: Ремнев А. В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начала XX в.) // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XXI вв.: материалы науч.-теорет. семинара. Иркутск. 2003. С. 27.
651. История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 125.
652. Бахрушин С. В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Науч. тр. Т. 111, ч. 1. М., 1955. С. 253–262.
653. Копылов А. Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI–XVII вв. // Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. Общ. наук. М., 1965. № 9.
654. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 117.
655. История правительствующего Сената за 200 лет (1711–1911). СПб. 1911. Т. 2. С. 623, 791.
656. РГИА. Ф. 797. Оп. 62. Отд. 2. Д. 300. Л. 2–5.
657. Библиотека РГИА. Печат. зап. № 255. Записи и прошения, поданные Председателю Комитета министров по инородческим вопросам.
658. Алексеева Т., Афанасьев В., Берсенев. В. Указ. соч. Т. 1. С. 224–225.
659. ПСЗ-П. Т. 38, № 29125. Ст. 13.
660. Их анализу посвящен специальный раздел в монографии: Дамешек И. Л. Сибирь в системе ... С. 133–163.
661. Матханова Н. П. Указ. соч. С. 174.

662. См.: Барсуков И. П. Указ. соч. Т. 1. С. 321–322; История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1999. С. 133.

663. Об этом подробнее см.: Быков А. Ю. Истоки модернизации Казахстана. Барнаул, 2003.

664. Тухтаметов Ф. Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи. (XIX в.). Уфа. 1999. С. 73–74; История внешней политики России ... С. 109–111.

665. Дамешек И. Л. Политика государственной колонизации и этнографические процессы в Сибири XIX – начала XX в. // Этнографическое взаимодействие в Сибири (XVII–XX вв.): тез. докл. и сообщений Междунар. науч. конф. 19–20 июня 2003 г. Новосибирск, 2003. С. 100–103.

666. См.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.

667. Венюков М. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868. С. 299.

668. Там же. С. 388–389, 394–395.

669. Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 337–338.

670. РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 389 об.

671. Библиотека РГИА. Печат. зап. № 131. Программа деятельности ...

672. Агеев А. Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров. Иркутск, 2002. С. 92–94.

673. Подробнее см.: Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1797–1917). Новосибирск, 1973.

674. ГАИО. Ф. 24. Опр. 9. К. 1734. Д. 1–2 об.

675. Там же.

676. ПСЗ-II. Т. № 29363; ПСЗ-III. Т. № 2402.

677. ПСЗ-I. Т. 38, № 29128, 29129.

678. Цит. по: Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 151.

679. Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М.: Прометей, 1991. С. 88.

680. В Восточной Сибири служили три штатских генерал-губернатора: А. С. Лавинский (1822–1833 гг.) имел гражданский чин тайного советника, что соответствовало званию генерал-лейтенанта; равный чин, но по придворному ведомству – егермейстера – имел М. Князев (1910–1916 гг.). Лишь последний иркутский генерал-губернатор А. И. Пильц был действительным статским советником, что соответствовало званию генерал-майора.

681. Исключением является С. М. Броневский, который до своего назначения генерал-губернатором в 1834 г. прослужил ряд лет на разных должностях в Сибирском казачьем войске, в отдельном Сибирском корпусе и в 1825 г. даже ревизовал канцелярию генерал-губернатора Западной Сибири. Отмечая заслуги Броневского в развитии сельскохозяйственного производства в Сибири, Московское общество сельского хозяйства дважды в 1822 и 1835 гг. наградило его специальной медалью за «усовершенствование сельского хозяйства» и открытие в Омске школы земледелия.

682. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь ... С. 107.

683. Известный сибирский мемуарист этого времени нижеудинский исправник М. Геденштром пишет о «широком произволе» принимаемых генерал-губернаторами решений, нежелании последних считаться с чьим-либо иным, пусть даже правильным мнением. См.: Геденштром М. И. Отрывки из Сибири. СПб., 1830.

684. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 39.

685. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1652. Д. 81. Л. 2 об.–3 об.
686. Бумаги Пестеля // Рус. архив. 1875. № 4. С. 374.
687. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 45; РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 1845. Л. 1–18.
688. Матханова Н. П. Указ. соч. С. 344.
689. Там же. С. 226.
690. Список генералам по старшинству. СПб., 1867 г. С. 303.
691. Там же. С. 388.
692. Список гражданским чинам IV класса. СПб., 1859. С. 336.
693. Список генералам по старшинству. СПб., 1866. С. 740.
694. Список генералам по старшинству. СПб., 1875. С. 316, 459.
695. ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 123. Л. 2 об.
696. ПСЗ-III. Т. 7. № 4517.
697. ОР РНБ. Ф. 731. № 490. Л. 1.
698. Там же. Л. 1–3.
699. Записки Г. С. Батенькова // Рус. архив. 1881. Кн. 2. С. 266.
700. Бычков И. А. Указ. соч. С. 55.
701. Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. СПб., 1909. С. 136, 146.
702. Бычков И. А. Указ. соч. С. 45. И это несмотря на то, что А. Д. Балашев был причастен к ссылке М. М. Сперанского в 1812 г.
703. М. М. Сперанский – А. А. Аракчееву. 27 марта 1821 г. // Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883. С. 289, 301.
704. Шестериков С. П. Г. С. Батеньков о Сперанском // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С. 171.
705. Середонин С. М. Указ. соч. С. 144, 151.
706. Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 191.
707. Парусов А. И. Ревизия и реформа аппарата управления Сибири в 1819–1822 гг. // Учен. зап. Горьк. ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Т. 1. С. 52.
708. Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1965. С. 108.
709. Хоч А. А. Административная политика М. М. Сперанского в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1990. № 5. С. 41.
710. Записки Г. С. Батенькова. С. 272.
711. Цит. по: Парусов А. И. Ревизия и реформа ... С. 89.
712. Ядринцев Н. М. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестн. Европы. 1876. № 6. С. 478.
713. ПСЗ-II. Т. 6. № 4585.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СИБИРСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ XIX – НАЧАЛА XX в.*

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО

Учреждено 22.07.1822 г. (ПСЗ-I. № 29125),

упразднено 18.05.1882 г. (ПСЗ-III. № 886)

ЗАПАДНОСИБИРСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

22.07.1822–25.07.1827	генерал от инфантерии Петр Михайлович Капцевич
25.07.1827–28.09.1834	генерал от инфантерии Иван Алексеевич Вельяминов
28.09.1824–28.01.1836	генерал от инфантерии Николай Семенович Сулима
28.01.1836–19.12.1850	генерал от инфантерии князь Петр Дмитриевич Горчаков 2-й
19.12.1850–13.01.1861	генерал от инфантерии Густав Христианович Гасфорд
13.01.1861–28.10.1866	генерал от инфантерии Александр Осипович (Иосифович) Дюгамель
28.10.1866–01.01.1875	генерал-лейтенант Александр Петрович Хрущов
01.01.1875–19.02.1882	генерал-адъютант, генерал-лейтенант Николай Геннадьевич Казнаков
19.02.1881–25.05.1882	генерал-лейтенант Григорий Васильевич Мещеринов

* При составлении приложения были использованы документы Полного собрания законов Российской империи, Собрания первое, второе и третье, материалы межархивного справочника «Власть в Сибири XVI – начала XX века» (Новосибирск : АНО МАСС-Медиа-Центр, 2002. 294 с.); материалы учебного пособия «Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX в.» (Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Иркутск : Издательство ИГУ, 2015. 223 с.).

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО

*Учреждено 22.07.1822 г. (ПСЗ-I. № 29125),
преобразовано в Иркутское генерал-губернаторство
21.06.1887 г.*

ВОСТОЧНОСИБИРСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

22.07.1822–06.12.1833	действительный статский советник Александр Степанович Лавинский
06.12.1833–28.09.1834	генерал-лейтенант Николай Семенович Сулима
28.09.1834–29.07.1837	генерал-лейтенант Семен Богданович Броневский
30.07.1837–29.06.1847	генерал-лейтенант Вильгельм Яковлевич Руперт
05.09.1873–10.08.1879	генерал-адъютант, генерал от инфантерии граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский
19.02.1861–21.01.1871	генерал-лейтенант Михаил Семенович Корсаков
21.01.1871–14.12.1873	генерал от кавалерии Николай Петрович Синельников
14.12.1873–10.08.1879	генерал-адъютант, генерал-лейтенант барон Платон Александрович Фредерикс
17.12.1879–01.01.1885	генерал-лейтенант Дмитрий Гаврилович Анучин
04.01.1885–01.09.1887	генерал-майор граф Алексей Павлович Игнатьев

ИРКУТСКИЕ ВОЕННЫЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

*Иркутское генерал-губернаторство учреждено 2.06.1887 г., 12.06.1899
присвоено наименование «иркутский военный генерал-губернатор»*

02.09.1887–13.05.1889	генерал-лейтенант граф Алексей Павлович Игнатьев
26.05.1889–09.04.1900	генерал от инфантерии Александр Дмитриевич Горемыкин
20.04.1900–1903	генерал-лейтенант Александр Ильич Пантелеев
1904–1905	генерал от инфантерии Павел Ипполитович Кутайсов
1906	Константин Михайлович Алексеев
1906–1910	генерал-лейтенант Андрей Николаевич Селиванов
1911–1916	тайный советник, егермейстер Леонид Михайлович Князев
1916–05.03.1916	Степан Петрович Белецкий
1916–1917	Александр Иванович Пилец

Следует заметить, что, к сожалению, биографические сведения, как и формулярные списки генерал-губернаторов, сохранились лишь частично, поэтому сведения о некоторых из них утрачены.

Сперанский Михаил Михайлович (1772-1839).

Родился 1 января 1772 г. в с. Черкутино Владимирской губернии в семье сельского священника. Свою фамилию (от лат. *sperate* – надеяться) он получил во Владимирской семинарии. Осенью 1782 г. М. М. Сперанский поступил во Владимирскую духовную семинарию и в 1790 г. окончил ее.

В 1790 г. он продолжил обучение в Академии при Свято-Троицком монастыре в Санкт-Петербурге (ныне Санкт-Петербургская духовная академия), где изучал теологию, метафизику, риторику, светские курсы – математику, опытную физику, механику, историю, философию; познакомился с просветительской философией (работами Локка, Руссо, Вольтера и др.). 20 мая 1792 г., после окончания академии, М. М. Сперанский был оставлен в ней и назначен учителем математики, физики и риторики. С 1795 г. – преподаватель философии префект академии. В этот период своей жизни М. М. Сперанский разработал курс «Правила высшего красноречия» (опубликован в 1844 г.), печатал стихи.

В 1794 г. М. М. Сперанский был приглашен к князю А. Б. Куракину домашним секретарем, согласился на это предложение и несколько лет совмещал эти обязанности с должностью префекта академии. В 1796 г. А. Б. Куракин был назначен Павлом I генеральным прокурором Сената. По предложению А. Б. Куракина в январе 1797 г. М. М. Сперанский из магистров богословия и префектов академии перешел на государственную службу с чином титулярного советника (в России чин 9-го класса. С 1845 г. давал личное дворянство, ранее его получали с 14-го класса. – *Авт.*) и зачислен в канцелярию генерал-прокурора Сената. 1 января 1798 г. он получает чин надворного советника (гражданский чин 7-го класса. – *Авт.*). Несмотря на то что 8 августа 1798 г. А. Б. Куракин попал в опалу к Павлу I, М. М. Сперанский остался на службе. 18 сентября 1808 г. он получил чин коллежского советника (гражданский чин 6-го класса, позволял занимать средние руководящие должности (начальник отделения, делопроизводитель в центральных учреждениях). – *Авт.*); 8 декабря 1799 г. – статского советника (гражданский чин 5-го класса. Лица, его имевшие, занимали должности вице-директора департамента и вице-губернаторов. – *Авт.*) и награжден орденом св. Иоанна Иерусалимского.

После вступления на престол Александра I успешная карьера М. М. Сперанского продолжалась. «Главным редактором при лице государя и докладчиком» был назначен Д. П. Трошинский, который по-

ставил главой своей канцелярии М. М. Сперанского. 9 июня 1801 г. Сперанский был пожалован чином действительного статского советника (гражданский чин 4-го класса; давал потомственное дворянство. Лица, его имевшие, занимали высокие должности (директор департамента, губернатор). – *Авт.*)

23 января 1803 г. М. М. Сперанский по протекции В. П. Кочубея был назначен начальником департамента Министерства внутренних дел. В 1803 г. по заданию Александра I Сперанский подготовил план преобразований местных судебных и государственных учреждений, указ от 20 февраля 1803 г. «О вольных хлебопашцах», о народном просвещении и т. д. 19 октября 1807 г. Александр I уволил М. М. Сперанского из Министерства внутренних дел и назначил своим статс-секретарем (в России это личный секретарь (докладчик) императора (императрицы) в XVIII – начале XIX в. С XIX в. почетное звание высших сановников, дававшее право лично докладывать императору и объявлять его словесные повеления. С.-с. Государственного совета – начальник отделения Государственной канцелярии; 2) глава общегосударственного органа, центрального ведомства или министерства, член правительства, заместитель или ближайший помощник министра. – *Авт.*).

В 1807–1808 гг. М. М. Сперанский подготовил и в 1809 г. представил Александру I «Введение к Уложению государственных законов» – обширный проект конституционного переустройства России. В 1808 г. он был назначен членом Комиссии составления законов и товарищем министра юстиции. 1 января 1810 г. был создан Государственный совет, и М. М. Сперанский стал государственным секретарем (в Российской империи с 1810 г. – начальник Государственной канцелярии, органа делопроизводства Государственного совета. Пост государственного секретаря по отдельным вопросам (по правовым вопросам, по связям с общественными организациями и др.) существовал в РФ в 1991–1992 гг. – *Авт.*).

Однако у планов государственных преобразований М. М. Сперанского были сильные противники – великая княжна Екатерина Павловна (родная сестра императора), министр финансов Гурьев и др. В 1811 г. по их заказу Н. М. Карамзиным была написана «Записка о старой и новой России», являвшаяся обоснованием необходимости сохранения традиций российского самодержавия. 17 марта 1812 г. Александр I отправил М. М. Сперанского в отставку и 23 марта удалил в ссылку в Нижний Новгород, а 15 сентября – в Пермь.

Опала с М. М. Сперанского была снята только в 1816 г. Именным указом от 30 августа 1816 г. Александр I назначил тайного советника

(гражданский чин 3-го класса по Табели о рангах. Производство в чины 1–3-го классов осуществлялось по усмотрению императора. Им соответствовали должности министра, преимущественно товарища министра, генерал-губернатора, звания сенатора и члена Государственного совета. – *Авт.*) М. М. Сперанского гражданским губернатором Пензенской губернии. В этой должности он пробыл два с половиной года, оставив после себя в Пензе добрую память.

Именным указом от 22 марта 1819 г. М. М. Сперанскому одновременно с назначением генерал-губернатором поручена ревизия системы управления Сибири. Основная работа по ревизии была сосредоточена в канцелярии сибирского генерал-губернатора, куда Сперанскому удалось привлечь несколько талантливых сотрудников (в их числе был и будущий декабрист Г. С. Батеньков). Канцелярия разделялась на четыре отделения, в которых дела распределялись по отраслевому принципу: I отделение занималось делами по министерствам полиции и юстиции; II отделение – по Министерству финансов; III – по министерствам внутренних дел, духовных дел и народного просвещения, а также иностранных дел; IV отделение – по Военному министерству. Сперанский лично объехал большую часть Сибири, посетил, кроме губернских городов, Омск, Верхнеудинск, Кяхту, Семипалатинск и др. Для расследования наиболее сложных и запутанных дел в отдельных местностях были учреждены специальные комиссии: Нижнеудинская, Верхнеудинская, Иркутская. Специальные чиновники были отправлены с ревизией в Нарым, Туруханск и Киренский уезд, были подготовлены записки о состоянии дел в Охотско-Камчатском крае.

Ревизия выявила вопиющие случаи произвола, казнокрадства и взяточничества. В итоге ревизии был отстранен от должности генерал-губернатор И. Б. Пестель, два губернатора (томский и иркутский), 48 чиновников были отданы под суд, 681 человек оказался замешанными в противозаконных действиях (в том числе 174 чиновника и 256 инородческих начальников). Сумма взысканий доходила до 3 млн руб.

По возвращении М. М. Сперанского в Петербург для рассмотрения его отчета и плана реформ 21 июня 1821 г. был создан первый Сибирский комитет. Заручившись поддержкой А. Н. Голицына и В. П. Кочубея, а самое важное – А. А. Аракчеева, М. М. Сперанский смог быстро провести через Сибирский комитет свои реформаторские проекты. За короткий срок (с 28 июля 1821 г. по 19 мая 1822 г.) в Сибирском комитете был рассмотрен целый пакет законодательных актов. Всего 22 июля 1822 г. было утверждено царем 10 законов, составивших особе «Сибирское учреждение» («Учреждение для управ-

ления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцами», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами»).

Основную административную задачу М. М. Сперанского Г. С. Батеньков определял как желание «дать самодержавному правлению логическое, прочное, мирное юридическое устройство и, сколько возможно, облегчить и оградить его действие, требующее свыше человеческих сил». Эти принципы содержались как во «Введении к уложению государственных законов» 1809 г., так и в «Учреждении об управлении сибирских губерний» 1822 г. Между этими двумя документами лежало не просто десятилетие, но и важные политические события, оказавшие влияние на взгляды Сперанского. Отстранение от большой политики и ссылка 1812 г., административный опыт местного управления в Пензенской губернии, а также «поправление» правительственного курса после Отечественной войны не могли не сделать из М. М. Сперанского реалиста.

Отправляясь в Сибирь, он сознавал, что для него требуется не просто ревизия и подготовка очередной реформы, но и возможность вернуться к большим государственным делам, оправдавшись в глазах не только монарха, но и влиятельных сановников. Сибирь, по мере того как Сперанский с ней знакомился, увлекла его, дала ему возможность не только восстановить попорченную там справедливость, но и реализовать, пусть далеко не все, ранее уже усвоенные им принципы административной политики. Сибирские реформы Сперанского обозначили определенный поворот в окраинной политике самодержавия, что свидетельствует о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами краем комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную «концепцию Сибири».

После возвращения из Сибири М. М. Сперанский стал составителем манифеста 13 декабря 1825 г. о вступлении на престол Николая I. По поручению нового императора он стал членом Верховного уголовного суда над декабристами и организатором самого судебного процесса. После завершения следствия и суда над декабристами М. М. Сперанский был назначен членом Комитета 6 декабря 1826 г., призванного рассмотреть возможные проекты улучшения государственного управления. Просуществовав до марта 1832 г., Комитет

подготовил проекты законов о Государственном совете, Судебном и Правительствующем сенатах, Комиссии прошений и др.

В 1826 г. М. М. Сперанский возглавил II отделение собственной Е. И. В. канцелярии (занималось кодификацией законодательства) и руководил подготовкой и изданием 45-томного Полного собрания законов Российской империи (1830) и 15-томного Свода законов Российской империи (1832). Последний стал основным источником действующего права Российской империи. За его составление на заседании Государственного совета 19 января 1833 г. Николай I наградил М. М. Сперанского орденом Андрея Первозванного. С 1833 г. Сперанский стал председателем департамента законов Государственного совета. В 1839 г. под руководством М. М. Сперанского был издан 12-томный Свод военных постановлений, за что он был награжден орденом Белого Орла. Позднее были изданы Свод законов для остзейских, западных губерний и Свод законов Великого княжества Финляндского.

До конца жизни М. М. Сперанскому удавалось сохранять доверие Николая I. В 1835–1837 гг. он читал курс юридических наук цесаревичу Александру Николаевичу. 1 января 1839 г. был издан указ Николая I о возведении М. М. Сперанского в графское достоинство.

Умер М. М. Сперанский 11 февраля 1839 г. в Санкт-Петербурге. Похоронен был на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. (Подробнее см.: Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А., Ремнев А. В. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского). Иркутск, 2003. 264 с.).

ЗАПАДНОСИБИРСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Капцевич Петр Михайлович (1772–1840). Родился в 1772 г., выходец из дворянского рода. Окончил Артиллерийский и Инженерный корпус в 1792 г., 6 декабря 1792 г. начал карьеру в качестве поручика морских батальонов Гатчинской артиллерии.

Таким образом, уже в 1797 г., имея всего 25 лет от роду, стал генерал-майором. 9 ноября 1796 г. пожалован в подполковники гвардейского батальона. С 1797 г. полковник и генерал-майор с назначением шефом Артиллерийского батальона его имени. С 1799 г. генерал-лейтенант. Принимал участие в походе в Голландию, где заслужил орден Святой Анны 1-й степени.

Быстрому продвижению по службе он был обязан как личным достоинством, так и покровительству графа А. А. Аракчеева. В 1808 г. П. М. Капцевич был назначен дежурным генералом при Аракчееве, ставшем к этому времени военным министром. Поклонение перед Аракчеевым он сохранил на всю жизнь.

П. М. Капцевич принимал участие в крупнейших сражениях Отечественной войны 1812 г. (под Смоленском, при Бородино, Малоярославце и Красном). Его военные заслуги отмечены многочисленными наградами: за Смоленскую битву награжден орденом св. Владимира 2-й степени, за Бородино – орденом Святого Георгия 3-й степени, за Малоярославец – золотой шпагой с бриллиантами. Контужен в битве при Лейпциге, за что награжден орденом Святого Георгия 2-й степени. По окончании войны – командир дивизии.

С 1819 г. П. М. Капцевич занимал пост командира отдельного Сибирского корпуса. Рекомендую П. М. Капцевича на должность генерал-губернатора Западной Сибири, М. М. Сперанский стремился угодить всеильному Аракчееву и завершить конфликт между гражданской и военной властями, назначив генерал-губернатором командующего войсками, расквартированными в крае. Относительно административных способностей П. М. Капцевича и методов его управления Сперанский не питал особых иллюзий. В свою очередь П. М. Капцевич, познакомившись с местными условиями, пришел к выводу о нереальности и даже «отяготительности» для сибирского населения некоторых преобразований Сперанского (например, порядок исполне-

ния крестьянами дорожной повинности, организация земской и почтовой гоньбы).

Признавая выгодное стратегическое положение Омска на севере степи и приоритет военно-политических задач в управлении регионом, П. М. Капцевич сохранил свою резиденцию в Омске, хотя ГУЗС оставалось в Тобольске. Этим он поставил в сложное положение тобольского губернатора, который заменял генерал-губернатора в Совете ГУЗС. Сторонники Сперанского усматривали в действиях П. М. Капцевича намерения «низвергнуть те правительственные начала, коих введение и охранение составляло его обязанность».

Должность генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич занимал с 22 июля 1822 г. по 25 июля 1827 г. Представитель административной «школы Аракчеева», он не знал границ в заботе о казенном попечении. По словам С. М. Броневского, был «человеком редкого усердия к службе, деятельным до невозможности, взыскательным, малоподобным рачителем казенного интереса». На период его правления приходятся важные преобразования в управлении казахскими степями, строительство административных и культовых зданий, военного госпиталя, преобразование казачьего войскового училища, распространение ланкастерской системы обучения среди сибирских казаков и т. п.

Столкнувшись с недостатком образованных чиновников, он предложил учредить в Западной Сибири высшее учебное заведение. Заботясь об интересах казны, финансировать этот проект генерал-губернатор решил с помощью крестьянского населения, обложив рыбную ловлю на озерах оброчным платежом. Преждевременный проект не был поддержан ни центром, ни тем более далекими от нужд просвещения крестьянами.

С присущим ему административным рвением П. М. Капцевич насаждал хлебопашество среди кочевников, казаков и сибирских казаков, действуя при этом с учетом опыта создания военных поселений. Принудительные методы генерал-губернатор практиковал и в организации хлебозаготовок, запретив всякую частную продажу и установив при этом низкие закупочные цены.

Забота о казенном благосостоянии и здоровье населения привели П. М. Капцевича к столкновению с откупщиками и покровительствовавшими им чиновниками Тобольской казенной палаты. Против генерал-губернатора начались интриги, посыпались доносы в столицу. Сохраняя свой пост еще некоторое время П. М. Капцевичу помогла поддержка Аракчеева. Приход к власти Николая I кардинально изменил положение генерал-губернатора. В 1827 г., как следствие

конфликта П. М. Капцевича со Сперанским, в Западную Сибирь была направлена сенаторская комиссия. Тогда же П. М. Капцевич по болезни отправили в отпуск, а затем назначили командиром корпуса внутренней стражи.

Вельяминов Иван Александрович (1771–1837). Родился в 1771 г., выходец из российского дворянского рода. После окончания в 1796 г. Пажеского корпуса начал службу поручиком в лейб-гвардии Семеновском полку. Награжден орденом Святого Иоанна Иерусалимского. Участник убийства императора Павла I. Через 4 года стал полковником. В 1805 г. за Аустерлиц жалован орденом Святого Георгия 1-й степени. В 1807 г. за сражения при Гутштадте, Гейльсберге и Фрисланде награжден орденом Святого Владимира 3-й степени и золотой шпагой. В 1808 г. произведен в генерал-майоры и назначен шефом Кексгольмского мушкетерского полка. Участвовал с ним в войне со Швецией, совершив переход по льду через Кваркен. По окончании войны за «неудовлетворительное командование» предан военному суду и отставлен от службы. В сентябре 1811 г. вновь принят на службу членом комиссии для окончания старых нерешенных дел, а в марте 1812 г. назначен командиром 33-й пехотной, дивизии, входящей в состав корпуса Эсена.

И. А. Вельяминов был участником войн против Наполеона в 1805–1807, 1812 и 1813 гг. и русско-шведской войны 1808–1809 гг. Портрет его помещен в Военной галерее Зимнего дворца. В 1818 г. поднял восстание в Имеретии. В его переводе много лет на русской сцене шла трагедия В. Шекспира «Отелло». Считается, что он также был переводчиком трактата Ш. Бонне «Философские начала о первой причине и действия оной» (СПб., 1805) и «Истории Людовика XVI» (СПб., 1811).

Должность генерал-губернатор Западной Сибири И. А. Вельяминов занимал с 25 июля 1827 г. по 28 сентября 1834 г. в чине генерала от инфантерии. Его административная деятельность в Западной Сибири не оставила заметного следа. Известно, что он состоял в переписке с посетившим Сибирь известным немецким ученым А. Гумбольдтом и покровительствовал композитору А. А. Алябьеву. Особым влиянием при И. А. Вельяминове пользовался чиновник особых поручений Н. Ф. Кованько, ему удалось подчинить своему влиянию советников ГУЗС, оказывать давление при назначении на доходные должности в крае. Взяточничество и казнокрадство под покровительством Кованько стало безнаказанно распространяться. После доносов в III отделение жандармского полковника Маслова, возглав-

лявшего Сибирский жандармский округ, о разорении поселян и бездействии власти в 1833 г. Кованько был переведен в другую губернию, а в 1834 г. покинул Сибирь и И. А. Вельяминов. Официально считалось, что он сам по слабости здоровья попросился из Сибири, но было очевидно и недовольство центра порядками, установившимися в Сибири. После отставки с поста генерал-губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминов был назначен членом Военного совета. Занимался литературой. Награжден орденами Святого Александра Невского, Святого Владимира, Святой Анны 1-й степени.

Сулима Николай Семенович (1777–1840). Родился 12 января 1777 г., выходец из древнего мало-российского дворянского рода. В 1791 г. поступил в Сухопутный Шляхетский кадетский корпус.

В 1792 г. Н. С. Сулима был записан в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1793 г. его перевели сержантом в лейб-гвардии Семеновский полк. Первый офицерский чин Н. С. Сулима получил 22 января 1797 г. В том же году он был переведен прапорщиком в Нашебургский пехотный полк. В 1797 г. произведен в чин подпоручика, в 1799 г. – поручика. Затем Н. С. Сулима был переведен в лейб-гвардии Измайловский полк, где в 1800 г. произведен в штабс-капитаны, в 1803 г. – в капитаны, 11 октября 1803 г. – в полковники.

Н. С. Сулима принял участие в войнах с Наполеоном. 20 октября 1804 г. он был назначен командиром Московского мушкетерского полка, с которым совершил походы в Галицию, Силезию, Моравию и Австрию. 29 октября 1804 г. он отличился под Дирнштейном, в бою с дивизией Дюпона, за что был пожалован орденом Святого Владимира 4-й степени. 20 ноября 1804 г. под Аустерлицем Н. С. Сулима был ранен в голову и взят в плен, откуда вскоре был выменян. После похода 23 октября он уволился со службы.

18 сентября 1811 г. Н. С. Сулима вновь поступил в службу по армии и назначен командиром Таврического гренадерского полка, с которым участвовал в Отечественной войне 1812 г. в составе корпуса генерала Тучкова. Он сражался под Витебском, Смоленском. За бой при Бородине произведен в генерал-майоры и вступил в командование бригадой Фока. В сражении при Тарутино контужен ядром в ногу.

В бою при Красном взял в плен более 100 человек, за что награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

Участвовал Н. С. Сулима и в заграничном походе 1813–1814 гг. Он сражался при Люцене, Кенигсберге, Бауцене, Кульме, Дрездене, Лейпциге. Получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». В 1814 г. был под Парижем, за взятие которого награжден орденом Святой Анны 1-й степени.

1 сентября 1814 г. Н. С. Сулима был назначен командиром 1-й гренадерской бригады, затем – командиром 2-й бригады 1-й гренадерской дивизии. В начале 1816 г. вышел в отставку. 15 мая 1817 г. Н. С. Сулима вновь поступил на военную службу и был назначен командиром 3-й бригады 17-й пехотной дивизии. 17 апреля 1822 г. – командиром 3-й бригады 14-й пехотной дивизии. 16 сентября 1826 г. – начальником 11-й пехотной дивизии. 1 января 1827 г. – начальником 16-й пехотной дивизии. За отличие в командовании ею 17 мая 1827 г. Н. С. Сулима был награжден чином генерал-лейтенанта.

В турецкую кампанию Н. С. Сулима участвовал в переправе через Прут и Дунай, за сражение под Силистрией награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». Принял участие в занятии Андрианополя. В 1831 г. участвовал в подавлении Польского восстания. Был в сражении под Вильно и штурмовал Варшавские укрепления, за что награжден орденом Святого Александра Невского. В 1832 г. был председателем Варшавского верховного уголовного суда, председателем комиссии для окончательного уничтожения состава бывшей польской армии.

С 6 декабря 1833 г. по март 1834 г. Н. С. Сулима занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири.

С марта 1834 г. по 28 января 1836 г. – командир Отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатор Западной Сибири. Боролся с голодом в Сибири, открыл в Тобольске, Томске, Омске губернские строительные комиссии. Сделал топографическое обозрение Иртышской и Кулундинской степей. Однако заметного следа деятельности нового генерал-губернатора не оставила. Н. С. Сулима вслед за Капцевичем признавал выгодное военно-стратегическое положение Омска и вновь ходатайствовал о переносе туда Главного управления. Сибирский комитет аргументированно отказал, признав Тобольск исторически, экономически и географически более подходящим городом для центра края.

Непродолжительность пребывания в Сибири, а также физические недуги не позволили Н. С. Сулиме проявить свои способности. Хотя в сложные моменты, как свидетельствуют факты, он действовал

решительно. В ходе расследования так называемого омского дела о предполагаемом восстании поляков в Сибири он занял довольно жесткую позицию.

28 января 1836 г. Н. С. Сулима был назначен членом Военного совета. 13 января 1837 г. – членом Совета Государственной Думы.

Умер Н. С. Сулима 21 октября 1840 г.

Горчаков Петр Дмитриевич, князь (1785–1868).

Сын писателя Д. П. Горчакова, воспитывался матерью в Дрездене. Начал службу в 1807 г. и вскоре был произведен в прапорщики гвардейской артиллерии. Участвовал в кампаниях 1808–1809 гг. в Финляндии, в 1810 г. находился в составе Молдавской армии, где отличился при Шумле и Рушуке. Вернувшись в Петербург, участвовал в издании «Военного журнала». В 1812 г. находился под началом Витгенштейна, избран для поездки к императору Александру I с

объявлением о сражении при Березине.

П. Д. Горчаков участвовал в боевых действиях Отечественной войны 1812 г. Участник заграничного похода 1813–1815 гг. С 1817 г. служил на Кавказе. Командир 17-го егерского полка. В 1820 г. пожалован в генерал-майоры и назначен управляющим Имеретии (1820–1825 гг.). В этой должности принял участие в 1820 г. в экспедициях против горцев. Усмирал смуту в Мингрелии, Имеретии, Грузии, помогал Вельяминову подавлять восстание в Рачинском округе. При штурме горного замка Минда захватил документы и планы мятежников. Устроил сообщение от Редут-кале на восток. В конце 1821 г. послан А. Ермоловым с отрядом в Абхазию для поддержки князя Шервашидзе против Аслан-бея, нанес последнему поражение при Сухум-Кале. В начале 1824 г. послан в Абхазию, где совместно с флотом снял осаду с Соуску и вынудил бежать Аслан-бея к закубанским горцам. В 1822 г. назначен командующим 22-й пехотной дивизией и и. д. кавказского областного начальника. С отъездом А. Ермолова с Кавказа назначен в 1826 г. генерал-квартирмейстером 2-й армии. В период Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. – командир 18-й пехотной дивизии, отличился при штурме Силистрии, за что награжден орденом Святого Владимира 2-й степени. В 1829 г. пожалован в генерал-лейтенанты. Командовал последовательно 19-й, 15-й и 12-й пехотными дивизиями.

С 1836 по 1851 г. генерал-губернатор Западной Сибири и командир Отдельного Сибирского корпуса. Во время управления Западной Сибирью ему удалось в 1839 г. перенести Главное управление из Тобольска в Омск. Ликвидировал Омскую область и учредил управление сибирскими киргизами. Развивал пчеловодство, поощрял разработку серебряно-свинцовых приисков и каменноугольных копий. Открыл Сибирский кадетский корпус.

Активно способствовал расширению российских границ на юге казахских степей, подавил восстание Ваули Пиетомина в Березовском округе и успокаивал волнения крестьян Курганского округа в 1843 г. Выступил против распространения на Сибирь реформ П. Д. Киселева, противодействовал переселению крестьян из Европейской России и высказывался против развития земледелия у казаков.

На первых порах П. Д. Горчаков оказывал покровительство ссыльным декабристам, но впоследствии вступил с некоторыми из них в серьезный конфликт. Действия генерал-губернатора вызвали недовольство как местной общественности, так и высшего начальства. П. Д. Горчаков был уволен с поста генерал-губернатора, а в Западную Сибирь направлена в 1852 г. комиссия под руководством Н. А. Анненкова. В лондонском «Колоколе» А. И. Герцена была опубликована статья Г. Н. Потанина «К характеристике Сибири», посвященная правлению генерал-губернатора.

В период Крымской войны 1853–1856 гг. П. Д. Горчаков принимал участие в обороне Севастополя. Участвовал в сражении при р. Альме, лично вел в атаку батальоны Владимирского пехотного полка. Начальник Чоргунского отряда, с которым атаковал французские войска на Сапун-горе. Командующий всеми сухопутными войсками. Затем назначен командующим 6-го пехотного корпуса. Оставался в рядах Крымской армии по июнь 1855 г. Затем назначен членом Государственного совета.

Гасфорд (Гасфорт) Густав Христианович (1794–1874). Родился 1 апреля 1794 г. в Белостокской области. Выходец из иностранных дворян лютеранского вероисповедания. Окончил институт Корпуса путей сообщения. Российским подданным стал в 1833 г.

По словам П. П. Семенова-Тян-Шанского, Г. Х. Гасфорд «принадлежал к числу просвещенных офицеров русской армии, имел полное научное военное образование, большую опытность и несомненные способности в военном деле, личную храбрость и безукоризненную честность». Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. Отлично проявил себя в боях при Бородино,

Тарутино, Малом Ярославце, под Вязьмой и Красным. Участвовал в военных кампаниях на Кавказе, в Польше, в Австро-Венгрии. Неоднократно награждался орденами, в том числе орденом Святого Георгия 3-й степени. В 1847 г. пожалован украшенной бриллиантами табакеркой с портретом императора, а в 1848 г. золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость».

29 января 1851 г. назначен генерал-губернатором Западной Сибири и командующим Отдельным Сибирским корпусом. В годы его правления в Западной Сибири, при непосредственном его участии, в 1859–1861 гг. было преобразовано Сибирское казачье войско. При непосредственном участии Г. Х. Гасфорда на Иртыше получило развитие паромовое судоходство; была разрешена продажа казенных земель, положившая начало поземельной собственности в Западной Сибири.

Именно благодаря усилиям Г. Х. Гасфорда к Российской империи были присоединены Заилийская долина, верховья р. Чу, образован Алтайский округ, возникли новые поселения в Казахстане, среди них Верное (Алма-Аты).

Во время 9-летней деятельности Г. Х. Гасфорда в Западной Сибири было водворено около 80 тыс. переселенцев из Европейской России, построено до 200 церквей; во многих селах учреждены приходские училища, а в 8 городах открыты женские школы. Построены в г. Омске здание для Войскового правления, здание Войскового хозяйственного правления, здание Общественного собрания, городской тюремный замок; в 1859 г. начато строительство генерал-губернаторского дворца. Для воспитания и обучения сирот по инициативе жены Г. Х. Гасфорда Надежды Николаевны в Омске был основан приют «Надежда»; по ходатайству генерал-губернатора рядовой Сибирского линейного батальона Ф. М. Достоевский был произведен в унтер-офицеры.

В 1860 г. Г. Х. Гасфорд снарядил экспедицию полковника Циммермана, которая овладела Пишпеким и Токмаком. В декабре 1852 г. совершил поездку в Березов и Обдорск. В 1858 г. отправил торговый караван под началом поручика Велиханова из Семипалатинска в Кашгар. Генерал от инфантерии с 19 апреля 1853 г. Награжден орденом Святого Александра Невского 23 апреля 1854 г. и Святого Владимира 1-й степени с 30 августа 1860 г.

Личность Г. Х. Гасфорда получила оценку современников. Так, например, П. П. Семенов-Тянь-Шанский отмечал, что «административных способностей Гасфорд не имел, но он зато не был бюрократом и рутинером». В свою очередь, генерал И. Ф. Бабков вспоминал: «Гасфорд был человек умный и хороший администратор». В память о дея-

тельности Г. Х. Гасфорда в Тобольской гимназии были учреждены стипендии (одна из них – семипалатинским купечеством), а в Тобольской и Тюменской женских гимназиях – две. В Омске его именем была названа одна из улиц (ныне улица К. Либкнехта). С поста генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорд был смещен 13 января 1861 г.

В январе 1861 г. Г. Х. Гасфорд назначен членом Государственного совета, был почетным членом Академии наук, Вольного экономического и Географического обществ, а в с 1859 г. носил звание почетного президента парижского общества «Уничтожение невольничества и торго неграми в Африке».

Умер Г. Х. Гасфорд 5 мая 1874 г. и был похоронен на Волковском лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге.

Дюгамель Александр Осипович (1801–?). Родился в 1801 г. Выходец из дворян. Учился в Пажеском корпусе.

В службу А. О. Дюгамель вступил в 1820 г. 17 октября 1829 г. он был произведен в чин капитана. 27 октября 1830 г. получил монаршее благоволение за составление общего свода из секретных сведений.

4 декабря 1830 г. А. О. Дюгамель был командирован в Главную квартиру действующей армии. В 1831 г. участвовал в подавлении польского мятежа, 5 февраля – в сражении под Калушиным, 7 февраля – в сражении под Вавером. За участие в генеральном сражении под Прагой награжден 22 марта 1831 г. золотой шпагой с надписью «За храбрость». 25 декабря 1831 г. А. О. Дюгамель пожалован чином полковника. 25 февраля он был командирован для обозрения Вислы для отыскания переправы. В мае преследовал мятежников к Ендронееву. В июне состоял в отряде генерала от кавалерии Крейца и генерал-лейтенанта Муравьева. 5 июля участвовал при переправе через Вислу. 27 августа – при штурме Варшавы. 15 октября 1831 г. был награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

9 января 1832 г. А. О. Дюгамель был командирован в Санкт-Петербург и 7 февраля назначен состоять при генерал-квартирмейстере Главного штаба. С 10 апреля 1832 г. А. О. Дюгамель состоял на вакансии генерала для занятий по военно-статистической, исторической и ученой частям.

26 октября 1832 г. А. О. Дюгамель назначен состоять при генерал-лейтенанте Муравьеве для секретных поручений в Турцию. 24 декабря командирован с дипломатическим поручением к Ибрагим-паше под Конию с целью прекращения последним наступления на Константинополь. 13 мая назначен состоять при главкоме морских и сухопутных сил, посланных на помощь султану. С 8 апреля 1833 г. по

3 августа А. О. Дюгамель – генеральный консул в Египте. С 30 апреля 1838 г. по 23 августа 1841 г. – русский посол в Тегеране. В 1847 г. назначен в свиту Е. И. В. В 1848 г. выполнял дипломатические поручения в Молдавии и Валахии. С 1851 г. – сенатор межевого департамента Сената.

В 1861 г. А. О. Дюгамель был назначен генерал-губернатором Западной Сибири, а в 1865 г. стал первым командующим войсками Западно-Сибирского военного округа (с центром в Омске). 28 октября 1866 г. он был уволен с должности командующего войсками Западно-Сибирского округа с оставлением в должности генерал-губернатора.

В 1866 г. назначен членом Государственного совета.

Хрущов Александр Петрович (1806–1875). Родился 4 августа 1806 г. в Тульской губернии.

Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., Крымской войны 1853–1856 гг., подавления Польского восстания в 1863–1864 гг. В 1864 г. А. П. Хрущов в чине генерал-лейтенанта занял пост помощника командующего войсками Виленского военного округа. Особым доверием он пользовался у генерал-губернатора Западного края графа М. Н. Муравьева-Виленского.

28 октября 1806 г. А. П. Хрущов был назначен генерал-губернатором Западной Сибири. Он имел заслуженную славу боевого генерала, однако опыта гражданского управления за долгие годы службы не приобрел. Вникнуть в суть сибирского управления новый генерал-губернатор не смог и поэтому быстро оказался под влиянием местных деятелей. А. П. Хрущов ходатайствовал о строительстве железной дороги в Сибири, приостановлении ссылки в Тобольскую и Томскую губернии, о развитии промышленности и торговли, усилении хлебопашества, преобразовании суда и администрации, об улучшениях в системе образования и пр. Поддержал идею создания в Омское «Общества исследователей Западной Сибири». В 1868 г. Тюменское и Омское городские общества преподнесли А. П. Хрущову звание почетного гражданина. За управление Западной Сибирью в 1868 г. он был награжден орденом Святого Александра Невского, а в 1869 г. произведен в генералы от инфантерии и генерал-адъютанты. Оставил службу в Сибири А. П. Хрущов по болезни и 1 января 1875 г. был назначен членом Государственного совета.

Умер А. П. Хрущов 14 июля 1875 г.

Казнаков Николай Геннадьевич (1824–1885).

Родился 8 августа 1824 г., выходец из российских дворян. Окончил школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

8 августа 1842 г. Н. Г. Казнаков был определен в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. В чине штаб-ротмистра поступил в Академию Генерального штаба. За отличие в учебе награжден чином ротмистра. В 1847 г. окончил академию с большой серебряной медалью.

28 января 1849 г. Н. Г. Казнаков был переведен капитаном в гвардейский Генеральный штаб. В январе 1850 г. исполнял должность старшего адъютанта штаба гвардейского корпуса. Затем был дивизионным квартирмейстером 1-й гвардейской кавалерийской дивизии и одновременно состоял адъюнктом-профессором тактики в Академии Генерального штаба. Зимой 1852–1853 гг. Н. Г. Казнаков читал тактику старшим офицерам.

В октябре 1853 г. был произведен в чин полковника и определен состоять при великих князьях Николае и Владимире Александровичах. В апреле 1858 г. Н. Г. Казнаков был произведен в генерал-майоры с назначением в Свиту. В день восшествия на престол императора Александра II он был назначен флигель-адъютантом. В 1861 г. его командировали в Калужскую губернию для сохранения порядка при введении Положения о крестьянах. 6 июня 1861 г. Н. Г. Казнаков был назначен начальником штаба отдельного гренадерского корпуса.

В январе 1864 г. Н. Г. Казнаков был определен киевским губернатором и управляющим гражданской частью. В 1865 г. он был награжден чином генерал-лейтенанта. Боролся с эпидемией холеры в Бердичеве. 29 ноября 1866 г. его уволили в 11-месячный отпуск с отстранением от должности.

10 апреля 1867 г. Н. Г. Казнаков был назначен генерал-адъютантом. 30 августа 1869 г. пожалован орденом Святого Александра Невского. В январе 1872 г. был назначен членом Главного военно-тюремного комитета.

1 января 1875 г. Н. Г. Казнаков был назначен генерал-губернатором Западной Сибири и командующим войсками Западно-Сибирского военного округа. В 1878 г. пожалован в генералы от кавалерии.

В 1878 г. он плавал на пароходе в Обскую губу для ознакомления с бытом инородцев. В должности генерал-губернатора Н. Г. Казнаков много сил отдал развитию хозяйства края. Он способствовал установлению

срочного пароходства от Тюмени до Семипалатинска. Решил в 1875 г. спор о направлении строительства Сибирской железной дороги.

Постоянное внимание генерал-губернатор уделял и организации управления Западной Сибирью. Он открыл Омский тюремный комитет. Учредил Семипалатинский статистический комитет. Возбудил вопрос об открытии в Западной Сибири палат государственных имуществ и лесничеств, сокращения мировых боров в селениях государственных крестьян. Увеличил оклады жалованья гражданским врачам.

Н. Г. Казнаков сыграл большую роль и в развитии народного образования в Сибири. Он открыл в Тюмени реальное училище, в Омске – мужскую гимназию, в Петропавловске и Кокчетаве – интернаты для киргизских мальчиков. В Тобольске и Омске – фельдшерскую и ветеринарную школы.

Н. Г. Казнаков был почетным членом Императорского русского географического общества. В 1877 г. он учредил в Омске Западно-Сибирский отдел общества. В 1878–1879 гг. по инициативе РГО организовал экспедицию по изучению Монголии и Внутреннего Китая. Помог экспедициям Певцова в Монголию, Ядринцева на Алтай, Балкашина в Туркестан, Ловцова в Кокчетав.

С 1880 г. Н. Г. Казнаков – член Государственного совета. Был избран почетным членом Киевского братства св. Владимира.

Умер Н. Г. Казнаков 12 февраля 1885 г.

Мещеринов Григорий Васильевич (1827–1901). Родился 22 января 1827 г., выходец из дворян. Окончил Николаевское кавалерийской училище по 1-му разряду с занесением на мраморную доску.

В 1845 г. Г. В. Мещеринов вступил в службу корнетом в лейб-гвардии Конный полк. В 1846 г. он был прикомандирован к гвардейскому Генеральному штабу, а через два года на основании экзамена в Академии Генерального штаба произведен в гвардейский Генеральный штаб, где назначен старшим адъютантом по части Генерального штаба в штабе гвардейского резервного кавалерийского корпуса (1850 г.). Затем служил старшим адъютантом с перечислением в Генеральный штаб и с переименованием в подполковники. Закончил Свод приказов по Генеральному штабу с 1815 по 1853 гг.

Г. В. Мещеринов участвовал в движении гвардии во время Венгерской кампании. В Восточную войну он участвовал в походе гренадерского корпуса в Крым. За отличие при движении войск под Евпаторией был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. В 1855 г. Г. В. Мещеринов произведен в полковники. С 1856 г. он был назначен исполняющим должность начальника штаба 5-го армейско-

го корпуса. В 1861 г. был произведен в генерал-майоры с утверждением в должности.

С назначением военным министром графа Д. А. Милютина в 1862 г. Г. В. Мещеринов был назначен вице-директором департамента Генерального штаба, затем – Главного управления Генерального штаба. В 1864 г. – членом специального комитета по устройству и образованию войск. В 1865 г. Г. В. Мещеринов был назначен в Свиту. В 1866 г. он стал помощником начальника Главного штаба. В 1868 г. был произведен в генерал-лейтенанты. В эти же годы он состоял постоянным членом Комитета по передвижению войск по железной дороге и членом Комитета для пересмотра системы податей и сборов. В 1876 г. Г. В. Мещеринов был пожалован в генерал-адъютанты.

В 1880 г. Г. В. Мещеринов исполнял должность генерал-губернатора и командующего войсками Западно-Сибирского военного округа. С февраля 1881 г. по май 1882 г. – генерал-губернатора Западной Сибири.

С 25 мая 1882 г. по 1901 г. – командующий войсками Казанского военного округа. В 1883 г. Г. В. Мещеринов был пожалован чином генерала от инфантерии. Был награжден орденом Святого Андрея Первозванного.

Умер Г. В. Мещеринов 26 августа 1901 г.

ВОСТОЧНОСИБИРСКИЕ (ИРКУТСКИЕ) ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Лавинский Александр Степанович (1776–1844).

Родился 12 апреля 1776 г., выходец из дворян.

2 января 1778 г. А. С. Лавинский вступил в службу сержантом гвардии. Участник русско-шведской войны 1788–1790 гг., находился при генерал-майоре Арбеневе. 11 января 1791 г. А. С. Лавинский был переведен в армию капитаном. В 1791 г. находился в Молдавии. 11 июля 1795 г. произведен в чин майора. В 1793–1796 гг. участвовал в Польской кампании; в составе войск

находился при взятии Вильны, участвовал в преследовании польского корпуса Грабовского, который был разбит на панской дороге. Уволен из армии 31 декабря 1797 г.

16 мая 1798 г. А. С. Лавинский был определен контролером государственного Вспомогательного банка для дворянства в чине коллежского асессора. 16 ноября 1798 г. награжден чином надворного советника. С 3 июля 1799 г. – директор Вспомогательного банка для дворян, награжден чином коллежского советника. С 25 апреля 1800 г. – советник Главного почтового управления. 31 декабря 1801 г. награжден чином статского советника, 1 января 1804 г. – действительного статского советника. 17 февраля 1804 г. назначен на должность литовского почт-директора. 13 декабря 1810 г. награжден орденом Святой Анны 2-й степени с алмазами.

С 11 августа 1811 А. С. Лавинский был назначен директором департамента государственных имуществ с награждением чином тайного советника. 21 октября 1820 г. был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени. Сверх должности назначен членом комиссии в Санкт-Петербурге для разбора дел Крымского полуострова с 1819 по 1820 г. С 1820 г. участвовал в заседаниях комитета при Министерстве внутренних дел по принятию мер к обеспечению народного продовольствия.

С 23 марта 1822 г. по 1823 г. А. С. Лавинский занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири. За ревностную службу на этой должности 21 апреля 1829 г. был награжден орденом Святого Александра Невского. На должности генерал-губернатора А. С. Лавинский сыграл заметную роль в устройстве управления Нерчинских заводов.

6 декабря 1833 г. А. С. Лавинский был пожалован в сенаторы. 1 января 1834 г. он был награжден орденом Святого Владимира

1-й степени, 31 декабря – чином действительного тайного советника. 1 января 1836 г. он назначен членом Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел. С 19 февраля 1839 г. – председательствующий и управляющий Петербургской сохранный казной. 20 апреля 1840 г. А. С. Лавинский был награжден алмазным знаком ордена Святого Александра Невского.

В 1830–1840-х гг. А. С. Лавинский был членом попечительских комитетов ряда привилегированных учебных заведений и благотворительных учреждений. С 18 апреля 1837 г. – почетный опекун Петербургского опекунского совета, с 15 апреля 1841 г. – председательствующий в Совете. С 12 февраля 1838 г. – член совета при Воспитательном обществе благородных девиц и училища ордена св. Екатерины.

Умер А. С. Лавинский 2 августа 1844 г.

Броневский Семен Богданович (1787–1840). Родился 24 декабря 1786 г. (4 января 1887 г. по н. с.), выходец из дворян. Окончил Тверское дворянское училище, затем Шкловский кадетский корпус, откуда 23 октября 1803 г. выпущен прапорщиком в Нижегородский драгунский полк на Кавказ.

В 1804 г. С. Б. Броневский принял участие в Кабардинском походе за р. Баксаном. 30 января 1804 г. он был произведен в чин подпоручика. В 1805 г. вновь сражался в Кабарде в Кисбурунском ущелье. В 1806 г. совершил поход в Персию. Участвовал во взятии Дербента, Кубы и Баку. В мае 1807 г. в отряде генерал-майора Капцевича ходил за р. Кубань для отражения набегов закубанских народов.

20 марта 1808 г. С. Б. Броневский был назначен адъютантом инспектора Сибирских войск генерал-лейтенанта Глазенапа и переведен в Сибирь. 10 июня 1808 г. он прибыл в Омск. С 6 декабря 1809 г. по 15 декабря 1813 г. С. Б. Броневский – управляющий пограничной канцелярией сибирской линии. За труды по управлению делами канцелярии 7 июля 1810 г. он был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени.

18 октября 1811 г. он был переведен в лейб-гвардии Драгунский полк с оставлением в прежней должности. 17 сентября 1811 г. произведен в чин поручика, 30 марта 1812 г. – штабс-капитана. В мае 1812 г. С. Б. Броневскому было поручено осматривать казачьи полки. 20 мая 1814 г. был произведен в чин капитана.

С 6 ноября 1813 г. по 20 мая 1814 г. С. Б. Броневский занимал должность командира Сибирского линейного казачьего войска до избрания атамана. Летом 1817 г. он командирован в Киргизскую степь для возведения султана Киргиз-Кайсакской Средней Орды Букея в хан-

ское достоинство. 22 августа 1818 г. произведен в чин полковника. Устроил в Омске казачье войсковое училище. С 23 июня 1822 г. исполнял должность начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса. 28 сентября С. Б. Броневский был награжден орденом Святой Анны 2-й степени. В ноябре 1822 г. он был командирован из Семипалатинска в Киргизскую степь для усмирения взбунтовавшейся Табуклинской волости. 7 января 1824 г. по 18 февраля 1825 г. С. Б. Броневский исполнял должность командира Отдельного Сибирского корпуса.

По особому распоряжению М. М. Сперанского с 9 марта 1823 г. по 9 марта 1823 г. С. Б. Броневский исполнял должность начальника Омской области и командира дивизии. В феврале 1824 г. он был командирован в Киргизскую степь для открытия Каркаралинского внешнего округа и введения нового порядка управления. 17 апреля 1824 г. был назначен начальником штаба Отдельного Сибирского корпуса. 11 февраля 1825 г. С. Б. Броневскому была поручена ревизия канцелярии генерал-губернатора Западной Сибири. 22 августа 1826 г. он был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени, 6 декабря 1827 г. – чином генерал-майора. 19 декабря 1829 г. награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, 19 мая 1832 г. – орденом Святого Станислава 1-й степени. Занимался устройством Сибирского линейного казачьего войска.

В 1822 г. С. Б. Броневский стал членом Московского общества сельского хозяйства, которое в 1824 г. наградило его медалью за введение усовершенствования сельского хозяйства в поселениях сибирских линейных казаков, а в 1834 г. – медалью за учреждение в Омске школы земледелия и опытного хутора и развития оседлости среди киргизов.

20 февраля 1824 г. С. Б. Броневский был командирован в Томск и Красноярск для расследования злоумышлений сосланных поляков. 19 мая 1834 г. его командировали с военным отрядом в Киргизскую степь на случай нашествия ташкентца Кумбека и мятежного киргизского султана Саражана Касымова и для предотвращения грабежей. За вытеснение противника в Улутовские горы он 8 августа 1834 г. был награжден орденом Святой Анны 1-й степени. Учредил первые русские колонии в Киргизской степи.

28 сентября 1834 г. С. Б. Броневский был назначен исполняющим должность генерал-губернатора Восточной Сибири и командующим войсками Восточной Сибири. 6 декабря 1835 г. награжден чином генерал-лейтенанта и назначен командиром местных войск. Уволен по болезни с этой должности 29 июля 1837 г.

Во время губернаторства С. Б. Броневским был предложен проект нового административного деления Восточной Сибири. В проекте

обосновывалась необходимость усиления местной губернской и областной власти, в частности, для Якутской области, Охотского, Камчатского приморских и Троицкосавского пограничного управлений, находящихся далеко от Иркутска. Генерал-губернатор предлагал отделить от Иркутской губернии Забайкалье и из Верхнеудинского, Нерчинского округов и Троицкосавского пограничного управления образовать Нерчинскую область, придав ее начальнику губернаторские права. Он считал возможным отступление от принципов «Сибирского учреждения», отказываясь от создания областного совета. С. Б. Броневский настаивал на необходимости строительства Кругобайкальской дороги и усилении воинского контингента в Забайкалье. Для рассмотрения этих предложений был создан особый комитет, который признал убедительными доводы С. Б. Броневского. Реализация проекта была поручена новому генерал-губернатору, который имел совершенно противоположное мнение относительно административного устройства Восточной Сибири.

1 декабря 1837 г. С. Б. Броневский был назначен сенатором. 31 декабря 1837 г. награжден орденом Святого Владимира 2-й степени. 22 декабря 1838 г. назначен первоприсутствующим в межевом департаменте Сената. 15 декабря 1839 г. – в 4-м департаменте Сената. 29 декабря 1841 г. награжден орденом Белого Орла.

С. Б. Броневский занимался литературным творчеством. Был сотрудником «Земледельческой газеты», оставил воспоминания о своей жизни и написал книгу «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе».

Умер С. Б. Броневский 14 февраля 1858 г.

Руперт Вильгельм Яковлевич (1787–1849). Родился в 1787 г., выходец из голландских дворян.

8 апреля 1800 г. В. Я. Руперт был записан юнкером в 1-й конно-артиллерийский батальон. Затем числился во 2-м Пионерском полку. 13 апреля 1804 г. он был произведен в чин подпоручика, 3 апреля 1806 г. – поручика, 30 апреля 1810 г. – штабс-капитана.

В. Я. Руперт был участником Русско-турецкой войны 1811–1812 гг., сражался при Калафате. 14 февраля 1811 г. был произведен в чин капитана, 17 февраля 1813 г. В. Я. Руперт был переведен в лейб-гвардии Саперный батальон.

В. Я. Руперт участвовал в боевых действиях Отечественной войны 1812 г. и заграничных походах. Отличился под Кульмом. В 1815 г. вернулся в Россию.

26 ноября 1816 г. В. Я. Руперт был произведен в чин полковника с назначением командиром 5-го Пионерского батальона. 16 августа 1824 г. переведен во 2-ю сводную Пионерскую бригаду. В 1825 г. был награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

Во время восстания декабристов в 1825 г., по данным известного историка М. К. Азадовского, В. Я. Руперт «находился непосредственно в Зимнем дворце и стал лично известен Николаю, с этого и началась... карьера» незнатного дворянина, более 20 лет служившего в непривлекательных для российских дворян саперных частях.

В 1826 г. В. Я. Руперт получил чин генерал-майора и был назначен командиром 2-й сводной Пионерской бригады. В 1828 г. участвовал в боевых действиях Русско-турецкой войны и за отличия был награжден орденом Святой Анны 1-й степени с императорской короной. В 1829 г. назначен начальником 11-й пехотной дивизии, 6 декабря 1833 г. – начальником 2-й пехотной дивизии. В 1834 г. он был пожалован чином генерал-лейтенанта.

10 января 1834 г. В. Я. Руперт по протекции Л. В. Дубельта перешел в Корпус жандармов. С февраля 1834 г. по 29 июля 1837 г. он занимал должность начальника 4-го округа Корпуса жандармов на Украине и сумел заслужить расположение А. Х. Бенкендорфа.

С 29 июля 1837 г. по август 1847 г. В. Я. Руперт занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири и командующий войсками в Восточной Сибири. В 1839 г. он совершил путешествие в Якутск, в 1840 г. – в Енисейскую губернию. На должности генерал-губернатора В. Я. Руперт усилил военное начало в управлении губерниями. По его инициативе была построена дорога от Иркутска до Кяхты. В 1839 г. он боролся с неурожаем в Енисейской губернии. В 1841–1842 гг. В. Я. Руперт руководил подавлением восстания рабочих на золотых промыслах Енисейской губернии и в 1845 г. волнений старообрядцев с. Куналей. В 1845 г. по инициативе В. Я. Руперта был открыт девичий институт в Иркутске. За усердие в управлении генерал-губернаторством В. Я. Руперт в 1841 г. был награжден орденом Белого Орла.

Уволен от должности генерал-губернатора В. Я. Руперт был после ревизии Восточной Сибири сенатором И. Н. Толстым, обнаружившим массу злоупотреблений.

Умер В. Я. Руперт в марте 1849 г.

Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881).

Родился 11 августа 1809 г., выходец из дворян. Окончил Петербургский пансион Годениуса и Пажеский корпус, с занесением на мраморную доску. В 14 лет был назначен камерпажем великой княгини Елены Павловны. Близкое знакомство с Еленой Павловной позволило Н. Н. Муравьеву наладить отношения с видными деятелями либеральной бюрократии. Пребывание в Пажеском корпусе способствовало установлению придворных связей.

25 июня 1827 г. Н. Н. Муравьев начал военную службу прапорщиком лейб-гвардии Финляндского полка. Он стал участником Русско-турецкой войны 1828 г. В июне в составе русских войск Н. Н. Муравьев перешел Дунай у Исаки. Через Бабадаг и крепость Кистенджи прошел берегом Черного моря до Варны. В отряде генерал-лейтенанта Бистрома он участвовал в осаде крепости Варна. С 29 апреля 1829 г. Н. Н. Муравьев был назначен адъютантом генерал-лейтенанта Головина, а затем на кораблях эскадры контр-адмирала Кумани при бомбардировке Сизополя. Летом 1829 г. он участвовал в сражениях при Козлужде и Кулевчи, в осаде крепости Шумла, после чего вернулся в Варну, где вновь состоял при военном губернаторе Румелии Головине. 1 января 1829 г. Н. Н. Муравьев был произведен в чин подпоручика, 27 декабря – поручика. 12 июля 1829 г. за отличие при Шумле награжден орденом Святой Анны 3-й степени с бантом.

В 1831 г. Н. Н. Муравьев участвовал в боевых действиях Польской кампании. 19 марта 1831 г. он был назначен адъютантом к начальнику 26-й пехотной дивизии Головину. В марте 1831 г. участвовал в сражении при Остроленке, затем в деле при Рудках. Был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. В мае 1831 г. очищал Беловежскую пушу от мятежников. В августе сражался при Крынке против корпуса генерала Ромарино. В генеральном сражении при Мендзержице Н. Н. Муравьев был ранен в ногу. В сентябре он участвовал при блокаде крепости Модлин. В 1831 г. награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». 6 декабря произведен в чин штабс-капитана.

7 февраля 1833 г. Н. Н. Муравьев был уволен по болезни со службы. До 1838 г. он находился в отставке и занимался управлением пожалованным ему имением Стоклишк в Виленской губернии.

27 апреля 1838 г. Н. Н. Муравьев вернулся на военную службу и был определен майором для особых поручений к командиру Отдель-

ного Кавказского корпуса Головину. В июне 1838 г. он участвовал в экспедиции на р. Сочи, затем в десанте на Шансугу на восточный берег Черного моря. В сентябре 1838 г. под началом генерал-лейтенанта Фези в составе Дагестанского отряда Н. Н. Муравьев был послан в Кубу для усмирения горных шагалов. В 1838 г. получил чин подполковника. За отличие во время войны с горцами в 1839 г. Н. Н. Муравьев был награжден орденом Святой Анны 2-й степени. В 1839 г. участвовал в экспедиции по взятию Аджия-Хурской позиции и покорении с. Ахты и осаде Ахульго, за что был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с императорской короной. 9 февраля 1840 г. произведен в чин полковника.

4 апреля 1840 г. Н. Н. Муравьев был назначен исполняющим должность начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии. В 1840 г. совершил экспедицию от Сухум-кале до Багатских теснин и участвовал во взятии Варды и Ахты. 4 июня 1841 г. Н. Н. Муравьев был утвержден в должности с производством в чин генерал-майора. В 1841 г. он участвовал в движении войск вдоль берега Черного моря от укрепления Св. Духа до укрепления Навагинского под началом генерал-адъютанта Анрепа. 10 сентября 1841 г. был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени. 10 ноября 1843 г. Н. Н. Муравьев получил годовой отпуск для лечения. 7 апреля 1844 г. вступил в прежнюю должность. В том же году он был награжден орденом Святого Станислава 1-й степени.

12 декабря 1845 г. Н. Н. Муравьев был причислен к Министерству внутренних дел. 16 июня 1846 г. назначен исполняющим должность тульского гражданского губернатора. 6 июня 1847 г. Н. Н. Муравьев был утвержден в этой должности. В должности тульского губернатора представил от имени тульских помещиков проект отмены крепостного права «Опыт возможности приблизительного уравнивания состояний и уничтожения крепостного права в Русском царстве, без потрясений в государстве».

5 сентября 1847 г. Н. Н. Муравьев был назначен исполняющим должность иркутского и енисейского генерал-губернатора и командующего войсками Восточной Сибири. 12 апреля 1849 г. он был пожалован чином генерал-лейтенанта.

С 6 декабря 1849 г. по 19 февраля 1861 г. Н. Н. Муравьев занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири. В бытность генерал-губернатором Восточной Сибири он лично объездил всю вверенную ему территорию, результатом чего стал целый комплекс реформ. Фактически Муравьев сумел выработать, отстоять перед центром и реализовать самостоятельную азиатско-тихоокеанскую региональную программу. Программа предполагала расширение территории

Российской империи, присоединение Приамурья, а также укрепление ее позиций на берегах Тихого океана. Амурский вопрос определял и другие направления деятельности, в частности комплекс административных реформ по закреплению в составе России дальневосточных территорий (к административной реформе относится образование в начале 1850-х гг. Якутской, Камчатской и Забайкальской областей, позднее Амурской и Приморской), образование Забайкальского казачьего войска. Многие начинания и в административной сфере, и в экономической были достаточно революционны и поэтому отвергнуты имперскими властями и реализованы значительно позже – только при преемниках Муравьева (образование Приамурского генерал-губернаторства, строительство в регионе железной дороги, телеграфа, расширение масштабов колонизации и др.).

На должности генерал-губернатора Н. Н. Муравьев оказывал покровительство ссыльным декабристам и петрашевцам, ходатайствовал перед петербургскими властями о разрешении взять их на службу. Он боролся с сибирскими откупщиками и золотопромышленниками из-за взяток.

В 1851 г. Н. Н. Муравьев открыл Сибирский отдел Русского географического общества. В 1857 г. основал газету «Иркутские губернские ведомости», во главе которой стоял петрашевец Спешнев. В 1854 г. организовал 1-ю Амурскую экспедицию.

В 1858 г. Н. Н. Муравьев подписал Айгунский договор с Китаем. В 1959 г. плывал от Николаева до Хакодате и обратно.

Служба в Сибири Н. Н. Муравьева была высоко оценена высшей властью России. 26 ноября 1850 г. он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, 6 дек. 1850 г. – орденом Святой Анны 1-й степени, 23 апреля 1853 г. – орденом Белого Орла, 6 дек. 1854 г. – орденом Святого Александра Невского. 6 декабря 1857 г. Н. Н. Муравьев был пожалован в генерал-адъютанты. 26 августа 1858 г. возведен в чин генерала от инфантерии с пожалованием графского титула и прибавлением к фамилии звания «Амурский». 19 февраля 1861 г. он был награжден орденом Святого Владимира 1-й степени с мечами. Был принят почетным членом Императорского русского географического общества. Неутверждение ряда проектов Муравьева побудило его уйти в отставку. Таким образом, Н. Н. Муравьев-Амурский – единственный сибирский представитель генерал-губернаторов, который самостоятельно подал в отставку.

По возвращении из Сибири граф Н. Н. Муравьев-Амурский 19 февраля 1861 г. был назначен членом Государственного совета. Умер граф Н. Н. Муравьев-Амурский 18 ноября 1881 г.

Корсаков Михаил Семенович (1826–1871). Родился в 1826 г. в семье действительного статского советника С. И. Корсакова. Происходил из известной дворянской семьи, связанной родственными узами и дружескими отношениями с семьями Мордвиновых, Бакуниных, Муравьевых.

По окончании школы гвардейских прапорщиков М. С. Корсаков недолго служил в лейб-гвардии Семеновском полку, где был произведен в чин лейб-гвардии подпоручика.

В 1849 г. М. С. Корсаков поступил на должность офицера для поручений при своем двоюродном брате генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве. В Иркутск он прибыл 12 марта 1849 г. и жил в доме Н. Н. Муравьева. По поручению генерал-губернатора ездил на Камчатку для вручения инструкции Г. И. Невельскому, а затем был отправлен в Санкт-Петербург с отчетом об экспедиции Невельского. В 1850 г. М. С. Корсаков вновь ездил на Камчатку и участвовал в переносе Охотского порта, за что был произведен в чин майора. В 1851 г. он занимался заселением Аянского тракта, объезжал заводы и рудники Нерчинского горного округа. В феврале 1852 г. был произведен в подполковники с назначением начальником недавно образованного казачьего отделения Главного управления Восточной Сибири. В 1854 г. М. С. Корсаков был пожалован в полковники и награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

С 14 декабря 1855 г. по 16 мая 1860 г. М. С. Корсаков занимал должность губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска. В 1856 г. был пожалован чином генерал-майора.

В 1860 г. М. С. Корсаков был переведен на специально созданную для него должность помощника генерал-губернатора Восточной Сибири. По протекции графа Н. Н. Муравьева-Амурского в 1861 г. М. С. Корсаков как его преемник был назначен исполнять обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири. Утвержден в этой должности он был только в апреле 1864 г. с пожалованием в чин генерал-лейтенанта. По характеристике известного сибирского общественного деятеля В. И. Вагина Корсаков был «недурным» администратором: «Это был человек ровный, спокойный неторопливый, но и не ленивый. Он знал, что одним ударом меча не разрубить гордиев узел вековых злоупотреблений, и старался распутать этот узел постепенно, и не без успеха; по крайней мере, за ним не замечалось таких крупных злоупотреблений, какие были при Руперте, и даже при Муравьеве. Но

после такого блестящего метеора, как граф Амурский, Корсаков был бледен и даже немного смешноват... при нем легко двигалось и свободно жилось, после него этого уже не было».

Из Иркутска М. С. Корсаков отбыл 2 сентября 1870 г.

В 1871 г. М. С. Корсаков прибыл в Санкт-Петербург и был назначен членом Государственного совета, но вскоре простудился и 16 марта 1871 г. скончался.

Синельников Николай Петрович (1805–1892).

Родился в 1805 г., выходец из петербургских дворян, обучался в кадетском корпусе.

Участник подавления Польского восстания 1831 г. С 1852 по 1859 г. занимал посты губернаторов Владимирской (1852 г.), Волынской (1852–1855 гг.), Московской (1855–1857 гг.) и Воронежской губерний. До назначения в Восточную Сибирь был главноуправляющим всеми тюрьмами России.

Выбор 66-летнего Н. П. Синельникова в генерал-губернаторы, как с некоторой иронией замечал военный министр Д. А. Милютин, был вызван тем, что он проявил себя хорошо в организации арестантских рот, поэтому и посчитали, что его способности могут пригодиться лишь в крае, переполненном ссыльными.

Должность генерал-губернатора Восточной Сибири он занимал с 21 января 1871 г. по 14 декабря 1873 г. Как вспоминал сам Синельников, это назначение было для него неожиданностью, и министру внутренних дел генерал-адъютанту Тимашеву он откровенно заявил, что считает «недобросовестным взять на себя обязанности эти по преклонным летам». Однако, несмотря на возраст, как генерал-губернатор Н. П. Синельников имел репутацию «человека крутого и энергичного», питавшего больше склонности к полицейской службе, нежели к широкой административной деятельности. Он по старинке считал, что «закон писан только для мошенников, а хороших людей, особенно администраторов, не должен стеснять; поэтому считал позволительным всякий произвол и нарушение закона, оправдываемые предполагаемою благою целью». Пытался энергично бороться со злоупотреблениями, «темными поборами», стремился уменьшить в крае число кабаков и навести порядки на золотых приисках. В Иркутске оставил о себе память благодаря благоустройству города, устройству воспитательного дома и учительской семинарии, строительству на средства купцов И. И. Базанова, Я. А. Немчинова и М. А. Сибирякова

театра. Покровительствовал полякам и политическим ссыльным и относился к ним по-человечески.

В отличие от своих предшественников, Н. П. Синельников не придавал большого значения дальневосточным делам. В одном из своих отзывов на проекты административного преобразования на востоке он даже предупреждал, что усиление российского флота на Тихом океане может породить недоверие со стороны соседних государств, а Амур был приобретен совершенно напрасно. Будущее Амурской области в его представлениях в основном связывалось с привлечением сюда ссыльнокааторжных для работы в золотопромышленности. Выступал Н. П. Синельников против выделения из Восточно-Сибирского генерал-губернаторства Приамурского генерал-губернаторства, но соглашался на передачу в ведение Морского министерства побережья Тихого океана. Прибыв в Иркутск, Н. П. Синельников столкнулся с тем, что морское начальство на Дальнем Востоке фактически вышло из-под генерал-губернаторского подчинения. Его конфликт с приморским военным губернатором А. Е. Кроуном стал предметом разбирательства на самом высоком уровне и потребовал личного вмешательства Александра II.

Отношения Синельникова с министерствами носили конфликтный характер. Пользуясь на первых порах поддержкой Александра II, он своими решительными и необдуманными действиями по наведению порядка в крае (очевидно, в нем жила выучка А. А. Аракчеева, при котором он начал свою службу) нажил в лице министров серьезных противников. Н. П. Синельников просил Александра II дать ему право удалять без суда с места жительства лиц, «которые явно нарушают закон», «хотя вина их и не будет фактически обнаружена». Не без участия министров против Н. П. Синельникова была развернута газетная кампания, в которой особо преуспел «Голос» А. А. Краевского. Конфликт Н. П. Синельникова с министрами разбирался в Комитете министров. На генерал-губернаторском посту он смог продержаться всего три года и не только просил, но даже умолял царя об отставке.

Военный министр Д. А. Милютин писал о Н. П. Синельникове, что тот самодурством довел дело до того, что «схлопотал» на строительстве театра от польского ссыльного Игнатия Эйхмиллера публично по лицу. Последний был судим военно-полевым судом и 11 ноября 1872 г. расстрелян, а Синельникова после такого скандала уже, конечно, нельзя было оставлять начальником края. Чтобы увольнение это не выглядело прямым последствием этого инцидента, оно было отложено на некоторое время. Уволен с должности генерал-губернатора Н. П. Синельников был 14 декабря 1873 г. с оставлением в звании сенатора.

Итог административной деятельности Н. П. Синельникова в Сибири внушительен. В очерке, вышедшем в Иркутске в 1873 г. к 50-летию его службы, в числе заслуг генерал-губернатора упомянуты «полное почти искоренение бродяжничества, обуздание винокуренной и хлебной торговли, искоренение в значительной степени чиновничьих темных поборов... организация надзора за благоустройством и ходом работ на золотых приисках, умножение народных школ».

Умер Н. П. Синельников 4 октября 1892 г. в Харькове. Н. С. Романов отметил по этому поводу в «Летописи города Иркутска»: «Он оставил по себе добрую память как враг мученичества и эксплуатации и заботами о положении простого народа. Он жил и работал для народа, который его и любил, несмотря на его строгость и некоторую крутость его характера».

Фредерик Платон Александрович (1828–1888).

Родился 20 января 1828 г. Имел титул барона. Воспитание получил в Дворянском полку.

13 июня 1848 г. П. А. Фредерикс был выпущен офицером в лейб-гвардейский Егерский полк. Через 16 лет – 30 июня 1864 г. он был произведен в генерал-майоры, 8 ноября 1864 г. причислен к Свите императора и уже через год (1865) награжден орденом Святого Станислава 1-й степени. С 1863 г. по 12 июня 1866 г. П. А. Фредерикс занимал должность варшавского обер-полицмейстера. С 12 июня 1866 г. по 23 февраля 1867 г. исполнял должность генерал-полицмейстера в Царстве Польском.

С 1 сентября 1866 г. – начальник 3-го округа жандармов. С 23 февраля 1867 г. по 14 декабря 1873 г. П. А. Фредерикс был назначен начальником Варшавского жандармского округа. 18 июля 1871 г. пожалован в генерал-адъютанты, 14 декабря 1873 г. произведен в генерал-лейтенанты. П. А. Фредерикс был награжден орденом Святой Анны 1-й степени (4 ноября 1866 г.) и орденом Святого Владимира 2-й степени (1868).

С 14 декабря 1873 г. по 10 августа 1879 г. П. А. Фредерикс занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири. На этой должности он отстаивал территориальную целостность генерал-губернаторства, отвергал необходимость административного переустройства края. Считал, что генерал-губернаторская власть была нужна еще на десятилетие, до проведения железной дороги и завершения реформ. Сохранение сильной власти П. А. Фредерикс аргументировал также общей неустроенностью ссылки и опасностью, исходящей от политических ссыльных. Командовал войсками Восточно-

Сибирского военного округа. 14 декабря 1873 г. он был произведен в генерал-лейтенанты. П. А. Фредерикс был почетным членом Императорского русского географического общества, покровителем его Восточно-Сибирского отдела. Содействовал устройству в 1881–1883 гг. полярной станции в устье реки Лены.

Именно во времена правления барона Фредерикса Иркутск постигли чудовищные пожары, когда выгорела большая часть города. По этому поводу великий князь Константин, а вслед за ним и В. И. Вагин сказали, что «если бы не иркутский пожар 1879 г., о бароне Фредериксе никто бы и не вспомнил».

1 января 1885 г. барон назначен сенатором во 2-й департамент. В 1886 г. получил Высочайшую благодарность за труды при разработке правил о преимуществах гражданской службы в отдаленных краях империи.

Умер П. А. Фредерикс 17 сентября 1888 г.

Анучин Дмитрий Гаврилович (1833–1900). Родился 9 апреля 1833 г., из дворян. Окончил Павловский кадетский корпус.

В службу Д. Г. Анучин вступил 7 августа 1851 г. прапорщиком в лейб-гвардии Егерский полк. В 1855 г. окончил Академию Генерального штаба по 1-му разряду. В 1855 г. он был назначен в Отдельный Кавказский корпус. В том же году был командирован в Штаб войск на Кавказскую линию и в Черноморию. В 1857 г. Д. Г. Анучин переведен в Генеральный штаб и состоял при 1-м отделении департамента. В 1860 г. он был назначен правителем канцелярии департамента Генерального штаба.

В 1863 г. Д. Г. Анучин был командирован в Польшу в распоряжение помощника главнокомандующего генерала Ф. Ф. Берга. За отличия в деле против польских мятежников он был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». В том же году Д. Г. Анучин состоял членом особого учрежденного военного суда для осуждения виновных в похищении казенных сумм из главного казначейства Царства Польского. В 1864 г. управлял департаментом полиции исполнительного управления генерал-полицмейстера в Царстве Польском и состоял членом Варшавской комиссии по делу о римско-католических монастырях. В том же году назначен для особых поручений к главнокомандующему войсками Варшавского военного округа.

С 1865 г. по 7 декабря 1879 г. Д. Г. Анучин занимал должность радомского губернатора. 10 июня 1867 г. пожалован чином генерал-майора. В 1871 г. был награжден орденом Святого Станислава 1-й степени, в 1876 г. – орденом Святого Владимира 2-й степени.

В 1877 г. Д. Г. Анучин был командирован в распоряжение главнокомандующего действующей армией для исполнения должности помощника заведующего гражданскими делами князя Черкасского. 13 октября 1877 г. пожалован чином генерал-лейтенанта. В 1878 г. Д. Г. Анучин исполнял должность заведующего гражданскими делами в Болгарии. В том же году он был командирован в Берлин на конгресс в распоряжение русских уполномоченных (кн. Горчакова, послов Шувалова и Убри).

С 7 декабря 1879 г. по 1 января 1885 г. Д. Г. Анучин занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа, с 14 июля 1884 г. – командующего войсками Иркутского военного округа. Заметим, что по оценке современников, Анучин «вступил в управление краем в очень трудное время: ему нужно было и поднимать амурские дела, совершенно упавшие при двух его предместниках (именно в правление Анучина было образовано самостоятельное Приамурское генерал-губернаторство. – *Авт.*), и обдумывал реформы, необходимость которых вызывалась общим ходом дел, и, более или менее, заботился о восстановлении разрушенного пожарами Иркутска». В отчетах за 1880–1881 гг. он обратил внимание высшей власти на необходимость реформы управления Сибирью. В 1884 г. был награжден орденом Святого Александра Невского. Д. Г. Анучин был избран почетным членом Императорского русского географического общества, покровительствовал его Восточно-Сибирскому отделу. В 1881–1883 гг. он содействовал устройству полярной станции в устье р. Лены.

Между тем во всех воспоминаниях местных жителей является единой негативная оценка деятельности этого генерал-губернатора: «Это был во-первых, лично какой-то антипатичный господин, производивший впечатление скорее подъячего, чем генерал-губернатора; во-вторых, справедливо или нет, он приобрел репутацию взяточника, с которой и оставил Восточную Сибирь, не возбудив ни в ком сожаления».

1 января 1885 г. Д. Г. Анучин был назначен сенатором во 2-й департамент. В 1886 г. получил Высочайшую благодарность за труды при разработке правил о преимуществах гражданской службы в отдаленных краях империи. В 1891 г. он был пожалован чином генерала от инфантерии. В 1892 г. определен в 1-й департамент Сената.

Умер Д. Г. Анучин 17 января 1900 г.

Игнатьев Николай Павлович, граф (1832–1908).

Родился 17 января 1832 г. Окончил Пажеский корпус.

Службу Н. П. Игнатьев начал корнетом в лейб-гвардии Гусарском полку. 26 мая 1849 г. поступил в Академию Генерального штаба. 6 декабря 1849 г. произведен в чин поручика. 7 ноября 1851 г. окончил академию, 20 ноября 1851 г. произведен в штабс-ротмистры с зачислением по Генеральному штабу. 20 ноября 1852 г. переведен штабс-капитаном в гвардейский Генеральный штаб. 28 ноября 1852 г. назначен состоять при штабе главнокомандующего Гвардейскими и Гренадерскими корпусами. 13 февраля 1854 г. был командирован для составления дислокации войск гвардии в Эстляндию.

13 февраля 1854 г. Н. П. Игнатьев был оставлен в распоряжении командовавшего войсками генерал-адъютанта графа Ф. Ф. Берга и заведовал в штабе войск частями Генерального штаба. В Крымскую войну 1854–1855 гг. состоял при войсках, охранявших Балтийское побережье от неприятеля, и находился при бомбардировке англичанами Дюнамюнде. С 14 июля 1854 г. по 14 июня 1855 г. состоял квартирмейстером 2-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии. 20 ноября 1854 г. произведен в чин капитана. С 18 марта 1855 г. исполнял должность обер-квартирмейстера Балтийского корпуса. 6 декабря 1855 г. пожалован в флигель-адъютанты.

7 июня 1856 г. Н. П. Игнатьев назначен военным агентом в Лондон. 26 августа 1856 г. произведен в чин полковника. Состоял в распоряжении посла в Париже графа П. Д. Киселева. За участие в конференции в Париже по разграничению между Бессарабией и Молдавией 12 января 1857 г. Н. П. Игнатьев был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени, 30 августа 1857 г. – орденом Святого Владимира 4-й степени.

С 16 октября 1857 г. по 17 декабря 1858 г. Н. П. Игнатьев занимал должность начальника военно-дипломатической миссии в Хиву и Бухару. Он добился освобождения русских пленных и заключил торговый трактат, позволивший плавать русским торговым судам по р. Амударье. 24 декабря 1858 г. Н. П. Игнатьев был награжден орденом Святой Анны 2-й степени с императорской короной. 25 декабря 1858 г. пожалован чином свиты генерал-майора.

17 марта 1859 г. Н. П. Игнатьев был назначен уполномоченным в Китай для переговоров по поводу недоразумений об Айгунском договоре (заключен Н. Н. Муравьевым 16 мая 1858 г.), в соответствии с

которым Приамурский край отходил к России. Воспользовавшись англо-французским десантом в Китай, он заключил Пекинский договор, по которому России перешли левый берег Амура и Уссури, а также приморская полоса до Кореи. 17 апреля 1860 г. Н. П. Игнатьев был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени 8 декабря 1860 г. – чином генерал-адъютант и орденом Святого Станислава 1-й степени, 8 января 1861 г. за заключение Пекинского трактата – орденом Святого Владимира 2-й степени.

21 августа 1861 г. Н. П. Игнатьев был назначен директором азиатского департамента Министерства иностранных дел. Заключил торговый трактат с Португалией. 17 апреля 1863 г. награжден орденом Святой Анны 1-й степени с императорской короной.

14 июля 1864 г. Н. П. Игнатьев был назначен посланником в Турцию. 30 августа 1865 г. пожалован чином генерал-лейтенанта. 25 марта 1867 г. Н. П. Игнатьев стал послом в Турции. 31 марта 1868 г. награжден орденом Белого Орла, 18 марта 1871 г. – орденом Святого Александра Невского. 20 апреля 1872 г. Н. П. Игнатьев исполнял обязанности почетного мирового судьи Гомельского округа.

15 января 1877 г. Н. П. Игнатьев был вызван в Россию и с 18 февраля по 20 марта 1877 г. находился с дипломатическим поручением в Берлине, Париже, Лондоне, Вене.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Н. П. Игнатьев был отправлен в действующую армию. 3 декабря 1877 г. его назначили членом Государственного совета с причислением в Министерство иностранных дел. 13 января 1878 г. Н. П. Игнатьев в качестве первого уполномоченного был направлен для ведения переговоров с турками в Андрианополь. 19 февраля 1878 г. подписал Сан-Стефанский preliminary договор. Затем выехал в Петербург через Константинополь. 16 апреля 1878 г. Н. П. Игнатьев за труды на благо отечества был награжден чином генерала от инфантерии.

5 апреля 1879 г. Н. П. Игнатьева временно назначают нижегородским генерал-губернатором. На этой должности он заново построил павильоны Нижегородской ярмарки.

1 января 1881 г. Н. П. Игнатьев был назначен присутствовать в департаменте законов Государственного совета. С 25 марта 1881 г. по 4 мая 1881 г. занимал должность министра государственных имуществ. С 4 мая 1881 г. по 30 мая 1882 г. – министра внутренних дел. В 1881 г. Н. П. Игнатьев учредил при Министерстве внутренних дел комиссию о реформе местного управления (Кахановскую). При нем были изданы правила о евреях 3 мая 1882 г., ограничивающие права их проживания вне городов и местечек. Н. П. Игнатьев пожалован орде-

ном Святого Владимира 1-й степени (15 мая 1883) и орденом Святого Андрея Первозванного (14 мая 1896).

Период 1885–1889 гг. был посвящен службе в Сибири – в должности восточносибирского (1885–1887) и иркутского (1887–1889) генерал-губернатора. В памяти местных жителей осталась пышность жизни генерал-губернатора. Увидев дом, приготовленный для него, Игнатьев воскликнул: «И в этой конюшне я должен жить целые годы!» Заметим, что эта «конюшня» является одной из визитных карточек Иркутска, и ныне здесь располагается научная библиотека Иркутского госуниверситета (хорошо известный любому иркутянину Белый дом). В то же время Н. П. Игнатьев был деятельным человеком, много работал над проектами, большое внимание уделял вопросам ограничения политической ссылки, улучшению путей сообщения и пр. Он справедливо полагал, что ссыльная система наносит ущерб интересам Сибири и что во многих отношениях она (система) нуждается в изменениях. Граф Игнатьев активно сотрудничал с ВСОРГО, обеспечивал финансирование исследований, на свои личные деньги купил для музея зоологическую коллекцию; по инициативе генерал-губернатора большое внимание на заседаниях уделялось вопросам строительства Сибирской магистрали, он способствовал открытию ряда дождемерных и сейсмических станций. По инициативе ВСОРГО ему в 1889 г. было присвоено звание почетного гражданина.

Умер Н. П. Игнатьев 20 июня 1908 г.

Горемыкин Александр Дмитриевич (1889–1900).

Представитель дворянского рода, который уходит корнями в эпоху Алексея Михайловича. О Горемыкине сохранились лишь фрагментарные сведения – в частности, о его сибирском периоде деятельности. Известно, что в 1893 г. он получил чин генерала от инфантерии, с 1864 г. находился в распоряжении наместника Царства Польского Ф. Ф. Берга, принимал участие в крестьянской реформе и выступал за наделение безземельных

крестьян землей. В период 1866–1869 гг. исполнял должность подольского губернатора, с 1869 г. в течение 20 лет был начальником штаба Одесского военного округа. Следующие 11 лет службы Горемыкина были посвящены Сибири: в период 1889–1899 гг. он был иркутским генерал-губернатором, а в 1899–1900 – военным генерал-губернатором Иркутска. По словам А. А. Корнилова, чиновника особых поручений канцелярии иркутского генерал-губернатора, а впоследствии известного русского историка, «со времени Муравьева-

Амурского никто из предместников (предшественников. – *Авт.*) его не пробыл на посту так долго. При нем построена великая Сибирская железная дорога, коренным образом изменившая условия существования края. При нем введена судебная реформа, хотя давшая суд и без присяжных заседателей, но радикально изменившая судебное устройство Сибири. При нем введено в Сибири новое поземельное устройство крестьян, и при нем же изменено управление... крестьянскими начальниками... Наконец, он предлагал ввести в Сибири земское самоуправление, не его вина, если эта реформа не осуществилась». Конечно, Горемыкин не был инициатором всех этих преобразований, но он «употребил немало труда, чтобы принести как можно больше пользы».

Иркутяне уважали Горемыкина, и, по воспоминаниям местных жителей, «на улицах многие раскланивались с ним из вежливости к самому генералу». А уважать его было за что. Именно благодаря личному участию А. Д. Горемыкина в Иркутске после пожара было отстроено красивейшее каменное здание драмтеатра, о чем свидетельствует мемориальная доска на этом здании. В правление Горемыкина 28 октября 1890 г. в Иркутске сгорел старый деревянный театр. Генерал-губернатор принял самое активное участие «для приобретения средства на постройку театра». И уже в 1898 г. состоялось открытие вновь построенного театра. Город почти всецело был обязан этим театром Горемыкину, который сумел собрать деньги на строительство и сам наблюдал за ним. По воспоминаниям современников, иркутский театр «вышел великолепный, после одесского лучший в провинциальной России».

В 1900 г. А. Д. Горемыкин покидает Сибирь и переходит на должность члена Государственного совета по департаменту промышленности.

Пантелеев Александр Ильич (1838 – после 1913). Родился 26 июня 1838 г., выходец из дворян. Окончил школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров с отличием и 16 июня 1850 г. поступил прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. 30 августа 1861 г. произведен в чин подпоручика, а через год – поручика.

В 1863 г. А. И. Пантелеев воевал с польскими повстанцами, командуя ротой войск Виленского военного округа. 30 августа 1868 г. произведен в чин капитана. После возвращения из Польши он был прикомандирован к Штабу войск гвардии и исполнял должность старшего адъютанта.

та Петербургского военного округа. В следующем году вернулся в полк. 30 августа 1871 г. А. И. Пантелеев произведен в полковники.

В июле 1877 г. А. И. Пантелеев был назначен начальником сборного пункта для мобилизации гвардии. В составе 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка он перешел Дунай. А. И. Пантелеев отличился в боях под Плевной и Филиппополем. В 1878 г. был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, золотым оружием с надписью «За храбрость», орденом Святого Владимира 4-й степени. С 23 февраля по 15 июня 1879 г. А. И. Пантелеев находился с полком в составе оккупационной армии в Восточной Румелии, осенью того же года вернулся в Россию.

С 10 сентября 1877 г. по 17 февраля 1882 г. А. И. Пантелеев находился на должности командира 17-го Архангелогородского пехотного полка, а с 17 февраля 1882 г. по 8 декабря 1890 г. – лейб-гвардии Семеновского полка. 30 августа 1882 г. А. И. Пантелееву пожалован чин генерал-майора, 30 августа 1893 г. – генерал-лейтенанта.

С 8 декабря 1890 г. по 4 февраля 1897 г. А. И. Пантелеев находился на должности директора Императорского училища правоведения, с 4 февраля 1897 г. по 20 апреля 1900 г. – помощника шефа жандармов. С 31 января 1898 г. по 20 апреля 1900 г. был командиром Отдельного корпуса жандармов.

С 20 апреля 1900 г. по 13 мая 1903 г. А. И. Пантелеев являлся иркутским военным генерал-губернатором. По воспоминаниям местных жителей, это был человек «не злой, мягкий, не особенно вредный, среднего ума (человек без академического образования), но весьма воспитанный. Быстро сошелся с иркутским обществом». По мнению иркутян, большую роль в управлении краем играла жена генерал-губернатора – Александра Владимировна, женщина «неглупая, образованная, с большой выдержкой и в то же время добрая». По личной инициативе А. И. Пантелеева в Иркутске был сооружен памятник императору Александру III и создана знаменитая иркутская набережная.

6 мая 1903 г. А. И. Пантелеев был назначен членом Государственного совета по департаменту промышленности, науки и торговли. Работал в составе особого совещания для рассмотрения дополнений к узаконениям о Государственной Думе. 28 марта 1904 г. был пожалован чином генерала от инфантерии. В 1905 г. произведен в генерал-адъютанты. 15 июня 1906 г. награжден орденом Святого Александра Невского.

В 1907 г. А. И. Пантелеев откомандирован в Московский и Казанский военный округ для производства расследований. В августе 1907 г. – в Омский военный округ, Иркутский и Приамурский военные

округа для обозрения военного и гражданского управления. Был в Харбине, где вручал знамена. В 1908 г. направлен в Омский военный округ, а в мае 1908 г. – в Виленский военный округ для производства расследований. В 1909 г. начал председательствовать в совете Дома призрения и ремесленного образования бедных детей. Член финансового комитета Государственного совета в течение трех лет. В 1913 г. был награжден орденом Святого Владимира.

Умер А. И. Пантелеев после 1913 г.

Кутайсов Павел Ипполитович (1837–1911). Представитель графского рода Кутайсовых. Генерал от инфантерии, участник Крымской войны и покорения Кавказа, бывший военный агент в Лондоне, в 1873–1880 гг. – нижегородский губернатор, с 1896 г. – сенатор. В период 1903–1905 гг. исполнял должность Иркутского военного генерал-губернатора. По поручению императора Николая II разрабатывал проект по учреждению земств в Сибири. По мнению иркутян, П. И. Кутайсов дорожил общественным мнением, возможно, поэтому «во многих отношениях оказался покладистее, чем Пантелеев, не говоря уже о Горемыкине». После отставки был членом Государственного совета.

Селиванов Андрей Николаевич (1847 – после 1914). Родился 5 августа 1847 г. Окончил Александровский сиротский кадетский корпус, затем Михайловское артиллерийское училище.

На службу А. Н. Селиванов поступил 25 августа 1863 г. – в 14-ю артиллерийскую бригаду. В течение года командовал батареей. 8 августа 1866 г. произведен в чин подпоручика, 5 декабря 1870 г. – поручика, 29 сентября 1873 г. – штабс-капитана. 26 декабря 1877 г. А. Н. Селиванов окончил Академию Генерального штаба по 1-му разряду и был произведен в чин капитана.

А. Н. Селиванов стал участником боевых действий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 27 апреля 1878 г. по 24 марта 1880 г. занимал должность старшего адъютанта штаба 12-й кавалерийской дивизии, с 24 марта 1880 г. по 6 октября 1884 г. – штаб-офицера для особых поручений при штабе 12-го армейского корпуса. 30 августа 1880 г. произведен в чин подполковника, 30 августа 1883 г. – полковника. С 6 октября 1884 г. по 7 мая 1885 г. А. Н. Селиванов занимал должность штаб-офицера для поручений при штабе Киевского военного округа, с 7 мая 1885 г. по 18 января 1887 г. – штаб-офицера Генерального штаба. С 18 января 1887 г. по 4 сентября 1889 г. был делопроизводителем канцелярии мобилизационного комитета Главного

штаба. С 4 сентября 1889 г. по 24 февраля 1893 г. – начальник штаба 8-й кавалерийской дивизии. С 24 февраля 1893 г. по 30 июня 1895 г. – командир 3-го Донского пехотного полка. 30 июня 1895 г. пожалован чином генерал-майора.

С 10 марта 1899 г. по 4 июля 1901 г. А. Н. Селиванов находился на должности начальника штаба Приамурского военного округа. 31 января 1901 г. ему было присвоено очередное воинское звание генерал-лейтенанта. С 4 июля 1901 г. по 24 декабря 1903 г. занимал должность начальника 16-й пехотной дивизии, с 24 декабря 1903 г. по 23 октября 1904 г. – начальника 13-й пехотной дивизии.

А. Н. Селиванов принимал участие в Русско-японской войне в качестве начальника 37-й пехотной дивизии – с 23 октября 1904 г. по 18 августа 1905 г. За участие в боевых действиях в 1906 г. он был награжден золотым оружием и орденом Святого Владимира 2-й степени. С 18 августа 1905 г. по 25 апреля 1906 г. А. Н. Селиванов был командиром 2-го сводного стрелкового корпуса.

С 25 апреля 1906 г. по 13 июля 1910 г. А. Н. Селиванов занимал должность иркутского генерал-губернатора и командующего войсками Иркутского военного округа и войскового наказного атамана Забайкальского казачьего войска. 6 декабря 1907 г. он был пожалован чином генерала от инфантерии.

13 июля 1910 г. А. Н. Селиванов назначен членом Государственного совета. Во время Первой мировой войны командовал 2-й армией. Член Военного совета.

Умер А. Н. Селиванов после 1914 г.

Белецкий Степан Петрович (1872–1918). Единственный из сибирских генерал-губернаторов недворянского происхождения – выходец из мещан. Окончил в 1914 г. юридический факультет Киевского университета. Служил в канцелярии киевского генерал-губернатора, впоследствии был одним из организаторов политического сыска в России. С января 1914 г. – сенатор 1-го департамента Сената (занимался надзором за местным управлением в стране). Из карьерных соображений сблизился с Г. Е. Распутиным. В феврале 1916 г. назначен иркутским генерал-губернатором, но на место службы выехать не успел, потому как в марте был уволен. После Февральской революции был арестован, содержался в Петропавловской крепости. Расстрелян 5 сентября 1918 г.

Научное издание

Дамешек Лев Михайлович
Дамешек Ирина Львовна
Перцева Тамара Алексеевна

**СИБИРСКИЕ РЕФОРМЫ
М. М. СПЕРАНСКОГО 1822 г.:
ОПЫТ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНТЕРЕСОВ ЦЕНТРА И РЕГИОНА**

ISBN 978-5-9624-1450-8

Редактор *В. В. Попова*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2017. Поз. 11.
Подписано в печать 10.03.2017. Формат 60х90 1/16.
Уч.-изд. л. 18,6. Усл. печ. л. 21,5. Тираж 100 экз. Заказ 31

Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36
Тел.: 24-14-36